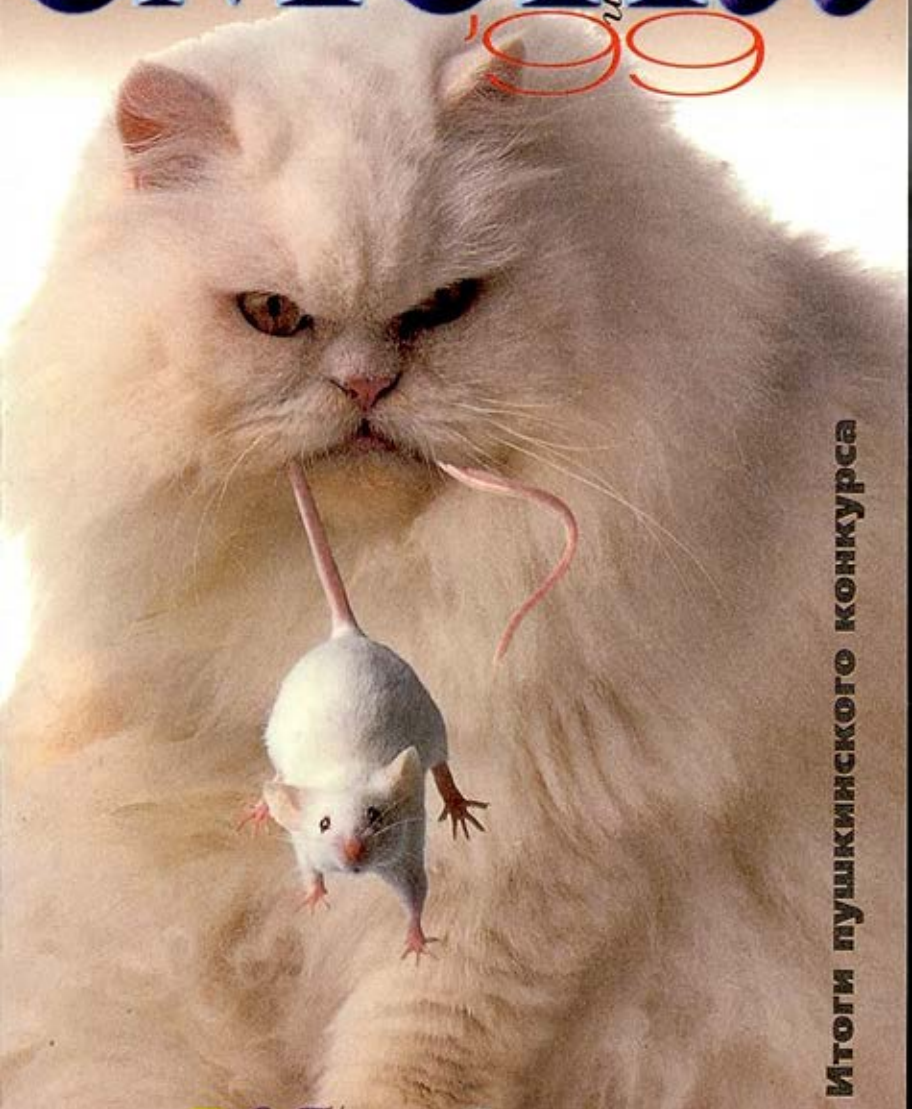

СМЕНА

ИЮНЬ

Итоги пушкинского конкурса

■ В. Прунин **Высшая мера** ■

СОВРЕМЕННОМУ МОТОРУ

МАСЛО

ЛУКОЙЛ

моторное масло
ЛУКОЙЛ
СУПЕР
АВТО
SAE 5W40 API SG/CD **5**

Главный редактор*Михаил Кизилев***Редколлегия:**

зам. главного редактора

*Борис Данюшевский**Николай Левинев*

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

*Виталий Федоров*редактор отдела
литературы и искусства*Шамара Чинина*

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

июнь (1616)

Сдано в набор 21.4.99

Подписано к печати 12.5.99

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Заказ № 1092

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.**250-29-39** — отдел реализации.**Факс (095) 250-59-28.****E-mail: smena@sonnet.ru**

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение:

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал выходит**12 раз в год.**

© "Смена", 1999.

94 *Фредерик Рэфэл*
**ЧЕТЫРЕ НОВЕЛЛЫ
 О ЛЮБВИ**

132 *Виктор Тронин*
ВЫСШАЯ МЕРА
 Детектив

24 *Наталья Коноплева*
**БЛЕСК И НИЩЕТА
 ВУНДЕРКИНДОВ**

32 *Игорь Гамаюнов*
12 НЕЗАВИСИМЫХ

48 *Светлана
 Бестужева-Лада*
**ПУГАННАЯ ВОРОНА
 И КУСТА БОИТСЯ**

62 *Леонид Шаров*
**ЖИЛ-БЫЛ
 МОШЕННИК**

78 *Ольга Морозова*
ВОСКОВОЙ НАРОД

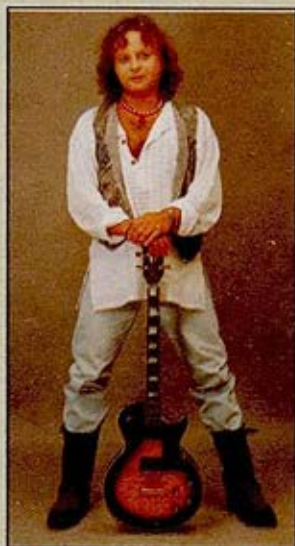
июнь '99

6

В НОМЕРЕ:

стр. 78

стр. 88

4 *Любовь Русева*
**ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ
И ПОСЛЕДНИЙ**

22 *Итоги конкурса*
**"ПУШКИН — ЭТО
НАШЕ ВСЁ"**

44 *Светлана Окунева*
**ЗА "БЕДНУЮ САШУ"
НЕ СТЫДНО**

88 *Виктор Зинчук:*
**"МУЗЫКУ ПИШУ
ТОЛЬКО НА ЯСНУЮ
ГОЛОВУ"**

106 *Алексей
Вышеславцев*
ДЖОТТО

122 *Александр Крауцов*
**ЗВЕЗДА
С ШАЛЯПИНСКОГО
НЕБОСВОДА**

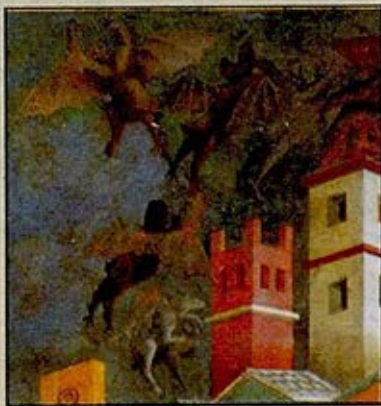
76 *Николай Дмитриев*

Михаэль Барак
АВАНТЮРИСТ

... Выкрасть у немцев уникальную шифровальную машину "Энигма" — такое задание получает от британской спецслужбы искатель приключений барон Френсис де Бельвуар. Что стояло за этим поручением и как барону при выполнении задания удается выпутаться из невероятно сложных ситуаций, вы узнаете, прочитав увлекательный остросюжетный роман, в основе которого — подлинные события времен Второй мировой войны.

*Максим Борисов,
Михаил Визель*
**ЧТО ТАКОЕ
ИНТЕРНЕТ**

Может, это сейчас покажется невероятным, но вовсе не исключено, что в будущем весь XX век будет ассоциироваться вовсе не с мировыми войнами и даже не с первыми полетами в космос. XX век будет вспоминаться как эпоха зарождения сети Интернет — к такому парадоксальному выводу приходят авторы насыщенного интереснейшей информацией очерка.

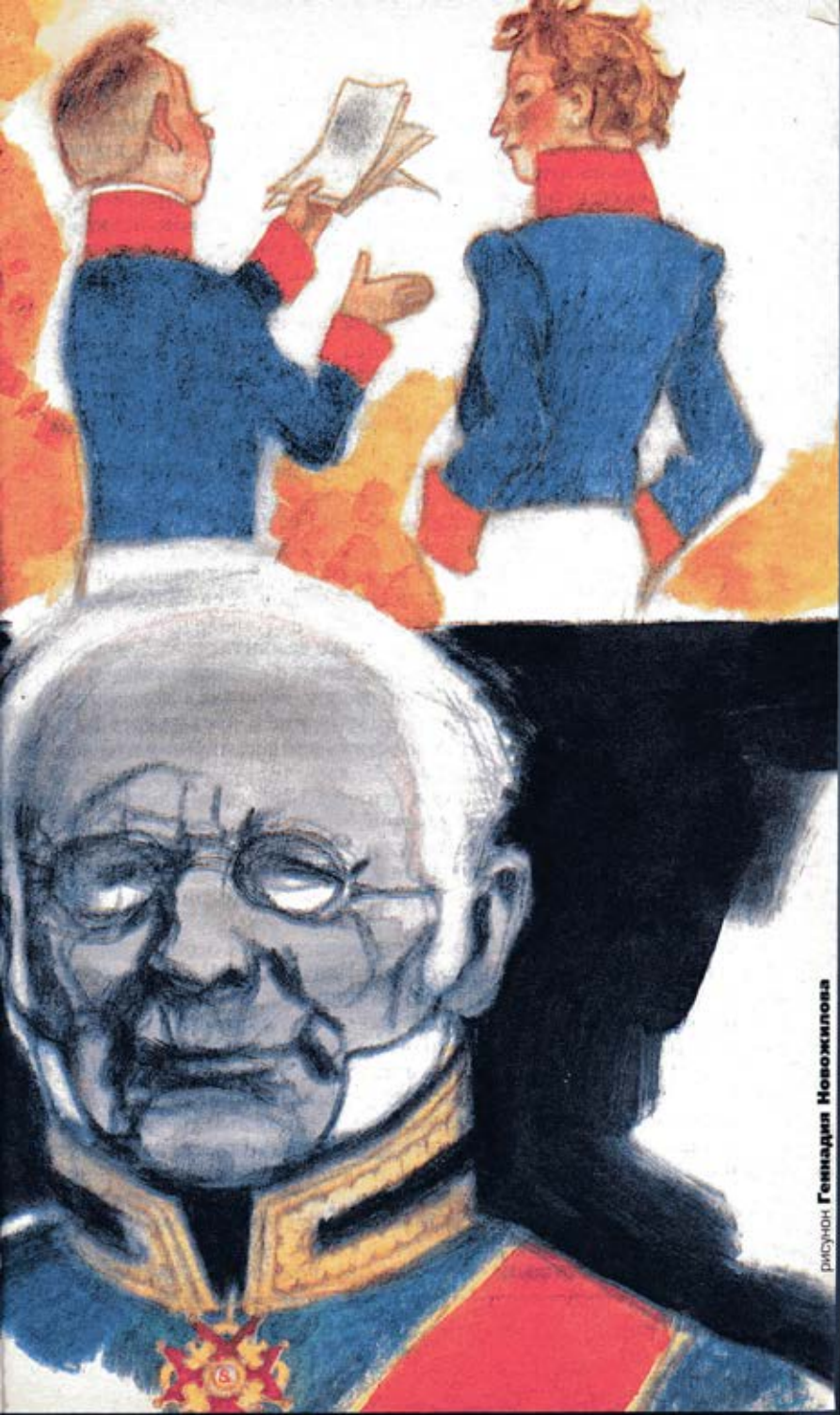
стр. 106

Любовь РУСЕВА

ОДИН
ИЗ ПЕРВЫХ
И ПОСЛЕДНИЙ

4 *Издаека*

В богатой гостиной дома графа Бобринского находилось двое юношей. Один, одетый с изысканным вкусом, чувствовал себя здесь хозяином и молча читал рукопись друга. Другой лукаво на него поглядывал и ухмылялся. По мере чтения красивое лицо первого все более хмурилось, а выразительные карие глаза становились непроницаемыми, что было видно даже сквозь очки. Автор перестал улыбаться и заерзал в кресле. Дочитав последнюю страницу, "хозяин" встал, подошел к камину и бросил рукопись в огонь.

— Саша! — только и вскрикнул опешивший гость, глядя на охваченные пламенем листы.

— Александр, — произнес Горчаков, оборачиваясь к своему лицейскому другу Пушкину, — это недостойно твоего имени.

Поэт молча смотрел на догоравшие листки. Затем поднял взгляд на товарища и молвил:

— Ты, Горчаков, как всегда прав. Свет не увидит моего "Монаха".

— Сия поэма, Саша, могла бы оставить пятно на твоей памяти.

Это был не единственный случай, когда Александр Горчаков, прочтя какое-нибудь стихотворение Пушкина скабрёзного содержания, сдержанно бросал:

— Это недостойно твоего прекрасного таланта.

И Александр Сергеевич разрывал листки с написанным.

В старости Александр Михайлович Горчаков напишет: "Славного лицеиста, нашего поэта Пушкина я весьма любил и был взаимно им любим. С удовольствием вспоминаю, что имел на него некоторое влияние..."

Александр Горчаков родился 4 июня 1798 года. Род Горчаковых происходил от Рюриковичей, чьи представители занимали высшие должности на государственной службе. У генерал-майора Михаила Алексеевича и Елены Васильевны (урожденной баронессы Ферзен) кроме сына Александра было четыре дочери.

Семья Горчаковых с давних пор пользовалась особым расположением графа Бобринского, сына Екатерины II и Григория Орлова. Приезжая в Петербург, Горчаковы останавливались именно в доме графа. Александр жил у него и при поступлении в лицей, и во время учебы, и по его окончании.

19 октября 1811 года вошло в историю русской культуры и русского образования как день открытия императорского Лицея. Первый выпуск известен как пушкинский. Вместе с будущим создателем русского литературного языка Александром Сергеевичем Пушкиным в первом наборе были будущие декабристы Пущин, Кюхельбекер и Вольховский, поэт и журналист Дельвиг, композитор Яковлев, мореплавател и землепроходец Матюшкин, дипломат Горчаков. Последний сразу же обратил на себя внимание как преподавателей, так и лицеистов.

“Еще я вглядывался в Горчакова, — писал в воспоминаниях И.И.Пуцин, — который был тогда необыкновенно милостив”.

Александр обладал не только необыкновенно красивой внешностью, его отличала врожденная грация, прекрасные манеры и сильно развитое чувство собственного достоинства. Внутреннее и внешнее благородство и незаурядный ум привлекали к нему многих, в том числе и Александра Пушкина. В первый же год учебы будущий гений русской литературы записал в альбом Горчакова: “Вы пишете токмо для вашего удовольствия, а я, который вас искренно люблю, пишу, чтоб вам сие сказать. А.Пушкин”.

Адонисом назвал Горчакова профессор Кошанский: “Князь Александр Горчаков, — характеризовал он своего любимого ученика, — один из тех немногих питомцев, кои соединяют в себе все способности в высшей степени: особенно заметна в нем быстрая понятливость, объемлющая вдруг и правила и примеры, которые, соединяясь в нем с чрезмерным соревнованием, прилежанием, особенно с каким-то благородно-сильным честолюбием, превышающим его лета, открывают быстроту разума и некоторые черты гения — но сии способности, развиваясь быстро, сильными порывами вредят здоровью. Успехи его чрезвычайны”.

Александр учился с утра до вечера и стал “первым в группе превосходных”. Юноша был крайне честолюбив и с первых же дней в Лицее готовил себя к государственной деятельности. Наставники и друзья-лицейсты не сомневались в блестящем будущем Горчакова, что отразил Пушкин в своих посланиях.

*Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу,
Или богатства, громких дней,
Крестов, алмазных звезд, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлечен был в путь кровавый,
Чтоб в лаврах и венцах сиял,
Чтоб в битвах гром из рук метал
И чтоб победа за тобою,
Как древле Невскому герою,
Всегда, везде летала вслед?..*

Избрав для своего поприща дипломатическую деятельность, Александр не только беспрепятственно учился, но и серьезно работал над собой, шлифовал характер, постепенно избавлялся от недостатков и тех черт, которые были не совместимы с обликом и психологией дипломата. В 1812 году в “Лицейском журнале” записано о нем следующее: “...Крайняя чувствительность причиняла ему прежде много страданий, но теперь она

вошла в пределы умеренности; он начинает сносить ее со свойственным ему великодушием...”

Горчаков усиленно занимается иностранными языками. “Заблаговременно теперь стараюсь записаться языками, — писал он своему дяде Пещурову. — Русский, французский и немецкий я довольно хорошо знаю; в английском сделал хорошие начала и надеюсь нынешнее лето усовершенствоваться в оном...” Изучает он и итальянский язык.

Наконец закончилась лицейская жизнь, сданы экзамены. “Примерное благонравие, прилежание и отличные успехи по всем частям наук, которые оказывали Вы во время шестилетнего пребывания в императорском Лицее, — писалось в похвальном листе, — сделали Вас достойным получения золотой медали, которая и дана Вам с высочайшего его императорского величества утверждения. Да будет Вам сей первый знак отличия, который получаете Вы при вступлении Вашем в общество граждан, знаком, что достоинство всегда признается и награду свою получает, да послужит Вам всегдашним поощрением к ревностному исполнению обязанностей Ваших к государству и отечеству”.

Горчаков и Пушкин направляются для службы в коллегии иностранных дел, но карьера их складывается совершенно различно. Александр Михайлович все время и силы отдает службе, Пушкин же тяготится ею и ведет довольно рассеянный образ жизни. Горчаков пытался образумить друга, на что поэт отвечает ему:

*Питомец мод, большого света друг,
Обычаев блестящий наблюдатель,
Ты мне велишь оставить мирный круг,
Где, красоты беспечный обожатель,
Я провожу незнаемый досуг.*

Выбором дипломатической карьеры князь обязан дяде — сенатору Алексею Никитичу Пещурову; тот отдает любимого племянника под опеку дипломата графа Каподистрия, с которым был в родстве. Уроженец острова Корфу граф Иван Антонович Каподистрия, окончив курс философии и медицины в национальном университете, поступил на дипломатическую службу статс-секретарем по иностранным делам Республики Ионических островов. Через шесть лет граф переходит на службу в Россию, где причисляется к коллегии иностранных дел. За год до нашествия Наполеона он назначается секретарем русского посольства в Вене, затем ему поручается выработать проект устройства Бессарабии, которая была присоединена к империи.

На Венском конгрессе особо проявляется блестящий талант дипломата Каподистрия. Император посылает его в Швейцарию с поручением привлечь ее к союзу против Бонапарта. Полный успех этой дипломатической миссии и отли-

чие на Венском конгрессе обеспечили графу быструю карьеру — в 1816 году Иван Антонович становится министром иностранных дел России. На этом посту он все силы свои направляет на укрепление союза между Францией и Россией и предлагает большие старания, чтобы удержать императора Александра I от увлечения идеями Священного Союза. Защищая интересы России в Европе, Каподистрия приобрел очень могущественного врага в лице канцлера Австрии Меттерниха и его русского пособника, ставшего министром иностранных дел России, — Нессельроде. Интриги этих двух лиц привели к тому, что Иван Антонович вынужден был уехать в Швейцарию в бессрочный отпуск. В 1827 году Каподистрия получает отставку.

В это время шла война за освобождение Греции. Еще до Наваринского сражения, 11 апреля 1827 года, народное собрание в Трезене избирает графа Каподистрия первым президентом Греческой республики сроком на 7 лет. Но графу не удалось прослужить на этом посту назначенные семь лет — 9 октября 1831 года избранный народом президент Греческой республики был убит. Так трагически в возрасте 53 лет оборвалась жизнь русского министра иностранных дел и президента Греческой республики.

Карьера Горчакова началась в 19 лет в чине титулярного советника. Такое блестящее начало вызывало у многих чувство зависти. Покровительство графа Каподистрия отрицательно отразилось на карьере начинающего дипломата, так как вместе со знаниями и опытом он унаследовал и врагов своего наставника — Меттерниха и Нессельроде.

Молодому дипломату, трудолюбивому и способному, однако, симпатизировал Александр I, и, вопреки Нессельроде, Александр Михайлович был пожалован званием камер-юнкера. Император включил Горчакова в свою свиту, и он принимал участие в конгрессах Священного Союза в Лайбахе, Троппау и Вероне. Уже в это время Горчаков выделялся своими способностями, неутомимым трудолюбием и широтой кругозора. Все это способствовало тому, что Александр I еще более благосклонно стал относиться к князю. Именно в это время был решен вопрос о его дипломатической заграничной деятельности — Александр I направляет князя в Лондон секретарем русского посольства.

В сентябре 1820 года Горчаков уезжает на очередной конгресс Священного Союза. Перед отъездом он отправился проститься с Пушкиным. Но поэт болел, и к нему никого не впускали, — так и уехал, не попрощавшись с лицейским другом.

Пока Горчаков постигал тайны английской дипломатии в Лондоне, Александр Сергеевич был сослан в Михайловское. В это тяжелое для поэта время на помощь ему пришел Алексей Никитич Пещуров, живший тогда в Псковской губернии. К

Александр Сергеевичу приставили полицейского, который должен был следить, чтобы он не написал ничего предосудительного. Из любви к поэту и в знак дружбы его с племянником Пещуров обратился к рижскому генерал-губернатору маркизу Пауллуччи с просьбой снять полицейское наблюдение и передать Пушкина ему на попечение. Сенатор пообещал, что поэт ничего "предосудительного" не напишет. Александр Сергеевич вздохнул свободнее.

Находясь в одиночестве, Пушкин тосковал, поэтому каждый приезд друзей был для него радостным событием. После визита Ивана Пущина поэт пишет ему послание, в котором есть следующие строки:

*Скажи, куда девались годы?
Скажи, что наши? Где друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где Горчаков? Где ты? Где я?*

Князь Горчаков был одним из тех немногих друзей Пушкина, кто привлекал к себе его внимание. К личности и судьбе лицейского друга он постоянно мысленно возвращается, что отразилось в многочисленных поэтических строках. Работая над своими гениальными произведениями, Александр Сергеевич неоднократно рисовал профиль друга на полях черновиков ("Наполеон", "Андрей Шенье", VIII глава "Евгения Онегина")...

Зима 1825 года. В комнате на диване полулежал Александр Михайлович, погруженный в чтение. Его по-женски красивое лицо было бледным, испарина и затрудненное дыхание свидетельствовали о болезни. Горчаков возвращался из немецкого городка Спа, где проводил отпуск, по пути в Петербург заехал навестить своего дядю в его родовом имении Лямоновское Псковской губернии и в дороге простудился.

— Саша, Саша! Ты посмотри, кто к тебе! — войдя в комнату, возбужденно сказал Алексей Никитич. Больше он не успел ничего сказать — как в комнату вихрем влетел взъерошенный гость.

— Саша! Пушкин! — радостно воскликнул больной и закашлялся.

Друзья обнялись и расцеловались. Некоторое время слезы мешали говорить.

— А я вдруг узнаю в своем одиночном заточении, что ты по соседству и болен. И вот я здесь.

— Наши лицейские друзья писали мне о тебе, я в курсе... Но как ты, Пушкин, здесь? Рассказывай!

— Благодаря Алексею Никитичу легче, а то свет был бы не мил.

— Да, до такого варварства додуматься надо было, чтобы к гордости и славе российской приставить полицейского чиновника.

Целый день Пушкин провел с Горчаковым. Сидя у постели больного, он читал ему отрывки из "Бориса Годунова". Прослушав сцену между Пименом и Григорием, Горчаков сказал другу:

— Саша, здесь есть несколько стихов, в коих говорится о слюнях. В сем проглядывает какая-то изысканная грубость. Такая искусственная тривиальность довольно неприятно отделяется от общего тона и слога, коими писана сцена.

Пушкин удивленно посмотрел на друга.

— Вычеркни, братец, эти слюни, — продолжил Горчаков. — Ну к чему оне тут?

— А посмотри у Шекспира — и не такие еще выражения попадаются, — возразил поэт.

— Да, но Шекспир жил не в девятнадцатом веке и говорил языком своего времени, — заметил князь.

Александр Сергеевич задумался.

— Ты прав, Саша. Я переделаю сию сцену.

Поэт отметил встречу в Лямоновском в стихотворении "19 октября":

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,

Хвала тебе — фортуны блеск холодный

Не изменил души твоей свободной:

Все тот же ты для чести и друзей.

Нам разный путь судьбой назначен строгой;

Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:

Но невзначай проселочной дорогой

Мы встретились и братски обнялись.

14 декабря 1825 года князь Горчаков находился в Петербурге. Не подозревая, что в столице началось восстание, он, в чулках, сильно напудренный, в карете отправляется из дома графа Бобринского в Зимний дворец для принесения присяги новому императору. На площади перед дворцом Александр Михайлович увидел толпы народа и солдат, но не обратил на них особого внимания и только во дворце узнал о случившемся.

Горчаков знал о существовании тайных обществ, куда его пытались привлечь лицейские друзья.

— Питомцам Лицея, основанного императором Александром Павловичем, не подобает ни прямо, ни косвенно идти против августейшего основателя того заведения, которому мы всем обязаны, — был ответ дипломата. — Я твердо убежден, что благие цели никогда не достигаются тайными происками.

Не разделяя политических воззрений декабристов, Александр Михайлович в то же время оставался верным дружбе. Его особенную преданность людям, которых он ценил и уважал, отмечали все современники.

Вечером в день восстания начались аресты. 15 декабря Пушкин оставался еще на свободе. Утром к нему явился Горчаков.

— Иван, вот заграничный паспорт. Ты должен ехать немедленно, сию минуту. Сейчас я доставлю тебя на иностранный корабль, который готов к отплытию.

Пушкин отказался.

Император Николай I не простил дипломату, что тот знал о заговоре и не донес. Образованное III Отделение взяло на учет, все просвещенное дворянство. Попал в списки и Александр Михайлович: “Князь Горчаков не без способностей, но не любит Россию”, — записано в его личной карточке. Позже, когда Горчаков был назначен министром иностранных дел, один из вельмож воскликнул:

— Как можно делать министром человека, знавшего о заговоре 1825 года!

При Николае I в правительстве большую роль стали играть немцы. Огромной властью пользовался Нессельроде, о котором современники говорили, что у него нет ни отечества, ни родного языка; отец немецкий авантюрист, мать — неведомо кто, в Берлине воспитан, в России живет. “Нессельроде не любил Горчакова, — писал П.В. Долгоруков, — за русское знатное имя, за русские чувства, за отсутствие искательства в начальстве и в сильных людях”. В этом плане Александр Михайлович был от природы наделен “хребтом весьма негибким”. Естественно, что при новом императоре Нессельроде еще больше вредил дипломату.

Но не только министр и события на Сенатской площади вызвали у царя недоверие и нелюбовь к Горчакову: руку к этому приложил и Бенкендорф. В 1835 году в Вену вместе с императором прибыл и его всемогущий фаворит. Горчаков в качестве старшего советника посольства должен был явиться к временщику. Бенкендорф не пригласил дипломата сесть и, бросив несколько холодных фраз, сказал:

— Потрудитесь заказать хозяину отеля на сегодняшний день мне обед.

Горчаков, не говоря ни слова, подошел к колокольчику и вызвал метрдотеля гостиницы.

— Что это значит? — сердито спросил Бенкендорф.

— Ничего более, граф, как то, что с заказом об обеде вы можете сами обратиться к метрдотелю гостиницы.

“Этот ответ, — вспоминал позже Александр Михайлович, — составил для меня в глазах всемогущего тогда графа Бенкендорфа репутацию либерала”. Временщик сделался врагом дипломата, и в конце концов вместе с Нессельроде добился того, что Александр Михайлович подает в отставку, которая была тотчас принята...

*Скажите мне: какой певец,
Горя восторгом умиленным,
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным*

*Ее небесные черты?
Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?..*

Эти строки Александр Сергеевич Пушкин посвятил знаменитой красавице княжне Урусовой. Марию Александровну отличали не только удивительная красота, но добродетель и образованность. Многие мужчины теряли голову из-за Урусовой, многие блестящие женихи искали ее руки. Пушкин испытывал к княжне длительное восторженное чувство и посвятил ей немало поэтических строк. Мария Александровна глубоко переживала гибель поэта, она составляла сводку о последних днях жизни Александра Сергеевича.

В 1838 году в жизни Горчакова произошла большая перемена: 17 июля он женился на Марии Александровне — вдове гофмейстера графа Мусина-Пушкина. “Заря моего счастья” — назвал Александр Михайлович этот брак. Марии Александровне в ту пору исполнилось тридцать семь лет, у нее было трое взрослых детей: дочь, почти невеста, старший сын — студент, младший — ученик.

15 лет длилась семейная идиллия. На протяжении этого периода счастливый Горчаков, влюбленный, как мальчишка, часто декламировал строки, написанные его другом Пушкиным и посвященные его жене:

*Не веровал я троице до ныне:
Мне бог тройной казался все мудрен;
Но вижу вас и, верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.*

В 1853 году князя настиг удар — Мария Александровна скончалась. Горчаков, всю жизнь страстно любивший только одну женщину — свою жену, убитый горем, писал другу: “Стражду телом и духом”.

Заглушить страдания Горчакову помогла тревога за горячо любимое отечество — Меншиков, тогдашний посол России в Турции, выехал из Константинополя, что означало начало войны. Вскоре русские войска перешли границу у реки Прут с тем, чтобы временно занять дунайские княжества (Молдавию и Валахию). Мотивировка — неоднократное нарушение султаном договоров между Россией и Турцией. В ответ на эти действия 4 октября 1853 года Порты объявила России войну.

В этом же году при Синопе был разгромлен турецкий флот, в результате чего российский флот стал полным хозяином на Черном море. Англия и Франция забили тревогу и в начале января вводят в воды Черного моря объединенный флот. 27 и 28 марта 1854 года эти державы объявили России “большую войну”, которая приняла почти всеевропейский характер. Военные действия начались сразу в нескольких местах: на Дунае, в Закавказье, на Балтийском и Белом морях, на побережье Камчатки. Европа стремилась расчленить Российскую империю.

Лакомый кусок (придунайские княжества) пожелала получить и союзная Австрия, войска которой сосредоточились на нашей границе.

Именно в эти критические минуты для отечества Горчаков получил назначение в Вену. Почти сразу по прибытии в столицу Австрии Горчакова приглашает к себе Франц-Иосиф. Император принял его милостиво и благосклонно. Три часа продолжалась беседа. Князь видел, что Франц-Иосиф, в отличие от его правительства, которое всецело было на стороне врагов России, еще колебался. Именно этим колебанием и воспользовался дипломат.

— Государь, — сказал Горчаков, — я в полнейшем восторге от вашего приема и вашего внимания ко мне, и как жаль, что не далее как через два дня я должен буду вас покинуть и возвратиться в отечество.

— Как так? — встревожился августейший собеседник.

— Да, Ваше Величество, я имею положительное приказание не медлить ни единого часа, как скоро хотя один солдат Вашего Величества перейдет границу и вступит в княжества Молдавии и Валахии, — немедленно выехать из Вены и прервать сношения нашего двора с правительством Вашего Величества. Мне известно, что Ваше Величество послали уже повеление генералу К., дабы тот перешел границу.

Император смутился. Некоторое время в глубокой задумчивости он ходил по кабинету.

— Князь Горчаков! — подойдя к дипломату и положив руки на его плечи, сказал Франц-Иосиф. — Прежде чем вы дойдете до дому, генерал К. получит повеление мое не переходить границу.

Австрийский император сдержал свое слово, а русский император не разгневался на Горчакова за его вымысел насчет приказа покинуть Австрию. “Император Николай Павлович был в высшей степени доволен услугою отечеству и ему, мною оказанной, и тогда же повелел прислать мне ленту и звезду Александра Невского. Но Нессельроде не исполнил высочайшего повеления, и я получил этот орден только семь месяцев спустя”, — писал потом Горчаков.

Крымская война обернулась политическим и экономическим крахом для России. 30 марта 1856 года в Париже был подписан мирный договор. Горчаков отказался участвовать в заключении этого позорного и унижительного трактата, который уничтожал национальное достоинство нашего отечества. Отказ Александра Михайловича подписать парижский трактат увеличил его популярность и авторитет. Император Александр II призвал Горчакова в Петербург и, осыпая знаками внимания и благоволения, попросил принять портфель министра иностранных дел.

— Государь, прошу простить меня, но я не могу согласиться на сие назначение, — твердо заявил князь. — В настоящее труд-

ное время, пламенно любя отечество, я чувствую себя слишком слабым, чтобы занять предлагаемое место.

— Неужели вы думаете, князь, что я менее люблю Россию, чем вы, и менее желаю ей добра? Но я нуждаюсь в помощи, в хороших советниках. Помогите мне. Исполните мою просьбу.

Горчаков уступил. Император подошел к дипломату и обнял его.

— Благодарю тебя, Александр Михайлович.

— Государь, возложите на меня собственноручно крест!

Александр удивленно взглянул на Горчакова. Тень неудовольствия пробежала по его лицу.

— Какой крест?! — воскликнул император.

— Не звезды прошу я у вас, а крест, буквально — крест. Ваше Величество, снимите с одного из образов ваших крест и возложите на меня. Да дарует он мне силы к поднятию того креста великих трудностей, которые вы возлагаете на меня с обязанностью министра иностранных дел.

Лицо императора просветлело, он ушел в соседнюю комнату и вынес оттуда небольшой серебряный крестик, который и возложил на нового министра.

— Прими это, князь. Этот крест всюду меня сопровождал. Да укрепятся твои силы.

Друзья Александра Михайловича восторженно встретили его назначение, рассматривая это как большое событие в жизни государства. "... Более чем когда-либо вы — человек необходимый, человек незаменимый для страны... — писал один из самых близких его друзей, поэт и дипломат Тютчев. — Но что действительно тревожно, что плачевно выше всякого выражения, — это глубокое нравственное растрепанье среды, которая окружает у нас правительство и которая неизбежно тяготеет также над вами, над вашими лучшими побуждениями".

Действительно, назначение Горчакова вызвало целую бурю в придворных кругах. С падением Нессельроде ушло в прошлое немецкое влияние на внешнюю политику России. Немецкая партия во главе с бывшим министром начала целую кампанию против Горчакова, не пренебрегая низменной клеветой.

Первый же циркуляр нового министра, названный "доктриной Горчакова", сыграл в обществе роль разорвавшейся бомбы, а слова из него: "Говорят, что Россия сердится, нет, Россия не сердится — Россия сосредотачивается" — стали крылатыми. Это был основополагающий принцип новой политики. Второй принцип внешнеполитического курса Горчакова сводился к тому, что Россия не намерена жертвовать своими интересами для поддержания принципов Священного Союза. В депешах Александра Михайловича стало употребляться выражение: "Государь и Россия". До этого для Европы существовало только одно применительно к России — "император".

Горчаков, как и его бывший наставник Каподистрия, был сторонником сближения с Францией, считая, что такой союз обоюдно выгоден. Но время для этого еще не настало.

— Мы должны быть терпеливы, — говорил он своему другу и помощнику Жомини, — как роженица, которая в муках рождает новую жизнь. Будем наблюдать, пока в европейском концерте не запоет нужная нам скрипка. Моя главная цель — иметь Францию в друзьях! Но... красные штаны французов, щеголявших в Ялте и Балаклаве, — это, согласитесь, слишком вызывающая картина. Государь связан семейными узами с Берлином, и я должен учитывать растущее влияние Пруссии на весах политической игры... Я слышу тихий шорох: это время работает на Россию! А когда волны Севастопольской бухты смоют из памяти народа грязное пятно Парижского трактата, я смогу повторить слова Пушкина, завещанные им мне в пору нашей лицейской молодости: “Ты сотворен для сладостной свободы, для радости, для славы, для любви...”

В 1859 году в Россию приезжает новый прусский посланник — будущий объединитель Германии и великий канцлер — Бисмарк. Но сейчас это только начинающий дипломат, который ищет дружбы с Горчаковым, просит его быть наставником и учителем. В личных отношениях между ними установилась дружба, в политике — холодный расчет.

Через три года этот выдающийся ученик русского министра станет первым министром Пруссии. Объединение Германии “железом и кровью” он начнет с войны против Дании, которая потерпит поражение. Вслед за этим Бисмарк спровоцирует австро-прусскую войну. Очередь настала за Францией. “Я поведу немцев на Париж и там объединю их”, — заявил “железный” канцлер.

Тревогу по поводу экспансии Пруссии высказал Горчакову Федор Иванович Тютчев.

— Когда я был проездом в Дюссельдорфе, немцы уверяли меня, что им нужны три войны: с Австрией, чтобы выбить ее из Германского союза, с Францией, чтобы ослабить ее, и, наконец... с Россией, чтобы отбросить нас дальше от Европы.

— Я это знаю, — невозмутимо произнес Горчаков, — но политика не терпит сентиментальности. Сейчас все эти бисмарки и мольтке, хотят они того или не хотят, льют воду на русскую мельницу... Парадокс, однако, так: стремясь к Парижу, немцы косвенно помогают России возродить Черноморский флот. Мы остановим Пруссию, когда наш флот вернется в гавань Севастополя...

Пока “железный” канцлер объединял Германию, русский министр “сосредотачивал” Россию и подымал ее авторитет на международной арене.

Горчаков был твердым сторонником установления тесных связей с США. Он оказал значительную услугу этому государству во время гражданской войны: Россия отклонила предло-

жение Франции о вмешательстве трех государств в пользу мятежного юга.

— Россия заинтересована в примирении Севера и Юга и сохранении единства Соединенных Штатов, — заявил министр иностранных дел.

Ему удалось предотвратить англо-французскую интервенцию в 1863 году: к берегам Америки были посланы две русские эскадры. Линкольн выразил свою признательность Горчакову за его позицию в отношении США.

Будучи самым близким и доверенным лицом императора, Горчаков принимает активное участие и во внутривластной жизни страны. Блестящий дипломат, по натуре своей актер на политической сцене, он иногда устраивал любопытные представления.

Как-то Горчаков получил одновременно две бумаги: просьбу раскольников церкви принять их депутацию и просьбу английского посла назначить ему час для объяснений. Князь назначил для них аудиенцию на одно и то же время. Ровно в два часа он вышел к депутатам.

— Господа, — торжественно начал Горчаков, — государь милостиво примет вас. Чувства вашей верноподданности приносят отраду его отеческому сердцу...

— Ваше сиятельство, посол Великобритании приехал и просит аудиенцию, — торопливо доложил дежурный секретарь, стремительно вбежавший в зал.

— Когда я говорю с русским народом, — высокомерным тоном прервал секретаря Горчаков, — посол Великобритании может подождать.

Министр повернулся к депутатам и еще несколько минут распространялся о том, как силен и непобедим русский царь, пользующийся любовью своих подданных.

— Господа, прошу вас подождать моего возвращения, — обратился Горчаков к беспоповцам и вышел в гостиную для приема послов.

— Господин министр, — важно обратился к нему после приветствий английский посол, — по поручению моего правительства я должен сделать заявление, что Англия из гуманности считает своим долгом вступить за жестоко преследуемых раскольников-беспоповцев.

— Господин посол, я доставлю вам удовольствие передать своему правительству сообщения, которые вы сейчас услышите от угнетенных раскольников, — с насмешливым видом ответил князь. — Прошу следовать за мной.

Посол сразу понял, с кем имеет дело — Александр Михайлович не хуже английских политиков и демагогов владел искусством политической игры в гуманность и в народность.

В день пятидесятилетия дипломатической службы Горчакова (13 июня 1867 года) ему было присвоено звание государст-

венного канцлера. В отличие от Бисмарка его прозвали “бархатным” канцлером.

В сентябре 1870 года французы потерпели сокрушительное поражение под Седаном. Настал звездный час Горчакова.

— Вот теперь, — заявил Горчаков, — когда тщеславие берлинских михелей и фрицев удовлетворено, мы сделаем то, что угодно матери-России.

Канцлер начинает решительные и далеко не “бархатные” действия. Сначала он уговаривает императора созвать экстренный совет.

— Господа, — обратился к собравшимся Горчаков, — настал благоприятный момент для уничтожения запрета, наложенного на Россию парижским трактатом... Мы должны вернуть России Черное море.

— Это — мальчишеское бахвальство! — воскликнул министр внутренних дел Тимашев. — Вы вновь обрушите на нашу голову всю Европу.

— Уверю вас, что военные действия на сей раз ограничатся депешами, — выразил уверенность канцлер.

— Я согласен, что запрет нужно снять, — заявил военный министр, — но полагаю, что в видах предосторожности совершенно необходимо, прежде чем решиться на этот шаг, предварительно снести с державами, подписавшими парижский трактат.

Милютин высказал точку зрения большинства собравшихся.

— Если действовать так, как здесь советуют, — горячился Горчаков, — то это значит отказаться от самой цели. Это значит ничего не получить, ничего не добиться. Должно просто заявить всей Европе, что Россия, по отношению к Черному морю, разрывает парижский трактат 1856 года и таковым заявлением великий факт совершится...

— Я вполне согласен с князем Горчаковым, — сказал, вставая, император.

По всему миру разошелся знаменитый циркуляр русского канцлера.

— Сейчас на вашу голову падут молнии, — предостерегает друга Жомини.

— Но я сижу под таким дубом, что мне не страшно, — ответил ему Горчаков.

Александр Михайлович был прав — дело закончилось всего лишь возмущением послов и нотами протеста их правительств.

— Англия прочла вашу ноту с ... ужасом, — начал с порога английский посол и разразился многословной речью.

— Вена прочла вашу ноту с крайним удивлением! — заявил австрийский посол.

— Ах, и только-то?.. — рассмеялся канцлер. — Лондон прочел мою ноту с ужасом, а вы вникли в нее лишь с удивлением.

Но знайте, что Россия стояла и стоять будет на Черном море ногою твердой... на века!

*Да вы сдержали ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.
И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.*

Так отозвался на события Тютчев, выразив всеобщее национальное чувство.

Осенью 1876 года русский император вместе с министрами находился в Ливадии. В это время на Балканах разгоралось пламя освободительной борьбы, в которую совсем скоро втянулась и Россия. Шла сербско-турецкая война. Как-то утром Горчаков получает сразу три депеши от консула в Белграде, в которых звучала неприкрытая тревога. Карцев сообщал, что турки идут на Сербию кровавым следом, все выжигают и уничтожают на своем пути. "Идут на Белград и непременно его займут беспрепятственно".

Министр иностранных дел тут же отдал депеши Александру II, который перед завтраком открыл по этому поводу совещание министров и прочел депеши.

— Алексей Михайлович, — обратился царь к канцлеру, — я желаю знать ваше мнение по делу погибающей в эти дни Сербии.

— Ваше Императорское Величество, я прошу вас, дабы сначала высказались прочие присутствующие лица.

"Все, не исключая Д.А. Милютина, высказались в выражениях грусти и сожаления к бедствиям, постигшим сербский народ, но ни один из министров, ни даже Милютин, не предложил решительного шага для спасения наших единоверцев...", — писал канцлер.

— Ваше величество, — встал Горчаков и в свойственной ему решительной форме заявил: — теперь не время слов, не время сожалений: наступил час дела. Вот приготовленная уже мной телеграмма нашему послу в Константинополе, в коей повелевается послу нашему немедля объявить Оттоманской Порте решительную волю Государя императора, что если турки не остановятся тотчас же в своем стремлении на Белград и не выступят из пределов Сербии, то посол наш в 24 часа должен оставить Константинополь.

— Я согласен с твоим предложением, — сказал царь и закрыл совет.

Турки ушли — Сербия была спасена.

Тем не менее обстановка на Балканах накалялась. Кровь людская реками текла по этому краю. Россия готовилась выступить на защиту своих единоверцев. Горчаков был против

войны с Турцией, которая началась в 1877 году, он предпочитал использовать дипломатические рычаги.

— Государь, необходимо созвать представителей держав в Берлине, — советовал он Александру II, — и заявить им с твердостью, что Россия готова к войне, но что не будет и не желает воевать в том случае, если державы решатся действовать в Константинополе в пользу христиан.

Совет не был принят.

Вскоре после взятия Плевны Турция обратилась к Англии с просьбой о посредничестве.

— Если Турция желает перемирия, — ответил канцлер на запрос англичан, — она должна обращаться непосредственно к главнокомандующему русской армии.

3 марта 1878 года в Сан-Стефано был подписан мирный договор, согласно которому Боснии и Герцеговине предоставлялась автономия; объявлялась независимость Черногории, Сербии и Румынии, Болгария провозглашалась самостоятельным автономным княжеством. России была возвращена часть Бессарабии, отторгнутая по Парижскому трактату; к ней отходили также Ардаган, Карс, Батум и Баязет.

Однако Англия и Австро-Венгрия выразили недовольство этим договором, выгодным для России и славянских народов. Не желая мириться с возрастающим влиянием России на Балканах, Англия, под угрозой применения силы, потребовала пересмотра Сан-Стефанского договора. Это требование поддержала Австро-Венгрия.

Истощенная в войне, Россия вынуждена была согласиться на созыв Берлинской конференции. Предстояла тяжелая дипломатическая борьба, канцлер опасался изоляции. Россию представляли 80-летний Горчаков, Шувалов и Убри. Александр Михайлович был тяжело болен, из-за чего среди русских дипломатов уже не было необходимого единства и согласованности. Шувалов действовал на свое усмотрение, Горчаков же не имел возможности присутствовать на всех заседаниях.

“Честным маклером” назвал себя Бисмарк, председательствовавший на конгрессе и вредивший нашему отечеству. По Берлинскому трактату сама Россия не много потеряла, но славянские страны, из-за которых она начала эту войну, — потеряли ощутимо. Территория Болгарии была сильно урезана, Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину. Кроме того, конгресс не решил такие важные проблемы, как критско-греческая, армянская, македонская, не было решено окончательное объединение сербов. Все это посеяло семена конфликтов, которые привели к серьезным последствиям и, в частности, сыграло определенную роль в возникновении первой мировой войны.

Александр Михайлович не был удовлетворен решениями Берлинского конгресса и примирился с ними, как с печальной

необходимостью. "Берлинский трактат есть самая черная страница в моей жизни", — написал он в своей последней записке по возвращении в Петербург. Прочитав эти слова, император Александр II дописал на документе: "И в моей тоже".

19 октября 1880 года Горчаков впервые встретил в полном одиночестве — никого из первого лицейского набора не осталось больше в живых. Оказалось, что строки из стихотворения "19 октября", написанные в 1825 году, великий поэт также посвятил "бархатному" канцлеру:

*Кому из нас под старость день лица
Торжествовать придется одному?
Несчастный друг! среди новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...*

В марте 1882 года Александр Михайлович Горчаков, согласно личному желанию, в связи с плохим состоянием здоровья был уволен от обязанностей министра иностранных дел "с оставлением в званиях государственного канцлера и члена Государственного совета", а почти через год скончался.

27 февраля 1883 года последний канцлер Российской империи, последний лицеист первого "пушкинского" набора был торжественно погребен в Сергиевской пустыни близ Петербурга. ■

ИТОГИ КОНКУРСА

“Пушкин — это наше всё”

В январском номере мы объявили литературный конкурс “Пушкин — это наше всё”, посвященный 200-летию со дня рождения великого поэта.

Истинных знатоков творчества А.С. Пушкина оказалось, к нашей радости, много. Жюри пришлось выбирать победителей, учитывая не только правильные ответы на вопросы конкурса, но и литературное содержание самих ответов, и их красочное оформление.

Публикуем ответы на вопросы конкурса и называем победителей.

Ответы на вопросы конкурса

1. И.С.Тургенев.

2. а) Н.Гнедич;
б) А.Дельвиг;
в) В.Нюхельбенаер.

3. а) М.Цветаева;
б) А.Ахматова;
в) Б.Ондужава.

4. В.Высоцкий “О вещем Олеге”:
*Как ныне собирается вещей Олег
Щита прибавать на ворота —
Как вдруг прибегает к нему человек,
И ну шепелявит чего-то...*

5. Новелла Матвеева, которая пишет в своих воспоминаниях “Мяч, оставшийся в небе”: “Родилась я в Царском селе. И это было с моей стороны уже несромно... Можно подумать, что душа молодого Пушкина, “Солнца русской поэзии” там, на лицейской земле, опекала моих родителей как достойных и горячих солнцепоклонников... Убеждена, что места обитания гения, где он был более или менее продолжительно

счастлив, благотворно действуют и на людей, в них потом поселяющихся”.

6. а) О Евангелии;
б) Об “Истории Государства Российского” Н.М.Карамзина;
в) По “Божественной комедии” Данте и “Фаусту” Гете;
г) Д.Байрон, о котором он упоминал в “Евгении Онегине” (“Лорда Байрона портрет”), и в стихотворении “Море” давал его эмоциональную характеристику:
*Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим.
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем не укротим.*

7. а) о В.А.Жуковском;
б) о Н.М.Языкове;
в) о П.А.Вяземском;
г) о А.А.Дельвиге.

8. “19 октября 1827” (в отличие от “19 октября”), адресованное бывшим лицеистам (вторая строфа — сосланным Пушкину и Нюхельбенаеру).

9. О А.С.Грибоедове в “Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года”.

10. а) “Цыгане”;

- б) "19 октября";
в) "Свободы сеятель пустынный...";
г) "Пир во время Чумы";
д) "Скупой рыцарь";
е) "Евгений Онегин";
ж) "Два чувства дивно близки нам"...

11. а) В.Г.Белинский;
б) Ф.М.Достоевский;
в) Д.И.Писарев.

12. Сергей Юрский.

13. Л.П.Гроссман: "Записки д'Аршиана", "Пушкин в театральных креслах".

14. Ю.Н.Тынянов.

15. А.И.Гессен, автор книги "Жизнь поэта" и др.

16. В.С.Янут в спектакле театра им.М.Н.Ермоловой "Пушкин" по пьесе А.Глобы.

17. В.Н.Яхонтов, С.Ю.Юрский, М.М.Козанов, А.Я.Нутепов и др.

18. Н.В.Гоголю ("Несколько слов о Пушкине" — 1832 г., еще при жизни Пушкина).

19. Аполлону Григорьеву.

Призы — подарочные издания и альбомы по искусству — получают:

I место — Г.Н. ВЕСЕЛОВСКАЯ, Москва.

II место — Л.В. КОПЫЛОВА, Димитровград Ульяновской обл.

III место — В.М. АДАМЕНКО, Полтава, Украина; Г.Е. АЛТУНИН, Москва; Е.Н. АРУТЮНОВ, Москва; Н.Э. БАУМАН, Москва; И.Е. ГЛУШЕНКОВ, Санкт-Петербург; Т.И. ДЯДИЧЕНКО, Москва; В.В. КОЗЛОВ, Санкт-Петербург; Н.Е. ЛАРИН, пос. Жаворонки Московской обл.; В.Я. САЛТЫКОВ, Санкт-Петербург; М.С. СМОРОДИНОВА, Москва; Е.А. ШЛЕНСКАЯ, Санкт-Петербург; Ю.Б. ШУВАЛОВ, Саратов.

Дипломы "Смены" получают также самые активные участники конкурса:

В.Г. АНАНЬЕВ, Санкт-Петербург; А.П. АНДРИАНОВ, Санкт-Петербург; С.В. БОГУШ, Тверь; Ю.С. БОРОДОВСКИЙ, Санкт-Петербург; О.Б. ВОЛОДИНА, Полоцк, Беларусь; С.В. ГАВРИЛОВА, пос. Аргаяш Челябинской обл.; Т.В. ГУЖОВ, Шенкурск Архангельской области; А.В. ГУСЕВА, г. Владимир; Т.П. ИГНАТЬЕВА, Пермь; Л.Б. ДЕДЮЛИНА, Полоцк, Беларусь; Ю.В. ЛАВРЕШИНА, Минск, Беларусь; Р.А. ЛЕКСИНА, Москва; Е.А. МЕЛЬНИКОВА, Красноярск; Г.Н. НЕЛИНА, Полоцк, Беларусь; Т.В. и С.П. РЯБОВЫ, Москва; Е.Н. СИНКЕВИЧ, Тверь; В.М. и Б.А. ТОМСКИЕ, г. Волжский Волгоградской обл.

*Поздравляем победителей и благодарим всех,
кто принял участие в конкурсе.*

Наталья КОНОПЛЕВА

Блеск и нищета

ВУНДЕ

Каждый родитель — как только его ребенок появляется на свет — мечтает о том, чтобы он был если не гениальным, то хотя бы талантливым. Чудо-ребенком, по-немецки — вундеркиндом. Как Моцарт, который в трехлетнем возрасте уже выступал с концертами. Как Грибоедов, который в одиннадцать лет поступил в университет. Как... Впрочем, вундеркиндов-малолеток видел, наверное, каждый. А вот как складывается судьба этих чудо-детей после того, как они стали взрослыми,

РКИНДОВ

мало ного интересуеет. И напрасно. Как известно, за все надо платить, и одаренные от природы дети в этом плане не исключение.

Носте было три года, когда он сам научился делать беглые исчисления в уме, а немного погодя — бегло читать. В пятилетнем возрасте он умел вычислять в уме логарифмы, хотя этому не учат ни в школе, ни в университете — есть таблицы. По самоучителю научился играть на пианино по нотам любимые песни. В семь лет самостоятельно до тонностей ра-

зобрался в Периодической таблице Менделеева, а в восемь лет уже решал сложные физические задачи, доступные лишь четырнадцатилетним одаренным подросткам...

"Синдром бывшего вундеркинда" — так психологи называют специфический невроз, который выражается в болезненном самолюбии, желании постоянно демонстрировать свои способности, непрерывно самоутверждаться. Более того, специалисты включают одаренных детей в "группу риска"

наравне с умственно отсталыми, эпилептиками, сиротами и даже... малолетними преступниками. Всех их объединяет высокая степень вероятности того, что на их жизненном пути будут преобладать неустроенность, одиночество, непонятость другими, повышенный риск заболеваний. Но если, как говорится, к "Богом обиженным" общество относится со снисходительной жалостью и пытается хоть что-то для них сделать, то до "Богом одаренных" детей никому, кроме их родителей, дела нет. Их судьба, как это ни парадоксально, общество заботит меньше, чем судьба малолетних преступников.

Осознав, что их мальчик вытянул у судьбы особый билет, родители Ности испугались. С трудом разыскали специалистов, занимавшихся одаренными детьми. Специалисты определили высокую степень одаренности мальчика и предсказали ему судьбу ученого. А также много проблем. Первая — необходимость обучения по индивидуальной программе. Но об этом тогда нельзя было даже мечтать. И первой отметкой, которую Ностя принес из общеобразовательной школы, была... единица.

Природа, щедро одарив человека каким-то талантом, "забывает" порой дать счастливицу шанс-способность удержаться на плаву в общении с окружающим миром — и тогда начинаются бесконечные стрессы. Некоторые с помощью медиков избавляются и от стрессов, и от гениальности — заодно. Некоторые страдают от своей одаренности больше, чем от физического уродства. А некоторые предпочитают даже уйти из жизни, потому что никак не могут

приспособиться к ней. Лишь незначительное меньшинство сохраняет свою одаренность до конца дней. Ведь это так непросто...

Словом, жизни большинства одаренных людей особенно не позавидуешь. По модной сегодня терминологии, они имеют чрезвычайно уязвимую энергетическую оболочку, крайне ранимы, излишне чувствительны. Существование этих заложников собственных талантов зачастую трагично: не складывается или складывается чрезвычайно трудно личная жизнь, рушится карьера, весьма редко приходит общественное признание при жизни, риск душевных заболеваний в несколько раз выше, чем у нормального человека. Неординарный человек, как правило, в тягость всем и самому себе. Они всегда одиноки, даже в семье, и чем выше одаренность, тем мучительнее одиночество. Страшнее всего — гениальность. Гении — это мученики, расплачивающиеся за прогресс человечества.

"Гении падают с неба. И на один раз, когда он встречает ворота дворца, приходится сто тысяч случаев, когда он падает мимо", — сказал великий Дидро. По оценкам современных специалистов, на полтора миллиарда жителей высокоразвитых стран нашей планеты приходится около полутора тысяч людей, которые при благоприятных условиях могли бы стать гениями. Но — к сожалению или к счастью — гениев на Земле единицы. Куда же деваются остальные?

Самый распространенный вариант — так называемая "нормальная одаренность". Специалисты называют ее высокой нормой:

природа щедро одарила счастливи-
чинов всем необходимым — высо-
кой способностью к обучению, хо-
рошей адаптацией к внешним ус-
ловиям, контактностью, общи-
тельностью, хорошим здоровьем
и соответствующим воспитанием.
Про таких говорят: "Брось счаст-
ливчина в воду — и он выплывет с
рыбой в зубах". Но гениев среди
таких счастливинок — раз, два и
обчелся.

Есть еще вариант несостояв-
шейся одаренности: беспечный,
не умеющий трудиться, схватыва-
ющий все на лету, но не утружда-
ющий себя дополнительным обу-
чением, плывущий по течению,
живущий по принципу наименьше-
го сопротивления... Эти люди не
изобретут пороха, но они и не
стремятся к этому, они как бы де-
коративны, ими можно любоваться,
им можно завидовать, но са-
ми они никакой пользы из своей
одаренности не извлекают, разве
что возможность проделывать лю-
бую работу в минимальные сроки,
а затем наслаждаться бездельем.

Второй — худший — вариант
несостоявшейся одаренности —
это подавление возможной гени-
альности неправильным воспита-
нием, стандартным обучением, от-
сутствием индивидуального подхо-
да. В этом случае из одаренного
ребенка вырастает закомплексо-
ванный "неконтактный" неудачник
с тяжелым характером. И, к со-
жалению, именно этот тип доми-
нирует пока среди российских вун-
деркиндов. Потому что природа
не выбирает, в какой стране поя-
вляется "нестандартный ребенок".
А в России до недавнего времени
безраздельно царила пресловутая
"казарменная педагогика", когда
всех стригли под одну гребенку, а

шаг влево или вправо расцени-
вался как побег. Да и сегодня пе-
режитков огульного подхода ко
всем детям без разбора хватает.

*Как сложилась судьба Ности?
В 13 лет он поступил в универси-
тет, в 17 — в аспирантуру. Учился
отлично, легко, увлеченно. Но —
неадекватная система образова-
ния, неполноценное общение, не-
понимание общества спровоциро-
вали тяжелое душевное заболевание.
И Ностя с высоты успеха со-
рвался в пропасть боли. Чудо за-
кончилось для несчастной семьи
страшной трагедией.*

Интеллект, творческие спо-
собности — главное достояние на-
ции. Это давно поняли японцы,
которые дорожат своими вундер-
киндами и не жалеют средств на
их выявление, обучение, разви-
тие. Один из государственных сек-
ретов Израиля — эффективная
система обучения одаренных де-
тей. В США также создана очень
действенная система поощрения
и развития одаренности. Потому
что это выгодно. История челове-
чества накопила достаточно ста-
тистического материала, из кото-
рого следует, что одаренные де-
ти — большая ценность для обще-
ства, куда большая, чем даже
природные ресурсы. Общеизвестно,
что "утечка мозгов" из России
грозит стать общенациональным
бедствием... Если уже не стала.

Приходилось слышать, будто
из каждых пяти наших вундеркин-
дов один заболевает тяжелой бо-
лезнью, другой — кончает само-
убийством, третий с годами пол-
ностью теряет свою одаренность,
четвертый находит себя за преде-
лами России и делает там блиста-
тельную карьеру, и лишь одному
из пяти удается реализовать свой

талант на родине. При этом, как уже говорилось, практически у всех возникают сложнейшие проблемы в личной жизни. Что делать! Эти люди не могут быть такими, как все. Не потому, что не хотят — они просто по-другому устроены, умеют много такого, что недоступно обычному человеку, не способны приспособиваться к жизни, нормально контактировать даже с самыми близкими людьми, далено не всегда разделяют общепринятые жизненные ценности. Часто равнодушны к материальным благам, не умеют зарабатывать деньги...

И вот при всем при этом именно они обеспечивают прогресс человечества, потому что для того, чтобы сделать изобретение, как раз и необходимо мыслить "не как все". Ну, а раз "не как все", то слушается, высокоодаренных, талантливых людей возьмут да и обзовут шизоидами. В просторечии — это очень обидное слово. Но по сути оно означает всего лишь присутствие необыкновенным людям с необыкновенным внутренним миром странности поведения. Они "странно" говорят, "странно" двигаются, "странно" приспосабливаются к реальной жизни. С детства подвергаются насмешкам и даже унижениям со стороны окружающих "нестранных". И если это их не ломает, то появляются такие незаурядные, всемирно известные личности, как Гумилев, Ландау, Набоков, Шостакович, Бродский, Напица. Очень часто такие личности встречаются среди талантливых математиков, физиков, химиков, биологов. И (так уж захотела природа) подавляющее большинство их — мужчины. Девочки-вундеркинды встречаются

гораздо реже и, как правило, в зрелом возрасте обычно становятся "как все". Может быть, дело тут в более пластичной женской психике? Точного ответа на этот вопрос пока не существует.

Врожденная одаренность — это, как уже говорилось, от Бога. От чего же тогда зависит, проявится этот дар в дальнейшей жизни ребенка или не проявится? Наверное, прежде всего от конкретных условий, от огромного числа разных факторов: найдет ли такой человек себя в обществе, нужен ли ему вообще? Так что не в последнюю очередь будущее вундеркиндов зависит от того общества, в котором они живут. И общество обязано сделать все возможное, чтобы помочь им состояться.

Вовсе незачем завидовать родителям одаренных детей: они испытывают невероятные трудности в их воспитании и обучении. Куда большие, нежели родители обыкновенных детей, стремящиеся сделать своих отпрысков вундеркиндами. Часто просто неизвестно, что делать с потенциальными гениями. Сплошь и рядом маленького одаренного ребенка некуда пристроить на учебу, чтобы он чувствовал себя в своей тарелке. Кроме того, пока еще не встречалось через детский сад, а тем более — через ясли, ибо система нивелирования личности в наших дошкольных учреждениях отлажена виртуозно. Штамповать стандартные "винтики" — привычно, а вот работать со "штучными изделиями" было некому. Кроме, разумеется, родителей. А они, создавая дома все условия для взращивания гения, тем самым неизбежно обре-

нают его на изоляцию от сверстников. То есть, спасая от неизбежного для вундеркиндов "школьного невроза", обеспечивают ему почти непреодолимые трудности межличностных отношений в будущем. Найти выход из этого замкнутого круга — задача сложнейшая.

"Из меня получился нелюдь и весьма неуклюжий подросток с весьма неустойчивой психикой, — пишет в книге "Бывший вундеркинд" отец кибернетики Норберт Винер, которого школьным и внешкольным премудростям обучал отец. Да, это оказался один из самых успешных экспериментов такого рода. Хотел вырастить одаренного ребенка — и вырастил. Но какой ценой? Стал ли этот ребенок счастливым? Ответ — в приведенных выше словах самого Винера.

Российским вундеркиндам 90-х годов, кажется, повезло. С 1989 года в Москве при Психологическом институте Российской Академии Образования работает лаборатория, специально занимающаяся одаренными детьми. Руководит ею академик Алексей Михайлович Матюшин. На базе этой лаборатории стали появляться школы для одаренных детей, например, школа-лицей "Созвездие" в Красногвардейском районе Москвы, где работу с детьми начинают с шестилетнего возраста. А в Люблино работает школа-гимназия № 1524 для одаренных старшеклассников, так называемая Сократовская школа. Здесь также оказалось возможным реализовать конструктивную идею: создать условия и индивидуальные программы для развития каждого "необычного" ребенка.

Зачем нужны индивидуальные программы? Затем, что каждый человек — личность, а одаренный человек — это личность в квадрате. И к каждой нужно найти собственный персональный "ключик", потому что в данном случае универсальные программы "отмычки" категорически не подходят. Более того, они могут непоправимо испортить сложный механизм реализации одаренной личности, что, к сожалению, нередко и происходит.

Обучение одаренных детей — дело чрезвычайно дорогое. Нужно гораздо больше учителей — ведь предметное обучение вводится уже с первого класса. Более того, нужна специальная подготовка самих учителей, которые — не по своей вине — не имеют навыков работы с одаренными детьми. Нужны дополнительные помещения, потому что в классе не должно быть больше 10-12 детей. Необходимо иметь дополнительные учебные пособия — чуть ли не по энциклопедии на каждого ученика. Нужно хорошее экспериментальное оборудование для занятий физикой и химией, биологией и другими предметами. Нужна собственная типография, потому что многие одаренные дети пишут стихи и прозу, рисуют, создают архитектурные проекты. Даже исследовательские работы выходят из-под пера маленьких гениев, а эти "перья" в нынешнем понимании — персональные компьютеры для каждого. Конечно, все это довольно дорого. Но обучение в этом лицее, благодаря помощи Московского департамента образования — бесплатное. Однако всего несколько школ для одаренных детей на всю страну... Ма-

ловато получается. А вот спонсоры, способные понять значение одаренности ребенка для судеб страны, пока, к сожалению, не находятся.

Создавать и поддерживать учебные заведения для одаренных детей стоит немалых усилий и средств. Какую выгоду от этого получает общество? Сиюминутной — никакой. А спустя годы и годы — огромную. Но дело в том, что обучение одаренных детей — вопрос не корыстный, а нравственный. В идеале, конечно, нужно стремиться к тому, чтобы каждый ребенок — одарен он или нет — получил нужное образование. Но в нашем обществе, к сожалению, за много лет сложилась парадоксальная картина: одаренным детям оказывается меньше внимания, чем умственно отсталым.

И все же статистика свидетельствует: не менее 30 процентов вундеркиндов, если создать для них надлежные условия, достигают в жизни вершин. Да и история знает, что 70 процентов великих людей в детстве были вундеркиндами. Их отличительная черта — они всегда заняты, всегда увлечены своей работой.

Чем тоньше инструмент, тем легче он ломается и тем труднее его починить. Это — аксиома. Но ведь то же самое можно сказать и о человеческой психике, а у одаренных детей она, естественно, тоньше и сложнее, чем у обычных. К тому же в любом опережении развития есть, наряду с очевидными плюсами, и не менее очевидные минусы. Поэтому одна из задач работников Сократовской школы — учителей, психологов, врачей — по возможности сгладить все отрицательные по-

следствия такого опережения. Одаренному ребенку нужны не восхищения, а помощь. И здесь готовы ее предоставить. Если эти дети найдут в дальнейшей жизни большое, интересное дело — за них можно быть более или менее спокойными.

Существует и еще одна опасность. Поскольку тема одаренных детей сейчас вошла-таки в число модных, находятся школы — преимущественно частные и дорогие, — которые лихо берутся за решение проблемы. Главным своим достоинством они почитают создание особо комфортных условий для обучения. Так вот, нет ничего вреднее для одаренных детей и для детей вообще, чем излишек комфорта. Не случайно в знаменитой, самой элитарной в мире школе "Итон" в Англии культивируются весьма спартанские условия. И по той же причине в Сократовской школе применяется идея развивающего дискомфорта: нужна сложная, напряженная деятельность, где даже одаренному ребенку приходится работать с полной отдачей, преодолевая себя, тренируя свои "волевые мускулы". Умственная работа должна быть трудной, чтобы быть не только интересной, но и полезной. Другое дело — нужно все время следить, чтобы ребенок не перенапрягался. За этим в школе осуществляет бдительный контроль медицинская служба, есть специальный кабинет релаксации, но все равно бывают моменты, когда работать с детьми приходится чуть ли не с ювелирной точностью.

В научной психологии различают два типа одаренности: интеллектуальную и творческую. Пер-

вый тип предполагает повышенную способность к обучению и энциклопедичность познания. Люди второго, творческого типа, обладают прежде всего нестандартностью мышления, они не принимают преподносимых им знаний на веру: до всего хотят дойти своим умом, пропустить через себя. У них не только иначе устроен мозг, но и по-другому устроена личность. Поэтому творчески одаренных детей, как правило, не любят в школе, им всю жизнь трудно приспособливаться к обществу. Как уже говорилось, они для всех странны, неприкаянны, непредсказуемы. Их одаренность могут так и не заметить, тогда как интеллектуально одаренным — намного легче.

Современные методики позволяют достаточно объективно оценить уровень и интеллектуальных, и творческих способностей, и сравнить его со среднестатистической нормой. Творческие способности обязательно предполагают повышенный интеллект, зато интеллектуалы могут вовсе не обладать творческими способностями. Тестирования на одаренность сейчас проводятся упоминавшимся выше Психологическим институтом Российской Академии образования. Здесь все желающие могут протестировать своих детей и себя: вдруг вы не знаете, что одаренны или даже гениальны?

Короче, родиться вундеркиндом — это и подарок судьбы, и

тяжкое испытание. Лишь единицы адаптируются к "окружающей среде", чтобы служить прогрессу. Их могло бы быть и больше, если бы люди разумнее относились к тем, кто не похож на них. Увы...

Они, особо одаренные, а иногда и гении, — среди нас. Те, кого не затоптало общество, создали современную науку, сделали великие открытия и изобретения, написали лучшие картины, книги, музыку. Природа экспериментирует на них и порой — неудачно. Те, кто платит своим здоровьем и даже жизнью за прогресс человечества, за то, что оно с каждым поколением становится умнее, заслуживают все-таки большего сочувствия, защиты и заботы.

Наверное, обладая сегодня достаточными технологиями, можно подсчитать "доход общества" с каждого одаренного ребенка. Даже с учетом высокой себестоимости этого "штучного продукта". Так вот, в каждом отдельном случае рентабельность будет разной. Но по большому счету более рентабельного продукта, чем одаренность, на свете нет.

Если вы и ваши дети "как все" — ваше счастье. Но прогресс двигают не такие, как все. Наш долг — поддержать их хотя бы потому, что им трудно. Им надо помогать просто потому, что они нуждаются в помощи.

А вопрос о выгоде, может, и интересный, но — безнравственный. ■

Игорь ГАМАЮНОВ

12

НЕЗАВИСИМЫХ

**Действующий уже
5 лет в девяти
регионах России
суд присяжных
породил
острейшую
дискуссию:
да нужен ли нам
такой суд?!**

Казалось бы, о чем тут спорить? Ведь мы же хотим, чтобы Россия была цивилизованной страной, значит, и суд присяжных нам нужен. Но его темпераментные противники приводят, например, такие факты: в Саратове за убийство трех человек двое обвиняемых были осуждены судом присяжных всего лишь на два года тюрьмы. В Иванове присяжные оправдали женщину, убившую своего мужа.

И, наконец, в Московском облсуде в конце 1998 года "двенадцать независимых" выпустили на свободу прямо в зале суда четырех из шести подсудимых, чья вина в похищении и убийстве депутата Скорочина, по мнению прокуратуры, была несомненна. Двоих же оставшихся на снамье подсудимых приговорили к небольшому сроку заключения —

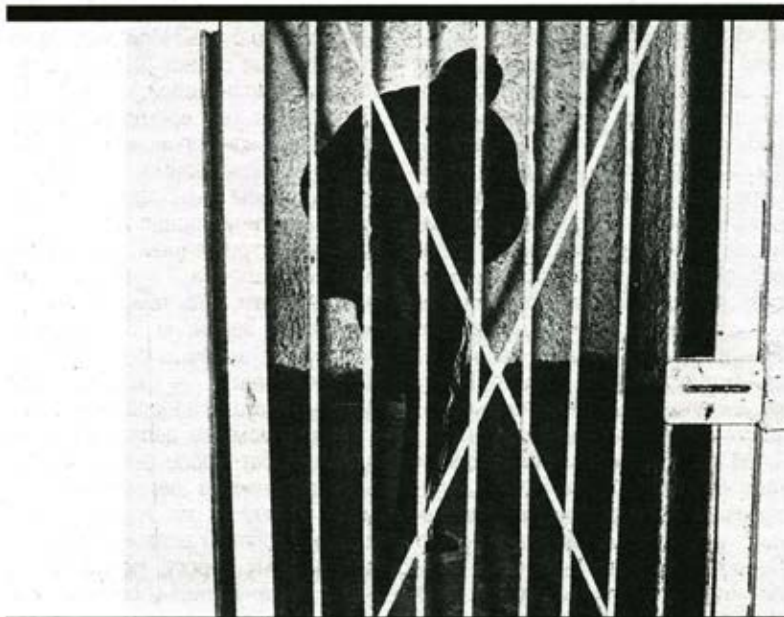

фото Владимира Чейшвили

всего лишь за похищение депутата, сопряженное с хулиганством.

Присутствовавшие в зале были буквально ошарашены таким вердиктом: как это?.. Похитили и бросили?.. А кто же убил?.. Ангелы мщения, возникшие из сумрачной февральской ночи с пистолетами "ТТ" и после расправы исчезнувшие? Не сам же Сергей Снорочкин, в конце концов, выпустил себе в голову пять пуль.

Но не будем торопиться с выводами. Давайте попристальнее посмотрим в это редчайшее по своей фабуле уголовное дело и попробуем понять, почему все-таки суд присяжных пришел к таному — нелепому, на первый взгляд, — решению.

Пять пуль в упор

Этот суд длился 2,5 месяца. Породившая его смерть депутата

Госдумы Снорочкина предстала там — в показаниях свидетелей, в допросах подсудимых — во всех своих душераздирающих подробностях.

Они словно конденсировались в гулком зале Мособлсуда из звучавших здесь речей. Перед двенадцатью присяжными, шестью подсудимыми, сидящими, как и положено, в клетке, их девятью (!) адвокатами, двумя прокурорами-обвинителями и председательствующим судьей Ельчевым нескончаемой вереницей шли свидетели, так или иначе говорившие об убитом Снорочкине.

Пострадавшую сторону представляли две женщины средних лет — сестры депутата, рассказавшие о своем младшем брате, удачливом бизнесмене, то, что мало кому было известно.

1 февраля 1995 года, в 12 часу ночи в подмосковном городке Зарайске в бар "У Виктора" ворвались одетые в омовский камуфляж люди. В руках — автоматы. С криком: "Не двигаться! Стреляем без предупреждения!" — уложили всех на пол. Разнесли на куски телефонный аппарат, смели со столов посуду. Блестя глазами сквозь прорези масок, говорили, будто ищут наркотики и оружие. А взяли человека, заявившего, что он депутат. Быстро вывели, зацепив наручники, усадили в автомобиль и уехали.

В разгромленном баре среди ошеломленных посетителей оказались двое британских подданных, прилетевших в тот день со Скорочниным из Лондона — хотели увидеть обувную фабрику, куда намеревались инвестировать свои капиталы. А увидели российскую действительность, напоминающую голливудские боевики. И, поднявшись с пола, усеянного осколками, заявили о горячем желании немедленно вернуться домой.

О похищении депутата вначале известно местное телевидение. Затем сенсационное сообщение повторялось по каналам центрального ТВ. К нему подверстывали информацию о событиях восьмимесячной давности: 1 мая 1994-го года Сергей Скорочкин на улице расстрелял из автомата парня с девушкой, но, защищенный депутатским иммунитетом, арестован не был.

Все эти месяцы велось следствие. Даже, говорят, прокуратура со дня на день намеревалась обратиться в Госдуму с просьбой лишить Скорочкина депутатской неприкосновенности, но не успела. Не хватило еще одного месяца —

для ровного счета? Или надежд на то, что Дума отдаст "своего" в руки правоохранителей, не было?.. Депутат же тем временем проводил пресс-конференции, тиражируемые телеканалами: на экране, за скопищем микрофонов, энергично жестикулировал худощавый, коротко стриженный, тридцатилетний человек, объяснявший журналистам, что там, на вечерней улице Зарайска, он стрелял, потому что защищался. "И от девушки тоже?" — спрашивали его. — "Девушку задело случайно".

На самом же деле подвыпивший депутат после ресторанного вечера натил в автомобиле домой, наткнулся на группу подгулявших молодых людей, перегородивших ему дорогу, повздорил с ними и даже вернулся в ресторан — звать приятелей "разобраться с молодняком". Приятели этой идеей не вдохновились. Тогда депутат кинулся "разбираться" сам, но группа рассеялась. Маячила лишь парочка — молодой врач Ираклий Шанидзе и его подруга учительница Оксана Гусева... Потом под ее трупом криминалисты найдут в земле несколько пуль от автомата Калашникова — Гусева была добита очередью в упор. Как ненужный свидетель.

Но следствие не спешило. И пока оно длилось, депутат Скорочкин, в недавнем прошлом преуспевающий "новый русский", окончательно оформил продажу принадлежащего ему зарайского предприятия "Спирт" и перевез жену с двумя детьми на постоянное место жительства в цивилизованный Лондон. На всякий случай. Сам же время от времени возвращался в опостылевшую Москву.

Одно из таких возвращений и кончилось тем, что его вывели из бара в наручниках.

Обнаружили похищенного на следующий день, 2 февраля, неподалеку от деревни Сарыбьево, возле лесополосы: он лежал на залитом кровью снегу с простреленной головой — на нее был надет джутовый мешок.

Председательствовавший на процессе судья Ельчев огласил протокол опознания. Из него следовало: узнать депутата оказалось нелегко — так обезображено его лицо; стреляли в упор, 5 раз, с расстояния 3-5 сантиметров, из пистолета "ТТ", брошенного тут же — его нашли, когда снег подтаял. В кармане пиджана убитого обнаружили заграничный паспорт на имя Скорочкина Сергея Григорьевича, 1961 года рождения, и 80 фунтов стерлингов.

Гангстеры почему-то не тронули самую устойчивую в мире валюту... Не для того похищали?... Один из адвокатов на суде скажет: это была казнь (ее атрибут — мешок на голове жертвы), демонстративное возмездие. К нему ненаказанный за свое преступление депутат уже был приговорен молвой. Потому он и прятался в Англии.

Но тех, кто сидел в клетке, обвиняли как раз в самом корыстном по нынешним временам преступлении — в убийстве по найму, которое заказчик будто бы намеревался оплатить суммой в 300 тысяч долларов. Присяжные не сочли доказанным это обвинение. Почему?..

Плата по счетам

Вернемся в то время, когда предприниматель Скорочкин, то-

мимый жаждой карьерного успеха, выдвинул свою кандидатуру по Коломенскому округу и выиграл выборы в Думу, далеко оторвавшись от своих восьми соперников. Теперь Скорочкину как депутату полагалось отказаться от бизнеса. Он стал разыскивать покупателя на акции своего водочного завода, и в апреле 94-го нашел в Нижнем Новгороде коммерсанта Николая Лопухова, 24 лет, владельца нескольких предприятий, разъезжавшего с телохранителем на роскошном "Крайслере".

То, что случилось в Зарайске месяцем позже — 1 мая 94-го года только подстегнуло сделку. Скорочкин нервничал, торопясь вывезти семью из Зарайска (до сих пор его жена и двое детей живут в Лондоне). Наконец Лопухов выплачивает ему более 2-х миллионов долларов, но это не вся сумма, остался долг — 388 тысяч.

...Все два с половиной месяца, с сентября по ноябрь 1998 года, пока в Мособлсуде длилось разбирательство, присяжные видели в клетке среди других подсудимых высокого молодого человека в полосатой кофте, в очках, похожего на голодного студента: запавшие щени, лихорадочный взгляд.

Это и был Лопухов. Арестованный в мае 95-го, через три месяца после расстрела Скорочкина, он почти сразу признался следователям, что нанял убийц, пообещав им за исполнение 300 тысяч долларов. Потом отказался от своих слов. Но его признание уже засняли на пленку, и участником процесса эта видеозапись была показана.

Странно было видеть на экране рослого плотного человека с округлым лицом, в тех же очках — таким был Лопухов три с половиной года назад, когда следствие только начиналось (не балуют харчами в наших тюрьмах), и слышать, как он рассказывает, где именно встретился с исполнителем, чтобы оговорить условия.

Зачем понадобилось молодому бизнесмену (пытавшемуся, между прочим, незадолго до этого стать мэром Нижнего Новгорода) дорогостоящее заказное убийство? Был ли смысл платить 300 тысяч долларов, чтобы сэкономить 88? Был, утверждает следствие.

Это утверждение строится на одном, характерном для жизни предпринимателей, эпизоде: не дождавшись долга, Скорочнин не кинулся в арбитражный суд — поехал за деньгами сам.

Помощник депутата Почукаев, сопровождавший своего патрона, свидетельствует: оказавшись в Нижнем к 8-ми вечера, они подъехали, как было условлено, к проходной автозавода. Там и появился на "Крайслере", с охранником, Лопухов.

В полупустом зале ресторана "Охотник" заказали ужин, говорили о долге, не называя цифр. Скорочнин объяснял: устал ждать, деньги очень нужны. Лопухов платить не отказывался, но просил отсрочить.

Окликнув официанта, Скорочнин попросил лист бумаги. Они с Лопуховым за соседний пустовавший стол, где, по утверждению Почукаева, должник написал расписку (потом так и не найденную).

Из нее будто бы следовало: Лопухов выплачивает 388 тысяч

долларов до 1 февраля 95-го, если же снова задержит, сумма долга будет возрастать каждый день на 50 процентов, то есть на 194 тысячи долларов. Десять дней такой просрочки грозили Лопухову убытком в 1 миллион 940 тысяч долларов.

Иными словами, Скорочнин Лопухова "ставил на счетчик". И поэтому, считают следователи, у Лопухова "был мотив", чтобы убрать Скорочнина. Но расписки-то такой в деле нет.

Можно, конечно, утверждать, что нынешним деловым людям подобные бумажки ни к чему (ни один арбитражный суд не примет к рассмотрению соглашение, где оговаривается заведомо кабальная пеня за просрочку), что по сложившимся обычаям не заплативший "по счетчику" платит своей жизнью — почти ежедневная гибель предпринимателей от пуль киллеров подтверждает это.

Но суду присяжных нужны доказательства, а не описания нравов. Хотя отсутствие доказательств одного конкретного факта эти нравы, конечно же, не отменяет.

Но всему прочему следствие, изучая окружение Лопухова, обнаружило в нем любопытную фигуру: Олег Липкин, житель Луховиц, коммерческий посредник, выполнявший поручения Лопухова (снял к его приезду квартиры в Москве), мастер спорта по классической борьбе, в недавнем прошлом — военный, умеющий обращаться с оружием. И, что самое главное, состоявший до этого в охране предприятия Скорочнина и ушедший от него после конфликта, отголоски которого разбирала милиция.

Версия следствия была проста: Липкин, затаивший обиду на Скорочкина, получает предложение устранить его за 300 тысяч долларов. Промышлявший попутно вымогательством (кстати, суд присяжных рассматривал и это дело, объединенное с обвинением в убийстве Скорочкина, найдя убедительными факты рэкета), Липкин собирает группу соратников, обрядив в форму омонцовцев, вооружает автоматами и, выждав момент, когда прилетевший из Лондона Скорочкин появляется в баре, похищает его.

Вердикт присяжных

Заколебалась эта версия из-за того, что, как обронил походя один из адвокатов, наше следствие со времен Вышинского привыкло работать так: есть признание, и доказывать нечего.

Признания (четверых из шести) были. Но, отказавшись от них, подсудимые заявили: их вынудили оговорить себя. Битьем. Оговор косвенно подтверждала и видеосъемка: вот в кадре один из обвиняемых пытается показать, куда будто бы прятал оружие. И — не может. Съемка прерывается. А в следующих кадрах он оказывается уже возле сарая, где, по его утверждению, оставил автоматы (так, впрочем, и не найденные).

Что происходило между выключением и включением видеонамеры? Оперативники подсызвали, куда двигаться?.. И куда все-таки делось оружие?.. И почему в кострище, где, как утверждает свидетель, сожжены камуфляж и ботинки, не найдено ни гвоздина, ни пряжки?..

Таких "почему" у присяжных накопилось немало. И когда им пришлось отвечать на вопросы председательствующего, оценивая каждый эпизод дела, они оказались в сложном положении. Поэтому большинство их ответов звучало: *"Не доказано"*.

И четверо из шести после вынесения вердикта были освобождены — тут же, в зале суда.

Под конвоем остались двое — Липкин и его молодой приятель Нургин, признанные виновными в вымогательстве (не имеющем отношения к гибели Скорочкина), а также в том, что, ворвавшись в бар *вместе с другими, не установленными до сих пор лицами*, похитили депутата.

Его убийство ни Липкину, ни Нургину не вменяется, потому что и это присяжные не нашли доказанным. То есть они не отрицали сам факт злодеяния, но следуя правилу — "правду, только правду, одну только правду", — честно признались: не видят в деле доказательств, подтверждающих, что именно эти двое — Липкин и Нургин — расстреляли депутата из пистолета "ТТ".

Итог почти трех лет следственной работы пошел насмарку. Пронурор Анатолий Сонин, и без того измотанный в схватках с адвокатами, после оглашения вердикта, не выдержав, с досадой крикнул: *"Такой суд надо распускать!.."*

Досаду пронурора на суд присяжных можно понять: они, как показывает практика судов присяжных и в других регионах России, отбраковывают любые обвинительные аргументы, вызывающие малейшее сомнение. *И в зале суда освобождаются из-под стражи люди, чья принадлеж-*

ность к уголовному миру вполне очевидна, но чью вину в данном конкретном случае доказать не удалось.

Ну, как тут не разгневаться на суд — ведь это он, вот сейчас, на глазах у всех, выпускает подсудимых из металлической клетки! Следователи же и сотрудники милиции, чья халтурная работа привела к такому финалу, обычно на суде не присутствуют...

Но давайте взглянем на проблему без эмоций. Давайте вспомним, как раньше суды штамповали приговоры, переписывая их с обвинительных заключений, как отправляли в тюрьмы невиновных (а некоторых ставили к стенке!). Разве не ясно: только суд присяжных может быть гарантией от фальсификаций недобросовестного, непрофессионального следствия!

Хотя, конечно, это совсем не значит, что в возрождении у нас суда присяжных нет проблем. Есть, и весьма серьезные. О чем свидетельствует внезапный поворот в "деле Снорочина": Верховный Суд в феврале нынешнего года отменил приговор, вынесенный Мособлсудом на основе вердикта присяжных.

Обычно приговоры по делам с участием присяжных практически не отменяются. Если такое случается, то только по формальным основаниям, когда обнаружены нарушения норм Уголовно-процессуального кодекса. Но здесь прокуратура сумела убедить Верховный Суд — допущены серьезные нарушения: председательствовавший судья Михаил Ельчев ошибочно исключил из дела некоторые доказательства (считая их добытыми с нарушением закона)

еще на стадии подготовки к процессу. Поэтому присяжные так и не увидели несколько видеозаписей следственных экспериментов, которые уличали Липкина и Нургина в убийстве депутата.

К тому же присяжные, по мнению прокуратуры, в перерывах между судебными заседаниями вступали в недопустимый контакт с адвокатами подсудимых. (А как было не вступить, думаю я сейчас. Они этого не могли избежать, потому что обедали с ними в одном, единственном в здании Мособлсуда, буфете, чему я был свидетелем.)

Эти контакты в конце концов увенчались демонстративно грубым нарушением процессуальных норм: старшина присяжных Юлия Серова попросила у адвоката Михаила Жидкова (защитника Липкина) мобильный телефон, чтобы позвонить домой (в здании суда телефоны в тот момент были отключены за неуплату — у Мособлсуда такие же перебои с поступлением денег, как и везде), что было истолковано, как факт "потери объективности" присяжными и окончательно решило судьбу вердикта.

Мособлсуд теперь вынужден передать дело на рассмотрение другому судье, с другим составом присяжных. О том, что он решит, мы с вами узнаем спустя несколько месяцев. А пока попробуем понять: почему суд присяжных, уже однажды существовавший в России, возрождается у нас с таким трудом?

"Суд, равный для всех..."

Попытка возрождения суда присяжных — это возвращение к

российской судебной реформе 1864 года. Ее цель, как об этом писал в докладе правительственному Сенату император Александр II, *"водворить на русской земле суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных"*. Такой суд в России появился. И просуществовал более пятидесяти лет. Исчез же он, как только в России возникла "революционная законность", а вместе с ней — судебные "тройки" и лагеря для политзаключенных.

Главная, коренная черта суда присяжных — обеспечение принципа состязательности двух сторон — защиты и обвинения. Бремя ответственности в этом суде лежит не на председательствующем, а на сторонах защиты и обвинения. Присяжные же, выносящие свой вердикт, подлинно независимы. Не только от телефонного права и других попыток влиять на решение суда, но и от так называемой профессиональной деформации, когда уставший от конвейера уголовных дел судья чуть ли не в каждом подсудимом, еще до рассмотрения всех обстоятельств происшедшего, видит преступника. И именно поэтому — не обращает внимания на натяжки, а то и грубую фальсификацию в работе следствия.

Результат? Вот беспристрастная статистика: у судов присяжных до 40 процентов приговоров — оправдательные. У обычных судов-"троек"(судья и два заседателя) — до 1 процента. Всего лишь одного процента!

Отмечу особо, что судам присяжных предназначено рассматривать уголовные дела по обвинению в особо тяжких преступлениях, влекущих за собой максималь-

ную меру наказания, вплоть до исключительной. Ведь именно в таких делах ошибка суда может привести (и не раз приводила!) к непоправимому исходу.

Видимо, поэтому итог пяти лет работы судов присяжных — резкий рост числа оправдательных приговоров. Представители обвинения в таких судах (а принцип состязательности сторон в них неизменно главенствует) чаще всего проигрывают представителям защиты. И не только потому, что адвокаты, как правило, речистее прокуроров. В открытой полемике легче выявить натяжки и ошибки слабого следствия (а оно у нас из-за оттока профессионалов сейчас слабее нунуда).

Судом присяжных к тому же безжалостно отбраковываются процессуальные документы, полученные с нарушением норм Уголовно-процессуального кодекса. В обычном же суде-"тройке", с судьей и двумя заседателями, на такого рода "мелочи" не всегда обращают внимание — ну, дал обвиняемый признательные показания без адвоката... Ну, проведен обыск с понятными, которые оказались переодетыми оперативниками... В результате оказывается — следствие сфальсифицировало доказательства лишь бы быстрее отчитаться, а суд-"тройка" торопливо проштамповал обвинение.

В суде присяжных такое становится невозможным. Там 12 заседателей, у каждого свое мнение. Выбирает их компьютер по заложенным в него данным — из списка граждан, хорошо характеризующихся на работе и в быту, не судимых, не имеющих близких родственников, конфликтовавших с законом.

Им выплачивается зарплата, обычно положенная судьям, оплачивается проезд до здания суда. Должны быть обеспечены не только их безопасность, но — самое, наверное, главное — их изолированность на время суда. Это пока, правда, в наших условиях не всегда удается: проезд на общественном транспорте, общий с адвокатами буфет в здании суда дают возможность нежелательных контактов (как это и случилось в Мособлсуде по "делу Скорочина"). А значит — попыток влияния на их мнение адвокатами и родственниками подсудимых.

Во всем же остальном соблюдаются необходимые условия: в совещательную комнату, где присяжные письменно отвечают на вопросы председательствующего, готовя вердикт, никто не имеет права войти. В том числе и судья.

Примечательная деталь: отвечая на несколько десятков вопросов председательствующего, они даже могут разделиться на две равные группы — шестеро признают вину доназанной, а шестеро — нет. И тогда (любое сомнение трактуется в пользу обвиняемого) подсудимых оправдывают.

Приведу один из аргументов противников такого суда: присяжные — это люди неискушенные в юриспруденции, их мнение о том или ином эпизоде дела чаще всего основано на эмоциях. Но ведь для того и действует принцип состязательности, чтобы неискушенные, а, значит, непредвзятые, не обремененные привычными схемами обвинения люди, наблюдая за полемикой адвокатов и прокуроров, потом, уединившись в комнате заседателей,

вынесли подлинно независимый вердикт.

Другие критики суда присяжных, не отвергающие такую систему правосудия, утверждают: этот суд был бы эффективнее, если бы присяжные принимали свое решение, уединяясь в комнате заседателей вместе с судьей-профессионалом, который бы мог объяснить непонятным то, что не всегда понятно в судебном процессе непрофессионалу.

То есть действующую у нас сейчас американскую модель суда присяжных, когда заседатели самостоятельно выносят вердикт, предлагают заменить другой — французской, например — моделью. Во Франции (как, впрочем, и во многих других странах Европы) суд присяжных состоит из трех профессиональных судей и семи присяжных заседателей (пять основных и два запасных на случай, если кто-то заболит). И вопрос о виновности подсудимых они решают вместе. Это, по мнению правоведов, изучающих проблему, помогает избежать чрезмерных эмоций, свойственных "человеку с улицы".

Вот, кстати говоря, мнение одного из моих собеседников об эмоциональности российских присяжных. "Эмоциональность — составная часть российского менталитета, — объяснял мне юрист-профессионал, защитивший докторскую диссертацию, касающуюся этой темы. — К тому же, в отличие от присяжных США, осознающих себя как бы частью правоохранительной системы государства, наши присяжные чаще всего эмоционально на стороне тех, кто против государства, кто сейчас на сямье подсудимых...

Такова тенденция... У нее исторические корни... вспомните, как в прошлом веке суд присяжных оправдал Веру Засулич, стрелявшую в градоначальника... Эмоции!.."

Примерно такую же точку зрения высказал недавно и заместитель начальника департамента министерства юстиции России Владимир Зынов: "Главной чертой вердиктов присяжных России является то, что они в подавляющем большинстве случаев не соответствуют выводам органов предварительного следствия и обычно склоняются в пользу подсудимых".

Итоговую черту под такого рода мнениями подвел известный резкостью своих суждений губернатор Красноярского края Александр Лебедь, предложивший отменить суд присяжных: "...Потому что запугать, запутать, наконец, подкупить несчастных незащищенных присяжных легче, чем проделать то же самое с профессиональными судьями".

Я решил обсудить эти мнения с профессионалом-практиком, одним из известнейших у нас защитников, председателем президиума Московской городской коллегии адвокатов Генри Резником.

— Как вы, Генри Маркович, прокомментируете бы мнение Александра Лебеда о суде присяжных?

— Это мнение обнаруживает, скажем мягко, большую оригинальность мышления... Ведь во всем мире признано: преимущество суда присяжных перед постоянными судьями-профессионалами является как раз невозможность их подкупить. Присяжные избираются по жребию накануне

судебного процесса, причем — только для рассмотрения данного конкретного дела. После этого коллегия суда присяжных распускается. У этого суда есть другие недостатки. Его нередко обоснованно упрекают в чрезмерной эмоциональности и в том, что ими могут манипулировать юристы-профессионалы.

— Согласны ли вы с тем, что присяжные в России более эмоциональны, чем где-либо, и потому нам скорее подошла бы не американская, а французская модель суда присяжных — три судьи-профессионала плюс семь "людей с улицы", или, как их там называют, шеффенов.

— Эмоциональность отнюдь не является отличительной чертой русского человека. Американцы, кстати, не менее эмоциональны. А шеффенский суд во Франции существует благодаря традиции. Там традиционно уважение к профессиональным юристам, чего не было в США и даже в Англии. Во Франции уже при Людовике XIV была непревзойденная профессиональная адвокатура. Нормой была независимость судебного корпуса от властей предрезающих. У нас нет таких традиций. Наши судьи никогда не отличались особыми добродетелями, а их коррумпированность воспета российскими сатириками самых разных времен. Если у нас преобразовать суд присяжных в шеффенский суд, введя в коллегия присяжных трех профессионалов, о независимости суда придется забыть. Профессионалы начнут манипулировать "людьми с улицы" и те, как говорил о них знаменитый адвокат Плевако, будут заваривать чай профессионалам.

— Но если вспомнить историю, эмоциональность сильно вредила авторитету суда присяжных. После оправдания таким судом Веры Засулич, стрелявшей в градоначальника, из компетенции суда присяжных были выведены дела по обвинению в преступлениях против власти.

— Это решение компрометирует прежде всего саму власть. И дело Веры Засулич проиграла власть предрешающая. Ведь именно власть запретила прокурору (нанануне процесса) говорить о произволе, спровоцировавшем последующие события (градоначальник распорядился высечь арестованного студента, который из-за этого покончил счеты с жизнью, что и вызвало общественное негодование, а затем — выстрел Засулич в градоначальника). Защита же блестяще использовала слабость усеченной позиции обвинения. И свою позицию обосновала так: да, никакой произвол не оправдывает самосуд, но если не осудить и произвол, породивший это преступление, то не будут устранены обстоятельства, способствующие самосуду. Исходя из этого адвокат Александров предложил присяжным воспользоваться *правом милости*. И Засулич оправдала.

— Нечто похожее случилось недавно в Иваново, где суд присяжных оправдал женщину, убившую своего мужа.

— Совершенно верно. На суде выяснилось, что муж почти десять лет измывался над ней, унижал, бил. Ее обращения к власти действия не возымели, что и толкнуло женщину на роковой шаг. Профессиональные судьи рассмотрели бы это дело чисто

технически: был ли здесь умысел? Есть ли смягчающие вину обстоятельства? И приговорили бы женщину к условной мере наказания. А в суде присяжных действует иная конструкция: *вина — это злая воля*. Человек виновен, когда он является носителем некоей злой воли, когда совершает не просто противозаконное, а еще и безнравственное деяние, посягающее на христианские заповеди. Если же злой воли нет, а есть праведный гнев, направленный на восстановление справедливости, присяжные прибегают к своему *праву милости*.

— То есть понятия закона и права не всегда совпадают?

— Право в известной степени включает в себя представление о справедливости. А такие представления у власти и общества нередко расходятся.

— Мне приходилось слышать мнение о том, что присяжные в США отождествляют себя с государственными, правоохранительными органами, а у нас — с теми, кто за решеткой, кто в конфликте с законом.

— Абсолютно неверно. Ни в одной стране мира присяжные себя с государством не отождествляют. Они себя отождествляют с обществом. Но в правовом государстве такого разрыва между властью и обществом, как у нас, не наблюдается. Суд присяжных — это суд общества, и он ближе к представлениям о всеобщей справедливости. Особенно в таких уинальных ситуациях, как процесс над Верой Засулич и суд в Иваново.

— Я хотел было к этому добавить — и процесс над предпола-

гаемыми убийцами Скорочнина в Москве. Но тут же вспомнил некоторые подробности: общение присяжных в буфете с адвокатами подсудимых; услуга адвоката старшине присяжных, когда он дал ей свой мобильный телефон, что стало поводом для гособвинителей требовать роспуска коллегии присяжных. Вспомнил, как судья Ельчев брал взаймы у коллег деньги, чтобы купить присяжным проездные — они *каждый день* ездили в Мособлсуд из Подмосновья на элентричках, а с официальной оплатой их проезда была задержка, как и с оплатой их труда... Наша нынешняя всеобщая беда!.. Можно ли в такой ситуации категорически утверждать, что присяжные были вне зоны влияния адвокатов (и, возможно, родственников) подсудимых, были абсолютно самостоятельны?

— В такой ситуации коллегии присяжных нужно было, конечно, немедленно распустать. И формировать новую. Потому что их доступность (в буфете и в транспорте) это прямое нарушение закона. Присяжные, в соответствии с законом, должны быть от всего изолированы, покуда не вынесен вердикт. Если суд длится хотя бы несколько дней, присяжные должны располагаться в закрытом месте — в гостинице. Их общение с посторонними должно быть исключено, как должно быть исключено и влияние на них средств массовой информации. Никаких газет! Никаких телепередач, касающихся данного судебного процесса! И если таких условий нет, то это претензия не к суду присяжных, а к властям предрержащим, которые не могут обеспе-

чить их работу в соответствии с правилами.

— Власть отвечает: нет денег. А противники суда присяжных говорят — надо остановить этот эксперимент, раз нет условий.

— Аргумент "хорошо, да не ко времени", как известно, лучший аргумент против всех реформ. Помните, был у нас лозунг: "Все лучшее — детям". Я бы сейчас его переименовал: "Все лучшее — судьям". Только в таком случае мы сможем сделать какие-то шаги к правовому государству. Ведь суд присяжных — это центр судебной реформы. Он реформирует всю судебную систему. Заставляет резко повышать и качество предварительного следствия, и уровень защиты. Нам нужно расставаться с традициями, которые, к сожалению, пустили глубокое норни. А это всегда болезненно...

Что добавить к этому?.. Только то, что суд присяжных — это альтернатива нашему испокон веков инвизиторскому следствию и судопроизводству. Что именно он избавит нас от обвинительного уклона, в который постоянно заносит наше правосудие. Что только суд присяжных может стать гарантией соблюдения законности в нашем, пона далеко не правовом, государстве.

Но самое главное во всем этом, на мой взгляд, то, что именно суд присяжных, "суд народа", двенадцать независимых судей, представляющих народ, способны в полной мере воспользоваться *правом милости*. Тем правом, которое возвращает человека, преступившего закон, к новой жизни. ■

За "Бедную Сашу" не стыдно

Свой первый фильм — криминальный "Катюка и шиз" Тигран Кеосаян, сын известного кинорежиссера, снял в 91-м году, когда учился на третьем курсе ВГИКа. Произошло это с подачи Карена Шахназарова, который пригласил Тиграна к себе в объединение "Курьер". И вот новая работа — "Бедная Саша", и опять детектив. На "Тэфи-98" лента получила премию в номинации "Лучший телевизионный фильм". А между этими лентами — период клипмейкерства. Все, наверное, помнят клип на песню Михаила Шуфутинского "Ночной гость". Между прочим, когда Тигран показал песню отцу, тот заметил: "Знаешь, в ней уже про все рассказано. Здесь надо что-то придумать..." И Тигран придумал. Изобразил в клипе совершенно немислимую коммуналку...

— *Ваш отец занимался серьезным кино, а вы почему-то удались в клипоманию...*

— "Неупловимые мстители", по-вашему, серьезное кино? В то время даже такого понятия,

как клип, не существовало, только игровое кино. Вот на этом поприще отец и трудился. Думаю, что и он, и я делали и делаем похожие вещи, но в разных временных отрезках.

Я родился в 60-х. Стал заниматься тем, что позволило мне не забыть те вещи, которым меня учили отец и учителя, — работе с актерами, монтажу и ощущению съемочной площадки. Понимаете, снимать фильмы в стране, где кинематограф умирает, почти нереально, особенно начинающему режиссеру. Даже корифеи остались без ска хлеба! Но несмотря на ситуацию, сейчас многие клипмейкеры кинулись в кино — ведь все они в большинстве своем учились на кинорежиссеров.

— *Есть ли у вас клип, которым вы могли бы гордиться?*

— Их у меня много, и именно поэтому мне стало скучно этим заниматься. Самый первый — "Посмотри в глаза" — начал клиповую эру в стране, можете мне поверить. Один из самых скандальных — "Транзит-

ный пассажир", его до сих пор не пускают в эфир раньше полуночи. А самый любимый — "Скрип колеса" Игоря Саруханова.

— Вы как-то сказали, что если вам нравится песня, то вы снимаете клип бесплатно. Это правда?

— Не бесплатно, а по себестоимости, то есть без прибыли. А это не одно и то же. Кроме того, такое может произойти только в душевном порыве и при определенных обстоятельствах.

— И кому так сильно повезло?

— Только группе "Чайф". Я ведь не миллионер и не имею возможности постоянно заниматься благотворительностью, особенно если учесть, что музыка мне нравится частенько. Да я просто разорился бы! К тому же считаю, что любой труд должен быть оплачен.

— Клипмейнерство изменило вас как режиссера? Ведь вас даже обвиняют в том, что "Саша" наминает клип.

— Я так не думаю. Ведь, чтобы час сорок держать в напряжении тысячи людей, не пуская их отойти на кухню или в туалет, только клипового опыта маловато. Хотя, конечно, он во многом помог мне.

— А в чем именно работа клипмейнера может помочь кинорежиссеру? По-моему, это совершенно разные вещи. Да к тому же, клипмейнерством занимаются порой люди прямо "от сохи"...

— Да, что есть, то есть, поэтому и клипы у нас порой — сплошное мелькание и дерганье. Однако мне эта работа дала ощущение ритма, понимание музыки. Вообще на полноценное участие музыки в кино наши старые кинематографисты не обращали внима-

ния. Музыка служила лишь фоном, а у меня она специфическая величина, даже "Чиж и компания" в финале фильма использованы как драматургический ход, слова песни помогли поставить финальную точку.

— Это ваш стиль?

— Нет, конечно. Просто в одной картине это нужно, а что будет в следующей, я пока не знаю. Мой стиль можно обозначить фразой: "Я хочу рассказывать истории"... Любую историю, даже пустячную, можно интересно рассказать. Надо только постараться.

— "Бедная Саша" всего лишь ваш второй фильм и снова, как и "Натъна и шиз", детектив. Не хотели рисковать в новом жанре, или существует какая-то другая причина такой узкой специализации?

— Жанр детектива мне близок, потому что в нем присутствует и работа мысли, и действие, и чувства. Но я, естественно, готов работать и в других жанрах, так что об узкой специализации говорить не стоит.

— А сколько конкретно стоила "Бедная Саша", или это коммерческая тайна?

— Примерно 520 тысяч долларов. На сегодняшний момент фильм себя не только окупил, но уже за счет продаж видеонассет принес хорошую прибыль.

— Значит, вы защищены от пиратства?

— У меня продажей видеонассет занимаются профессионалы — "Премьер видеофильм". Но все-таки начали попадаться пиратские копии, сегодня в нашей стране без них нигуда — это показатель популярности...

— По наному принципу подби-
рались актеры на "Бедную Сашу"?

— По принципу таланта. И
только. Я не мог рисковать и ра-
ботать с дилетантами. Прокон
слишком многим бы мне грозил.
У меня даже на эпизодах снима-
лись Армен Джигарханян и Нина
Русланова.

— Что-то непредвиденное во
время съемок случилось?

— Даже не могу вспомнить,
все происходило в такой запарке,
ведь съемки длились всего 26
дней. Плохой ренорд, но просто
не было другого выхода, потому
и пришлось работать в таких экс-
тремальных условиях.

— Во многих ваших клипах
снималась ваша жена — антриса
Алена Хмельницкая, известная по
фильму "Сердца трех"...

— Да. У нас хорошая семья, и
нам приятно быть вместе не толь-
ко дома, но и на съемочной пло-
щадке. А познакомились мы на
бензоналонке... Все произошло,
как в кино.

Я приехал заправлять машину,
как и Алена. Мы стояли рядыш-
ком, и я попросил у нее домашний
телефон. Кстати, до этого я видел
Алену только по телевизору, и она
мне очень нравилась. Я уже тогда
мечтал с ней познакомиться, и
вот будто судьба нас свела. Мы
поженились, у нас родилась дочь.
Сейчас ей уже три година, и я с
ужасом наблюдаю за тем, какие
черты характера она переняла у
папы и мамы. Недостатков взяла
у нас ничуть не меньше, чем дос-
тоинств...

— Вы не собираетесь вновь
снимать клипы?

— С клипами, надеюсь, я за-
кончил навсегда. Во всяком слу-
чае, хотелось бы в это верить.

Есть много вещей в кинематогра-
фе, которые мне хотелось бы по-
пробовать.

— Есть ли какие-нибудь идеи
по поводу будущего фильма?

— Конечно, есть, но говорить
об этом — дурная примета. Я
очень суеверный человек. Если
черная кошка перебежит мне до-
рогу, ниогда не поеду через это
место. Естественно, у меня есть и
целый набор кинематографиче-
ских примет: нельзя сценарий ро-
нять, семечки лузгать на съемоч-
ной площадке, свистеть. Все, как
в старые добрые времена.

— Сейчас стало модным сни-
мать в художественных фильмах
певцов...

— Из наших поп-знаменито-
стей только "академики" Саша и
Лола могли бы взять на себя дра-
матические роли. Лолита вообще
может играть все что угодно. А
остальные наши певцы — не уве-
рен. За фильм "Буратино" просто
надо очень больно бить. Стыдно и
совершенно бездарно. Зря потра-
ченные деньги и время. Это даже
не фильм, а пародия на него. К
тому же, считаю, все должны за-
ниматься своим делом. У нас мно-
го замечательных актеров. Вот их
и надо снимать.

— Собираетесь ли вы выстав-
лять "Бедную Сашу" еще на какой-
нибудь фестиваль, кроме "Тэфи"?

— "Саша" уже участвовала в
фестивалях в Мельбурне, Монре-
але, Тонио. И везде была отмече-
на и замечена. Буду ли я ее выста-
влять где-нибудь еще? Не ду-
маю — надо снимать новый
фильм и представлять его. Счи-
таю, "Саша" уже получила доста-
точное количество призов. ■

Беседу вела

Светлана ОКУНЕВА.

**Светлана
БЕСТУЖЕВА-ЛАДА**

Вспоминается буддийская притча. Согласно ей, крыса отличается от человека — не удивляйтесь! — в лучшую сторону. Когда крысу запустили в лабиринт и положили там кусочек сыра, условно говоря, в пятый коридор, крыса очень быстро выучилась идти к этому коридору са-

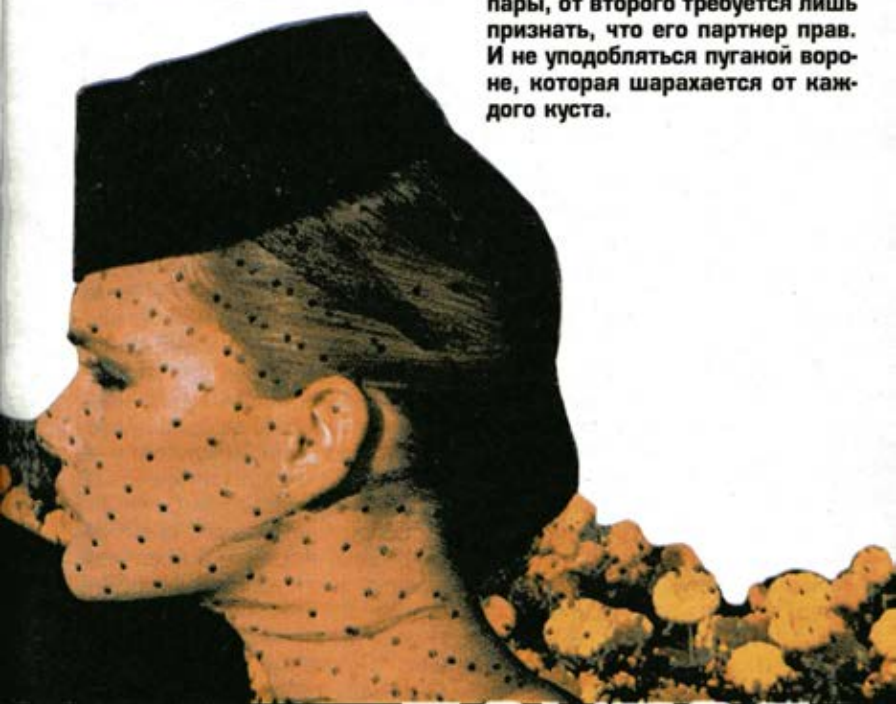

ПУГАНАЯ ворона

мым прямым путем. Тогда эксперимент усложнили: сыр положили в другой коридор. Крыса побегала-побегала, нашла сыр и снова стала ходить к лакомству прямой дорогой. Так вот, человек отличается от крысы тем, что всю жизнь ищет сыр в пятом коридоре, если однажды там его обнаружил.

Две новеллы — о мужчине и женщине — призваны показать,

насколько мудрее поступает тот, кто ищет свое счастье не под фонарем, поскольку там светлее, а везде, где это счастье может быть. И хотя кое-что в жизни происходит помимо воли человека, в его власти обратить ход событий в свою пользу. Хорошо, если мудрыми оказываются двое, тогда они идут к счастью вместе, навстречу друг другу. Но даже если мудр только один из пары, от второго требуется лишь признать, что его партнер прав. И не уподобляться пуганой вороне, которая шарахается от каждого куста.

и куста **БОИТСЯ**

"МАЛЫШ"

История, рассказанная ее героиней

Перед историей, волшебным образом изменившей мою жизнь, можно было бы поставить два эпитафия. Первый: "Каждый человек сам кузнец своего счастья". А второй: "Ох, и дуры же мы, бабы!" Оба изречения затасканы до последней степени, но — абсолютно справедливы. И если бы я этого не признавала, по сей день была бы одинока и, что греха таить, несчастна. А так... Впрочем, судите сами.

Было лето. Замечательное, теплое, с ночными дождями, утренним солнцем, цветущей липой и прочим, и прочим. Отдыхать я не собиралась: предпочитала брать отпуск осенью и уезжать к морю, а летом, наоборот, работать в полупустом офисе. Детей у меня не было, ничто не связывало, и я могла вкалывать хоть по двенадцать часов в сутки. Собственно, только работой я тогда — год тому назад — и жила, потому что личной жизни, как таковой, у меня не существовало. Ну, вот так сложилось, хотя в свое время какие-то попытки ее устроить я делала. Довольно рано вышла замуж, и первый брак продержался лет десять. Муж был художником, то есть личностью сугубо творческой. А посему сначала мы решили, что дети помешают супругу создавать необходимые людям произведения искусства и лучше с ними, детьми, повременить, пока не пришло признание и, естественно, деньги. А потом выяснилось, что семья без детей — не

семья, даже для гения. Только у меня их быть уже не могло — не зря врачи предупреждают насчет опасности первого аборта.

Разошлись мы, впрочем, очень мирно и даже интеллигентно: ему — мастерская с картинами, мне — комната в коммуналке. А больше делить было нечего: его картины не пользовались спросом, с моей тогдашней зарплатой библиографа особо не разгуляешься. Одним словом, банально до отвращения.

Потянулся какой-то занудный период: вроде бы я была не одна и в то же время одна. Имелся "приходящий муж", то есть человек, который вроде бы собирался на мне жениться и периодами — иногда довольно долгими — у меня жил. Я варила суп, стирала рубашки, иногда мы ходили с ним в театр, реже — в гости. Летом он уехал в отпуск и... из него не вернулся. Стороной до меня дошли слухи, что он нашел другую женщину. Наверное, она лучше меня готовила или вообще была лучше. Никаких попыток вернуть его я не сделала. С судьбой, как известно, спорить не будешь.

Собственно говоря, мне суждено было засохнуть в моей коммуналке и в библиографическом отделе технической библиотеки. И меня бы это нисколько не удивило. "Делать карьеру" я не умела, пробивать себе дорогу в жизни локтями — тем более, привитая в детстве определенная интеллигентность скорее мешала, чем помогала. Но тут началось то, что одни называют "перестройкой", другие — "вхождением в рынок", третьи — просто "барданом". Для меня же это оказалось тем самым "зигзагом удачи", который

бывает только в кинофильмах. Через дальнего приятеля, точнее даже через его жену, я попала в рекламное агентство: понадобились люди, знающие иностранные языки. Я владею тремя...

Переводчином, правда, я была недолго. Есть у меня привычка читать сопутствующую литературу и постигать тонкости профессии. Зная английский язык, оказалось совсем несложным усвоить основные премудрости рекламного дела там, где им занимаются профессионально — на Западе. А адаптировать их принципы к нашим реалиям оказалось и вовсе несложно. В общем, пара-тройка первых моих предложений оказалась удачной, а потом дело завертелось. Успех пришел так быстро, что впору было поверить в призвание. А с успехом пришли и деньги. Настоящие.

Первое, что я сделала, когда они появились — купила однокомнатную квартиру. Отличную квартиру в старом доме, на четвертом этаже пятиэтажного дома. Старомодную ванную комнату с окном я просто преобразила, придирчиво изучив не меньше сотни соответствующих журналов. Над кухней тоже потрудились, благо спешить было некуда.

Теперь все свободное время я отдавала устройству своего быта. Впервые за всю жизнь испытывала острое наслаждение от того, что могу пролежать в ванной, в душистой пене, хоть час и никто не станет колотить в дверь и кричать, что я тут не одна. Наслаждалась тем, что утром могла выйти на кухню босиком, в одной ночной рубашке, сварить себе кофе и выпить его, глядя на панораму в окне. **Моя** плита, **моя** раковина,

моя кухня. Людям, не прошедшим через все "прелести" коммунального быта, этого чувства собственности никогда не понять. Я полюбила вечерние часы перед экраном телевизора с чашной чая и чем-нибудь вкусеньким, с книгой в кресле возле окна. Полюбила свое комфортное, обеспеченное, красивое одиночество и ревниво пресекала всякие попытки его нарушить.

Впрочем, таких попыток было всего ничего. Шесть дней в неделю я торчала в офисе с утра до вечера. Для женщины пост заместителя генерального директора рекламного агентства — почти фантастика. Я же занимала этот пост пять лет и вполне оправдывала те деньги, которые мне платили. Вечера и ночи принадлежали мне, а выходные я тратила на то, чтобы еще чем-нибудь украсить свое жилище и себя. Словом, жила так, что иногда сама себе завидовала, постепенно забывая прежнюю жизнь и мужчин в ней...

В начале августа, в выходной день я вдруг обнаружила, что у меня кончился хлеб. Я могу прожить без чего угодно, а вот без трех вещей — нет: без сигарет, кофе и хлеба (называю в порядке необходимости) — нет. Пришлось срочно одеваться и бежать в магазин. В совсем небольшой очереди передо мной оказался мужчина, чем-то смутно знакомый. Несколько минут я пыталась вспомнить — откуда мне известен этот тип? И тут "тип" обернулся...

Вадим был одним из близких друзей моего "приходящего мужа". Но всему прочему, был он одним из немногих, кто относился по-человечески ко мне в той —

давной уже — компании. То есть не окунался в бесконечные разговоры "о животрепещущем" за небуканным столом, не расписывал пулю, а наоборот, помогал мне готовить нехитрые дежурные закуски и мыть посуду после застолья. Так что к Вадиму я всегда отнеслась с неподдельной теплотой и иной раз даже завидовала его жене. Заочно завидовала, ибо познакомиться мы так и не успели. Вадим уехал с ней за границу в командировку, командировка затянулась, а там и я "благополучно" завершила свой опыт семейной жизни. С тех пор и не виделись.

Мы оба обрадовались встрече, пожалуй, больше, чем можно было ожидать. У меня во всяком случае возникло ощущение человека, который в голой пустыне набрел на родник с ключевой водой. И приятно было изумление Вадима, который знал меня еще той, замарашной-Золушкой, а теперь... Пять лет благополучной жизни даром не прошли.

— Куда вы запропастились? — спросил Вадим после первых радостных восклицаний. — Звоню тебе — говорят, таких нет. Звоню Кольке — вообще глухо, как в танке, никто к телефону не подходит. Вернулся в Москву, а тут ни одной знакомой собаки не найдешь. Что происходит? И как ты сюда попала? Выглядишь, кстати, роскошно...

Выглядела я вовсе не роскошно: расхожий сарафанчик и никакой косметики. Но по сравнению с той, прежней...

— Переехала, — объяснила я. — Поменялась с доплатой и переехала в отдельную квартиру. Тут рядом. А Коля...

И вдруг в меня точно бес какой-то вселился. Не захотелось мне представляться одинокой, брошенной женщиной, нашедшей "нечаянную радость" во встрече со старым знакомым. Да и вообще мужики — странный народ. Снажи ему, что свободна и никому ничем не обязана — только его и видели. Очень уж они пугливые в этом отношении. У меня на работе коллеги делают вид, что верят моим "обмолвкам" о существующем, но вечно где-то разъезжающем друге. Им так спокойнее, а мне — тем более. Какое-то у меня непонятное отвращение к мужчинам появилось после второй неудачи. Появилось — и не проходило, даже наоборот. Поэтому начатую фразу я закончила неожиданно для себя самой:

— А Коля в отпуске, уехал в Турцию. Вернется через пару недель. Если не боишься своей супруги, пойдем, угощу по старой памяти, чем Бог послал. Потреплемся, сто лет не виделись.

— Супруга моя осталась в Америке, — сухо вато проинформировал меня Вадим. — У нее теперь своя жизнь, очень насыщенная, я в нее не вписываюсь. Попробую здесь прожить, сколько осталось. Мне ведь пятый десяток, подруга, не забыла? Трудно заново где-то укореняться. Не та гибкость суставов.

И я обрадовалась, что не потропилась со своими откровениями относительно личной жизни: холостой мужчина — явление вообще непредсказуемое.

Это был, наверное, самый прекрасный вечер в моей жизни. Мне не было необходимости кого-то изображать из себя, назаться иной, чем я есть на самом деле.

Мы с Вадимом так давно знали друг друга, что уже через десять минут после встречи непринужденно болтали обо всем на свете. А то восхищение, которое у Вадима вызвала моя обожаемая квартира, было более чем приятно. В четыре руки мы приготовили ужин, вместе потом навели порядок в кухне, перебрались в комнату. Я рассказывала о своей работе, Вадим — о своей. Поговорили и о его уже взрослом сыне, который, в отличие от отца, похож, все-таки прижился в Америке. И лишь одной темы мы, как будто сговорившись, не касались даже мимоходом: его и моей личной жизни.

А потом он встал и просто протянул меня к себе. И я, шарахавшаяся от любого приношения мужчины, ответила ему так же непринужденно и естественно, как если бы это происходило у нас с ним уже десятки раз и мы просто встретились после недолгой разлуки. В ту ночь я поняла, что не бывает холодных и не способных чувствовать женщин, бывают не слишком умелые или слишком торопливые мужчины. И самое главное, когда я чуть-чуть пришла в себя, то поняла, как прекрасно, оказывается, ни о чем не думать. Мой "вечный компьютер" наконец-то отключился и каким же это было счастьем!

Под утро я провально заснула, а когда открыла глаза, в квартире уже никого не было. После первого болезненного укола ("вот и все!") я почувствовала что-то вроде облегчения. Значит, подумала я, будем считать, что мне приснился прекрасный сон. А теперь наступило утро, нужно приводить себя и чувства в порядок и ехать

на работу. Как поется в моем любимом романсе: "Еще роночет голос трубный, но командир уже в седле..." И только по дороге еще раз нольнуло: "Неужели — все?"

Сюрпризы начались где-то во второй половине дня. Сначала на достаточно важном совещании я поймала себя на том, что ничего не слышу из произносимого моими коллегами, потому что вспоминаю... И вот тут я покраснела, как не знаю кто, а потом, по-видимому, резко побледнела, потому что секретарша с перепуганным лицом принялась совать мне но рту стакан с водой. Я обругала себя старой идиоткой и попыталась сосредоточиться на делах. В общем, удалось. Потом была масса мелких проблем, которые не давали забыть ни на секунду. И уже по дороге домой я снова — вдруг! — обнаружила, что давным-давно горит зеленый сигнал светофора, а моя машина продолжает стоять в атмосфере истерических гуднов и прочих соответствующих звуков.

Господи, какой пустой и нежилой мне показалась моя любимая ухоженная квартира! Но я даже не успела начать себя жалеть — зазвонил телефон.

— Где ты пропадаешь? — спросил меня Вадим вместо приветствия. — Я звоню двадцать пятый раз. Мне скучно без тебя, малыш. Можно я приеду?

Я закрыла глаза. Не знаю, если бы он просто назвал меня по имени, я бы нашла тысячу причин, чтобы отказать от новой встречи. Но этот "малыш" меня доконал — я почувствовала себя маленькой, слабой и беззащитной, неспособной даже самостоятельно заварить чай. И вообще — беспомощным ребенком.

— Приезжай, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Ты откуда звонишь?

— От твоего подъезда...

Это были совершенно безумные две недели. До них я жила в полной уверенности, что все любовные истории о людях, снажем прямо, не первой молодости сочиняют писатели. Или придумывают женщины, которым страшно хочется выдать желаемое за действительное. Но то, что происходило со мной... точнее, с нами, было настолько же прекрасно, насколько неправдоподобно.

Обо мне никто никогда не заботился, да я и необходимости в этом не испытывала, всегда и везде успевала первая. А тут вдруг почувствовала себя — женщиной, причем не просто женщиной, а любимой, красивой, желанной. Любимой? Не знаю, об этом я просто запрещала себе думать.

И все-таки мужчины удивительно ненаблюдательны. Отсутствие представителя противоположного пола в моей квартире просто вопияло. У меня не было ни запасной электробритвы, ни флакона одеколона, ни мужских вещей в шкафах, ни-че-го. Но Вадим, по видимому, считал, что все так и должно быть. Иногда мне казалось, что он все давно понял и молчал просто потому, что не хотел ставить меня в неловкое положение. Но и эти мысли я от себя гнала.

Он звонил мне по несколько раз в день. Приносил розы. Готовил ужины и завтраки, причем кофе — мечта любой женщины! — подавал в постель. Ночами я почти не спала, на работе думала только о том, как мы снова встретимся вечером, да о том, что бы-

ло накануне и утром. В общем, я влюбилась, и это мучило меня несказанно. Точнее, не это, а неотвязные мысли: а если ему надоест? А если он уйдет? От меня ведь так или иначе все уходило...

Ну и, главное, я уже никак не могла признаться в своем обмане, в том, что на самом деле я свободна и у меня вообще никого нет. В рамки нормального человеческого восприятия все это не укладывалось, а Вадим был спокойным, уравновешенным мужчиной, и вряд ли ему удалось бы понять причину моих "психологических изысков". Я их сама не понимала. Конечно, можно было бы встречаться у него и делать вид, что обманываешь мужа. Но рано или поздно Вадим разыскал бы Нолу — и все стало бы ясным. Пусть уж во лжи меня уличают заочно, такого позора я бы не перенесла.

...Последнюю ночь мы не спали вообще. Вадим все спрашивал у меня, как и когда мы увидимся, а я только плакала и целовала его — слов у меня уже не было. Было только два чувства: скорей бы все это кончилось, скорей бы остаться одной и попытаться "залезть" раны, и... только бы эта ночь длилась подольше. Наверное, я была похожа на приговоренного к смертной казни: говорят, что они до последней секунды на что-то надеются и одновременно мечтают, чтобы — скорее уж.

Вот и все. Утром мы простились. Вадим прощался до следующей встречи, а я — навсегда. Я уже знала, что потребую у шефа как можно более длительной и дальней командировки и уеду куда угодно. Только бы не иметь

возможности снять телефонную трубку и снова надеть глупостей. Все было прекрасно, но так не может длиться вечно, поэтому нужно уходить самой, убегать, уезжать, только бы не остаться вновь брошенной. Только бы не испытывать снова ту тоску одиночества, от которой я в своей новой жизни почти излечилась.

В тот день мне не удалось поговорить с шефом, но я уже решила, что к телефону ни за что подходить не буду. Выключу его — и все. В конце концов по легенде сегодня возвращался из отпуска мой муж и я вполне могла захотеть посвятить ему все свое время, не отвлекаясь на какие-то там звонки. Выключу телефон, полежу в ванной, приму таблетку снотворного... А завтра... завтра воскресенье, можно уехать куда-нибудь за город, побродить по лесу, подышать свежим воздухом. Память услужливо подсовывала эпизоды прошедших двух недель — я отмахивалась от них, как от докучных комаров. Все, хватит, конец, не хочу снова наступать на те же грабли!

Я припарковала машину возле дома, заперла ее и тут на мое плечо легла чья-то рука. Испугаться я не успела.

— Малыш, — произнес хорошо знакомый голос, — хорошо, что ты сегодня не задержалась.

Я повернулась и уставилась на Вадима совершенно круглыми от ужаса глазами:

— Постой... но ты... Коля должен... То есть...

— Неужели ты думаешь, что я тебе хоть на секунду поверил? — усмехнулся он. — Я, между прочим, тебя неплохо знаю, адюльтер — это совершенно не твой

стиль. Но если тебе захотелось поиграть в такую игру... С Нолькой я увиделся на следующий день после нашей с тобой встречи, он, кстати, действительно отдыхал за границей. О тебе он, кстати, ничего не знает, ну и я ему ничего не говорил... пока.

— Пока — что? — пролепетала я, совершенно уже выбитая из колеи.

— Пока ты сама не решишь, что тебе нужно. Пойдем домой. Ты, наверное, устала.

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю: какие же мы, бабы, все-таки дуры. Я могла собственными руками оттолкнуть свое счастье — и чуть было этого не сделала. Слава Богу, Вадим оказался умным человеком. Впрочем, дело, наверное, не в этом. А в том, что он тоже меня полюбил. Только я это не увидела... тогда.

Сейчас — вижу.

НОВОЕ АМПЛУА

История, рассказанная от третьего лица

Дожив до тридцати трех лет — пресловутого возраста Иисуса Христа, — Кирилл был вполне доволен своей жизнью. Хотел стать актером — и стал им. Пусть не пришлось (и вряд ли придется) сыграть Гамлета или, на худой конец, Хлестанова, зато каждый раз, когда режиссеру очередного отечественного боевика был нужен "благородный бандит", без Кирилла обойтись было невозможно. Он умел весьма многозначительно молчать, поигрывая пистолетом (настетом, ножом, грана-

той), большего же от него и не требовалось. А пронзительно-голубые глаза, "новобойский" загар и непрменная двухдневная щетина гарантировали пристальное внимание прекрасного пола. Так что на хлеб хватало.

На масло же удавалось регулярно зарабатывать в рекламных роликах. Начисто лишенный комплекса великого артиста, Кирилл соглашался рекламировать что угодно — лишь бы платили. Посему и узнавали его в магазинах и на улицах чаще, нежели прославленных мэтров, посему и приглашен он бывал на всевозможные богемные тусовки.

Такой славы Кириллу вполне хватало, чтобы без проблем "снимать" девушек. У него, правда, и без профессионального шарма проблем с женщинами отродясь не было. Точнее, с пятнадцати лет. С тех пор и по сей день они вешались на шею Кириллу с утомительным однообразием, не давая ему ни малейшего шанса хотя бы поиграть в завоевание неприступной красавицы. Впрочем, Кирилл так привык к мгновенным победам, что наверняка страшно удивился бы даже чисто символическому сопротивлению.

Известно: что легко достается, то дешево ценится. Поэтому ни один, даже самый бурный роман у Кирилла дольше месяца не продолжался. А вот меньше — сколько угодно. Правда, у Кириллы не водилось привычки давать какие-то серьезные обещания, так что до крупных скандалов дело обычно не доходило. Более того, Кирилл панически боялся даже самого слова "брак", банально утверждая, что хорошую вещь так не назовут, и что как только он

свяжет свою судьбу с какой-то одной женщиной, так сразу и кончится как актер. Предрассудок? Возможно. Но именно благодаря ему, а также потрясающему чутью, Кириллу удавалось выпутываться из самых хитроумных брачных ловушек, которые попадались на его пути. В общем, срывал человек цветы удовольствия и ни в чем себе не отказывал. Пока не появилась Лариса.

Первоначально никаких отклонений от привычного сценария не наблюдалось. Обычная встреча на вечеринке, перешедшая сначала в изысканный, но короткий флирт, а затем — в бурный роман. Две недели сплошного блаженства и... столь обычное для Кириллы желание поставить точку и, как он выражался, "сменить пластинку". Не тут-то было!

Лариса тоже не чужда была актерскому миру. Во всяком случае, три раза подряд пыталась поступить в театральное училище, и всякий раз ей тактично внушали, что длинные ноги и очи с поволокой ни в коем случае не компенсируют полного отсутствия дарования, и пусть она выбирает любую другую профессию — от космонавта до врача и обратно — и наверняка станет неплохим специалистом. Но актрисой, даже очень плохой, она не станет никогда.

Таким образом, Лариса оназлась вроде бы и при любимом искусстве — стала костюмершей на телевидении, и вроде бы человеком второго сорта. Единственное, что ее вдохновляло, это перспектива быть замеченной каким-нибудь режиссером, который — а чем черт не шутит? — даст ей главную роль и путевку в новую жизнь. Мало, что ли, актрис, ко-

торые и играть не умеют, и красотою не блещут? Да пруд пруди! К тому же Лариса не верила, что у нее нет таланта. В быту она прекрасно умела перевоплощаться и из разъяренной мегеры мгновенно становилась белой и пушистой кошечкой — в зависимости от обстоятельств. А уж когда познакомилась с Кириллом и захотела стать его законной женой... У Кирилла перспектива пойти под венец вызывала просто физическое недомогание.

Логичнее всего было бы деликатно указать Ларисе на дверь и забыть этот роман, как некий сон. Но трудность заключалась в том, что роман-то, как таковой, Кирилла вполне устраивал. Любовницы лучше Ларисы у него еще не было. И отказываться от такого удовольствия было жалко: еще несколько недель вполне можно было бы предаваться неземным наслаждениям. Но жиниться?!

— Угораздило же меня так вляпаться! — пожаловался он как-то верной подруге и многолетней соседке по лестничной площадке Нине, в очередной раз спасаясь у нее от Ларисинога набега. — Послать подальше — не мое амплуа, я привык расставаться с женщинами по-джентльменски, друзьями. А эта прицепилась, как репей к хвосту.

— Скажи, что ты уже женат, — посоветовала Нина, которая после короткого, но насыщенного брана с бывшим спортсменом, а затем — профессиональным алкоголиком благополучно развелась и с тех пор тоже септически относилась к семейным узам. — И что жена у тебя жутко ревнивая. Отцепится!

— Держи карман! — хмыкнул Кирилл. — Потребуется свидетельство о бране, очной ставки с моей женой, а в результате занатит очередную сцену с бурным примирением в постели. Уф, от одной мысли об этом устал...

— Давай я сыграю роль ревнивой жены, — с состраданием предложила Нина. — До брачного свидетельства, надеюсь, дело не дойдет, не идиотна же она, в самом деле.

Кирилл оценивающе посмотрел на подругу. Рост, фигура, волосы — все на месте, а чего-то не хватает. Броскости? Или просто косметики? Пучок на затылке, большие очки — типичная "училна". Но отличный товарищ, этого у нее не отнимешь. И выслушает, и посоветует, и поддержит. Ассистент режиссера на телевидении, этих ассистентов там — пруд пруди, а Нина нарасхват. Никогда ни о чем не забывает, ни во что, помимо своих обязанностей, не лезет, на мужчин внимания практически не обращает. Клад, а не сотрудник. Но вот сыграть ревнивую жену... Да какая из Нины антриса, на самом деле? Не ее это амплуа.

— У тебя не получится, — обреченно сказал он. — Не твое это. Ларна тебя задавит. Только если свидетельство о бране... Может, выручишь? Это ведь понарошку...

Нина помолчала, потом сказала:

— Чего не сделаешь ради друга. Давай понарошку. Если надумаешь жениться взаправду, я тебе развод дам в шесть секунд, честное слово.

Кирилл в ужасе замахал на нее руками:

— Я? Взаправду? Да лучше жабу в рот! Не мое это амплуа.

— Значит, договорились, — подвела черту Нина. — С тебя коробка конфет. А лучше — шашлык. Настоящий.

— Детка, — объявил Кирилл Ларисе при очередной встрече, — вынужден тебя огорчить. Мне придется жениться, но не на тебе. Так уж получилось. Это не значит, что я тебя бросаю...

— А что же это еще значит, позволю узнать? — с пугающим спокойствием спросила Лариса. — Тебя окрутила каная-то сучна, мне ты благородно предлагаешь сохранить место любовницы, а я должна визжать от восторга? И потом, милый мой, ты просто врешь. Ни на ком ты не женишься, просто пытаешься сделать из меня дуру.

— Во-первых, я никогда не пытаюсь сделать невозможное, — обиделся Кирилл. — А, во-вторых, я действительно женюсь. Так надо.

— Только попробуй. Я приду на твою свадьбу и устрою такой скандал — закачаешься. Так что пусть твоя... невеста готовит бронешлем и каску, иначе ее туалет пострадает.

— Между прочим, я тебя на свадьбу не приглашаю.

— А я, милый, — бросила через плечо Лариса, направляясь к двери, — как судьба. Являюсь без зова. Так что жди и надейся.

Узнав об угрозах Ларисы, Нина только плечами пожала. Если эта красотка думает, что она, Нина, вырядится в длинное белое платье, придется разочаровать. Устраивать настоящую свадьбу

при фиктивном браке? Такое не приходило в голову ни ей, ни Кириллу. Они намеревались просто зарегистрироваться и продолжать жить по-прежнему. Он у себя, она — у себя. Одно дело помочь старому приятелю отбиться от настырной бабенки, и совсем другое — пожертвовать ради этого своей личной жизнью. Ни ему, ни ей этого не нужно. Так что Лариса могла сколько угодно мечтать о роскошном скандале на свадебном пиру — скандала не будет. Пира, впрочем, тоже.

Все так и произошло. Лариса выдерживала характер и ждала свадьбы. Не дождалась. Опрос общих друзей и знакомых показал, что никто ни о каком браке Кирилла слыхом не слыхивал и даже не представляет себе такого поворота событий. И тогда, резонно рассудив, что возлюбленный просто взял ее "на пушку", Лариса как ни в чем не бывало явилась к нему домой. Без звонка и без приглашения.

Кирилла она застала дома одного. Сидеть в одиночестве — это было на него не похоже и поэтому настораживало. Более того, он читал. И не журнал или газету — это с ним еще могло случиться, хоть и редко, а какую-то переплетенную машинописную дребедень. Лариса так удивилась, что даже забыла заранее заготовленный текст и намеченную линию поведения. Понесла отсебятину и сразу проиграла несколько очков: импровизировать Кирилл всегда умел лучше, чем она.

— Ты что делаешь? Ты один? Рад меня видеть? — выпалила Лариса.

— Читаю. Пока один. Даже и не знаю, — по пунктам удовлетво-

рил ее любопытство Кирилл. — Выпьешь чего-нибудь? Только без меня — мне еще работать сегодня.

Лариса на какое-то время потеряла дар речи. Всем было известно, что если Кирилл не пропустит пару рюмочек, он и работать то не сможет. А уж сидеть дома и не выпить хотя бы баночку пива... Ситуация окончательно вышла из-под ее контроля и события понеслись вскачь незапланированным маршрутом.

— Ты болен? — только и нашла она, что спросить.

— Здоров, как никогда. Просто завтра мне надо дать согласие сниматься в одном фильме. Или отказаться. Так что читаю сценарий, думаю...

— Стрелять из пистолета или ограничиться кулаками? — съязвила Лариса.

Амплуа Кирилла ей было отлично известно. Но она не знала, что заботливая, хотя и фиктивная, жена Нина добилась для Кирилла приглашения попробовать в качестве второстепенного, но положительного героя в одном из новых отечественных телесериалов. Роль со словами! И если у Кирилла получится, то с его внешностью и неотразимыми манерами он, безусловно, сменит амплуа. А там и признание придет, и деньги, и новые роли...

Посему язвительность Ларисы оказалась очень нехвата. Как и все мужчины, Кирилл плохо переносил насмешки над своей персоной. А уж над творчеством — тем более. За несколько прошедших недель Нина успела приучить его к совсем иной манере разговора. Поддеть по-дружески — это всегда поналуиста. Но издеваться...

Очень светским тоном, от которого могла замерзнуть даже минералка в стакане, Кирилл сказал:

— Извини, мне некогда обсуждать с тобой свои творческие планы. И вообще тебе лучше уйти. Скоро придет жена.

Это, конечно, был блеф, но что делать?

— Интересно, где ты ее возьмешь? Позвонишь наной-нибудь девочке по вызову?

Ларису откровенно заносило, но сделать с собой она уже ничего не могла.

— Я тебя не вызывал — сама пришла, — мгновенно отреагировал Кирилл.

Грубо, конечно, но, что называется, сама напросилась. И он еще собирался продолжать с этой гадюкой интимно-лирические отношения! Да проще пойти в зоопарк и поухаживать за первой попавшейся коброй. Эффект примерно тот же, зато дешевле и быстрее. А от этой неизвестно чего можно ожидать.

— Сама пришла — сама и уйду, — не обманула его ожиданий Лариса. — Очень хочется посмотреть на твою так называемую жену... если она существует, конечно.

— По-моему, не стоит.

— А по-моему, стоит.

Ситуация принимала тупиновский характер. Упрямство Ларисы Кириллу было отлично известно. Ей же в свою очередь было ведомо, что определенной границы в отношениях с женщинами Кирилл не переступит никогда. То есть выдворение за шиворот или коленом под зад ей не грозит. А все остальное в принципе можно пережить. Пусть позлится — заслужил. А ко-

гда поймет, что деваться все равно некуда, наступит сладкое примирение. А там видно будет.

— Пойду приведу себя в порядок, — сказала она уже более миролюбиво. — Надеюсь, в ванную мне войти можно? Тебя жена за это не убьет?

— Меня — нет, — несколько двусмысленно отозвался Кирилл.

Но Лариса двусмысленности заметить не пожелала и гордо удалилась в санитарные удобства. А Кирилл быстро снял телефонную трубку и набрал номер...

Через пятнадцать минут Лариса вернулась в сногшибательном полупрозрачном пеньюаре и в туфельках на высоком каблучке. Все — призыв и обаяние, мечта мужчины. Но, к ее немалому изумлению, Кирилл даже головы не поднял от рукописи.

— Нравится? — кокетливо спросила Лариса.

— Что? — встрепенулся Кирилл и бросил на нее мимолетный взгляд. — Ах да, очень мило. Я бы даже сказал — прелестно.

И снова погрузился в чтение. Пока Лариса обдумывала следующий ход, раздался звук ключа, поворачивающегося в замке, а затем женский голос из коридора:

— Кирюша, ты дома? Я пришла.

Кирилл, с точки зрения Ларисы, повел себя странно. Он не засуелится, не сделал ни малейшей попытки укрыть свою гостью хотя бы за оконную штору, даже не попросил ее — традиционным жестом — сохранять молчание. Встал и пошел в коридор. Оттуда донесся звук поцелуя и совершенно спокойный разговор:

— Хорошо, что пришла пораньше. Я уже закончил читать

сценарий, сейчас мы поужинаем и все обсудим. Да, у нас гостья. Ее зовут Лариса, помнишь, я тебе рассказывал.

— Разумеется, помню. Значит, поужинаем втроем. Как кстати я купила побольше продуктов. Ты же не предупредил...

— Да я и сам не знал.

От удивления Лариса даже шевельнуться не могла. Так и стояла посреди комнаты в эффеентно-соблазнительной позе, когда в комнату вошла молодая, модно одетая женщина с приветливой улыбкой.

— Вы, значит, Лариса. А я — Нина, жена Кирилла. Вы нас извините, но мы сейчас займемся ужином — всегда делаем это вместе. А вы посидите, почитайте книжку, посмотрите телевизор. Или присоединяйтесь к нам, поболтаем на кухне.

— Я... э-э... мне... — чуть ли не впервые в жизни Лариса не нашла, что сказать.

— Да, на кухне вам будет неудобно в такой одежде, — сочувственно кивнула Нина. — И вообще, смотрите, не простудитесь. У нас прохладно.

— Вы что — ненормальная? — окончательно растерялась Лариса. — Застала мужа с другой женщиной и...

— Милая моя, когда выходишь замуж за одного из самых красивых актеров кино и телевидения, нужно быть готовой ко всему.

— Да будь я на вашем месте, я бы глаза ему выцарапала!

— Вот потому-то, — мягко завершила дискуссию Нина, — вы и не на моем месте. У каждого — свое амплуа. Кстати, если вы собираетесь ночевать, я попрошу у соседней раскладушку...

Ужин прошел очень весело. Кирилл в лицах изображал Ларису и Нину, на ходу импровизируя диалог. Нина от души хохотала. Пригодилось и шампанское, которое Лариса забыла в своем паническом бегстве. Бутылка была выпита за удачный дебют Кирилла в новом сериале. В том, что он состоится, Нина не сомневалась ни секунды.

Ни с одной из его многочисленных женщин Кириллу не было так спокойно и хорошо. Посему вечер закончился тем, что фиктивный брак перестал быть фиктивным, и Нина, похоже, ничего не имела против.

Месяца два спустя она спокойно и деловито сообщила Кириллу, что ждет ребенка. Лично она очень довольна, а что касается его, ему решать. Насильно никто ничего не навязывает, можно даже развестись — не проблема.

— А что тут решать? — изумился Кирилл, который с каждым

днем находил в Нине все больше и больше приятных и положительных качеств. — Теперь, как честный человек, я обязан жениться, верно? Но я не только честный, я предусмотрительный, потому женился на тебе заранее. Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не было.

"Человек предполагает, а Бог располагает" — старовата поговорка? Тем не менее, она продолжает оставаться справедливой. И героиня первой новеллы, и герой второй обрели счастье не столько по своей воле, сколько вопреки ей. Выводы из этого каждый волен делать самостоятельно. Я же позволю себе совсем короткое резюме.

Разумеется, за счастье надо бороться. Но вряд ли следует бороться со счастьем, потому что победа не принесет ни покоя, ни сладости. В общем, иногда совсем не вредно просто расслабиться. ■

Леонид ШАРОВ

ЖИЛ -
БЫЛ

МОШЕ

С этим человеком меня познакомил приятель-бизнесмен в конце 1991 года. Приятель тогда разворачивался во всю ивановскую, ничем не брезговал, хватал все, до чего только мог дотянуться. Сутки напролет перелетал с одних деловых переговоров на другие. И всюду таскал за собой этого человека, которого не без некоторого ехидства, но и не без уважения звал Михаилом Сергеевичем. Тезка последнего советского президента выглядел солидно: высок, тучен, аккуратно одет, на пальце массивная золотая печатка. При этом был одышлив, говорил тихо и с трудом, постоянно пользовался ингалятором. Типичный астматик. Бизнесмен рассказал: когда-то Михаил Сергеевич был известным московским кидалой, то бишь, высококвалифицированным мошенником. Астму заработал в местах не столь отдаленных. Сейчас не у дел — куда ему с его одышкой-то... Зато бизнесмен таскает его на переговоры с партнерами, потому как Михаил Сергеевич “кидняк и под землей чует”. Так что ни в какие прожекты без резюме своего консультанта бизнесмен не пускается.

И надо признать, что Михаил Сергеевич его ни разу не подвел. Я попросил нас познакомиться. Познакомившись, пристал к Михаилу Сергеевичу с просьбой поделиться, так сказать, впечатлениями от прожитой жизни. Впрямую он не от-

НИИ К

казал, однако отложил свои откровения — “как-нибудь потом, когда настроение будет”.

Ждать пришлось долго. В 1994 году убили моего приятеля-бизнесмена. С Михаилом Сергеевичем встретился на пятилетии этой смерти. Ни на что уже не надеясь, я спросил — не пришло к нему то настроение, которое подвигло бы его на рассказ? К моему удивлению он сообщил: да, на днях он почувствовал в себе потребность кое-что высказать. Об особенностях российского мошенничества. О психологии отечественного обывателя-лоха. О мировоззрении человека, посвятившего лучшую часть своей жизни обману...

Вот его рассказ.

Рожа в телевизоре

Есть всему предел. Не стал бы я пускаться в откровения, молчал бы себе в тряпочку, коли не увидел бы недавно эту рожу по телевидению — ее транслировали каждые полчаса чуть ли не по всем каналам. Рожа звала людей в свою партию, обещая всем и каждому чуть ли не царствие небесное на земле. Дело было не в том, что сколачивали явно непотребную политическую организацию, и не в том, что ее будущий лидер откровенно врал... Я скрежетал зубами и даже негромко подвывал, потому что не смог вместить в себя наглость, с которой велась сия незамысловатая кампания. Ну, кому сегодня нужна еще одна партия? Не знаем, куда девать существующие... Кто сегодня поверит в обещание сделать всех богатыми? Те, кто уже стал богатыми, ни за что не допустят лишние рты к кормушке. А рожа раз за разом возникала на экране и гнула свое. В ее глазах читалось твердое убеждение: российский лох проглотит все, он, тысячу раз обманутый, кинутый, обутый, все равно остался лохом, он клюнет, он позволит себя обуть, кинуть, обмануть в тысячу первый раз. Дескать, я знаю, что я вру. Вы сами знаете, что я вру. Да только никуда не денетесь. Потому что вы — лохи!

Я сам долго был профессиональным мошенником. Во всяком случае таковым считала меня отечественная Фемида. Причем, трижды. Не буду с ней спорить. Я действительно обманывал людей — тех же лохов. Я не шарил по карманам, не курочил сейфы, не приставлял нож к горлу, не лез в чужие квартиры, не срывал шапки с прохожих и не штурмовал в пешем строю сберегательные кассы. Люди отдавали мне свое имущество вполне добровольно. Мне не было их жаль. Тех, кого обманул, я и сейчас не жалею. Но я из себя никогда не корчил пуп земли. Я не возводил свое умение, а оно, поверьте, сродни искусству, в квадрат, в куб, не превращал его в политику, в средство управления массами, в средство достижения власти. Знал свой шесток. И всегда мог сопоставить себя с другими. Того, что можно ради красного словца назвать счастьем, мне не надо было слишком много. Мне хотелось безбедно жить. Вот, собственно, и все. Мне нужна была уютная квартира с книжками на полках вдоль стен. Возможность ездить по городу не на общественном транспорте. Летом я хотел загорать в Крыму. Мне нужен был холодильник с холодным пивом и какой-нибудь приличной жратвой. Иногда я испытывал потребность плотно и щедро посидеть в ресторане. Я хотел не отказывать окружающим меня женщинам в их милых капризах. Да, я еще очень любил театр. Следовательно, мне надо было иметь какие-то деньги, чтобы без лишних хлопот купить билеты у спекулянтов. На дачу я не претендовал — копание в огороде и заботы о прохудившейся крыше всегда вызывали во мне стойкое отвращение. Как и всякая мысль о какой-либо работе. Особенно фи-

зической. Наверно, жизнь моя сложилась бы совсем по-другому, стань я актером. Вот к лицедейству способности у меня точно имелись. Лицедейство не было мне в тягость. Но не сподобил Господь. Родители затолкали меня в технический вуз, а у меня не хватило духа воспрепятствовать насилию. Учился я там ни шатко, ни валко, однако на третьем курсе меня захватила фарца... Но об этом позже.

Как видите: потребности мои скромны и ненавязчивы. И я — можете бросить в меня, мошенника-рецидивиста, камень — горжусь этим. А эта рожа, которая принялась каждые полчаса выкатываться на телевизионные экраны, хочет ВСЕ! Деньжат обладатель этой рожи уже успел срубить, втюхивая широким массам трудящихся разбавленный водой спирт и выдавая его за фирменную водку. Теперь ему что — президентство подавай?! Так ведь получается, ежели партия, ежели обещание манны небесной, ежели аккурат в преддверии выборов. Мавроди-то проще был, скромнее. В депутаты пролез и успокоился.

Но больше всего я бешусь от того, что она права — эта рожа. Россия — страна лохов. И рожа хочет их употребить всех — скопом. Всю страну. Народ. Значит, и меня.

Вечная национальная идея

Вот был у меня случай... В ту пору залетел я во второй раз. Ну, в процессе, как говорится, следствия и устроили мне очную ставку с одним из потерпевших. Невзрачный такой клиент. Из провинции. Приехал в Москву купить пару ковров — дочери хотел свадебный подарок сделать. А надо сказать, по стране тогда катился ковровый бум. 70-е годы — эпоха повального дефицита. До коврового был хрустальный бум. После все хотели вступить в жилищно-строительные кооперативы. Об автомобилях и говорить нечего — их жаждали иметь всегда. И денежных людей в те годы хватало. Конечно, это были не те деньжищи, которые крутятся сегодня. И зарабатывались они большей частью иначе. Вот именно — зарабатывались. С севера и Дальнего Востока валили работяги, десятилетиями вкалывающие за повышенную зарплату, из-за границы приезжал вполне упакованный народ, офицеры, которые служили на всем готовом, могли за несколько лет накопить приличную сумму. Шахтеры вообще считались чуть ли не самыми богатыми и щедрыми людьми. Опять же кавказцы с их фруктами и цветами. Среднеазиатские мелкопоместные феодалы командировались своими родами за столичным дефицитом. Хорошей жратвы в стране не было, но зато хватало плохой, а стоила она копейки, можно было смело думать не только о батоне колбасы или венгерской курице, и уж тем более не о буханке черного хлеба и пакете молока. Операции опять же в клиниках делали еще бесплатно. Пацанов и девчат в институты принимали в основном по конкурсу.

Так вот: сидим мы с потерпевшим у следователя, участвуем в очной ставке. Клиент гнет свое, я — свое. Тут кто-то следователя вызвал в коридор. Он и оставил нас с глазу на глаз. А что? Я — человек спокойный, выдержанный. Потерпевшего не обижу. И у потерпевшего — не косая сажень в плечах. Вот я и спросил тогда у лоха: неужто он и в мыслях не держал, что я его ки-ну? (Я ему должен был ковры с заднего входа магазина вынести — элементарная, кто помнит, комбинация). “Нет, — отвечает, — не держал”. И охотно так поясняет: очень обрадовался, что вот сейчас вынесут ему — на блюдечке с голубой каемочкой... И сразу за этим: “Я понимаю... Но, может, как-нибудь все-таки сумеете помочь, ведь у вас в том магазине наверняка знакомые есть, черкните им пару слов, я записочку отнесу. А на суде я права качать не буду”.

Я не поверил. Не может такого быть, чтобы человек, которого среди бела дня нагрели на семьсот с лишним рублей (считай, тогда четыре средние месячные зарплаты), все еще хотел, чтобы его продолжали обманывать. Думал, это он надо мной так тонко издевается. Шутит, сволочь, неудачно. Смотрю ему в глаза. А они у него — водянистые такие, тусклые. Но светятся чем-то изнутри. Меня тут проняло окончательно: на чудо он надеется! Что вот сейчас вырву я из усов волосинку, пошепчу над ней “трах-дибдох”. И вот они — два ковра. На худой конец — пачка денег. А еще на самый уж худой конец — возвращу я его на несколько месяцев назад в утро того дня, когда он вышел на заплеванный перрон Павелецкого вокзала.

И понял я тогда суть творимого мною. Я эксплуатировал эту вечную русскую, кондовую, посконную, неизбывную надежду на чудо. На говорящую щуку из проруби, на сивку-бурку, на конька-горбунка, на старика Хоттабыча, в крайнем случае — на царевну-лягушку и скатерть-самобранку. Ну, правильно: какая у нас в стране самая популярная передача? Она ведь так и называется “Поле чудес”. Угадал букву — приз в студию. Угадал слово — ключи от машины. А за стенами телецентра: снеси свои денежки в финансовую компанию — через год получишь вдесятеро. Проголосуй за эту отъезжающую рожу в телевизоре — через месяц будет у тебя хрустальный дворец около пруда с лебедями, а в холодильнике запотевшая бутылочка. Изменились ставки. Я двадцать лет назад обещал лоху всего лишь возможность быстро заполучить в свою покосившуюся избу немудрящий дефицит, который был нужен лоху только для того, чтобы уесть соседа. Нынче речь зашла о высоких, почти философских категориях. Вот она — национальная, всеобъединяющая идея, которую некоторое время тому назад вознамерились найти нынешние хитроумные властители дум! Все ждут чуда. Когда разверзнутся хляби небесные и на землю посыплется манна. О том, что ту же самую манну можно получить, вырастив и убрав урожай, смолов зерно, убрав его в закрома, выгодно, но честно про-

дав его излишки, речи не идет. Куда проще, лежа дебилом Емелей на печи, ждать, когда печь сама перенесет тебя из вонищей избы в сверкающий дворец...

Я чуть было не отмолил свой грех перед тем лохом. Несколько лет назад обратился ко мне за советом один профессор по международному праву — дальний мой родственник. Когда-то он меня, уголовника, знать не хотел — впрочем, я не обижался: обозначь он наше знакомство — не быть ему профессором. В переулке, где стоял его институт, открыли очередную фирму по сбору денег у населения. Не “МММ”, не “Тибет”, не “Чару” — что-то мелкое и непрезентабельное. Вот и вознамерился мой профессор, понукаемый душой-женой, отнести в эту контору четыре тысячи долларов. Контора обещала процентов двести навар через полгода. Я его до конца даже не дослушал: нет, говорю, тысячу раз нет! Обуют — полгода на это не потребуется. Но черт дернул меня предложить ему, коль свербит у его жены, проверить с их долларами небольшую спекулятивную операцию: продать баксы в одном месте, а потом на вырученные рубли опять купить зелень, но малость подешевле. Навар, конечно, копеечный, но ведь навар — не ущерб. Поиграть вот так месячишко — можно поймать что-то более или менее зримое. Вот он и испугался. Даже не того, что я могу его обмануть. Задницу оторвать побоялся. А контора заманчивая — вот она, рядом. Чудо — за углом. Старик Хоттабыч на перекрестке. Скатерть-самобранка в подворотне. Снес он туда свой капитал. Какой там полгода — месяца не прошло, как контора приказала долго жить.

Я это к тому, что психология российского обывателя от степени его образованности никак не зависит. А начнешь его уговаривать: не лезь ты за чудом, не бывает ни говорящих щук, ни стариков Хоттабычей. Так он нарочно полезет! А добрых и умных царей даже в сказках не бывает. Так все равно голосуют.

Легенда об инопланетянах

Могу привести забавную иллюстрацию. Об этой махинации мне рассказал один из ее второстепенных участников, с которым я досиживал свой срок в зоне. Правда, сидел он совсем за другое — за серию обычных автомобильных угонов. Сам он — из Средней Азии, из Киргизии. Сравнительно молодой мужик. И вот как-то открывает он в Бишкеке, который тогда еще назывался Фрунзе, некую местную молодежную газету и читает статью про то, как в горах Тянь-Шаня обнаружили инопланетяне. Инопланетяне были ему до лампочки, но в статье говорилось, что их пребывание засек некий подвижник идеи воссоединения с межгалактическим разумом. Энтузиаст доводился будущему автоугонщику школьным товарищем, они с ним чуть ли не за одной партой сидели, вместе курить и пить начинали. Для верности рассказчик изучил фотографию контактера, которая сопровождала текст, и убедился: все правильно —

однокашник. Оно бы и ладно. Всяк волен сходить с ума по-своему. Но рассказчик знал своего друга: тот не верил ни в черта, ни в Бога, ни в светлое будущее, ни в мутное настоящее, зато любил мотоциклы “Ява” и “Жигули” шестой модели.

Мой тогдашний товарищ по отсидке бросился к однокашнику, выставил бутылку и потребовал объяснений. А тот не только объяснил, но и привлек рассказчика к очередной операции. Дело в том, что молодежная газета под своей эгидой начала формировать группы заполошенных граждан, которых хлебом не корми — дай только прикоснуться к внеземной цивилизации. Группы должны были идти в горы и вступать в контакт. Проводником же и организатором походов выступал однокашник. И отнюдь не на общественных началах и не только из любви к зеленому гуманоиду.

За день до выхода группы наш рассказчик вкупе с еще одним шустрым пареньком был запущен в Тянь-Шань. В указанном месте они нашли брошенную, но все еще действующую автономную электростанцию — в свое время она снабжала энергией какой-то секретный рудник. Провели несложные подготовительные работы. Потом полдня наблюдали, как проводник водит вокруг горы сгорающую от нетерпения группу. А ночью — началось. Рассказчик и шустрый паренек с произвольной периодичностью в потаенной расщелине соединяли силовые кабели, получая тем самым мощную вольтову дугу. Она полыхала на всю округу, освещая ее потусторонним светом. В его сполохах можно было видеть, как на склоне горы приходит в экстаз группа (проводник-однокашник на всякий случай подмешал им в котелок с чаем что-то наркотическое — чтобы, значит, контакт был плотнее). Люди простирали руки к небу, зачем-то раздевались догола, что-то пытались кричать. А проводник все это безобразие снимал видеокамерой.

Потом он, согласно уговору, поделился со своими поделельниками гонораром. Поделельники пили две недели. А сам он уже к середине сезона купил “Жигули” шестой модели. В молодежной газете появился материал о том, что таинственные сигналы подвергнуты расшифровке. Более того: они наполовину уже расшифрованы и содержат потрясающую информацию. В конце следовала приписка: однокашник формирует очередную группу. Затею тихо свела на нет местная госбезопасность, заподозрившая во всей этой галиматье прикрытие для транспортировки наркотиков.

Ни минуты не сомневаюсь: лохов хватает везде, что в Америке, что в Европе, что в Африке... Но тамошние лохи сделались таковыми, потому что ни от кого и никогда не ждут подвоха. Потому что их холит и лелеет государство, дабы они могли содержать его за счет налогов. Да и с тем, что в России считается чудом, у заграничных лохов давно уже все в порядке. Они знают: жирная синица гарантированно кудахтает у них в ру-

ках. За каким дьяволом им тощий журавль в небе? У нас, как вы понимаете, все не так. Никакой синицы часто нет и в помине, а журавли у нас больше похожи на стервятников — так и норовят клюнуть в самую маковку.

Народные любимцы

Мошенник на Руси — человек, который, если и не звучит гордо, то уж во всяком случае пользуется некоторой народной симпатией. Во-первых, не душегуб. Во-вторых, он осуществляет, прости Господи, важнейшую социально-психологическую функцию... Поясню. Что важно для российского среднестатистического обывателя? Ну, конечно, чтобы у соседа сдохла корова, а у него нет. Это ж какое тайное восхитительное чувство! И коли твоего знакомого облапошил мошенник, то ты начинаешь жить в ладу с самим собой и окружающей действительностью. Посему ЭТОТ мошенник как бы тебе и не враг, а некий реализатор твоих подспудных чаяний, в коих ты и сам себе боишься признаться.

Эта подробность особенно заметна, как ни странно, в суде. Судья, а пуще народные заседатели на моих потерпевших всегда волками смотрели: дескать, как это они посмели захотеть купить машину, пару ковров, хрустальную люстру, немецкую стенку, вступить в кооператив, в то время, как у нас, у тех, кто теперь судит вашего обидчика, с этим делом вечная напряженка? И не просто купить в установленном порядке, выстояв безнадёжную очередь, по открыточкам, по месткомовской разрядке, а сразу, в обход, вопреки... Три раза меня судили и три раза кто-нибудь из заседателей обязательно спрашивал лохов: а откуда у вас деньги — на машину, на люстру, на кооператив? И надо было видеть, как терялся лох, как он тупил глаза, как начинал мямлить про накопления и небольшое наследство, оставленное бабушкой его жены. А уж если я кидал кавказцев или узбеков, то можно было не беспокоиться. Они и сами-то не слишком торопились заявлять в милицию. А когда заявляли, то эпизоды с их участием из моего "послужного" списка вымарывались — за недоказанностью, благо запутать этих людей, плохо знающих русский, труда не составляло. И если до этого не додумывались следователь с прокурором, то бедолаг за борт выбрасывал судья. Для меня же выходило хоть и небольшое, но послабление. И я одаривал граждан судей улыбкой...

Моя борьба со скукой

Можно сказать, мошенником я стал от скуки. Что поделаешь, жизнь моя в молодости катилась себе и катилась. А чего хотелось. Семья — самая рядовая. Учеба в институте — тоска смертная. Записался было в народный театр, но уж больно кондовые пьесы в нем ставили. Да и денег всегда не хватало. Стипендии я, троечник и хвостист, сроду не получал. А в ин-

ституте у нас учились иностранные студенты — из Африки и с Ближнего Востока. Они уезжали на каникулы к себе. И возвращались обратно со шмотьем. Ну не самим же им было его продавать. Вот ко мне как-то и обратился один такой “Максимка”. Ему нужен был постоянный и надежный посредник.

В прошлый свой приезд он сильно погорел. У валютного магазина встретил девушку. Показал товар — немалую сумку с джинсами, батниками, колготками. Товар барышне понравился. Денег у нее с собой не было, так что предложила взять такси и ехать к ней домой. “Максимка” был тогда еще не учен и согласился. А сели они так: сначала на заднем сиденье угнездились девица, а уж потом к ней подсел со своей сумкой наш студент. Поехали. Тут девица и говорит, что ей надо позвонить мужу, чтобы, значит, предупредить о визите. “Максимка”, который уже подсчитывал прибыль, лихорадочно переводя в уме свои национальные тугрики сначала в доллары, а потом в рубли, согласился. И, уступая дорогу покупательнице, галантно вышел из машины. А машина тут же и уехала. С девицей и, натурально, с сумкой...

После этого несчастного случая наш зарубежный гость решил напрямую в российскую коммерцию не лезть. Я с готовностью откликнулся на его предложение. И через полгода стал довольно видным московским фарцовщиком. Это можно считать в определенной степени достижением, потому что мир столичной фарцы, несмотря ни на что, был узок и контролировался серьезными блатными людьми. В целом это было не слишком опасное занятие. Нашего брата ловили часто, но почти никогда не сажали. И правильно: на кой черт заводить уголовное дело о спекуляции и сдавать конфискованный товар государству, когда можно было просто этот самый товар забрать? И толкнуть через ту же фарцу. Мне же повезло изначально: не надо было рыскать и светиться мордой у гостиниц в поисках заграничных оптовиков. Я с ними вполне легально встречался в институтских коридорах. А от клиентов отбою тогда — при всеобщем дефиците — не было.

Жизнь пошла чуть веселее. По крайней мере я мог без пряга сходить с любимой на данный момент девушкой в ресторан. Но фарца — в общем-то вульгарное зарабатывание денег. На ней в принципе можно было сколотить некоторый капиталец, но далеко не сразу — клевать приходилось по зернышку. Фарца — труд. Не слишком, кто спорит, тяжелый, но и не так чтобы уж очень легкий: приходилось делать большие концы, таскать сумки, ублажать клиентов, ругаться с “Максимками”, пытаясь сбить цену на их опт. Откровенно говоря, было жаль отдавать им деньги.

Путь в кидалы

Но я узнал о существовании другого мира. И он мне показался куда интереснее того, в котором я жил в детстве и юности. Но

что любопытно: и этот мир узнал о моем существовании. Потому что как-то в кафе “Хрустальное” ко мне подсел один парень — лет на пять постарше меня. Нашлись у нас общие знакомые. То да се. Короче, мы с ним скорешковались. Ну, девочки там, застоя. Месяца полтора он ко мне присматривался. И я это чувствовал. Держал марку. Терпеливо ждал, что он мне предложит. К тому же понимал: надо менять амплуа, коли не хочу пробавляться в “шестерках”. В конце концов он перестал ходить вокруг да около и сделал-таки предложение... Пойти в ломщики.

Дело это в общем-то нехитрое. Ломали мы с ним у “Березок”. То есть выискивали лоха, который хотел продать за рубли валютные чеки. Выискивать приходилось долго. Иногда неделями. Но овчинка стоила выделки. Технология, если кто еще не знает, была такова: лоху за его чеки вручалась сумма, лоху наставительно предлагали немедленно, при нас, пересчитать ее, лох пересчитывал и убеждался, что до оговоренной суммы не хватает некоторой ее части, мы спешно извинялись, брали у него пачку назад, пересчитывали сами, соглашались с претензиями, докладывали на глазах лоха недостающие купюры... Но при этом пачка перегибалась пополам — ломалась. Таким образом лох получал вдвое меньшую сумму. Операция требовала некоторой ловкости рук, но ее можно было выработать за день-два тренировок. Главное же было не суетиться, выглядеть солидно и уверенно. Напарник мой непосредственно ломал, а я, выглядывший тогда старше своих лет, источал доброжелательность. Именно я понуждал лоха к пересчету. Именно я с умеренным негодованием отчитывал напарника за невнимательность. А заодно отвлекал лоха разговорами о том, что вот, дескать, как придется порядочным людям решать элементарные проблемы обналаживания валютных чеков. В этой роли я чувствовал себя весьма комфортно. Это была игра. Мне это было интересно...

Впрочем, и на старуху бывает проруха. Как-то кинули и нас. Клиент нам попался — лучше не придумаешь. Приехал на “Волге”, одет соответствующе, в очках, явно спешит, рассеян. Он и торговаться-то не стал... Нам бы насторожиться по этому поводу, а мы уже размякли. Как же: не лох — мечта. Отсчитали мы ему за очень приличное количество чеков требуемую сумму без пятидесяти рублей. Отдали. Я ему говорю: “Пересчитайте, пожалуйста. Мало ли что”. А он: “Некогда, друзья мои. Спешу. Верю”. Кладет деньги в карман — небрежно так, широко. Шасть в “Волгу” — только мы его и видели. Ну ладно, думаем, чеки-то у нас, авось наварим что-нибудь. Смотрим, а он нам, оказывается, куклу задвинул. Пачка — сверху пара чеков, снизу еще один. А посередине — прямоугольнички, нарезанные из газеты. Потом узнали, что такой вот бизнес на ломщиках давно уже процветает. Но хорош был кидала! Ничего не скажешь — высокий класс.

Вот и мне захотелось так же.

Лики отечественного обмана

Надо сказать, что российское мошенничество — явление чрезвычайно многообразное. Однако отделию зерна от плевел. Те аферы, на которые пускаются чиновники, никакого уважения у меня не вызывают. Обмануть человека, когда ты наделен властью, порой немалой, не трудно. Вытащить что-то из государства, когда ты сам какой-то частью этого государства управляешь, не сложно. Для того, чтобы додуматься до липовой накладной, до подчисток в бухгалтерских книгах, до фиктивных счетов и переводов, до подставных работников, мощного интеллекта не требуется. К тому же всегда можно найти влиятельное прикрытие — надо только не жадничать, надо делиться.

А вот урвать у государства-мошенника хотя бы толику — большое общее удовольствие. Государство-то кидает народ беззащитно. Именно что по принципу: а куда ты, на хрен, денешься? Одни только послевоенные займы достаточно вспомнить. У меня от моих стариков остался ворох облигаций — так они по этим бумажкам ничего и не получили. А как нас всех кинули в августе прошлого года! Мавроди и все прочие пирамидчики на этом фоне кажутся всего лишь нашкодившими щенками.

Для того, чтобы ходить по доверчивым пенсионерам и собирать с них копейки от имени собеса на приобретение муки и картошки, ничего не нужно, кроме алчности и фальшивых корочек в бордовом дерматине. Откровенное паскудство никогда не требовало таланта...

Но для карточной игры уже надо обладать целым рядом способностей. Прежде всего организаторских, режиссерских. Ведь надо прежде всего вычислить годящегося для игры, не боящегося лоха. Да не всякого, а у кого есть деньги. Его надо подвести к игре. Заинтересовать. Поводить на леске, чтобы он надежно застрял на крючке. Выигрыш непременно надо чередовать с проигрышем. Ему, проигрывающему, надо искренне сочувствовать. Им, выигравшим (естественно, промежуточно), надо не менее искренне восторгаться.

А ежели ты промышляешь нищенством, то не надо орать, вешать, причитать, жаловаться, вешать на грудь табличку о том, что на тебе не осталось ни одного живого места. Но вот ежели ты наденешь потертую (обязательно потертую), но чистую камуфляжную форму, надвинешь на глаза шапку или берет — будто невероятно стыдно тебе, будто не хочешь ты, чтобы увидели твоё изборожденное морщинами и шрамами, опаленное лицо, ежели встанешь ты молча в людном месте, просто встанешь и будешь стоять... Уверю вас: эффект окажется весьма впечатляющим. Исполненный достоинства, униженный воин — немой укор всем. Я с одним таким был знаком. Он в день — не знаю, как сейчас — зарабатывал до миллиона старыми. Однажды ему какая-то бизнесменша сунула тысячу долларов!

А вот если взять повыше, то надо в центре города (нет, в Москве это уже не пройдет, а вот, скажем, в Иркутске — запросто) снять на месяц помещение для офиса — со всей обстановкой, набрать в аренду факсов, ксероксов, компьютеров, обязательно нужен мобильный телефон, купить немудрящие, но исполненные изящества сувениры — ручки, блокнотики, календарики, брелоки, подобрать пару длинноногих барышень в коротких юбочках, самому придется, желательны очки в золотой оправе, запах дорогого одеколона... Название для фирмы придумать — что-то такое современное: инвест, траст, холдинг... Дать объявление в газетах, что фирма может то, может се. И ждать. Обязательно найдется лох. Приползет. Начнет спрашивать. А ты будешь ему солидно отвечать, вальяжно развалясь в кресле, угощая лоха кофе с печеньем, щедро одаривая его сувенирами, прерывая себя телефонными срочными разговорами с Тель-Авивом, Лос-Анджелесом, Лондоном и Токио, вспоминая о своих встречах с генеральным прокурором, вице-премьером и людьми из президентской администрации. И если ты все сделал правильно, то лох клюнет. И тебе останется только подождать, пока он сделает предоплату за показавшиеся ему очень дешевыми автомобили, тракторы, кухонные комбайны, пылесосы, подводные лодки, удобрения, манную кашу, детские пинетки, женские трусики и мужские накладные усы. И ты эту предоплату тут же — или в наличку, если получится, или в другой банк, что получится наверняка. Я тут ничего не выдумал. Вполне реальный случай. Он имел место как раз в Иркутске.

А если ты очень храбрый и где-то даже отчаянный, то позвони, а лучше отправь письмо какому-нибудь не слишком высокому, но и не слишком низкому государственному, политическому деятелю, бизнесмену. Скажи, а лучше напиши, что, дескать, удалось тебе собрать на него изрядное досье — а в нем сплошной компромат. Так вот и получается: или деньги на бочку, или досье передается в газету или на телевидение. Можно получить изрядный куш, если, конечно, останешься жив. Но, как показывает практика, часто действует безотказно. В мое время во всяком случае действовало. Да вот и ныне довелось услышать, что в далеком Якутске завелся такой вот потомок Остапа Бендера. Слал тамошним видным деятелям письма, в коих требовал раскошелиться, поскольку знает, какой именно скелет — согласно старой английской поговорке — они держат в своем платяном шкафу. Как там и что — мне не ведомо, но нашелся только один человек, который осмелился пожаловаться на шантажиста в компетентные органы. Только один. Сильно подозреваю, что этот бизнес манит многих. Но уж больно он опасен. Голову могут враз открутить. Причем, не исключено, что и сами компетентные органы.

Постулаты теории мошенничества

Я вам скажу, что было самым главным в моем деле.

Во-первых, умение слушать. Лохи у нас удивительно болтливы. Он еще до столицы не добрался, а уже выложил соседу по купе, а то и просто человеку, с которым столкнулся в тамбуре, когда вышел в него покурить, цель своей жизни. Лох много говорит в гостинице, в буфете, в пивнушке, в окрестностях магазинов, в ведомственных курилках...

Во-вторых, лоху не надо ничего предлагать — достаточно всего лишь намека. Он должен сам просить об услуге, умолять. И ни в коем случае не спешить с осуществлением его заветной мечты! Лох должен почувствовать напряжение, неподатливость — тогда поверит.

В-третьих, ни в коем случае не переигрывать, впрочем, недоиграть тоже нельзя. Это вам не кино, где можно переснять дубль. И не театр, где за вашу ошибку вы рискуете всего лишь получить нагоняй от режиссера. Допустим, изображаю я рай-исполкомовского деятеля, который якобы волен вписать фамилию лоха в список членов будущего ЖСК. Надо обязательно устроить сцену своему напарнику, приведшему к тебе лоха: дескать, все это противозаконно, дескать, мне и так пришлось отказать сыну академика или дочке народного артиста, это ж всех можно под монастырь подвести, дескать, сие вообще не от меня зависит, а тот, от кого зависит, ни за что не согласится... Немудрящая сцена, но все в ней должно быть выверено до последнего жеста и гримасы. И к лоху надо выйти обязательно из кабинета — лучше всего из приемной "самого", обязательно при этом надо небрежно повернуть голову и сказать себе за спину: "Я буду через полчаса". В-четвертых, надо всегда знать все пути отхода. И еще — но это для особо одаренных — хорошо бы менять внешность, лучше в сторону ее запоминаемости — отрастить усы, надеть очки, можно воспользоваться париком, можно заметно припадать на правую ногу, короче: нужна бросающаяся в глаза деталь, лох запомнит именно ее — на самом деле не существующую. Хорошо еще на глазах лоха сесть в черную "Волгу" с шофером и сказать так, чтобы лох услышал: "В Моссовет, и так уже опаздываю".

Красота штучной работы

Наконец нужен кураж. Я вас уверяю: я никогда не работал ради одних только денег. Если бы все обстояло именно так, то куда проще было бы не устраивать спектакль, а завезти лоха в тихое, темное место... И всех дел: приставить к его горлу нож и заставить вывернуть карманы. Нет, мне надо было испытать то не поддающееся описанию чувство, когда... Нет, это не чувство власти. Это чувство превосходства, которое ты сам себе доказал на ровном, что называется, месте.

Вот почему, спрашивается, многие обожают рыбную ловлю? Не из-за пропитания, надо полагать. Любителю важен процесс. Ему надо пережить азарт. Взбодриться, черт возьми. Стряхнуть пыль с ушей. Так рыбаки что делают? Прикармливают, лески невидимые изобретают, с наживкой мудрят, изучают рыби повадки. Ждут поклевки часами — мерзнут, мокнут, жарятся на солнце ради нескольких секунд торжества. А улов несут домой для похвальбы, потом они его кошкам отдают. Вот и я капиталов не скопил. Более того, в зоне меня подстерегла астма, и я стал инвалидом. Но ведь за все приходится платить. Я это знал с самого начала, так что к теперешней своей беде отношусь вполне философски.

И вот что я еще скажу. Труднее всего и интереснее, когда перед тобой один единственный лох. Когда он один, в нем кипит инстинкт самосохранения, он напряжен, он прекрасно знает, что уязвим. Попробуй его такого грамотно подвести к наживке, попробуй сделать так, чтобы он не разглядел острого крючка, на котором она болтается перед его носом. И ведь еще надо приложить немалые усилия к тому, чтобы он, проглотив ее, не сорвался с крючка. Штучная работа. И результат ее, как правило, невелик. В самом деле: что такое один лох? Одним лохом, как говорится, сыт не будешь. А крупная рыба — очень редкая удача. И не дай Бог, чтобы к твоей удочке не подплыла акула — от тебя тогда и воспоминаний не останется.

С двумя лохами работать легче. Они, конечно, боятся. Но к этому естественному страху уже начинает примешиваться другой: как бы отирающийся рядом конкурент не ухватил вожделенный кусок первым. И совсем просто иметь дело с массой. Она податлива. Лишена индивидуальности. С вечера перегородил реку в нужном месте переметом, а утром собирай улов. Ну-да: организуй рекламу, сообразуясь с чаяниями российского обывателя, который хочет лежать на диване и глядеть на небо в алмазах. Пообещай ему с три короба. Найми артистов, которые разыграют для лохов несколько немудрящих сценок неожиданного обогащения и стриги, стриги, пока не запахнет жареным, пока не настанет пора сматывать удочки. Мошенничество в промышленных масштабах, обман с индустриальным размахом. Прибыльно. Но невероятно скучно. Не изящно...

Нет, ни Мавроди, ни “Властилине”, ни даже нынешнему государству, сумевшему внаглую кинуть миллионы своих граждан, памятников не поставят. Зато памятник Остапу Ибрагимовичу Бендеру уже есть. И, кажется, не один. Вы уж простите меня за самонадеянность, но я примажусь — в духовной ауре вокруг этого памятника можно разглядеть и частицу моей грешной души. ■

Николай ДМИТРИЕВ

ВОРОНА

*Ночует под окном моим ворона
У липы на серебряном плече.
Над ней горит из инея корона
В закатном зеленеющем луче.*

*И лишь к утру она пошевелилась,
Стряхнула иней, улетая прочь.*

*... Не верю я, что ей помойка снилась
Всю эту очарованную ночь.*

* * *

*Берега поземкой обметало.
Я в осоку ломкую войду:
Сотни светлых пузырьков метана
Под ногами хрупают во льду.*

*А вглуби, хоть ухо и не слышит,
Ил зелено-бурый вороша,
Все-таки ворочается, дышит
Речки замурованной душа.*

*Жутко от январской акварели.
Но в лиловый сумрак и мороз
Ей приснились лягушачьи трели,
Жестяные шорохи стрекоз.*

*И тепло зеленых от прополки
Женских рук, и выверки мальков,
И коней опущенные холки,
И венок из блеклых васильков.*

*До сих пор она его колышет,
В полынье до камушка видна.*

*Потому и выжила, и дышит,
Потому не вымерзла до дна.*

СЕРАЯ ПРИТЧА

*Темь. Январь. Дороги нет обратной.
Мир замерз до полной немоты.
Ты попал в плохое время, брат мой,
В разные дома стучался ты.*

*Может быть, кого-то обокрали
Здесь в такой же зимней темноте,
Или люди слишком крепко спали,
Или жили сыто, как нигде?*

*И уже давно от ожиренья
Порвалась от брата к брату нить,
И через золотое ожерелье
Невозможно душу изронить!*

*Выручай, последнее крылечко!
Ты, уже устав себя спасать,
Заглянул в изящное сердечко —
То, что в ставнях любят вырезать.*

*Ты в сердечко заглянул пустое
И спросил насмешливую тьму:
— Смерть проста. Но как принять простое —
То, что я не нужен никому?*

*И побрел ты вдаль, что было силы.
— Неужели все мертво?
— А я? —
Ласково мерцая, спросила,
Дышащая паром полынья.*

*— О, мое тебя утешит ложе
Мягче пуха донный мой песок,
Станем слушать, сердце не тревожа,
Ломкий шум зимующих осок.*

*Знал ты, брат, что все однажды канет,
Но очнулся: вдруг стезя твоя
Здесь, в глуши, кого-нибудь обманет
Обещаньем света и жилья?*

*Понял ты, что надо возвращаться
И поверить все-таки суметь
В то, что окна стали освещаться
И калитки мерзлые скрипеть.*

*Что пока слонялся ты, никчемный,
Там давно уже тоскуют: где,
Где он, путник тот ожесточенный,
Мимо нас мелькнувший в темноте!*

Ольга МОРОЗОВА

Восковой народ

Фото Ирины Стин
и Анатолия Фирсова

фигурки использовали исключительно для каббалистических обрядов: считалось, что подвергнув страданиям воскового человека, можно причинить вред и его прототипу. Много позже из воска делали головы манененов для парикмахерских и ателье. А затем настал черед увековечивания в

Была ли первой Мадам Тюссо?

Обычай снимать восковую маску с лица или делать восковые портреты существовал еще в древнем Риме и был связан с культом почитания умерших. В средневековой Европе хрупкие

воске исторических или просто популярных личностей.

Первым в России интерес к восковому портрету проявил Петр I. Возвратившись из своего вояжа за границу в 1698 году, он привез домой... собственную восковую голову. А во время второго заграничного путешествия

заканал в Амстердаме скульптору Нольму восковые портреты своих любимцев: нарлика Луки и Абрама Петровича Ганнибала. С самого же царя, как известно, сделал слепки, а затем изготовил "царственную восковую персону" знаменитый Бартоломео Растрелли.

В XVIII веке в Европе, а в России — в XIX веке в моду вошли кабинеты восковых фигур и передвижные выставки. Но если самые первые, Петровской эпохи, восковые портреты хранились в Кунсткамере, что уже само по себе указывает на уровень их исполнения, то более поздние "экспозиции" — ни особым качеством, ни художественным вкусом не отличались. Они представляли в основном разнообразных уродцев и входили в состав паноптикумов — проще сказать, балаганов.

К началу века нынешнего подобные заведения имелись практически во всех крупных городах России. Продержались они до семнадцатого года. А там — то ли пролетариату сам факт существования таких музеев и музейчиков показался несовместимым с революционной идеей, то ли свечи были нужнее, — только о восковой скульптуре забыли очень надолго.

Петр I начинает и — выигрывает!

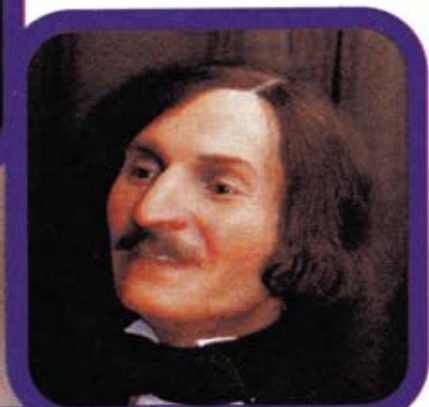
Мог ли предположить лет двадцать назад Евгений Гребенюк, инженер-связист, без пяти минут кандидат наук, сотрудник Арктического института, проработавший целый год в полярной экспедиции, что именно он создаст и возглавит первый в пореформен-

ной России частный музей восковых фигур? Вопрос риторический. Впрочем, не мог он предположить и того, что в один прекрасный день оставит вполне благополучное место в своем НИИ и окажется директором аттракционов Нижнего парка Петродворца. А именно с этого вся "восковая эпопея" Гребенюка и началась.

"Вот отличная, между прочим, идея — музей восковых фигур, — сказала Гребенюку однажды. — Почему бы вам не воплотить ее в жизнь?" Нашлись и единомышленники, ухитрившиеся сделать восковую голову Петра I. Голову упрятали в черный бархатный футляр, устроенный таким образом, что, когда его открывали, голова сама поднималась наружу. С этим первым экспонатом и отправился Гребенюк по начальственным кабинетам.

То ли самой затее пугались чиновники, то ли головы без туловища, — но ни денег, ни помещений, ни своего покровительства никто давать не хотел. Лишь респектабельный музей-заповедник в Петродворце согласился сдать в аренду новиспеченной частной фирмочке угол и обещал дать знную сумму на восковые фигуры для экспозиции. Открылась она летом 90-го, в здании Большой оранжереи Нижнего Парка, а составили ее 20 фигур дома Романовых.

Успех способствовал тому, что уже через год, незадолго до августовских событий 1991 года была готова вторая экспозиция. С названием — "Россия: террор или демократия?" — устроители попали в самую точку. Народ в дни путча, ночуя с митинга на митинг, независимо от политических при-

страстей и убеждений, обязательно заглядывал на выставку.

Точным оказалось название и следующей экспозиции — "Великие авантюристы". После ее открытия в 1994 году жизнь подкинула нам столько ярких персонажей, что лепить всех — восна не хватит, а во дворце Белосельских-Белозерских на Невском, где музей теперь занимает крыло первого этажа, — места.

Видимо, держась подальше от греха, создатели назвали четвертую экспозицию более обтекаемо: "История государства Российского". Все 100 фигур в ней — российские монархи и их сподвижники, военные и государственные деятели, царские фавориты и ковар-

говорит один. — Где шили?" "В Париже, знаете ли". "Вот как? А далеко ли это от Бердичева?" "Верст тыща будет". "Снажите на милость! Такая глушь — а как шьют!"

Это, разумеется, шутка. Но восковые фигуры и впрямь делают в изрядном отдалении от дворцов, проспектов и прочих прелестей роскошной жизни — в пригороде Санкт-Петербурга Ломоносове, он же Ораниенбаум. И, представьте себе, производство Гребенюка нынче одно из самых стабильных и уважаемых в городе. Дающее городку целых 150 рабочих мест и исправно выплачивающее все налоги. Большинство из двухсот ныне существующих фигур создавались именно здесь. И сегодня работы хватает: идет изготовление полутора десятка новых экспонатов и реставрация старых, каждый раз требующая после выставочного проката по городам России и ближнего зарубежья.

Кроме восковых фигур, костюмов для них и всякого рода деталей, призванных "работать на образ", в мастерских изготавливают и предметы интерьера для Петродворцового музея-заповедника. А еще делают на продажу совершенно бесподобные и неслыханно дешевые кисти и подхваты для занавесей и портьер. Рядом с ними сирийскому и турецкому импорту делать нечего.

В мастерских вообще производят массу вещей, о которых говорить можно, либо стоя навзрынку и с патристической слезой в глазах, либо склонившись в глубоком поклоне. Тут флаги и штандарты президента России, маршальские жезлы (в частности,

ные интриганы, бунтари и самозванцы — мирно обитают под одной крышей и даже, как утверждают знающие люди, играют по ночам в карты, флиртуют и мило шалют. Но об этом несколько позже.

Такая глушь — а как шьют!

Анекдот. Встречаются двое. "Накой, однако, на вас франк! —

для маршала Сергеева), и бунчуки и лиры для Президентского оркестра, киверы и форма для Президентского полка, включая погоны, пуговицы, ансельбанты и прочее. Знаменный флаг для церемонии захоронения последнего императора России был также выполнен здесь.

"Эмма — это я!"

Говорят, Флобер, когда его спросили о секрете обаяния и жизненности образа мадам Бовари, ответил: "Эмма — это я". Точно так же может сказать о своих "героях" Евгений Гребенюк. Хотя над каждым произведением работают до 14 и более человек,

основной генератор идей, конечно же, он. Будь возможность, количество фигур можно было бы довести до 300, создав тем самым из некоторого первоначального хаоса систему. Поскольку (по Гребенюку) число людей, имеющих причастность к тому или иному событию, в общем-то, невелико. От времен Христа нас отделяют всего-навсего 40 поколений. Иное дело, что все они связаны между собою династически и прочими связями. Вот это-то и важно понять и почувствовать. Особенно, если хочешь создать не потешный балаган, а портрет России в интерьере мировой истории.

Но пока эти дерзкие замыслы реализовать не удастся. Музей перенаселен, словно "коммуналка" 50-х. В иных разделах экспозиции соседствуют фигуры людей, которые при жизни даже не встречались. А вот Наполеона, например, и поставить некуда. Поэтому планы (колоссальный пробел — Великая отечественная война!) остаются планами. Зато есть возможность подумать о

том, что уже существует и живет тихой музейной жизнью.

Сам Гребенюк считает, что у него как создателя музея восковых фигур всего лишь две заслуги: абсолютно беспристрастное отношение к историческим персонажам и качество фигур. (Объективность его самооценки подтверждает и такой фант: директор знаменитого лондонского музея Мадам Тюссо после посещения одной из экспозиций музея Гребенюка отназвался от затеи создать в Питере собственный филиал, отметив, что наши "персоны" отличаются художественным качеством от английских в лучшую сторону.)

"... И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой..."

Назалось бы, ну какие могут возникнуть сложности в работе над восковым портретом — при современной-то технике? Садится человек, видеокамера фиксирует его со всех сторон, данные вводятся в компьютер — и портрет готов. Хотя в бронзе, хоть в воске, хоть в ином материале. Но, как мрачновато шутит Гребенюк, его "клиенты" в большинстве своем уже давно нигуда не садятся, а ныне живущих тревожить подобными предложениями — себе дороже.

Поэтому в ход идет все, что можно отыскать в "культурном слое" — архивах, кинохронике, мемуарах, живописи, художественной литературе. Пути при этом оказываются неисповедимы до такой степени, что и представить

себе невозможно. Совершенно демонический портрет знаменитого террориста Дмитрия Каракозова изготовили всего лишь по двум

фотоснимкам, в полиции сделанным. Портрет Фанни Каплан — тоже. А вот скульптуру Ельцина переделывали шесть раз: анфас — вылитый президент получается, в профиль же — неизвестно кто. Хотя уж тут-то на нехватку исходного кино-, фотоматериала жаловаться не приходилось.

Сложности были и с Горбачевым. А вот портрет Наталии Гончаровой для "Пушкинской выставки" получился дивным, несмотря на то, что достоверных документов о ее персоне нашлось не так уж и много. Живописные свидетельства в большинстве своем крайне обманчивы, ведь художник пере-

дает свое видение человека, его лица. Именно по этой причине не вполне удачным оказался портрет княгини Голицыной (той самой, что стала для Пушкина прообразом "Пиновой дамы").

Часть восковых портретов — Ярослава Мудрого, Ивана Грозного, Софьи Палеолог, Тамерлана, адмирала Ушакова и ряд других — изготавливалась с использованием технологии, разработанной М. Герасимовым и его учениками в знаменитой Лаборатории пластической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН. Ученые, кстати, с огромным интересом участвуют в создании вос-

новых персон. Ведь просто реконструкция — это одно, а когда скульптор "делает" персоне мимику, взгляд, "оживляет" даже характер — это уже совсем другое.

Иногда приходится "вдыхать жизнь" и в животных, как, например, в лошадь маршала Маннергейма. Было известно, что кобыла у него была ганноверской породы, потомок крупных и сильных животных, выведенных специально для того, чтобы парой — вместо обычной шестерни — тащить артиллерийское орудие, давая тем самым трехкратную экономию средств для армии. Едва ли не единственного "ганноверца" в России нашли, как ни странно,

практически под боком, в конюшнях стадиона имени Нирова. Правда, нашли не кобылу, а жеребца — но выбирать не приходилось. Конь оказался огромным и норовистым. Рассказывают, что когда его вывели из денника для видео- и фото съемки, многие присутствующие на всякий случай спрятались в безопасное место...

Срочно требуются русые волосы

Это правда: любой, даже самый качественный искусственный материал по сравнению с настоящими волосами проигрывает. Поэтому мастерские охотно приобретают волосы у населения. (Благо

первый этаж здания, где расположены мастерские музея, занимает паринмажерская, а там у Гребенюка "свои" люди.)

Предпочтение отдается светлым волосам. Дело в том, что волосы присутствуют на восковой персоне не в виде парика, а по волосинке впаиваются особым образом в глыбу "ножи". И "норни" темных волос очень заметны сквозь воск. Поэтому обычно используют светлые волосы, а затем уже красят, стригут и причесывают. Кроме, разумеется, тех случаев, когда описанный эффект входит в замысел автора. Тимуру, например, сначала подсадили на манушку темные волосы, а затем сбрили, создав тем самым на его голове эффект пробивающейся щетины.

Вообще же головы достаточно часто моют: пыль и грязь к ним буквально липнет. Говорят, зрелище это презабавное: головы без туловища моют в ванной, и размокший грим стечает у них по щекам совсем как у модниц под дождем.

Бдительно следят музейщики и за одеждой восковых персон, которым, кстати, абсолютно не чужда чисто человеческая проблема — "денег нет и надеть нечего". Ну не так, чтобы уж совсем, конечно, "нечего"... У Гребенюка за годы собралась богатейшая коллекция костюмов самых разных эпох, народов и сословий. Есть в ней и новодел (очень хорошего качества), есть вещи подлинные (как, например, одно из двух платьев императрицы Александры Федоровны), есть театральные костюмы — как современные, так и дореволюционные. Что-то из этого великолепия ис-

пользуют в первозданном виде, что-то держат лишь в качестве образцов. Есть даже коллекция нижнего белья.

Но этого гардероба не хватает. Особенно у воскового народа напряженно с обувью. Вот для Хрущева, например, нашлось сразу несколько вышитых сорочек, пиджачок — высший сорт, а вот сандалий нет. А хочется. Ну что, в самом-то деле, такое: сидит Нинита Сергеевич как настоящий, а на ногах ботинки совсем не из той исторической эпохи. Обидно!

Байки из музея

Экстрасенсы, в немалом числе осаждающие дворец Белосельских-Белозерских, где "прописаны" нынче исторические персоны Евгения Гребенюка, уже до смерти надоели дирекции своими рассказами о том, что они "видят" и "чувствуют", находясь в его стенах. Однако и сами сотрудники признают, что порой в музее происходят невероятные вещи. Микрофоны-датчики в опечатанных залах, например, нет-нет да и доносят до пульта дежурного какие-то шаги, понашливание, сдавленный смех. Иногда предметы, оставленные вечером на одном месте, утром находят совершенно в другом. Часто во время фото- и киносъемок музейных персон отказывает аппаратура (причем буйствует чаще других Иван Грозный). Хотите — верьте, хотите — нет, а персонал, как признавались мне собеседники, весьма неохотно перемещается по музею в сумерках. Особенно в тех залах, где выключатель находится в глубине комнаты.

Бывают и случаи совершенно анекдотические. Забрела однаж-

ды в музей кошна. Ее оставили — животное оназалось славное, чистенькое. А она совершенно необъяснимо полюбила дремать на руках у Григория Орлова. Дремлет она, посетители умиляются: надо же, кошечка-то как настоящая. А кошна возьми да и проснись! Еще и потягивается в свое удовольствие. Визгу, крику!.. На такие случаи хранительницы музейных залов всегда держат нашатырь и валерьянку.

Случалось и повеселее. В своем первом обиталище, в Оранжерее Петродворца, музей имел параллельный со служебной столовой телефон. Вот однажды кухонная девушка, не докричавшись, пошла звать кого-то из музейщиков к телефону сама. Заглянула в первую же дверь — люди сидят. Окликнула — нет ответа. Подошла, тронула кого поближе за руку — а она холодная. И у сидящего рядом — тоже. И лица у всех бледные...

А еще был случай — потребовалось перевезти часть экспозиции (около сорока фигур) из музея в другой выставочный зал. Заказали автобус, расставили фигуры: кого посадили, кого поставили в проходе. Сначала взбунтовался было водитель; уговорили его, улестили — поехали. А по пути следования у каждого светофора, особенно в людных местах, разыгрывалась одна и та

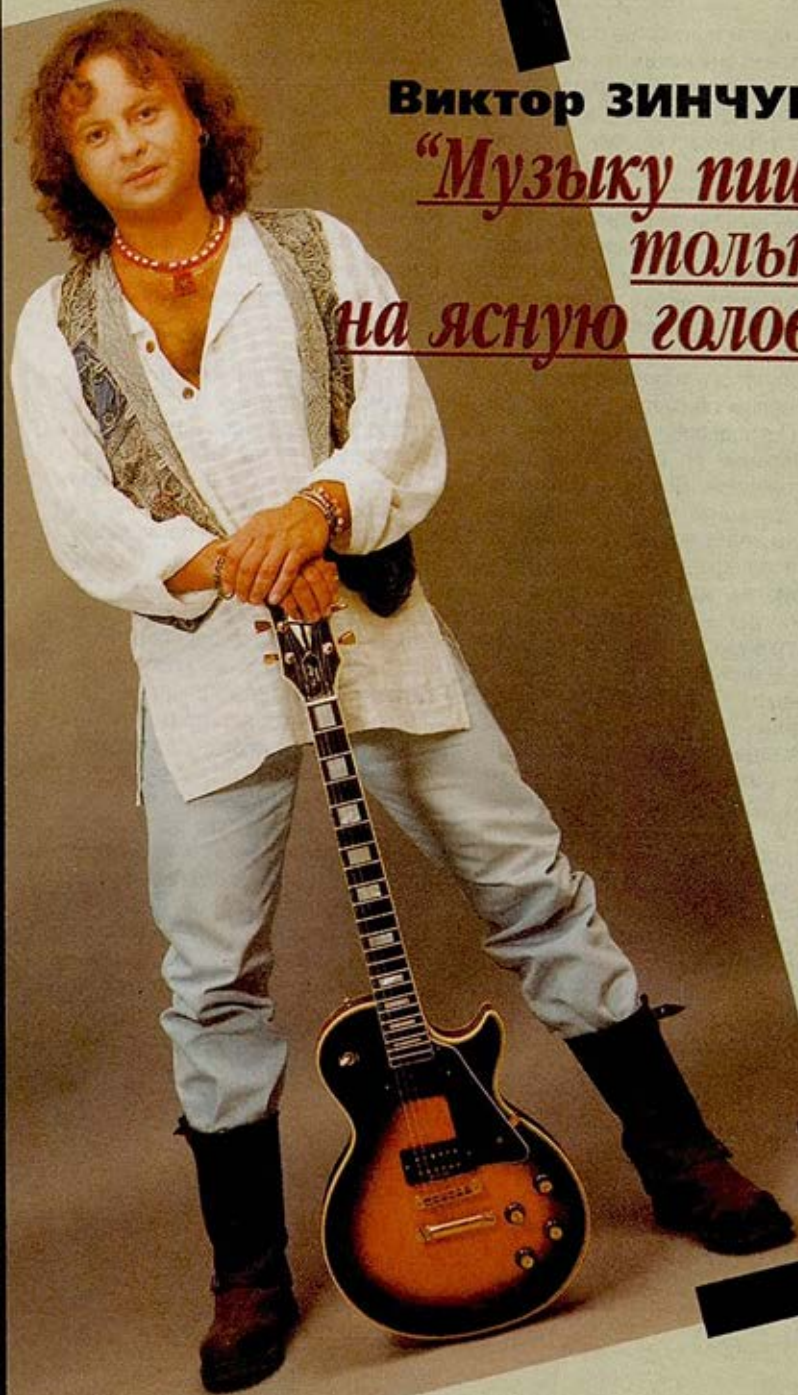
же сцена. Смотрят граждане: в автобусе Лаврентий Палыч Берия собственной персоной, Ленин в позе пламенного оратора, Нестор-летописец в монашьем одеянии, дамы в паринах — не угадаешь кто... Народ цепенел, авоськи из рук ронял. Довершал дело батька Махно, тяжелым взглядом смотревший в заднее окно, опершись на поставленную на сиденье ногу.

Как короля играет свита, так этот музей восковых фигур — его экскурсоводы. Здесь нет случайных людей, нет дилетантов. Каждый — специалист в каной-либо области. Каждый — вдохновенный актер, играющий по нескольку раз в день новый и новый спектакль, ибо об одних и тех же персонажах можно говорить с абсолютно разных точек зрения. Поэтому нередки случаи, когда посетители, прослушав пояснения одного экскурсовода, приходят послушать уже другого. Благо входные билеты стоят два червонца, а детям — вдвое меньше.

— Не коммерсант я, — комментирует Гребенюк. — Вернее, не в той степени коммерсант, как хотелось бы. Можно, конечно, сделать билеты дороже — но в городе сегодня и так немного мест, куда можно пойти, например, с семьей. А музей без посетителей — это уже не музей. ■

Виктор ЗИНЧУК:

*“Музыку пишу
только
на ясную голову”*

Гитарист-виртуоз, он когда-то мечтал стать музыкальным педагогом, но после школы подался... в металлургический институт. Правда, довольно быстро поняв, что это не его призвание, бросил. Поступил в музыкальное училище по классу гитары. Окончив, играл в оркестре радио и телевидения у Юрия Силантьева, потом в "Арсенале" у Алексея Козлова, чуть позже перешел в группу Юрия Антонова. Как-то друзья уговорили Виктора поучаствовать в музыкальном фестивале "Ступень к Парнасу" в качестве вокалиста, мол, рискни, народ о тебе узнает, по телевизору покажут. Показали. Зинчук занял третье место...

— Виктор, почему перестали петь?

— Слишком много певцов появилось... Иногда встречаются даже с голосом и слухом. Чтобы не затеряться в толпе поющих, решил осваивать гитару, благо многим нравилась моя игра. Правда, в концертах сегодня я пою, но совсем немного.

— Вы играете и хард-энд-хэви, и блюзы, и рок-н-ролл, и классику. Другие гитаристы-виртуозы, типа Гарри Мура, Стива Вэя, играют музыку всех стилей. А вы к какому музыкальному жанру тяготеете?

— Я играю то, что мне интересно. Или в зависимости от настроения... Еще пишу музыку сам, исполняю ее в концертах. Моя новая программа "Неоклассика" проходит "на ура".

— К вам на концерты приходит разная публика. Но по ТВ "крутят" только "24-й нарис" Паганини. Не боитесь потерять поклонников рок-музыки, увлекаясь классиной?

— Не боюсь. Многим ронерам нравятся мои версии "Наприса" и "Кольбельной" Гершвина.

— У вас просто ошеломляющая тяга к учебе. Сразу после защиты диплома в институте культуры вы отправились в Музыкальную академию в Сан-Марино...

— Часа два я играл перед комиссией на самых разных гитарах, разную музыку, с разнообразными составами. Классику, рок, джаз. И меня произвели в почетные магистры. Долгое время я там преподавал мастер-класс игры на гитаре, но сейчас работаю у нас в Школе изящных искусств.

— В последнее время у гитар появилась масса "примочек", эффектов. Вы хорошо разбираетесь во всех этих компьютерных, технических премудростях?

— Все новое, что происходит в гитарной индустрии, я, естественно, знаю. Читаю специальные журналы. Но вообще в технике разбираюсь не очень. Вот недавно машина заглохла возле дома, так меня толкал весь двор. Да еще подшучивали: "Этот Зинчук ничего, кроме гитары, в руках держать не может!"

— Наверное, уже объехали с гастрольями земной шар?

— Почти. И что приятно, на мои концерты ходит не только русскоязычное население, как на других наших артистов. Рассказывать, где я был, очень долго, лучше скажу, где не был. Например, в Америке, и пока туда не собираюсь. Мне ближе Европа. Сейчас увлекся ирландской музыкой, мечтаю побывать в Дублине.

— Все пишут музыку в разной атмосфере и состоянии. Вот, например, Россини и Штраус специально пили в компании друзей

шампанское, а после убегали в другую комнату и там записывали на салфетке ноты.

— Я пишу музыку только ночью и обязательно, когда все спят. Мелодии же приходят почему-то в момент, когда кого-то становится жалко. А вот после просмотра телевизора вообще не тянет ничего писать. Но после фильма "Армагеддон" (мне очень было жалко Брюса Уиллиса, и я даже пустил слезу мужскую слезу) получилось. Только сразу снажу: пишу я исключительно в трезвом виде. Мне допинги не нужны. Да от допингов ничего хорошего и не рождается. Помните слова Элтона Джона: "Я писал под впечатлением наркотиков, и мне казалось, что это было великолепно. Но оказалось все ерундой". Знаю, есть в шоу-бизнесе люди, пишущие под найфом, но у них либо слабые произведения, либо они заканчивают очень плохо. Правда, когда-то пробовал наркотики, но вовремя одумался. Сейчас позволяю себе пару рюмок коньяка после концерта и вино на отдыхе в Италии, благо его там много. Так устаю от поездов, людей, эмоций, что пассивный досуг очень кстати. Люблю посидеть у телевизора, посмотреть видеофильмы, особенно фантастику. Да и наши старые фильмы часто пересматриваю. Например, "Неоконченную пьесу для механического пианино" могу смотреть сто раз.

— А на гастролях не расслабляетесь?

— В самом начале карьеры приходилось играть и петь под пулями. Дело было в Афганистане. Мы туда вместе с Валерием Леонтьевым ездили. Конечно, в

атаку не ходили, но пострелять нам давали. А вот на гастролях в Италии, когда посетил в Парме могилу Паганини, возникла какая-то мистика. Когда положил на могилу цветы, вдруг среди ясного неба прогремел гром. А потом, вернувшись в Москву, сначала сломал руку, а потом палец. Меня вообще подобные случаи сопровождают. Такая невезучесть. Судите сами. Я постоянно теряю билеты на самолет и паспорт. И узнаю об этом в самый последний момент, перед вылетом. Или иду по кухне, а на плите в кастрюле жир кипит. Ну, я обязательно кастрюлю задену, и все мне на ногу выльется. Или вот последний случай. Хотел гуталином ботинки почистить, выжимаю тюбик, а крем не выжимается, видимо, засох. И я решил посмотреть, что там такое случилось. Правда, в последний момент глаза уберег, но не уберег потолок. Теперь придется ремонт делать. Вообще, я верю во всякие там сглазы, привороты. Обращался пару раз к экстрасенсам... Вроде, помогало. Но я пришел вот к какому выводу: если во всю чушь верить, то какая-нибудь гадость обязательно сбудется. Как приметы, например. Раньше мог отменять мероприятия, встречи только из-за того, что, забыв какую-нибудь мелочь, возвращался домой.

— А если непременно надо было куда-то попасть?

— Конечно, на свой страх и риск выезжал из дома, но до этого проделывал манипуляции: смотрелся в зеркало, говорил отражению "здрасьте", плевал через левое плечо... А если всего этого не делал, приметы сбывались. Но

стал бороться со своей невезучестью. Понял, нельзя винить обстоятельства, надо винить себя. И все-таки приобрел нучу оберегов, талисманов.

— У вас на компакт-диске "Неоклассика" изображены двенадцать ангелочков. Это тоже талисманчики?

— Да. Игрушечных ангелочков я привожу из разных стран, коллекционирую. Их еще не так много, но это дело времени.

— С вашим именем не связано ни одного скандала. Вы очень положительный человек?

— Нет. Просто я много пережил в жизни тяжелых моментов и после этого стал относиться к людям по-другому. Я в любом человеке хочу найти что-то хорошее. Да и в скандалах не вижу ничего интересного. Только получаешь отрицательные эмоции. К чему они? Если я себя буду как-то глупо вести, мне будет стыдно перед людьми, перед сыном, в конце концов...

— Известно, что в свободное время вы играете за футбольную команду звезд эстрады "Фортуна" и именно на поле сломали палец. После травмы не хотелось бросить футбол?

— Нет, ни в коем случае. В детстве я "не доиграл" в футбол. Когда мои сверстники гоняли по двору с мячом, мне приходилось бегать в музыкальную школу, на репетиции. Но когда тебе уже за 30, то становится сложнее выдерживать недосыпания, переезды, перелеты, перегрузки. Спорт помогает восстановить силы. Тем более, что наша команда дружная, у нас нет выяснений типа "кто из нас круче". Я в команду хиленький пришел, играть совер-

шенно не умел, а сегодня уже могу похвастаться своей игрой.

— Какое место занимаете на поле?

— Я полузащитник. В паре с Винитором Салтыковым.

— Какие матчи запомнились больше всего?

— Да их столько было! Вот недавно играли с женской профессиональной командой. Они нас обыграли. В последний момент один наш футболист забил гол в собственные ворота. Но больше всего запомнился матч, проходивший в Лондоне, на Уэмбли. Играли против команды лондонского телевидения. Сначала нас атаковали 1:0, но потом мы отыгрались. Приятно вдвойне: во-первых, выиграли, а, во-вторых, играли на стадионе, где выступали все знаменитости Европы и Америки.

— Страховая фирма "Принципал" застраховала ваши руки на 500 тысяч долларов. А вы руку ломаете...

— В прошлом году фирма аннулировала со мной контракт. Наверное, из-за моей невезучести побоялась разориться.

— Вы виртуозно исполняете композиции классиков. А кто из них ближе вам по духу?

— Близок Бах. Он, как и я, был веселым человеком, но писал грустную музыку. И в жизни у него происходило много трагических моментов. Замечу, что некоторые поклонники считают меня вторым Паганини. Ну уж, не знаю... Впрочем, его и сорока годам мучили боли в руках, и у меня в последнее время что-то случается с руками...

*Беседу вела
Галина СИРИК.*

■ В январе у нас, в селе Боговаровском Ностромской области, сгорела школа — десять классов-кабинетов, спортзал, учительская, кабинеты директора и врача, канцелярия. Почти все жители села помогали выносить школьное имущество, но многое спасти не удалось: к школе нет подъездных дорог, и пожарным было очень сложно гасить пламя.

Второе полугодие вынуждены учиться в две смены в разных помещениях, плохо приспособленных для учебы. Конечно же, заниматься неудобно, особенно тяжело учителям — уроки им приходится вести без учебных пособий.

Областной бюджет на строительство новой школы выделяет всего 30% необходимых средств, а остальные 70% должен дать наш район. Но у района нет таких денег. Выходит, нам в следующем учебном году учиться будет негде, а ведь в школе 706 учеников.

Мы, сельские школьники, просим: помогите построить в нашем селе новую школу — мы очень хотим учиться.

Реквизиты для помощи:
ИНН 4420000307. Отдел образования администрации Октябрьского района Ностромской области.
Банк получателя: Дополнительный офис № 3417 Ностромского регионального филиала АНБ "СБС-АГРО". Р/с № 4060381033 4170000010. БИК 043469706.

К.с. № 301018108000000000706.

Будем благодарны за книги для школьной библиотеки, за наглядные пособия, тетради, ручки.

**Ученики
Боговаровской школы**

Костромской обл.

■ Уважаемая "Смена"! С большим интересом прочитала в № 11-12 за прошлый год очерк-рассуждение Виктории Мурашевой "Женишок из Парижа". Тема очень актуальная, история рассказана неординарная, и все равно у каждой женщины, я уверена, есть что добавить к этому свое, наиболее интересное. Ведь, похоже, в нашем отечестве и женихи-то различные перевелись. Иначе чем объяснить удивительное стремление россиянок выйти замуж обязательно за иностранца?

За границей, конечно, чище, комфортнее, спокойнее. В цивилизованных, разумеется, странах. Но сплошь и рядом бывает так, что вместо двухэтажного коттеджа с лимузином в гараже новобрачная оказывается в тесной квартирке с видом на помойку и до боли родными тарананами. А молодой муж объясняет, что никаких перемен в ближайшем будущем не ожидается, потому что денег нужно откладывать на черный день, на старость. "Вот тогда и заживем!" — мечтательно гово-

рит он, и у новобрачной возникает стойкая ностальгия по российскому Васе, который просто не успевал донести до дома очередную посылку.

Или коттедж имеется, лимузин — тоже, но все свободные деньги муж тратит на безумно дорогие и совершенно нечитабельные книги по дзэн-буддизму или теории чистого разума в сопредельных галантинах, а все свободное время стоит на голове или ездит на велосипеде по местным проселкам, требуя, чтобы жена разделяла оба его увлечения. С тем, что она не может читать его любимые книги, он еще готов примириться — языковой барьер. Но в вопросе о велосипеде остается непреклонным, а на голову не понимающую своего счастья жену норовит поставить собственноручно. А как же "красивая жизнь", которую в кино показывали? А она тут у каждого своя.

Или еще один тип заморского мужа: семьянин. Отверев от феминистских законов своих соотечественниц, таной мужчина признает только один тип женщины: босая, беременная и на кухне. Он не бежит на сторону, не пьет, не курит, не откладывает каждую копейку "на старость". Он внаваливает, как лошадь, требуя от жены только ухоженного дома и по рубенку в год.

Можно до бесконечности перечислять те неприятные сюрпризы, которые ожидают наших Маш и Даш за рубежом, только стоит ли? Вместо этого хочется дать один совет: не стесняйтесь быть любопытной. Старайтесь узнать о своем будущем муже как можно больше, даже если для этого придется прибегнуть к помощи пере-

водчика. Расплывчатые ответы, типа "увлекаюсь музыкой и туризмом" не несут практически никакой информации. Какой музыкой? Сам играет или только слушает? Наним туризмом? В самолете первым классом или с рюкзаком за плечами по скалистым горам?

А уж образом жизни и основными принципами избранника тем более следует поинтересоваться. Сколько денег он намерен давать на ведение хозяйства? На карманные расходы? На развлечения? И сколько он вообще получает? Какие обязанности по дому будет выполнять он сам, а какие намерен поручить вам? Хочет ли иметь детей и если хочет, то сколько? Есть ли у него друзья и как часто он с ними общается? А главное, как он себе представляет роль его жены, то есть вашу роль? Можно избежать многих неприятных сюрпризов, если заранее расставить точки над "i".

Конечно, если это — любовь, то все остальное как бы и не имеет значения. Но любовь имеет неприятную особенность проходить. Вместо нее могут прийти привычка, уважение друг к другу, взаимные интересы, общее дело, наконец. А могут и не прийти. И тогда жизнь с человеком посторонним, непонятым и в общем-то чужим окажется не слишком приятной.

Даже если этот человек — иностранец.

P.S. Как вы понимаете, все то, о чем я тут написала, мне пришлось испытать на себе. Вот уже год, как вернулась в свой любимый город, свободная и даже, как ни странно, по-своему счастливая.

Нателла Извекова,
Санкт-Петербург

Фредерик РЭФЭИЛ*
НАТЮРМОРТ

Они работали в одной газете. Она вела страницу мод, он, юрист по образованию, занимался новостями экономики. Он женат, она замужем — жизнерадостно общались они друг другу, впервые стоя у широкой кровати с лимонными простынями, и пусть оно так и будет. В конце концов имелись дети, о которых следовало подумать, так что положение дел устраивало обоих. Она очень неплохо относилась к мужу, основной недостаток которого состоял в том, что он писал сценарии в сотрудничестве с типом по имени Рональд, и этот Рональд вечно торчал у

* Фредерик Рэфзил — английский писатель, сценарист, драматург и литературовед. На его счету полтора десятка романов, две литературные биографии, переводы Катулла, теле- и радиопьесы, киносценарии.

них в доме и называл ее "милочка". Он же ценил жену за терпение, с каким та выносила их среднего ребенка, толстого и неудержимо болтливую по причине какого-то врожденного дефекта, сладить с которым не смогли ни лекарства, ни деньги.

Оба довольствовались тем, что интрижка не выходила за пределы Уэст-энда, и никогда не проводили вместе всю ночь. Тайнственность и даже спешка служили острой приправой их страсти. Они ужинали в ресторанчике, где он обычно угощал финансистов, специализируясь на вылавливании намеков и новостешек в обмен на довольно приличный кларет и утку подомашнему, которые здесь подавали. Ему льстило, что его видят в обществе эффектной женщины; его жена была слишком здравомыслящей, чтобы носить модные штучки такого рода, да и откуда у них деньги, в самом-то деле? Все началось добродушнейшим образом. "Не сработает, — сказали они друг другу, — и ладно!" Даже когда любовные свидания сделались регулярными, в чувствах все еще оставалось что-то временное, условное.

Однажды летом, когда эта история длилась уже больше года, она сообщила ему, что отправляется в отпуск с мужем (благодарение Богу, без Рональда!) и двумя дочерьми на ферму своих друзей в Горд-дю-Тарн. "Это поразительно, — сказал он, услышав адрес, — потому что мы тоже сняли там коттедж, милах в десяти, не больше!" "Сила судьбы", — произнесла она, словно передразнивая кого-то неведомого. Он с удовольствием смотрел, как, сидя, она покачивает блестящей ногой, перекинутой через другую. Узкая туфелька, соскользнув с нейлоновой пятки, позволяла видеть на стельке позолоченную марку обувщика, пока еще совсем немного потертую. "Нам нельзя встречаться ни при каких условиях", — сказала она. Однако сама возможность того, что, занимаясь своими летними делами, они могут столкнуться ненароком, не могла не заворожить их. Что, если, по случаю, удастся свидеться, когда каждый окажется сам по себе, без семьи? Только подумать!

Они уехали в отпуск. Он не мог не высматривать ее, когда, снабженный аккуратным списком жены, в субботу отправился за покупками в ближний городок. Жена готовила на обед цыпленка с эстрагоном и выразила надежду, что ему не будет в тягость прогуляться по лавкам самостоятельно. Детей в машине тошнило, они отправились на скотный двор посмотреть на новорожденного теленка. Он обошел рыночные ряды, стараясь выглядеть как можно французицей, чтобы сбить цены, и прислушиваясь при этом, не раздастся ли где английская речь. Не она ли там, за свисающими с крюков утиными тушками, в цветастом шарфе? Конечно, нет. На обратном пути к дому, сделав небольшой крюк, он увидел дорожный указатель

с названием деревни, которая значилась в ее адресе, однако удержался и не свернул.

Потом, на неделе, он повез свое семейство к плавательному бассейну рядом с мельницей, где предыдущим вечером они отведали необыкновенно вкусную форель. Там он оставил их и под каким-то пристойным предлогом — осмотреть старинную церковь неподалеку, что ли, — уехал. Это было поблизости от указателя на деревушку. Хотя в той оказалось всего несколько домов, причем два из них были заброшены, пришлось все-таки справиться у местной старухи, луцившей в сито бобы, какая из многочисленных дорожек ведет к ферме. “Le monsieur est sorti”,* — грубовато проворчала она. Он торопливо завел машину. Если и вправду уехал только “месье”, она, может быть, окажется там одна. Старуха не сказала, уехали ли с отцом дети.

Ферма была старинная, в бежевых заплатках бетона, с неладно прорубленными в толстых стенах высокими стеклянными дверьми. Он постучался. Ответа не было. Тогда он постучал еще раз в кухонную дверь камешком, чтобы заострить звук. Может быть, она наверху? Сложил ладони, защищаясь от бокового света, и приник лицом к стеклу, чтобы взглядеться в залитую солнцем комнату. Грязные тарелки с недоеденной яичницей еще стояли на столе. Он взглянул на часы. Пятнадцать минут пятого. Снова прижался к стеклу. Пластмассовая миска с разварившимся, уже почерневшим картофелем. Рядом — рванный пакет с шоколадными пирожными и разломанная булка с куском сыра, вонзенным в клубнично-джемовую рану. Пожухлый кусок ветчины и сегмент старой пиццы, когда-то щедро политой кетчупом, на мятом куске оберточной бумаги. Один из стульев опрокинут, как потерявший сознание. В углу кухни разинул пасть чемодан; выброшенные из него игрушки, куртки и пакеты с крупной кучей мусора лежат рядом.

Он вернулся к машине. Неудобно развернувшись, слишком резко газанул, чтобы по рытвинам побыстрее миновать деревню, и, наконец, уже поспокойней, выбрался на основную дорогу. Едва только он сделал это, как впереди возник ползущий ему навстречу фургон “вольво” с явно британскими номерами, — само собой разумеется, там она и была, на подобающем ей месте, подле своего супруга-юмориста и дочерей-подростков. Те, завидев еще один британский номер, прижали лица к залепленным наклейками (свидетельство того, что машина пересекла Ла-Манш) боковым окнам. “Привет, привет”, — артикулировали они, туманя стекло дыханием. Он помахал в ответ и тоже произнес одними губами: “Прощай, прощай!”

* “Месье уехал” — (фр.). (Здесь и далее примечания переводчика).

Остроугольный треугольник

Он давно знал, что у нее любовник, а она давно знала, что это делает его несчастным. Однажды, сопровождаемая шелестом нарядного платья, она вошла в гостиную и сообщила, что наконец порвала с любовником. Вошла и уселась на ковре у его ног, подставив голое плечо так, чтобы удобно было его руке со стаканом виски. Он не коснулся ее пальцами, а провел холодным запотевшим дном по склону плеча, остановив стакан на синей границе платья. Ледяная капля, ничья слеза, оторвалась и скатилась по белой груди. Она резко повернулась и обещающе посмотрела ему в глаза. "На самом деле всегда был только ты", — сказала она.

Он поднял виски к губам, а она нашла в отвороте его брюк старый билетик, шестипенсовый, надо же, и протянула ему, улыбаясь, словно какую-то смешную улику. Этим вечером она рано поднялась в спальню, приняла ванну и, глядя в запотевшее зеркало, улыбалась тому, что брызжется духами, себя не видя. Наутро она нежилась в пене и была счастлива.

Вечером на завтра комната была подготовлена к возвращению мужа: чтобы доставить ему удовольствие, она продуманно расставила цветы и зажгла напольные лампы. Поглядевшись в зеркало, убедилась, что столь же соблазнительна в добродетели, как дотопле — в пороке. Она предвкушала — и это делало ее движения по-особому томными — то рвение, с которым он будет любить ее. Захочется ли ему повторить острые, жестокие радости прошлой ночи? Захотелось, и она едва успевала дышать от нежной ярости его обновленной страсти. До последней минуты сомневавшаяся в правильности своего выбора, весь следующий день она упивалась тем, что добродетель приносит такие обильные плоды.

Несколько дней спустя, вернувшись домой после сверх обычной затянувшегося рабочего дня, он доставляет себе видимое удовольствие допросить ее поподробней о разрыве с любовником. Очень деликатно — подспудно ощущая, что его страсть подстегивается справедливыми подозрениями, — она рассказывает о кое-каких недостатках человека, о котором ранее не потерпела бы ни единого дурного слова. Он не унимается, и она повторяет снова и снова, что ее возлюбленный плакал, когда она сообщила ему о своем решении, и даже пообещал жениться, если она передумает. Она подходит к мужу, целует и поощряет его, прижимая его руку к своей мягкой груди, и громко за-

держивает дыхание — так, чтобы он слышал, — при внезапном щипке. И все-таки в эту ночь он как-то вял между простынями, которые до того приходилось менять ежедневно. Двумя днями позже он опаздывает на ужин (хотя ее готовка снова сделалась восхитительно пряной) и даже не предупреждает звонком о своем опоздании. Когда он является, виски не служит ему оправданием.

— Что произошло? — спрашивает она, видя, что он сбрасывает пальто, едва не сбросив заодно и пиджак тоже.

— Я его видел.

— Его?

— Его. На улице. С женщиной.

— Ну и что?

— Я уже видел его с ней же пару дней назад.

— Ну и что?

— Они шли, обнявшись. И сегодня она целовала его. Они сидели в такси.

— Зачем ты шпионишь за ним? Все кончено. Я никогда тебе не лгала.

— Она любит его, — говорит муж.

— Но какое это имеет отношение к нам? — Она смотрит ему в глаза и видит в их ледяной глубине прежнюю катаракту недоверия.

— Он бросил тебя, — говорит он.

— Нет, — отрицает она, — нет!

Поднявшись в спальню, она видит, что он складывает свои вещи в чемодан.

Подобные треугольники

Не уютная, расхожая-современная, это была измена с отчаянием и жаром. Иногда, лежа на расчерченной после-полуденными тенями, одолженной или снятой внаем постели, они разговаривали о том, как дорого она им стоит — мук совести, боли, предательства. Домашние, были они убеждены, не догадывались о страсти, которая со стихийной, нерасчисляемой частотой гнала их, пылких, через весь город, на второпях устроенное, а затем скомканное свидание. У них вырабо-

тался даже свой собственный, немногословный и точный язык: после каждой встречи она состригала, на итальянский манер, локон волос с той части себя. Как Байрон волосы Терезы Гуччиоли, он прятал их, черные, блестящие, нежно-хрусткие, в надписанный на свое имя конверт и хранил в нижнем ящике служебного письменного стола. Они никогда не переписывались. Обыденная жизнь их была вполне счастлива — у обоих благополучные, озвученные детскими голосами, дома; прочная семейная упряжь жала, но как бы не слишком, и оба почти не обращали внимания на матримониальные волдыри. Он с уважением относился к ее мужу — тот, одних с ним лет, служил в университете и частенько, очень кстати, отбывал по своим скучным делам в заграничные командировки. Ей же льстила красота его тщеславной до слепоты жены, и то, что он, это было очевидно, находил эту красоту недостаточной.

Иногда, между недоумениями насчет того, где бы это хозяин нынешнего пристанища мог спрятать чай, нагие любовники обсуждали возможность своего собственного, когда-нибудь, брака. Эта возможность заманчиво мерцала впереди, и они игрались с ней, как ослик с морковкой, но, будучи людьми совестливыми, спрашивали себя: не жестоко ли с их стороны ранить так Тома или, если на то пошло, Рейчел? И так, с дразнящим самоотречением они согласились соблюдать *status quo*^{*}, хотя наедине с собой она не могла не посетовать, что положение женщины всегда уязвимей. Ее чувства воспитывались на французских образцах — впрочем, все же скорее на Бовуар, чем на Бовари, так ей нравилось думать. Соглашаясь, в угоду его пристрастию к формальным садам, подстригать свой треугольный кустарник, она с мрачным удовлетворением думала о том, что ее любовь глубже. Он же, со своей стороны, присыпал свои сладостные раны солью опасений, что на самом деле Том ей ближе, чем он. Как самовлюбленный Нарцисс, смотрелся в тройное зеркало.

Скрытный до патологии, осторожный до добродетели, он был карьерным министерским чиновником. Однажды, когда он собирался наведаться к своему шефу, чей последний законопроект только что в пух и прах разнесли в Комитете, по селектору его вызвала секретарша. Любовница редко звонила ему на службу; он снял трубку с нежной тревогой. Она сожалела, что отрывает его, но дело в том, что ее муж, ради научной конференции не в сезон уехавший на какой-то из курортов Неаполитанского побережья, оказался сбит там грузовиком, набитым солдатами. Он отпросился у своего понимающего, но — тот ненавидел и презирал всю частную жизнь в целом — недовольного министра и кинулся в Уайтхолл ловить такси, однако, едучи через весь город, поймал себя на том,

^{*} существующее положение — (лат.).

что мысль о нежеланной комедии избавления от соперника, о потусторонних силах, в том числе и итальянских вооруженных, иронически кривит ему губы, и, спохватившись, позаботился о том, чтобы лицо его приняло соболезнующее выражение.

Но если он когда-либо сомневался, истинно ли его чувство к любовнице, скоро сомнения эти были смыты ее слезами. В непривычной обстановке погруженного в траур дома он впервые отнесся к ней с нежностью, не подстегиваемой желанием. Его жена, как он и ожидал, повела себя благородно — обе пары были знакомы шапочно — и, услышав, что он первым оказался на месте действия, сама настояла, чтобы он остался и сделал все от него зависящее. Впервые они всю ночь провели под одной крышей. О том, чтобы заняться любовью, разумеется, не могло быть и речи. В последующие, горькие дни деликатность также продолжала кроить скромные покровы любви, отличительным признаком которой всегда было бесстыдство.

Она и представить не могла, что он умеет быть таким практичным и предусмотрительным. Дети, те его просто обожали. Ни один человек не задался вопросом, в чем причина такого сострадательного участия. Ни его друзья, ни ее, ни их общие не подметили ровно ничего подозрительного. Они скрыли свою любовь у всех на виду, и никто ее не нашел.

Приметой их страсти всегда были неотложность и умение воспользоваться случаем: горячка была функцией спешки. Теперь, чтобы оживить страсть, требовалось просто решить это сделать. Оба не сомневались, что решение придет в свой черед, по требованию, но не торопились надавить на звонок. Через неделю после похорон они сидели в оранжевой полуподвальной кухне, среди кобальтовых тарелочных ободов. Навверху играла на кларнете ее дочь. Иностранка, за хлеб и кров помогающая по дому и обучающая детей языку, выкликнула “Доброй ночи!” и отправилась к своему итальянцу, освободившемуся на вечер от работы в траттории, где он встречал посетителей, в основном из шоу-бизнеса, улыбкой “как-я-рад-снова-вас-видеть”. Они обсуждали прошлое и будущее. Будто с новой диетой, игрались с идеей, как рассказать обо всем Рейчел. Когда же и в самом деле стало снова возможно заняться любовью — детей на денек-другой отправили к бабушке, — их разделило вдруг ощущение некоего нежного принуждения, которое они оба почувствовали и объяснили себе тем, что теперь происходящее значит для них гораздо больше, чем раньше. Но все-таки он был к ней добрей, чем ему свойственно по природе, а она обнаружила, что скорее растрогана, чем возбуждена. В завершение же, как бы по обоюдному, зрелой опытностью рожденному согласию, она пропустила церемониальную стрижку.

Она понимала, конечно, конечно же, она понимала, что он чувствует себя обязанным вернуться, хотя бы на время, к привычному образу жизни. Рейчел вела себя прямо-таки безупречно. Разве не так? Однако любовница была крайне удивлена тем, что визиты его резко после этого сократились. Ну, как он мог объяснить ей свое невольное и невыразимое отвращение при мысли о внезапно возникшей в жизни его любовницы пустоте или же свое нежелание, свою неспособность эту пустоту заполнить? Она принялась жаловаться, что он ею пренебрегает, не догадываясь о том, как уродливо ложатся ему на слух ее упреки.

Короче говоря, хотя далеко не сразу, но эта женщина, с которой он так долго был готов соединить свою жизнь, если бы только она оказалась свободна, сделалась ему неумолимо, беспощадно далека. Отторжение не изгнало ее любви; сказать правду, воплощенное приличие и образцовая зрелость, которые он в период похорон проявил, были довольно пресны. Теперешнее же безразличие доказывало, что прежнее скотство в нем, в конце концов, не изжито. Плача от его жестокости, она улыбалась. Друзья считали, что она горюет по Тому и, вместо него, проявляли к ней участие. Ее стали нарасхват приглашать. Вечера оказались заполнены. Очень скоро она познакомилась с милейшим человеком, и через год вышла за него замуж. Прочтя объявление в газете, ее любовник поклялся никогда больше ее не видеть. Однако встретил, вместе с новым мужем, на концерте, куда приехал, насулпленный на свою насулпленную жену. Во время исполнения Альбиниони он заметил, по спокойному хозяйственному взгляду, с каким искоса посмотрел на нее муж, как сильно он напоминает покойного Тома. Через несколько дней он позвонил ей. Конечно же, она сказала, что счастлива со своим новым мужем, а он, разумеется, сказал, что счастлив, что она счастлива. Нед — юрист, сказала она, что-то по делам Общего рынка; часто уезжает дня на два, то в Брюссель, то в Зальцбург. Любовь и желание запылали, благодарно воскресшие. Когда он предложил, а не пообедать ли им как-нибудь вместе, она откликнулась, как на пароль: "Послушай, как ты думаешь, можно еще заполучить ту квартиру?" Как после зимы весна, вернулось в его жизнь чувство вины. Через кратчайшее время все пошло по старому образцу, будто в буксующей пьесе, где по ходу дела пришлось заменить ведущего актера, на которая вскоре, если замена удалась, перестает буксовать и, не сбавляя хода, идет к финалу.

Ему опять больше уже не требовалось прощаться на ночь с убегающей к своему итальянцу иностранкой-прислужкой, не требовалось улыбаться на Кларин кларнет. Опять, в тесных рамках вечности, в которые должна была уложиться их страсть, глубокий, запретный поток желания крутил тайную

мельницу любви. Опять, по-прежнему зачарованно улыбаясь, она, с блестящими маникюрными ножницами в руке, подходила к заемной кровати и, склонившись, нагая, укладывала их рядом с телефоном, на звонки которого они никогда не отвечали, в преддверии обязательной, кульминационной стрижки. И его жена опять поверила в то, в чем насупленно начала было сомневаться, — в то, что он в самом деле все еще всецело находится под обаянием ее красоты.

Отметка уровня

Отец его был королевский адвокат, и почиталось само собой разумеющимся, что он тоже поступит на юридический. Он был умен, мог стать кем угодно, и любое решение казалось ему временным и случайным. Разносторонность делала его покорным. Поприсутствовав не меньше чем на сорока неизбежных обедах в клубе той судебной корпорации, к которой принадлежал отец, он с усмешкой назвал себя опасным чудовищем, причем надо было еще поразмыслить, во благо или в наказание дан ему всевидящий третий глаз. Если не скрыть этот необыкновенный дар, решил он, толпа может пронюхать, и тогда ему не поздоровится. Поэтому в разговоре он выработал привычку прикрывать рукой лоб. Говорят ведь, что раньше над переносицей у людей был третий, ужасающий глаз. Еще можно нащупать заросшую глазницу.

Внешне по всем приметам это был обычный, неглупый молодой человек. В университете его знали по умению метко, порой довольно зло изображать всяких известных личностей, но к тому времени, ко-

гда он покончил с обедами и, таким образом вооруженный, приступил к сдаче выпускных экзаменов, он перестал перездразнивать кого бы то ни было, кроме исполняющего черную работу младшего юриста в брюках в полоску и жестком воротничке, каковым предполагал стать сам.

Однажды на вечеринке в квартире с видом на реку у плеса Тёрнерз-Рич он познакомился с девушкой. Квартира была самая роскошная и принадлежала богатому бизнесмену, которого отец нашего героя вытаскил из какой-то сложной ситуации с неуплатой налогов. Она была так велика, что помещался даже фонтан. Он запускал поплавать в пенящейся воде кружевную бумажку, до того украшавшую собой холодную баранью ногу, когда подошла девушка, на которой ему суждено было жениться, а ей было суждено выйти за него замуж. Смуглокожая, с продолговатым лицом, достаточно красивым, чтобы писать с него портрет, и достаточно своеобразным, чтобы послужить поводом для карикатуры. Черное шелковое платье. Никаких украшений. Что поразительно, темные волосы, собранные в пухлый, но плотный пучок, казалось, пульсировали, живя своей собственной, отдельной жизнью, словно были с нервами плоть, которая, если к ней прикоснуться, вздрогнет, сожмется или расцветет. Она только что из Оксфорда, изучает английскую литературу. Ее отец был тот самый бизнесмен. Право она, по праву красивой женщины, презирала, и его академическими успехами на этой ниве впечатлена не была. Поэтому, дабы приткрыть для нее свой магический третий глаз, он признался, что пописывает стихи. Слепота презрения с ее глаз спала. У него есть с собой что-нибудь из его стихотворений? Нет, и это было очень удачно, потому что не требовалось выискивать предлог для новой встречи.

Та состоялась в ресторане "Критерион", где когда-то под золочеными мозаичными потолками развозили меж столиками хрустящие, без корочки, треугольные сэндвичи и разнообразные пирожные к чаю. Теперь только и осталось, что потолок, золотой рай над грешной модернизированной землей: заведение перешло на самообслуживание. Рыба, жареный картофель и фруктовый пирог ломтями выжили сэндвичи с огурцом и распухающие кремом эклеры. На этот раз она была в юбке из твида и свитере, одновременно зеленом и голубом. Надела очки, сглотнула и стала читать его вирши.

— Ну, и что вы об этом думаете?

Она перевела взгляд со страничек в руке на его лицо, потом снова на стихи, словно ища сходство. Опустила странички на свои, в елочку, колени, наклонилась к нему поверх спиля сжатых до белизны пальцев и сказала:

— Я думаю, что люблю вас.

— А стихи? — спросил он.

— Они мне нравятся. Очень.

— Но хороши ли они хоть сколько-нибудь?

— По-моему, очень хороши, — сказала она, — а по-вашему?

— Стихи пишутся, — проговорил он, — но поэт я или не поэт...

Она улыбнулась — о, этот красный ненакрашенный рот! — и шпиль рухнул.

— Это и есть главный вопрос, верно? — произнесла она, положив свою длинную ладонь ему на руку.

Она оказалась девственницей, но была готовно влажна, словно уже знала мужчин. Он хотел жениться на ней, она собиралась выйти за него замуж. Днем он готовился к выпускным экзаменам, держась с неизменной корректностью, со свойственным ему умением по-обезьяньи копировать манеры своего прозаического окружения. Он знал, что она богата, и горел желанием дать ей все, что у нее уже и так было. Ради этого не жалко было и жизни. Страсть кипела, казалась неутолимой, и особую сладость они находили даже в том, что приходилось таить ее пульс под обычной одеждой. Оставаясь любовниками, они поженились. Он сделался непобедимо язвительным адвокатом с вкусом, куда страшней лая. Вежливая безжалостность юридических прений доставляла ему наслаждение, особенно же льстила репутация эксперта по делам, о которых, почти до самого слушания, он решительно ничего не знал.

Брак был сначала его страстью, потом его восторгом, позже — его удовольствием и всегда — удобством. Жена по-прежнему вызывала у него и желание, и восхищение, даже после того, как они прожили вместе больше двадцати лет, и у их детей были уже свои любовники. (Сын не захотел заняться юриспруденцией; он стал автомехаником в гараже и ходил в собачьем ошейнике, с золотой серьгой в левом ухе.) Жена была столь же уверена в себе на публике, сколь все еще требовательна наедине. Одевалась, как следует одеваться супруге модного королевского адвоката, а вечеринки ее отличались непоказным шиком: ничто не было в тягость, и все происходило как бы само собой. Ветчина и семга — да где ж она их берет такие? — доставлялись со знаменитой, но мало кому известной копильни, расположенной на восточном побережье неподалеку от их летнего коттеджа. Вскоре после того, как они отпраздновали свою серебряную свадьбу, его назначили судьей. Вслед за тем, в силу счастливой закономерности, он был пожалован рыцарским званием, и жена насладилась смущающей необходимостью зваться "ее сиятельство". Это событие было отмечено ими в постели, частному высокому общественному положению придавало пикантности.

Вследствие этого взлета пришлось покинуть доверху забитую древними, пожелтевшими бумагами контору, которая принадлежала еще отцу. Не успев покончить с переездом, он занял скамью лорда-канцлера и с разочарованием обнаружил, что

должность судьи не нравится ему ни в малейшей степени: работа была скучная, одинокая. Он часами сидел, с должным вниманием выслушивая стороны, и придерживал рукой лоб, чтобы скрыть свой третий, над переносицей, глаз, глаз, который уже с пугающей ясностью видел, к чему все это ведет.

К тому времени он совсем позабыл о своих юношеских стихах и с изумлением обнаружил их связку в дальнем углу конторского чулана. Улыбнулся — ну-и-ну! — вынул и начал, для смеха, читать. Он ожидал найти игру слов, свидетельство глупых юношеских претензий. Вся его счастливая жизнь покоилась на допущении, что он поступил правильно, склонившись перед мягким, непогрешимым суждением жены. Он сел на пол чулана, седой мальчишка, настроенный тут же прийти в смущение от жара этих непрогоревших, тлеющих угольков. Но стихи, взамен этого, вынесли ему приговор. Наконец, он закрыл глаза, дабы избежать их обвинений, но немигающий глаз в центре лба сиял беспрекословной, безошибочной зоркостью. Скорчившись на пыльном полу пещеры, он видел, как годы жизни ускользают от него, подобно одиссеевым морякам, спрятавшимся под испуганными овцами слепого, опьяневшего Полифема.

— Кто вы, кто? — вскричал он.

И голос ослепившего себя человека ответил ему:

— Никто. Никто. ■

Перевод с английского
Эвелины МЕЛЕНЕВСКОЙ.

Изгнание демонов из Ареццо.

A vibrant, stylized illustration of a cityscape. In the foreground, a light-colored stone wall with a red decorative band and a pointed archway leads to a dark interior. Behind the wall, several colorful buildings in shades of red, orange, yellow, and blue are stacked together. A prominent white tower with red accents stands in the center. The background is a dark, textured blue with silhouettes of winged creatures flying. The overall style is reminiscent of a children's book illustration or a folk-art inspired scene.

Алексей
ВЫШЕСЛАВЦЕВ

ДЖОТТО

Год, когда родился Джотто, в точности нам не известен. Время его рождения обыкновенно определяют 1266 годом. Стало быть, Джотто был всего годом моложе Данте.

Сохранилась легенда о его детстве. Еще мальчиком он пас стада своего отца в долине Веспиньяно, недалеко от Флоренции. Там-то однажды встретил его знаменитый художник Чимабуе. Мальчик рисовал на камне одну из овец с натуры. Пораженный точностью рисунка, мастер, уговорив отца десятилетнего ребенка, взял его с собой во Флоренцию.

Иначе рассказывает о детстве Джотто один из комментаторов Данте. По его словам, отец отдал молодого Джотто в учение к торговцу шерстью, и всякий раз по дороге в лавку мальчик останавливался перед мастерской Чимабуе и целыми часами заглядывался на выставленные картины. Как-то раз отец, поинтересовавшись успехами мальчика, услышал, что вот уже несколько дней, как его не видели в лавке, и, наведя справки, узнал, что он все свое время проводит у живописца. По просьбе Чимабуе, Джотто

взяли из лавки торговца и определили учеником в мастерскую художника.

Кроме этих сведений, ничего не известно ни о развитии Джотто под влиянием его первых учителей, ни о первых проявлениях деятельности. Самые ранние работы художника, упоминаемые у Вазари, исчезли бесследно. Но вот любопытное свидетельство Вазари: "Говорят, что, когда Джотто в молодости еще жил у Чимабуе, он изобразил как-то на носу одной из фигур, написанных Чимабуе, муху столь естественно, что когда мастер возвратился, дабы продолжить работу, он несколько раз пытался согнать ее рукой, думая, что она настоящая, пока не заметил своей ошибки".

Описывая работы верхней церкви Св. Франциска в Ассизи в жизнеописании Чимабуе, Вазари говорит: "Мастер был отозван, только начав расписывать нижнюю часть стен верхней церкви, на которой он должен был изобразить события из жизни Св. Франциска, и он передал прерванные работы Джотто, которые тот окончил много лет спустя".

Ассизи, небольшой городок Умбрии, живописно расположенный на довольно высоком холме, считался в то время центром нового искусства. В XIII столетии он стал местом последнего упокоения Св. Франциска, основателя нищенствующего ордена. Францисканцы были популярнее доминиканцев, и духовное их превосходство проявилось в учреждении монастырей и церквей, которые способствовали развитию искусства; живописи и поэзии легче дышалось в стенах францисканского монастыря.

Вскоре после смерти Св. Франциска над его могилой построили церковь в готическом стиле во имя усопшего. Нижний этаж, просторный и мрачный, с тяжелыми столбами, составляет нижнюю церковь, там помещен главный алтарь. Непосредственно над нею возвышается верхняя, выполненная в ясных и легких формах готического стиля.

Главные, основные правила ордена — бедность, смирение и послушание — начертаны на сводах, возвышающихся над главным алтарем, в великолепных аллегориях Джотто. Эти фрески лучше всего видны, когда проникают сюда сквозь боковые окна лучи заходящего солнца.

Обе церкви, как нижняя, так и верхняя, выразили собою различное направление религиозного чувства. Внизу — сокрушение о грехах, вверху — блаженное чаянье спасения.

В верхней церкви, непосредственно под окнами, идет целый ряд фресок, изображающих легенды из жизни Св. Франциска. Их — 28. Они очень испорчены, на местах, где отпала краска, видна подмалевка, это доказывает, что они исполнены сухими красками. Именно эти фрески считаются ученическими работами Джотто. Строгие предписания заказчиков, требовавших уже сложившихся композиций, и неопытная, робкая кисть начинающего художника объясняют неровности и неодинаковое достоинство фресок. Но стоит ли останавливаться на этих легко объясня-

емых недостатках, когда по всему циклу, одухотворив его, прошелся только что появившийся гений? В наивной и простой хронике художник передал милое и свежее содержание, знакомую ему природу и близкий ему народ. И велико счастье итальянского искусства, что оно в начале своего развития столкнулось с этими сюжетами, в которых и понимание высшей правды, и религиозное одушевление, и вместе с тем любовь и знание окружающего художника быта.

Фрески над главным алтарем на сводах нижней церкви исполнены Джотто много лет спустя по заказу генерала Францисканского ордена. Предполагают, что Джотто в нарисованных им аллегориях использовал сюжеты стихов Данте, а так как они входят в раздел "Рая", написанного в 1314 году, то этот год указывает на время происхождения фресок. Хронист Рикобальдо упоминает о них еще в 1312 году. Во всяком случае, достоверно то, что Джотто уже был сложившимся мастером и слава его гремела по всей Италии, когда его призвали изобразить основные правила ордена, жизнь основателя которого он еще юношей нарисовал на стенах верхней церкви.

Джотто выполнял заказанные темы со свойственным его таланту воодушевлением и умел сделать их привлекательными, даже если они и были догматично-замысловаты. Главная же сила художника проявлялась в психологической правде, а не в символических тонкостях. Только впоследствии, уже после смерти Джотто, развилось аллегорическое направление в искусстве и появились произведения с мистическим и таинственным содержанием. Всю же символику аллегорий Джотто надо отнести на счет заказчиков. Ими была поручена ему следующая тема: "Бедность, вдовствующая жена Христова". Джотто изобразил ее на четырех фресках. Подобно Данте, который мистическую символику дополнял ясными образами своих житейских представлений, так и Джотто сумел оживить сухую и тенденциозную тему. На одной изобразил аллегорию бедности, на другой — целомудренного смирения, на третьей — послушания, на четвертой фреске — Св. Франциска.

И все же общее впечатление от работ холодное. Видно, что художник, уже созревший и вполне овладевший своим искусством, взялся за сюжет, не совсем соответствовавший его дарованию. Простой, здравый смысл Джотто не оправдывал мистических хитросплетений монахов, но там, где он овладевал содержанием, мощь его гения проявлялась во всем своем величии. Несмотря на все недостатки, эти фрески являются замечательными памятниками нового искусства, к тому же в них более жизни и спокойствия, чем в прежних произведениях Джотто.

В технике красок, в которой еще Чимабуе перешел от темных, зеленоватых тонов византийцев к более светлым, самая выдающаяся заслуга Джотто. В направлении, данном им флорентийским колористам, впоследствии Фра Бартоломео и Андреа дель

Страшный Суд. Капелла Скровеньи.

История Христа. Вход в Иерусалим.

Изгнание торгующих из храма.

Сарто довели цвет в фресковой живописи до совершенства. Джотто заложил крепкое основание итальянскому искусству. Композиция, рисунок, моделировка и колорит, соединившись, развиваются последовательно и равномерно...

На основании сохранившихся данных можно определить время пребывания Джотто в Риме — между 1289-1300 годами. Следовательно, появился он в Риме, когда ему было около 24 лет и он уже пользовался славой искусного живописца. Это доказывают сделанные художнику заказы кардиналом Стефанески и папой Бонифацием VIII — расписать трибуну церкви Св. Георгия в Веллабро, капеллу Св. Георгия в базилике Св. Петра (кардинал был каноником базилики), изготовить мозаику, изображающую сцены из жизни апостола, написать Мадонну с младенцем, расписать с обеих сторон икону и украсить миниатюрами различные манускрипты, принадлежащие кардиналу. Кроме того, ему поручили изобразить папу Бонифация VIII в полном облачении, возвещающего начало 1300 года. Затемненная временем и сильно реставрированная фреска эта утратила прелесть колорита, но при внимательном ее изучении можно убедиться в большой способности мастера к портретной живописи и виртуозном изображении некоторых частей, как, например, глаз, на которые Джотто, видимо, обращал особое внимание.

Из всех этих работ дошли до нас несколько досок иконы и остаток фрески. Остальное, вместе со стенами капеллы, на которых они нарисованы, разрушено при перестройке базилики Св. Петра. Манускрипты, украшенные миниатюрами Джотто, вероятно, покоятся где-нибудь в Ватиканской библиотеке, но до сих пор ни один из исследователей не видел их.

В Риме Джотто сошелся с великим Данте, и с тех пор обе родственные природы, великого поэта и великого художника, стали самыми выдающимися личностями своего века.

Но прежде необходимо посмотреть на тогдашний Рим, Рим конца XIII столетия, чтобы воссоздать обстановку жизни молодого художника. Итак, перед ним предстали мощные, колоссаль-

Тайная вечеря.

Омовение ног.

ные развалины вечного города. Рим походил на обширное поле, обнесенное древней, поросшей мхом и плющом стеной, с холмами и долинами, пустырями и болотами, среди которых высились местами многочисленные башни и укрепленные замки властвующих и постоянно враждующих фамилий.

Землетрясения, наводнения, междоусобицы способствовали разорению древнего города, но еще более разоряли его постройки башен и реставрация базилик и церквей. На все это требовались мрамор, порфир и другие материалы, немилосердно срывающиеся с античных сооружений. Прелестные колонны распиливались, барельефы и статуи шли на известку, и Рим разрушался, все выше и выше нарастал слой мусора и щебня, к счастью, скрывая от расхитителей бесконечное богатство художественных произведений.

Между тем развитие художественного искусства шло своим чередом. Живопись придерживалась традиционных, византийских образцов, но в XIII столетии появляется, правда, еще несмело, по-детски, но живое самобытное творчество.

Гораздо значительнее были мозаики, они стали как бы чисто римским искусством, процветавшим здесь еще в конце VI века. После продолжительного упадка мозаика снова возродилась к концу XII века.

Десятилетнее пребывание в Риме Джотто оказало свое влияние на местных художников. Он застал в Риме давно уже работающую школу Косматиев, лучший ее представитель Иоанн исполнял свои произведения на глазах Джотто. Вероятно, Рим сделался бы одним из главных центров развития итальянского искусства, если бы политические обстоятельства, вызвавшие удаление папы в Авиньон, не прекратили всех работ художников. Рим опустел. Джотто отправился в другие города Италии продолжать свою деятельность.

В 1302 году Джотто появился в родной Флоренции. Город в это время раздирала борьба двух партий — “черных” и “белых”. Данте, исполнявший должность приора, выступал сторонником “бе-

Капелла Скровеньи. История Христа. Поцелуй Иуды.

лых” и курсировал между Флоренцией и Римом вместе с посольством к папе Бонифацию. В одну из поездок в Рим Данте более не вернулся во Флоренцию: декрет о его изгнании достиг поэта в вечном городе.

Между тем папа хлопотал о примирении партий и для этой цели послал во Флоренцию Карла де Валуа. Втайне покровительствовавший партии “черных”, он и подписал декрет об изгнании Данте. Пока дело шло о примирении, все видели в присутствии французского принца хорошее предзнаменование. Мир был необходим сильно развивающейся общине; Флоренция начинала занимать преобладающее место среди итальянских городов, благодаря накапливающемуся богатству, упорной деятельности своих граждан и небывалому развитию искусств и ремесел. Однако разнужданные страсти, неурядица недавно введенной конституции, возникающие несогласия, все это мешало спокойному развитию города. Поэтому призыв иноземного принца, как нейтрального миротворца, и казался желанным. Вот это настроение, желание мира и успокоения, и отразилось на композициях Джотто, выполненных им во фресках на стенах капеллы дворца Подесты.

К сожалению, ни художественное достоинство, ни портрет Данте, нарисованный его другом на одной из фресок, не спасли замечательного произведения от разрушения. Из прекрасной капеллы, еще целой во времена Вазари, сделали две

Мадонна Оньисанти.

находящиеся друг над другом комнаты. Верхнее помещение служило много лет тюрьмой, в нижнем располагалась кладовая, забитая всяким хламом. Стены с фресками побелили известкой.

И только в 1841 году решились сломать потолок, деливший капеллу на два этажа, и осторожно соскоблить известку. Джоттовские фрески снова увидели свет. Но в каком виде! Краски почти исчезли, многие части композиций совершенно разрушены. С большим трудом, по оставшимся местами контурам, можно еще угадать их содержание и уловить несколько фигур и лиц поразительной прелести. Среди всех этих драгоценных фрагментов особенной красотой выделяется голова Данте, одно спасение которой вознаграждает с избытком все хлопоты и издержки по восстановлению остатков. Она полностью соответствует известной маске, служившей различным художникам постоянной моделью, когда требовалось воспроизвести черты великого поэта. Высокий, красивый лоб, правильно изогнутые брови, немного впалые глаза, ястребиный нос, классически-прекрасный рот и несколько заостренный подбородок — все передано линиями такой красоты, подобие которой можно найти разве на рисунках Леонардо да Винчи или Рафаэля.

К счастью, успели сделать точный рисунок этой головы, прежде чем все уничтожили неловкой и неумелой реставрацией.

Удивительная способность Джотто к индивидуализации видна и в изображенных около Данте Корсо Донати и Брунетто Латини. Особенно характерен Донати: руки его скрещены как бы для молитвы; вся фигура выражает крепкое здоровье, твердость воли и коварство, качества, отличавшие главу "черных". В этом соединении трех лиц — Данте, его врага Донати и представителя науки Латини — как бы оттеняется замысел художника изобразить блага мира, ибо только среди спокойствия, а не среди бурь борьбы, поэт, гражданин и ученый подадут друг другу руки.

И только в Падуе хорошо сохранились фрески Джотто, дающие возможность судить о многостороннем развитии его художественного таланта.

Падуя, находясь среди беспокойных и жаждущих поглотить друг друга соседей, наслаждалась в XIV столетии относительным спокойствием при известной самостоятельности. Знаменитый ее университет славился по всей образованной Европе, студенты стекались сюда отовсюду, профессора соревновались друг с другом, и громкая их репутация способствовала славе Италии. Городская община изобиловала могущественными, богатыми домами, и целый ряд святых мужей, вышедших из граждан города, поддерживал в народе религиозное настроение. Все эти обстоятельства оказались очень благоприятны для развития художественной деятельности, и призвание Джотто положило начало местному движению искусства.

В Падуе находились развалины римского амфитеатра, которые купил некто Энрико Скровеньо, представитель одной из са-

мых богатых фамилий Падуи. На этих развалинах Энрико построил замок и при нем часовню во имя "Благовещения". Джотто, как лучшего мастера, призвали разрисовать ее фресками. Некоторые приписывают Джотто и саму постройку капеллы, но это трудно доказать. Живописные же изображения представляют один из замечательнейших памятников христианской культуры и доказывают, что Джотто, несмотря на свою молодость, глубоко понимал людские страсти, типы и характеры.

Высокие, широкие и светлые пространства, при умеренном освещении узких, высоких и полукруглых окон, сияющий золотыми звездами темно-голубой свод, алтарь в глубокой, темноватой абсиде, и среди всего этого — события из жизни Богородицы и Ее Сына. Особенно торжественно изображение Спасителя, восходящего в величественном покое на престол. От этой центральной фигуры разворачиваются события Священной истории, не менее прекрасные, хотя и показанные в менее торжественном тоне.

Когда начинаешь изучать эти фрески беспристрастно, то понимаешь, в чем заключается тайна их красоты. Она — в нравственной правде и в глубине чувства, которые художник выразил в произведениях Св. Писания. Все особенности, как достоинства, так и недостатки, его искусства обуславливаются нравственными целями, приемами старых мастеров он не мог бы выразить своего художественного богатства.

Во всем этом обширном произведении мы не найдем ни одного красивого лица, как будто Джотто был лишен способности воспроизводить красивые формы. Но красота вряд ли может служить художнику целью, она должна являться результатом правдивости изображения, а в произведениях Джотто выражено такое понимание правды, что, кажется, видишь перед собой не картину, а само событие. Вместе с тем поражает почти невероятный дар характеристики и умение передавать самые тонкие душевные переживания. Он точно и тонко рисует радость и горе, добро и зло, участие и равнодушие, создавая индивидуальные характеры. Таков Иуда в ночь предательства: лицо его выражает не только подлость и трусость, но человека неспособного ни к чему высокому, жалкого и подавленного пошлостью повседневности. Так же ни одному художнику не удалось бы изобразить правдивее и выразительнее то святое чувство, которое изобразил Джотто в Магдалине перед воскресшим Христом.

Слава Джотто распространялась по городам северной Италии. Художник исполняет многие заказы в Вероне, в Ферраре, во дворце герцога д'Эсте и в церкви Св. Августина, наконец, в Равенне, куда прибыл по приглашению Данте. Из всех этих работ с вероятностью можно указать только на сохранившиеся в Равенне фрески по сводам капеллы Св. Джованни Евангелиста. Здесь изображены четыре великие учителя церкви и четыре великие евангелиста с их атрибутами. Матвей и Иоанн изображены юношами, Марк и Лука в более зрелом возрасте.

Ангел. (Фрагмент).

Наппелла Снровеньи. История Марии. Свадебное шествие. (Фрагмент).

Большую же часть времени, вплоть до 1330 года, Джотто проводит во Флоренции. Еще в начале столетия он женился, у него было шесть детей. По сохранившемуся преданию, все они оказались очень некрасивыми, и известен острый вопрос Данте, когда тот спросил друга, отчего его картины так хороши, а дети дурны?

Джотто получил в наследство от своего отца имение в Веспиньяно, которое постоянно увеличивал и благоустраивал. Сын его Франческо вместе с братом Николаем присматривали за имением, ибо частые отлучки или занятия в городе приковывали художника к мастерской. Семейство жило в деревне, куда отец приезжал по воскресеньям и праздникам.

С 1326 года Флоренцией временно управлял Карл Калабрийский, сын неаполитанского короля Роберта. По свидетельству Вазари, Джотто нарисовал его коленопреклоненным перед Мадонной. Вероятно, по рекомендации сына Роберт в 1330 году вызвал мастера в Неаполь, чтобы украсить фресками залы своих дворцов и стены храмов. Между королем и Джотто установились дружеские отношения. Часто Роберт любил заходить в мастерскую художника, чтобы следить за его работой; остроумные ответы Джотто, изобличающие его светлый и ясный ум, на замечания венценосного посетителя, благодаря Вазари дошли до нас. "Королю доставляло удовольствие смотреть, как он работал, и слушать его рассуждения, а Джотто, у которого всегда было словечко под рукой и острый ответ наготове, беседовал с ним с кистью в руке и веселой шуткой на языке. Однажды король сказал ему, что хочет сделать его первым человеком в Неаполе, на что Джотто ответил: "Потому я и живу у Королевских ворот, что я первый в Неаполе". В другой раз король сказал ему: "Джотто, если бы я был тобой, я, пока жарко, немного передохнул бы от живописи". Он же ответил: "И я бы, конечно, это сделал, если бы был вами"."

Напелла Барди в церкви Санта Кроче. Погребение Святого Франциска.

Однажды королю пришла в голову причуда попросить художника нарисовать его королевство, и Джотто, как говорят, написал ему навьюченного осла, у ног которого находился другой, новый вьюк, и осел обнюхивал его с таким видом, будто ему хочется и его заполучить. На одном вьюке была королевская корона, а на другом скипетр. Когда же король спросил Джотто, что обозначает эта картина, тот ответил, что каковы его подданные, таково и королевство: каждый день там люди желают нового властителя.

По возвращении во Флоренцию Джотто назначили, 12 апреля 1334 года, главным архитектором церкви Св. Марии де Фьори, ему были подведомственны все общественные постройки в городе. Несмотря на занятость, Джотто находит время и для живописных заказов.

Из Флоренции Джотто послал монастырю Св. Франциска в Пизе икону, изображающую Св. Франциска, получающего стигматы. Она находится теперь в Лувре и, несмотря на многочисленные реставрации, подчистки и подмалевки, сохраняет характер оригинального произведения. Поза святого, как и на фреске верхней церкви Ассизи, естественна и смела. "Наконец, — свидетельствует Вазари, — создав в жизни столь много прекрасных творений и быв не менее добрым христианином, чем превосходным живописцем, он отдал душу Богу в 1336 году, к большой горести всех своих сограждан и даже всех тех, кто не знал его, а только о нем слышал, и был погребен, как того заслуживали его доблести, с почестями, ибо в жизни любили его все, в особенности люди превосходные во всех профессиях. Так, Данте, Петрарка весьма почитали его и его творения..."

Публикация
Лилии БАЙРАМОВОЙ.

Александр КРАВЦОВ

Звезда с шаляпинского небосвода

“...**Н**ебо-то нынче какое звездное! В Шаляпинские дни в небесах всегда ясность”.

Так говорила Анастасия Платоновна Зуева, когда мы с ней провожали, усаживая в машину, Ирину Федоровну Шаляпину. Дочь великого певца только что отпраздновала свой юбилей — 75 лет. Анастасия Платоновна приближалась к своему 80-летию. На фуршете подруги (дружба их началась в давние, дореволюционные времена, в Шаляпинской студии, позже — Второй студии МХАТ) ухитрились освободить от коньяка пол-литровую бутылку и прихватить из соседней, но держались, на зависть многим, браво и достойно.

При общении друг с другом они весело иронизировали. Зуева пыталась разыгрывать Шаляпину, и ей это удавалось, хотя в обратном порядке у них не получалось — сказывалась разница “весовых категорий” по части юмора. Зато обе с удовольствием вспоминали о всяческих шутках и розыгрышах.

Их первый наставник и путеводная звезда в искусстве Федор Иванович Шаляпин был неутомим в актерских затеях и мистификациях. Однажды юные Ирина и Анастасия шли с ним, огромным, по Арбатской площади. Площадь в ранних зимних сумерках была пустыня. Лишь двигалась навстречу какая-то старушка. Шаляпин вдруг провалился в свою обширную шубу и превратился в карлина с большой головой. Приблизившись к встречной старушке, он стал расти, к удовольствию девушек и к ужасу прохожей. Она, бедняга, живо шарахнулась в сторону и заслепшила в обход...

По ассоциации вспоминали о другой старухе — персонаже молодой Ирины Шаляпиной в одном из студийных спектаклей. Грим дочери решил сделать сам Федор Иванович, прославленный “тупейный художник” оперных портретов. Работал он вдохновенно, накладывая широкий оперный мазок, что категорически несвойственно драматическому, к тому же реалистическому, спектаклю. На этом представлении была почетнейшая гостья — старейшая и любимая самим А.Н. Островским актриса Варвара Васильевна Стрельская. По окончании спектакля пришла она за кулисы, долго глядела на Ирину, на ее великого отца, затем произнесла:

— Хороша в игре-то, хороша... Только уж больно страшна, мать!

Шаляпин был смущен и признал ошибку в гриме.

А юная Настенька Зуева во все глаза глядела на одну из лучших “номических старух” в пьесах Островского, восхищалась нарядом ее словом, интонацией, жестом, хотя и не подозревала, что это и ее собственная судьба — смолodu играть старух и униальностью исполнения этих ролей превысить славу самых известных своих предшественниц, О.О. Садовской и В.В. Стрельской...

В возрасте тридцати двух лет, уже на сцене Московского Художественного театра, Анастасия Платоновна с успехом сыграла Матушку в леоновском “Унтиловске”, затем — Матрену в инсценировке романа Л. Толстого “Воскресение”, а вскоре пришла к ней роль, удивившая и потрясшая зрителей. Была это Коробочка, помещица с умом ребенка из “Мертвых душ” Н. Гоголя, инсценированных специально для Московского Художест-

венного театра Михаилом Булгаковым.

Репетировали роль Коробочки в очередь две актрисы — Мария Петровна Лилина (заметим, жена самого К.С. Станиславского, постановщика спектакля) и молодая Анастасия Зуева. Где-то на половине пути к выпуску спектакля Константин Сергеевич стал задумываться и в чем-то явно сомневаться. Зуева придумала накладные щечки, пухлые, тоже накладные, ручонки и стала похожа на иллюстрации Боклевского, признанные конгениальными гоголевскому литературному первоисточнику.

В конце концов, незадолго до премьеры Станиславский объявил, что роль Коробочки актриса Зуева будет играть в одном составе. Он не хотел ранить родного человека и знаменитую актрису сравнением не в ее пользу.

Анастасия Платоновна до последних своих лет не стеснялась ярко-характерного грима. Поглядишь на нее за сценой — "мазня шалопинская", уж больно лихо, ярко, контрастно. А выйдет под свет лампы и прожекторов, начнет действовать в образе, и грим становится живым на ее подвижном лице с чудесными небольшими, но светящимися, издалека видными глазами. Персонажи ее жили шире и вглубь, "выписанные" смелой кистью. Кто придумал, что за понятием "мхатовское" стоит палитра приглушенных и обытовленных красок? Я не однажды слышал, как люди из Малого театра сетовали, что Зуева не с ними, и ваханговы видели в ней свою.

Она имела право на экстремальные сценические приемы прежде всего потому, что была одарена превосходным вкусом. Это ска-

зывалось во всем, к чему она принасалась. Не только в творчестве, но и в повседневной жизни. К слову сказать, Анастасия Платоновна и в быту не была обыденной — от нее невозможно было отвести глаз.

Вот, назалось, уже заканчивается ее творческий вечер, который вел я. Последняя сцена — с Фенлушей из "Грозы" Островского. Грим суперхарактерный: выглядит Фенлуша эта, словно баба с чайника, с нарумяненными щечками и совершенно идиотскими глазами, что достигнуто несколькими штрихами подводки. Закончится сцена — приглашу целую вереницу коллег поздравлять и приветствовать виновницу успеха... Аплодисменты — она выходит на поклон. Затем возвращается, с ужасом глядит на меня:

— Неужто финал?

— Ну, да, — говорю, — финал, как мы и намечали.

Она снова вышла к зрителю — уже на овации, поклонилась, вернулась.

— Алесаша, — молит, — пощади актрису! Не могу я к публике выйти с рожей...

— Но вот ведь выходите!

— Кто выходит? Фенлуша! Они же за нее меня благодарят сейчас. А дальше-то должна выйти актриса Зуева. Я за две минуты обернусь — вот увидишь!

Выхода не оставалось, и я пошел в атаку на публику, собрав все свои душевные ресурсы, чтобы быть хоть как-то и чем-то интересным после такого триумфа великой актрисы, к тому же стойко и преданно любимой всеми живущими поколениями.

Переделалась Анастасия Платоновна за одну минуту. Вышла в

темном вечернем платье со шлейфом, с бархатной лентой в обхват шеи, с ловко прибранными волосами. Публика поняла все и оценила долгим и щедрым одобрением.

Второе поколение МХАТ любило показывать своих учителей, старших корифеев труппы, друг друга, а заодно и разных прочих знаменитостей. Потолкавшись среди дорогих мне стариков-мхатовцев, я и сам ненароком перенял у них манеру рассказывать, показывая какие-то характерные черты людей. Таким образом ко мне перешли мгновенные эскизы-портреты Станиславского, Немировича-Данченко, Москвина, Тарханова, Леонидова, Хмелева, которых я никогда в жизни не видел. Ну, а уж своих-то знакомых я показывал, не раздумывая долго. В насаде этих характеристик до меня не сразу дошло, что самая ярко-характерная и эксцентричная антриса мхатовской труппы, Анастасия Зуева, никогда никого не показывала вне сцены и экрана, хотя рассказчицей была, как нынче говорит молодежь, "прикольной".

И не только рассказчицей. Она многим удивляла и притягивала, вмещая в себя и, вместе с тем, органически совмещая множество противоречий. У других — противоречия, у нее — гармония. Как это выходило, уму непостижимо.

Была она народной любимицей и считала естественными для себя всевозможные "шефские", то есть бесплатные, встречи с населением. Была столь же совершенна в обращении с самыми простыми людьми, сколь представительной и светской на официальных раутах. Не однажды выезжала по собственной воле на фронт, но не в тыловые госпитали, а на передовую.

Охотно и благодарно принимая правительственные награды, даже любя говорить, что ее "правительство любит", в коммунистическую партию не вступила, да, кажется, ее и не особенно туда звали, зная о религиозной ориентации. Мне было известно, что Анастасия Платоновна была лично знакома и дружна с тремя патриархами Московскими и всея Руси: преосвященными Сергием, Алексием Первым, Пименом. Были времена, когда влияние народной артистки СССР могло помочь людям церкви больше, чем церковные авторитеты могут защитить простых смертных даже сейчас. Из антеров первого ряда мне известны только два таких человека — А.П. Зуева и И.С. Козловский. Недаром их связывала крепкая дружба.

Церковь воздала ей свое признание посмертно: ее отпевали в патриаршем храме, затем гроб с телом, окруженный свечами в тяжелых позолоченных шандалах, оставался перед алтарем Богоявленского собора почти целые сутки, а по указанию патриарха во всех церквях страны служили поминание новопреставленной рабы Божьей Анастасии. Назавтра, в помещении "нового МХАТа" на Тверском бульваре, с ней прощались люди искусства, зрители — поклонники могучего русского таланта, светские власти.

Кротость и наивность спойно и вполне органично уживались в Анастасии Платоновне с железной волей и атанующим бесстрашием, если доходило до принципа.

Ее можно было обдурить в мелочах. Ну, например, в годы осуществления дальнбойной "продвольственной программы". Тогда

очереди стали вдвое длиннее, а продуктов впятеро поубавилось, друзья тащили в зувевский дом что-нибудь съестное, поскольку знали, что при любых кризисах здесь кормят и кормить будут. Однако было ясно, что приношений бесплатных Зуева не примет. Надо было все это как-то умело оформить: "Вот, подвернулся дефицит — перехватил и на вашу долю, но дефицит, говорят, можно давать только в подарок, я же не перекупщик!" Она принимала продукты и, угощая ими других гостей, начинала с того, что, мол, "попьем чайну", затем выкладывала на стол все запасы съестного и приговаривала: "Этот дефицит достался мне задаром — так что ешьте, не стесняйтесь, на свое здоровье и нам на радость!".

Но куда делась ее наивность, когда душа не приняла трантовки образа Федора Протасова в новой постановке "Живого трупа". Она резко возразила против этого на заседании художественного совета театра, но ее мнение не было учтено. Помню, как несколько раз во время наших встреч она с тревогой повторяла:

— Но если Федя Протасов большой человек, пьяница, и от этого, только от этого его беды, все остальное зачем? Ведь у Толстого совсем не так!..

Затем, впервые в жизни, она совершила то, на что актеры, люди зависимой профессии, никогда не решаются. Зуева надиктовала статью в журнал, раскритиковала собственное начальство и работу некоторых коллег в постановке "Живого трупа". Статья произвела шоковый эффект.

Вскоре Анастасия Платоновна совершила еще один поступок, требовавший личной смелости и

гражданского мужества. В мучительных и справедливых поисках выхода из перенаселенности труппы МХАТа его руководители перепробовали множество способов сокращения. В частности, они сокращали, что часть труппы, называемая прежде сотрудниками, а теперь "актерами вспомсостава", — типичный атавизм, поскольку набирались они для массовых и групповых сцен, которых нынче не ставят. Вот и путь к сокращению труппы и, одновременно, к возможности ее омолодить! Но перед сокращением решили наградить за многолетний труд кого-то орденами, кого-то медалями. А там, "на самом верху", мудрейший по занимаемому положению произнес: "Орден — хорошо, но эти люди так долго проработали в лучшем театре страны, что их надо наградить как актеров". И был выдан Указ о присвоении ряду актеров вспомсостава МХАТа почетного звания "Заслуженный артист РСФСР". Виданное ли дело, уволить по сокращению штатов или на пенсию человека, только что удостоенного такой чести?.. И потому следующая попытка облегчить штатное расписание была отчаянной и горькой не только для тех, кого непосредственно касалась. Решено было отправить на пенсию ряд актеров ведущих, известных, уважаемых и любимых публикой, но подходящих по возрасту. Они узнали об этом и бросились за помощью в партком. Там они поддержки не встретили. В профкоме — та же картина. И тогда они пришли домой к А.П. Зуевой, не облеченной ни партийной, ни профсоюзной властью.

Она выслушала и сказала:

— Я напишу заявление — пусть увольняют и меня!

Ей возразили:

— Вас не уволят. Вы — народная артистка СССР.

— В таком случае составляйте телеграмму — я не мастер сочинять канцелярские бумаги.

— А на чье имя?

— На самого.

— Министра культуры?

— Сам у нас нынче Юрий Владимирович Андропов... Составляйте!

Наступило замешательство: цель была слишком высока, казалась почти недостижимой. Текст телеграммы содержал в себе просьбу приостановить увольнение коллег на пенсию, чтобы Зуева могла умереть, не увидев гибели родного театра. Телеграфистки долго не принимали неофициального, искренне болевого текста такому адресату. Но магнетизм имени Зуевой в народе сломил и это сопротивление. Массовая пенсионная кампания не состоялась. Не знаю, раньше или после этого события, но О.Н. Ефремов стал называть Зуеву "моя генеральша"...

"Генеральша" родилась в 1896 году в тульском селе Спасском. Ей было два года, когда К.С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко основали Художественный театр. Всем, кто знал ее в годы зрелости и в старости, невдомек, что эта удивительная женщина — средоточие энергии, воли и оптимизма, образец общительности и гостеприимства, в детстве и отрочестве была флегматиком. Сценарий ее судьбы был цепью сложных драматических сюжетов. С детства лет до заката жизни ее жестоко ранили людские измены и расчетливость, нередко доставалось "в чужом пиру похмелье".

В совсем раннем детстве у Натальи умер отец. В селе и округе его называли не кузнецом, а гравером. Мать вскоре оказалась замужем за жандармским полковником, а девочки, Лиза и Настя, на руках тетушки. Человеком она была строгим, неукоснительно добивалась порядка от всех и вся, так что не дядя, а именно она, его супруга, была фактической управительницей имения. К счастью, владельцы поместья были также людьми порядочными, к тому же добрыми; девочек не гнали от гостей, сажали за барский стол, при них вели умные беседы.

Лиза была веселой и шустрой девочкой, а Настя предпочитала одиночество. Больше всего на свете любила рыбную ловлю: забросишь крючок и думай всласть о чем угодно. Уклад жизни в поместье был консервативный, внятный во всем и всегда. Не случайно до последних лет Анастасия Платоновна почитала гоголевских "Старосветских помещиков", цитировала повесть в беседах.

Тетя намеревалась дать племянницам пристойное образование, устроила их в московскую гимназию, и сама переселилась в Москву, в Леонтьевский переулок. Умная и развитая крестьянка водила знакомства с интеллигенцией, и это во многом помогло духовному становлению Анастасии и Елизаветы.

Желание юной Анастасии Зуевой пробовать себя в театральную студию вызвало, как и следовало ожидать, решительный протест тетушки: "Ни копейки — на эту учебу! В нашем роду антрисы быть не может!" Тетушку подкупило лишь то, что племянницу приняли на бесплатное обучение.

С той поры сценарий жизни был неумолимо верен конфликту победной дороги в искусстве с ранениями в личной жизни.

Анастасия вышла замуж за красавца-начальника Северных железных дорог России с персональным вагоном, к тому же — почетного гражданина Москвы. К молодой жене он вскоре отнесся, как к движимой собственности, тем более, что появился ребенок — собственность удвоилась и закрепились. Погуливая с помощью персонального вагона на сторону, почетный гражданин позволил себе дома намотать носу жены на руку и устроить ей выволочку без всякой вины. Будущая великая актриса ушла от мужа. Он болезненно наказал ее: оставил у себя сына — Костя до студенческих лет воспитывался вдали от матери... Позже, когда сын женился, наступили новые осложнения. Чтобы не тратить время на долгие разъяснения, приведем только один, зато характерный, эпизод.

Константин Иванович, в то время — капитан, военный инженер, получает зарплату и просит:

— Дайте, пожалуйста, всю сумму рублями.

— Вот так раз... Зачем?

— Моя жена любит считать деньги...

Среди своих знакомых Зуева именовала невестку "Наташей" — по одной из героинь чеховской пьесы "Три сестры".

Вскоре сложилась в жизни Анастасии Платоновны еще одна чеховская ситуация.

Виктора Александровича она знала давно — он заведовал музыкальной частью во Второй студии МХАТ. Похоже, что искусство и личная жизнь, наконец, складыва-

лись в стройную гамму. И только добрый, но не слишком волевой сын говорил:

— Ну, вот и чеховский треугольник из "Чайки": она — Арнадина, он — Тригорин, я — Треплев...

В это же время Анастасия Платоновна встретила одну молодую девушку, мечтавшую стать актрисой. Зуева привела ее в свой дом, стала готовить к поступлению в театральное училище. Но девица живо перестроилась: мечты о театре пустила побоку, завела роман с Виктором Александровичем, а позже высочила за него замуж и вместе с ним покинула дом Анастасии Платоновны.

Тогда, в 1938 году, на Зуеву было горько смотреть. Ее горе воспринималось так остро, что даже деликатнейший Н.С. Станиславский не выдержал — пригласил ее для странной беседы.

— Настасья Платоновна, дорогая, — сказал Учитель, — вы не должны больше выходить замуж! Ваше счастье только в театре. Вы — актриса!..

Она была благодарна за столь высокое признание и за душевный отклик на ее беду...

В 1943 году несостоявшаяся молодая актрисочка так же легко перепорхнула от большого полуголодного супруга к кому-то благополучному, а бывшему мужу подбросила их общую дочку. Узнав об этом, сестры Зуевы привели двух несчастных в дом к Анастасии Платоновне, дружно отмыли, откормили и подлечили в четыре руки. Позже, правда, мамаша вернула дочь, а с ней — алименты от ожившего и вновь заработавшего Виктора Александровича. Чувство Зуевой к нему затмила лишь маленькая внучка, Леночка. С появлением ее

в жизни Анастасии Платоновны появились свет и смысл. Она, наконец, обрела полноту счастья. Воспитывала сама, только сама. Сажала за общий стол и ставила перед ней крохотную рюмочку с молдавским вином. Ортодоксы воспитания ахали: "Вы испортите ребенка!" Как и до какой степени испортили этого ребенка, разговор впереди.

Никанье уроки — измены, неблагодарности, открыто расчетливое использование, — ничто не могло изменить "старосветской" хлебосольности и открытости зувского дома.

Война распахнула его двери шире, чем в мирные годы. Одиннадцать раз Анастасия Платоновна выезжала на фронт со своим неизменным партнером, превосходным мхатовским актером Николаем Ивановичем Дорохиным. Играли они сцены из "Женитьбы Белугина" Островского, а люди, многие из которых через час-другой после концерта погибали в бою, были счастливы, как дети: от соприносновения с родным русским духом, с певучим языком, добрым, хотя и хлестким юмором. Им дарили Россию, за которую хотелось постоять до последней капли крови. Зуева была больше, чем актрисой, вызывавшей восторг фронтовой аудитории. Она умела вызвать улыбку солдата и в общении с ним вне сценической площадки, которой чаще всего была просто лужайка перед автобусом, что привез актеров. С ней хотелось сдружиться, и те, кто получали приглашение посетить ее квартиру в Москве, при случае пользовались этим правом. Их тут же устраивали на жительство. Нойной служили стулья, их устанавливали по четыре — получа-

лось целое общепитие с самостоятельным ложем для каждого из гостей... —

А хозяйка чаще всего опять оказывалась на фронте. И каждый раз с очень неординарными приключениями. То задубевшую от мороза шубу повесят в землянке к горячей печке, и весь мех осыплется, а хозяйке вручат в порядке возмещения ущерба настоящий офицерский полушубок, и она станет гордиться этим всю оставшуюся жизнь... То влетит машина с концертной бригадой прямохононько в расположение противника, и только хладнокровие и талант водителя дадут возможность уйти из-под огня. Почти все фронтовые поездки А.П. Зуевой были более чем не комфортными... Она, едва ли не единственная из актеров, была награждена за участие в Великой Отечественной войне высшим орденом — Ленина...

Вдали от Москвы, в эвакуации, актрисы МХАТа жили тесно, по нескольку женщин в одном гостиничном номере. Одна из коллег Зуевой, Галина Ивановна Калиновская, вспоминала:

— В первую же ночь мы обратили внимание на нижнее белье Насти... О, это было благословенное напоминание о мирных временах: все шелковое, тонкое, изящное, чистенькое! И это — в условиях, когда мы одевали что-нибудь поглубже, да и то застиранное, старенькое, списывая все причины на войну. А вот она не поддавалась — не позволила войне отнять хоть в малой степени женскую эстетичность, и это было для нее принципиально...

Ушел из жизни Виктор Александрович, которого она продолжала любить и после его смерти.

Анастасия Платоновна знала, что когда-то ее станут хоронить на Новодевичьем кладбище — "полагалось по чину". Ей хотелось, чтобы урна с его прахом была погребена там же. Но так не делалось: ниже народного артиста СССР престижнейшее кладбище не принимало. Урна с прахом долго хранилась... дома у Анастасии Платоновны. И только решительное вмешательство старой подруги, однонашницы по Шаляпинской студии Аллы Константиновны Тарасовой, ее обширное влияние на людей из "высших эшелонов власти" помогли, наконец, предать урну земле на заветном кладбище. Грустно и смешно, но спустя много лет вопрос о захоронении праха самой Анастасии Платоновны был поставлен на обсуждение, дебатировался и, слава Богу, увенчался августейшим разрешением...

Но все это было поздне. А она — радость от новых работ на сцене Художественного театра, счастье видеть внучку с дипломом Московского института международных отношений, красавицей с красивым мужем, затем и с красивым сыном; постепенное обретение надежных друзей, которые не так уж часто и посещали ее, стесняясь беспокоить, зато по первому зову спешили помочь и соучаствовать во всех ее делах и праздниках.

Однажды она затеяла со мной странный разговор — о том, какими бы ей хотелось видеть свои последние часы. И подкрепила это рассказом о смерти своего однонашника и друга, великого актера Николая Павловича Хмелева. Он умирал, как известно, в царских бармах и гриме Ивана Грозного на генеральной репетиции.

— Подошло время вечернего спектакля, — рассказывала Анастасия Платоновна. — Мы стали собираться на "Мертвые души", которые стояли в афише в тот жуткий вечер... Я едва заgrimировалась — слезы текли неостановимо. Его ведь не разрешали перевозить в больницу, а положили в директорской ложе. Над ним хлопотали врачи... Начался спектакль. Публика хохочет, а мы смеем ее на сцене и спешим за кулисы узнать, как с ним, что он, есть ли надежда... Наконец сообщение оттуда, из ложи: "Скончался"... Боже мой! Актеры, едва сдерживая рыдания, выходят на сцену, играют гоголевских персонажей, а зал разрывается от хохота... Ужасно? Нет! Я даже тогда подумала, что если бы мне довелось умирать под музыку зрительского смеха, возблагодарила бы Господа за такой удел...

Не помню, как долго продержался в репертуаре МХАТа спектакль "Гроза" по драме А.Н. Островского. Поставлен он был еще в 1934 году, но в 70-е не шел точно. Фенлуша жила в исполнении А.П. Зуевой как отдельный маленький шедевр. Она любила играть сцену с рассказом псевдостранницы про "людей с пёсьими головами" и всяком таком, и была при этом такой полифоничной (другого слова не подберу), что зритель видел перед собой то наивную врушу, то зловещую хищницу, то уморительную нахалку, то хитроумную ханну. На крохотном пятачке времени и пространства расположить такую густоту подтекстов, характерных красок и событийных пауз, казалось, даже теоретически невозможно...

85-летие народной артистки СССР, лауреата Государственной

премии СССР А. П. Зуевой праздновали людно и шумно. Чествование не было похоже на традиционный театральный "междусобойчик". Юбиляра приветствовали известные ученые, писатели, художники, учителя, военные разных родов войск, крестьянские и рабочие коллективы.

Я был одним из завершающих длинную цепь. Затем, вместе с актером Сергеем Конориным, которого Анастасия Платоновна считала отчасти своим учеником, мы стали ее адъютантами, сопровождая со сцены в банкетный зал. Еще на сцене ее остановили старики — монтировщики декораций, говорили слова любви, преподнесли цветы и еще какие-то реликвии. В это время подошла Ангелина Осиповна Степанова, большая актриса, руководитель партийной организации театра, Герой Социалистического Труда. Быстрым движением она забрала сумочку из рук Зуевой.

— Что ты, что ты, Лина?! — изумилась Анастасия Платоновна.

Степанова ответила просто, с какой-то светлой лаской:

— Настя, надо освободить руки — ты же видишь! Я помогу...

Мы шли долго сквозь волны благодарений, и весь этот путь блистательная Степанова подчеркнуто держалась оруженосцем Зуевой.

Вспомнилось, как Ангелина Осиповна когда-то хвалила Анастасию Платоновну за точные советы, которые та умела подать в разгар чьей-то работы над новой ролью:

— Мне она подсказала важное самочувствие для королевы Елизаветы в шиллеровской "Марии Стюарт". Она сказала: "Ты бой-

ся, еще больше бойся ее, Марию!.." Так появилось действие, которое открыло дорогу многим подозрениям и кормило ненависть...

...Вот как оно вышло: задумал очерк об униальной актрисе, а написал о человеке, женщине, каких мало.

Анастасия Платоновна поныне присутствует в нашей жизни. Не только в мемориальной доске на фасаде своего дома, рядышком с такой же доской памяти Ф.Г. Раневской, причем обе доски похожи, как близнецы. И не только в портретах мхатовских фойе и музея, в кинообзорах и радиоспектаклях, ставших классиной, живет великая актриса.

Более всего присутствует она в своей квартире, где все бережно сохраняется в ее вкусе и порядке. Вас встретят молодая, очаровательная, солнечно приветливая женщина и ее взрослый сын, заведомо образованный и работающий в серьезной фирме. Это — любимая-внучка Анастасии Платоновны, Елена Константиновна Зуева, и правнук — Володя. Тропа к этим дверям по-прежнему не зарастает. За ними — гостеприимство, желанность любого гостя, на стенах — духовно драгоценные свидетельства истории Московского Художественного театра, в шкафу — книги, подаренные лучшими писателями и поэтами ее времени...

— Будем пить чай! — возвещает Лена Зуева, и на столе появляются салаты, консервы, пирожки и прочее.

Так лукавила и ее бабушка. Земля ей пухом и вечная память. ■

го

Номер рабочего
места

Автопортрет

ПАММА

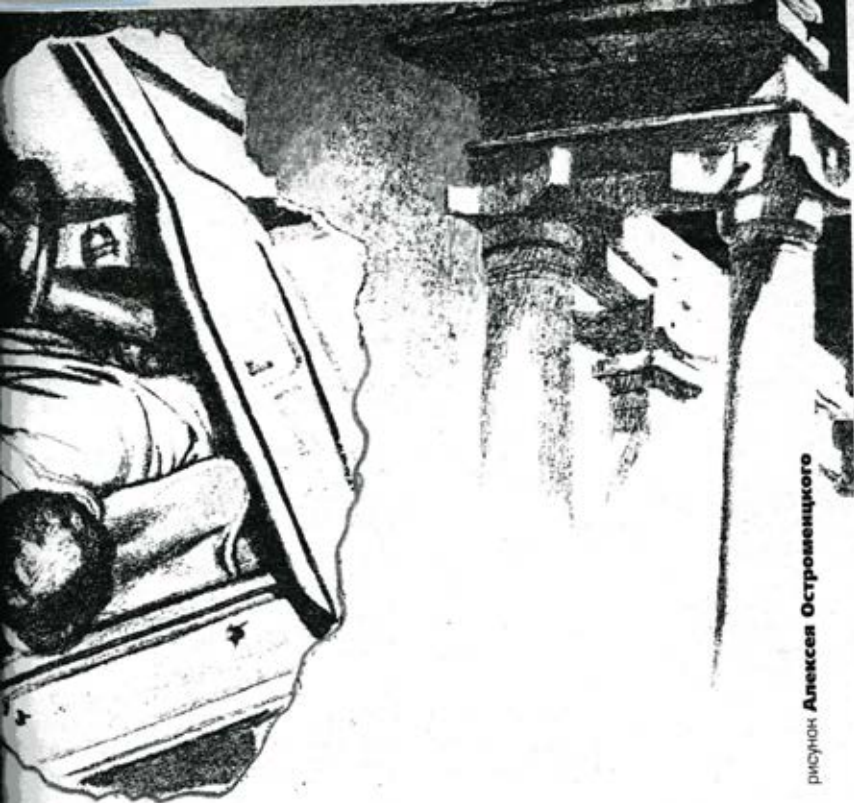

рисунок Алексея Остроменцкого

ВЫСШАЯ

Виктор ПРЕНИН

МЕРА *

* Журнальный вариант.

Глава 1

Владимир Николаевич Апыхтин — такая фамилия была у председателя банка “Феникс”, хорошего, крепкого банка, крупнейшего в городе, между прочим. Выглядел Апыхтин, как и подобает нынешнему банкиру, — любил темные костюмы, предпочитал белые рубашки с запонками и галстук с заколкой. Носил затемненные очки в тяжелой оправе, отрастил бороду, короткую, но окладистую, от уха до уха. Темные густые волосы зачесывал вперед, на манер челки — это придавало ему вид молодой, даже слегка шаловливый. И самое главное, что нужно сказать об Апыхтине в связи с предстоящими событиями, — он был влюблен. В собственную жену.

Влюблен тихо, без стенаний и безумств, но зато постоянно.

Ее звали Катя, была она лет на десять моложе Апыхтина, фигура позволяла ей ходить в брючках и великоватом свитере. В такой одежде она появлялась на банковских торжествах, да и на собственной кухне — правда, в других брючках и в другом свитере.

И был еще у Апыхтина сын, тоже Владимир, Вовка, десятилетний плут, усвоивший от родителей здоровье и веселый нрав. Двойки его не огорчали, как не огорчали и родителей, пятерки тоже не приводили семью в радостное возбуждение. Сам Апыхтин в свое время учился плохо и прекрасно понимал, что есть в жизни и другие показатели способностей, не только отметки в школьном журнале или в затертом дневнике.

Это роковое утро в жизни Апыхтина началось как обычно. Он проснулся первым, некоторое время лежал, глядя в потолок, прокручивая мысленно все те дела, которые сегодня ему предстояли — совещания, встречи, приемы. Еще раз убедившись, что все это сделать успеет, осторожно просунул руку под голову Кати, привлек ее к себе, поцеловал в нежную шею и встал. Пройдя на кухню, слегка качнул колокол, подвешенный в дверном проеме. Вся квартира тут же наполнилась сильным долгим звоном.

— Подъем, ребята, подъем, — пробормотал он.

Выходя из кухни в ванную, Апыхтин снова качнул колокол, и снова раздался радостный звон, не услышать который было просто невозможно. Когда он вернулся на кухню, веселый, влажный, Катя уже стояла у плиты, а сонный, почти ничего не видящий Вовка сидел перед громадным экраном телевизора.

— Звонил Басаргин, — сказала Катя.

— Чего ему?

— Поздоровался.

— Трепещет Басаргин.

— А чего ему трепетать?

— Кредит пробивает... Странный такой кредит. — Апыхтин присел к столу, втиснувшись в самый угол.

— Не пробьет? — усмехнулась Катя, не оборачиваясь от плиты.

— Нет.

— Обидится?

— Да ему уже пора привыкнуть... Такую публику тащит... Где он их только берет? Не пойму. Гнать их всех придется.

— Но он же твой зам. — Поставив перед Апыхтиным яичницу, густо посыпанную укропом и петрушкой, Катя присела напротив, подперла кулачком подбородок.

— Мало ли этих замов... У меня их трое.

— Те тоже тащат странную публику?

— Нет, только Басаргин. — Апыхтин замер, уставившись прямо перед собой в стену, и некоторое время как бы отсутствовал, мысленно унесясь в свои банковские кабинеты, коридоры, сейфы.

— Возвращайся, — сказала Катя, положив ему ладонь на руку.

— Куда? — не понял Апыхтин.

— На кухню. К яичнице.

— Ах, да... Причем, явно уголовная публика. И он это знает. Я это знаю. Другие замы знают — и Осецкий, и Цыкин.

— Но тащит? — улыбнулась Катя.

— Да! Еще как тащит!

— Может, он таким образом предлагает вам крышу?

— Есть у нас крыша! Наша крыша — самая крутая в городе!

— Чем же она так хороша?

— А тем, что надежная. Да, мы платим Кандаурову, но зато живем спокойно. Как только возникает какой-нибудь качок, я сразу отправляю его к Кандаурову — решайте, ребята, свои проблемы без меня. И все. Больше качок не появляется.

— Нигде? — Катя сидела все так же, подперев кулачком щеку и следя за тем, чтобы Апыхтин все-таки съел яичницу.

— Может, где и появляется, может, уже нигде... Зачем мне об этом думать? Я плачу деньги. Вовка! — крикнул Апыхтин, повернувшись к двери. — Быстро к ноге!

Долгое время в комнате стояла тишина, потом послышались какие-то невнятные шорохи, вздохи, шаги, и, наконец, в дверях возникла заспанная физиономия сына.

— Ну? — сказал он.

— Через неделю едем на Кипр.

— Знаю.

— Ты готов?

— Ну.

— Есть что надеть, обуть?

— Есть.

— Литературу почитал, историю, географию, карту острова изучил? Знаешь, где находится бухта, из которой Афродита вышла?

— Из пены она вышла.

— Не из мыльной же пены! — заорал Апыхтин, теряя терпение.

— Из морской.

— Как называется главный город Кипра?

— Так и называется... столица.

— Все! Сгинь! Нет больше сил заниматься твоим воспитанием! — Апыхтин беспомощно посмотрел на жену.

— Ты сегодня и так, по-моему, перенапрягся, — рассмеялась Катя. — Пожалей себя.

— Да ладно уж.

В это время зазвонил телефон.

— Опять, наверно, Басаргин. Будешь говорить?

— Буду, — решительно сказал Апыхтин и прошел в комнату, откуда продолжали нестись звонки. — Да! Понял. И что же из этого следует? Ни в коем случае! Ну?

Это происходило почти каждое утро — работа начиналась с телефонных звонков. Апыхтин не возражал, ему даже нравилось начинать день вот так — в халате, в кресле, закинув ногу на ногу, ощущая в себе нерастроченные еще за день силы, наслаждаясь быстрым схватыванием на лету всего, что сообщает прямо с утра его свита — свита председателя правления банка. Он видел, что соображает быстрее тех, с кем разговаривал, глубже и острее понимает возникающие сложности, буквально сразу находит решение правильное, грамотное, а когда требуется, то и достаточно жесткое.

Эта уверенность давала ему спокойствие — нет у него соперников, нечем его заменить в банке, нет человека, который бы мог потеснить его, сбросить с кресла.

— Гони его в шею! — сказал Апыхтин, выводя разговор на финишную прямую.

— Уже, — ответил Осецкий, один из его трех заместителей.

— Молодец. Что Кандауров?

— Возникал.

— Что-то зачистил.

— Я тоже обратил на это внимание.

— Обнищал?

— Скорее оборзел.

Фамилия Кандауров частенько мелькала в разговорах Апыхтина со своими заместителями — местный авторитет взял банк "Феникс" под опеку и вот уже несколько лет сносно справлялся со своими обязанностями, отбивая не частые, но свирепые атаки других банд, которые тоже хотели бы защищать банк от всевозможных жизненных неприятностей. Доходило до серьезных стычек, случались разборки, перестрелки, были и трупы. Апыхтин знал обо всем, но говорить на эту тему избегал. В последнее время Кандауров стал каким-то уж слишком навязчивым — приезжал в банк, когда заблагорассудится, и, по блатному играя плечами, шел к председателю.

— Привет, красавица! — бросал секретарше и входил в кабинет. Независимо от того, кто там был в это время.

Как-то поздно вечером Кандауров позвонил Апыхтину домой.

— Володя, у тебя есть враги? — спросил он без обычных многословных приветствий.

— Нет, только друзья, — ответил Апыхтин, не задумываясь. — И ты, Костя, первый из них.

— У тебя есть враги, Володя.

— Кто же это, поделись! — воскликнул Апыхтин, полагая, что Кандауров после этих слов начнет намекать на прибавку к жалованию.

— Не знаю, Володя. Но они есть. И это серьезные ребята. Слушок прошел по нашим уголовным коридорам. Мне бы не хотелось, чтобы с тобой случилось что-нибудь неприятное. Береги себя, Володя.

— И ты не можешь мне в этом помочь?

— Вот помогаю. Как могу. Знаешь, странная такая, неуловимая информация... Не то что-то есть, не то нет... Но мой нюх, зековский, лагерный, называй его как хочешь... Он редко меня подводит.

— Но все-таки подводит?

— Не надо на это надеяться... У тебя двери в квартире стальные?

— Стальные.

— Это хорошо. — Голос Кандаурова сделался каким-то усталым. — А этаж какой?

— Седьмой.

— Над тобой есть этажи?

— Еще пять.

— Это хорошо, — повторил Кандауров. — Спокойной ночи, Володя, извини за поздний звонок.

Нельзя сказать, что Апыхтин полностью пренебрег словами Кандаурова, вовсе нет. Он вызвал к себе начальника охраны, бывшего милицейского майора Пакина, и строго поговорил с ним — тот немедленно дал нагоняй автоматчикам у входа и на этажах. Предупредил Катю, чтобы без телохранителя из дома не выходила и Вовку куда попало не отпускала. На всякий случай своему водителю выхлопотал пистолет Макарова и положил в бардачок “мерседеса”.

В половине десятого утра из “мерседеса” позвонил водитель. Апыхтин к тому времени уже был готов — в костюме, белой рубашке, в галстук, с тонким чемоданчиком. Катя проводила его до дверей.

Свежевымытый “мерседес” цвета мокрого асфальта стоял, посверкивая на солнце еще не высохшими каплями влаги. За-

темненные стекла были протерты, хромированные накладки сияли празднично и почти торжественно. Распахнув дверцу, Апыхтин упал на мягкое сиденье рядом с водителем и, откинувшись на спинку, закрыл глаза.

— Привет, Гена, — сказал он, улыбаясь в бороду. — Что хорошего в большой жизни?

— Здравствуйте, Владимир Николаевич... А новости... На Филиппинах вулкан ожил, огнем дышит... В Колумбии землетрясение... На Камчатке пожары. — Последние слова водитель произнес уже влившись в поток машин на залитой солнцем улице.

— Ну, ты даешь, Гена! Никогда от тебя не услышишь ничего радостного. Где ты набираешься этих катастрофических новостей?

— Места надо знать, Владимир Николаевич. — Гена искоса глянул на Апыхтина, усмехнулся. — А что нового на финансовом фронте? От рублей не пора избавляться?

— Скажу, когда надо будет.

— Как бы не промахнуться, а?

— Предупрежу.

Перед приходом Апыхтина его секретарша Алла Петровна распахнула окна, отбросила в стороны шторы, и в кабинет свободно втекал свежий утренний воздух. Апыхтин опустил на мягкое кожаное кресло, положил руки на стол и замер на какое-то время. И тут же, словно вспомнив о чем-то, быстро набрал номер.

— Катя? Ты меня узнаешь?

— А ты кто? — по голосу он чувствовал, что жена улыбается.

— Я вот о чем подумал... Надо бы нам до того, как отправиться в бухту Афродиты, все-таки заскочить на Троодос... Там монахи местного монастыря обалденные столы накрывают...

— Да, лучше начать с Троодоса, — согласилась Катя.

— А в Иерусалим и к египетским пирамидам мы в конце смогаемся, там паром ходит... Прямо из Лимасола и рванем, не возражаешь?

— На обед котлеты с тушеной капустой. Не возражаешь?

— Знаешь, я сейчас и подъеду! Гори он синим огнем этот банк, заседания, совещания...

— Вовка засел за изучение карты Кипра.

— Это хорошо.

— К двум часам все будет готово.

— Пока. Целую.

Апыхтин положил трубку — в кабинет уже входили его заместители — Басаргин, Цыкин и Осецкий. Рядом с ним они казались почти одинаковыми — мелковатыми, даже какими-то незначительными. Но это мог заметить только новый, посторонний человек, друг с другом все четверо вели себя одинаково

легко и раскованно, как люди давно знакомые и связанные общим делом.

Если все-таки попытаться найти различия между ними, то можно сказать, что Осецкий был порывист и нетерпелив. Цыкин больше молчал, улыбался и на общих сборищах в кабинете Апыхтина всегда находил себе какое-нибудь развлечение — газетой шуршал, листал календарь с красотками, знакомился с устройством ручки или же, воспользовавшись тем, что все отвлеклись, успевал куда-то позвонить.

А вот Басаргин был подчеркнуто деловит, задавал умные вопросы, внимательно выслушивал всех, склонив голову набок и сдвинув к переносице тощеватые свои бровки.

— Что ты сегодня с утра о кредите молот? — спросил Апыхтин у Басаргина.

— Никаких кредитов! Все понял, осознал, проникся! — Басаргин дурашливо вытянулся, прижав руки к бокам.

— Смотри, а то можем поговорить...

— Ни в коем случае! Я навел справки... Там глухо, Володя, там совершенно глухо.

— Что и требовалось доказать, — отозвался Апыхтин, но что-то царапнуло, что-то не понравилось ему в ответе Басаргина — уж слишком охотно он отрекся от своего же предложения, слишком быстро и охотно. Так бывает, когда сам заранее знаешь слабые места своей позиции, но надеешься — авось, проскочит, авось, удастся.

Через неделю Апыхтин уезжал в отпуск и ему предстояло кого-то назначить вместо себя. Он заранее решил, что замещать оставит Басаргина. Тому это понравится, он расцветет, станет деловым и вездесущим. Но когда Басаргин предложил явно рисковую, да что там рисковую, просто безнадежную идею с кредитом, Апыхтин засомневался. Однако знал — стоит ему назвать кого-нибудь другого, будет обида. И решил никого не предлагать, пусть сами решают, он лишь согласится и уедет с легким сердцем. А они без него могут обижаться друг на друга, сколько хватит сил.

— Кто останется вместо меня? — спросил он громко, прерывая какой-то вспыхнувший спор заместителей.

— Как скажешь, Володя, — быстрее всех ответил Осецкий.

— Не слышу предложений, — с преувеличенной серьезностью проговорил Апыхтин. — Вам тут работать, решайте.

Осецкий растерянно вертел головой, переводя взгляд с одного на другого. Басаргин напряженно молчал, ожидая, что кто-то назовет его. Цыкин молча улыбался, похоже, наслаждаясь странным положением, вдруг возникшим в кабинете. Апыхтин не торопил, у него была возможность потянуть время — он переложил бумаги с места на место, вчитался в какой-то документ, что-то поправил в тексте и лишь после этого поднял голову. Возникшее вдруг в кабинете напряжение говорило о том,

что не так все просто в их отношениях, не так все легко и очевидно.

Первым не выдержал Осецкий.

— Пусть Басаргин покомандует! Ему давно не терпится!

— Почему я? — спросил Басаргин, и все опустили глаза — настолько неискренним был его голос.

— Есть возражения? — спросил Апыхтин.

— Нет возражений, — ответил Цыкин, рассматривая диковинную настольную зажигалку, подаренную каким-то клиентом.

— Есть самоотвод?

— Если дело за самоотводом, — начал было Басаргин и замолчал, не зная, как закончить, как половчее завершить собственную мысль.

Апыхтин молча кивнул, дескать, продолжай, дескать, готовы внимательно выслушать тебя, дорогой ты наш соратник. На помощь не пришел, хотя видел, какая мучительная борьба происходит в тщеславной душе Басаргина. И Цыкин улыбочиво поднял голову, и Осецкий, осознав происходящее, улыбался широко и злорадно.

— Говори, Андрей, — подбодрил его Апыхтин.

— Да ну вас в самом деле! — возмутился Басаргин. — Устроили испытание, понимаешь! Заранее обо всем договорились, а теперь голову морочите!

— Значит, заметано, — подвел итог Апыхтин с явным облегчением — самое щекотливое дело перед отпуском сделано, и никто не упрекнет его в предвзятости, несправедливости или еще каких-то там грехах. — Тогда по коням.

— Когда банкет по случаю отъезда? — спросил Басаргин, справившись, наконец, с неловкостью.

— Как скажешь, — усмехнулся Апыхтин. — Ты теперь шеф.

— Хорошо, я подумаю, — серьезно кивнул Басаргин, решив, что ему действительно необходимо решить этот вопрос. — Хотя постой, — спохватился он и покраснел. — Я же приступаю к исполнению после твоего отъезда... Я не могу брать на себя...

— Вот и я о том же! — рассмеялся Апыхтин.

Хохочущие заместители ушли, кабинет опустел, Апыхтин хотел было позвонить домой, спросить, как продвигаются дела с котлетами, но телефон заверещал сам.

— Да! — сказал Апыхтин, поднимая трубку, весело сказал, напористо, готовый ответить на любой вопрос, решить любую задачу, ввязаться в любое дело, которое было бы по плечу ему самому, его банку, его друзьям, которым он так доверял, которых так любил.

— Владимир Николаевич? — спросил незнакомый мужской голос, и первыми же его звуками всю беззаботность Апыхтина как рукой смело, не осталось в нем ни игры, ни шалости. Голос

был служебный, серый и какой-то неживой — все эти оттенки Апыхтин узнавал сразу.

— Да, — ответил он.

— Говорит капитан Юферев.

— Очень приятно. Слушаю вас.

— Звоню из вашей квартиры.

— Так, — Апыхтин с трудом осознал услышанное. — Вы хотите сказать... Что-то случилось?

— Случилось. — Голос капитана был все так же сер и мертв.

Апыхтин почувствовал, что не может стоять, и, обойдя вокруг стола, сел в мягкое глубокое кресло.

— Вы сказали, что звоните из моей квартиры. Как вы туда попали? Вас Катя вызвала? — Апыхтин невольно задал вопрос, который еще тайл в себе надежду на то, что все не так плохо, как показалось ему с самого начала.

— Дверь была раскрыта, и я вошел... С сотрудниками.

— А почему вы решили...

— Дверь была раскрыта... Нас соседка вызвала. Вы можете подъехать?

— Буду через десять минут.

— Жду вас.

С трудом поднявшись из кресла, Апыхтин подошел к окну — его "мерседес" был на месте, и сквозь лобовое стекло виднелся контур водителя.

— Я домой, — бросил он секретарше, выйдя в приемную.

— Что отвечать? Когда будете?

— Позвоню.

По лестнице он почти сбежал. Кто-то окликал его, кто-то приветствовал — он не находил в себе сил даже обернуться. Что-то ныло внутри, что-то напряглось болезненно и остро. Чем больше проходило времени после звонка капитана, тем больше Апыхтин беспокоился, ощущая временами настоящую физическую боль в груди.

— Домой, — сказал он, опускаясь на переднее сиденье рядом с водителем.

— Что-нибудь случилось? — спросил водитель, трогая машину с места.

— Да.

— Дома? В банке?

— Не знаю. — Апыхтин смотрел прямо перед собой на дорогу, не видя ни дороги, ни машин.

Едва "мерседес" остановился у подъезда, Апыхтин выскочил и, не закрывая за собой дверцу, вбежал в подъезд. Дверь в квартиру была закрыта, он позвонил и по погасшему глазку понял, что его рассматривают. Когда стальная плита отошла в сторону, на пороге показался человек в милицмейской форме. Он молча посторонился, пропуская Апыхтина, и тут же снова закрыл за ним бронированную дверь.

Апыхтин остановился, обернувшись к капитану, — он не решился сразу пройти в комнату и выглядел почти беспомощно.

— Юферев, — капитан пожал ему руку.

— Они живы? — спросил Апыхтин почему-то шепотом.

— Нет.

Апыхтин постоял несколько секунд, глядя в пол, и лишь после этого, решившись, шагнул в комнату. Катя лежала на полу, неловко подвернув ногу, вокруг ее головы растеклось большое кровавое пятно. Апыхтин подошел ближе, опустился на колени, осторожно коснулся пальцами Катиного лба. Вокруг были люди с фотоаппаратами, с какими-то предметами в руках — они стояли в разных концах комнаты и молча смотрели на него.

— Так, — сказал Апыхтин негромко. — Так...

Он поднялся, искал глазами капитана, подошел к нему, хотел что-то спросить, но голос изменил ему, раздалось только невнятное шипение.

— Там. — Юферев показал рукой на дверь в другую комнату.

— И его тоже?

— Да.

Апыхтин шагнул к двери, постоял перед ней, оглянулся на капитана и решительно толкнул дверь.

Вовка тоже лежал на полу, и его окровавленная голова оказалась как раз на большой карте Кипра. Апыхтин почувствовал сильную непреодолимую тошноту, голова его закружилась, и он медленно осел на пол.

— Потерял сознание, — сказал Юферев. Подняв с пола тяжелый том в глянцевой суперобложке, он положил его на полку и, взяв банку с водой, тонкой струей начал поливать виски Апыхтина, голову, шею. Через некоторое время Апыхтин шевельнулся, открыл глаза и чуть приподнялся, прислонившись спиной к стене.

— Я не хочу жить, — сказал он негромко и повторил: — Я не хочу жить.

— А придется, — ответил Юферев.

— Мы на Кипр собирались. Вовка карту изучал...

— Поезжайте один. Это самое лучшее для вас сейчас.

— Что с ними сделали?

— Жене перерезали горло, — голос Юферева оставался таким же мертвенно-серым, без всякого выражения.

— А Вовка?

— Ткнули чем-то в висок. Судя по тому, что смерть наступила быстро, рана глубокая.

— А почему вы решили, что смерть наступила быстро?

— Есть некоторые признаки, — ответил стоявший рядом эксперт.

— Они сопротивлялись?

— Да.

— Это тоже можно установить?

— Предположительно, — уклонился эксперт от подробностей.

Апыхтин с трудом поднялся, постоял у стены, видимо, не уверенный, что может идти, но потом все-таки направился в кухню. Обернулся на Катю, лежащую посредине комнаты, но не остановился.

На кухне стоял легкий чад, запах чего-то горелого. Подойдя к плите, Апыхтин увидел на сковородке несколько черных обуглившихся комков.

— Все правильно, — проговорил он, — она жарила котлеты. Мы на Кипр собирались. Там есть гора Троодос. А на горе монастырь... Монахи самогонку гонят и угощают туристов... Говорят, совершенно потрясающая самогонка. И закусить дают. — Апыхтин бормотал все тише, тише и, наконец, совсем замолк. — Зачем они это сделали? — спросил он неожиданно четко и внятно.

— Первое объяснение, которое напрашивается само собой... Ограбление.

— А убивать зачем?

— Надежнее.

— Так всегда делается?

— Далеко не всегда... Но случается. Отморозки.

— Что? — Апыхтин поднял голову.

— Так их называют в уголовном мире. Отморозки. Люди с отмороженными мозгами. Внешне они не отличаются от нормальных людей, вроде, как все... И улыбаются, и женщин любят, у некоторых даже дети рождаются... Но мозги отморожены. И все остальное, что с этим связано, тоже отмерло — совесть, сочувствие, порядочность... Я вот о чем хотел попросить вас, Владимир Николаевич... Может быть, вы посмотрите внимательно, что именно у вас пропало и пропало ли что-либо вообще?

Апыхтин некоторое время молча смотрел на Юферева, осмысливая вопрос.

— Вы хотите сказать, что могло и ничего не пропасть? — спросил он. — Вы хотите сказать, что убийство было единственной целью этих... Как вы говорите, отморозков?

— Будем думать, Владимир Николаевич, будем работать... Я вызвал машину, сейчас увезут... ваших близких. Я понимаю, что поступаю безжалостно, пытаюсь сейчас задавать вам вопросы...

— Задавайте.

— По линии банка... Были угрозы, требования? Вы понимаете, о чем я говорю. Может быть, шантаж...

— Ничего этого не было.

— Хорошо. У вас есть крыша?

— Да.

— Кандауров?

— Он самый.

— С ним все в порядке?

— Да, капитан... С Кандауровым у меня все в порядке. Просто идеально. Лучше не бывает.

— Откуда вы знаете, как бывает.

Юферев хотел было задать какой-то вопрос, но, взглянув на Апыхтина, остановился. Тот сидел на неустойчивой кухонной табуретке и, зажав ладони коленями, уставившись в какую-то точку на стене, раскачивался из стороны в сторону. Вряд ли он вполне осознавал сейчас все, что говорил ему Юферев, что он сам отвечал. Похоже, просто выделил для разговора какой-то незначительный участок своего мозга и доверился ему.

— Не понимаю. — Апыхтин потряс большой лохматой головой, протер запотевшие очки, снова надел их, беспомощно посмотрел на капитана, словно ожидая, что тот все объяснит, расставит по местам, назовет вещи своими именами. — Ничего не понимаю... А вы, капитан, вы что-нибудь понимаете?

— Если хотите, могу назвать несколько версий, которые возможны. Но сразу предупреждаю, что в действительности все может оказаться совсем не так...

— Говорите, — кивнул Апыхтин.

— Первая — грабеж. Потом мы с вами уточним, что именно пропало. Может быть, ничего не похищено, может быть, они искали какую-то вещь, документ, надеялись найти толстую пачку долларов, не зная по своей тупости, что в домах банкиров долларов не бывает.

— Но убивать?! Зачем убивать?!

— Этому тоже может быть несколько объяснений... Возможно, ваша жена или сын узнали кого-либо из них.

— Вы хотите сказать, что это были мои знакомые, друзья, сослуживцы?

— Не знаю, сейчас об этом говорить рано. Как бы там ни было, ваша жена открыла им дверь. Дверь у вас... своеобразная. Следов взлома нет, да ее и невозможно взломать. А если бы кто-то и решился на взлом, у нее было достаточно времени позвонить в милицию, вам на работу, соседям. Она открывает дверь незнакомым людям?

— Не знаю. Но я всегда предупреждал ее, запрещал это делать.

В прихожей раздался звонок, Апыхтин вздрогнул и почему-то посмотрел на Юферева. Тот остался невозмутимым и лишь удовлетворенно кивнул, услышав звонок.

— Наверное, пришла машина, которую я вызвал. Их надо забрать... Экспертиза, то, се...

Из прихожей уже входили люди с носилками. Апыхтин подошел к Кате, опустил перед ней на колени. Теперь он уже внима-

тельнее всмотрелся в рану — ему почему-то нестерпимо хотелось посмотреть на рану. Это было страшное зрелище. Нож, видимо, был чрезвычайно острым, и голова, как показалось Апыхтину, была почти отделена. Да, это сделал очень сильный человек.

Потом Вовка...

Апыхтин поднялся и прошел в маленькую комнату, где лежал сын. Опустился на колени, прижался губами к его окровавленной голове, провел рукой по волосам...

Юферев, сверившись с записной книжкой, набрал номер банка "Феникс".

— Приемная Апыхтина? — спросил он.

— Да, — ответила Алла Петровна. — Но его сейчас нет. Он будет позже.

— С вами говорит капитан Юферев. Дома у Апыхтина несчастье. Вам необходимо подъехать сюда.

— Что случилось?

— Захватите с собой близкого ему человека... Заместитель, помощник... Не знаю, как там у вас это называется. Жду вас через десять минут.

— Видите ли, в чем дело, у нас сейчас начинается совещание, и я боюсь, что приехать немедленно вряд ли кто... Если вы не возражаете...

— Возражаю! — перебил секретаршу Юферев.

— Тогда я хочу поговорить с Владимиром Николаевичем.

— Он не может.

— Почему?

— Не в состоянии.

— Вы хотите сказать...

— Послушай, тетя! — в голосе Юферева зазвучали хулиганские нотки. — Ты мне надоела. Я все сказал. — И он положил трубку.

Через десять минут в прихожей прозвенел звонок. Юферев подошел к двери, посмотрел в глазок — на площадке стояли три нарядных мужчины и перепуганная женщина.

Юферев открыл дверь и некоторое время с подозрением рассматривал всех четверых.

— Кто такие? — спросил он, хотя уже догадался — все руководство банка пожаловало на квартиру к председателю правления.

— Мы заместители Апыхтина.

— Очень хорошо. Проходите. — Юферев опять запер дверь. — С вами я буду говорить завтра. Познакомимся поближе, побеседуем.

— О чем? — выскочил вперед один из приехавших.

— О жизни. Проходите в комнату.

Все четверо послушно, уступая друг другу дорогу, прошли мимо кухни, остановились перед громадной лужей крови и молча повернулись к Юфереву, ожидая пояснений.

— Здесь была убита жена Апыхтина.

Алла Петровна, побледнев, медленно осела вдоль стены.

— В той комнате картина примерно такая же... Там был убит сын Апыхтина. Мы свою работу закончили, теперь вы приступайте. Квартиру надо вымыть, ковры сдать в химчистку, или как там это делается... И — похороны. Это большая работа.

— Простите, а где Владимир Николаевич?

— На кухне... Плачет.

— Господи, — простонала, приходя в себя, секретарша.

— Завтра прошу быть на рабочих местах и никуда не отлучаться. Никаких командировок, поездок и прочего. Вопросы есть?

— Да нет... Вопросы, как я понимаю, будут у вас, — заметил Басаргин.

— И очень много. До встречи. — Юферев направился к двери. — Закройте за мной. И не открывайте незнакомым. У вас в банке должна быть охрана... Человек с автоматом здесь не помешает. — И Юферев вышел из квартиры.

Кандауров сидел в полупустом, затемненном зале ресторана за столиком в углу и обедал, когда к нему подошел невзрачного вида парень и прошептал несколько слов. Кандауров поднял голову и некоторое время смотрел парню в лицо, потом положил ложку, отодвинул тарелку с недоеденным харчо.

— Сядь, — сказал он.

Парень сел, четко соблюдая правила приличия, — сел не к самому столу, а чуть отодвинул стул, руки не положил на скатерть, они остались лежать на коленях. Но и угодливости в нем тоже не было — в глаза не заглядывал, не суетился, задом не ерзал. Сидел и ждал вопросов.

— Это точно? — спросил Кандауров.

— Дело ведет Юферев.

— Цепкий мужик.

— Я как-то был у него в кабинете. — Парень замолчал, ожидая разрешения продолжить. Как и Кандауров, был он в тонком клетчатом пиджаке, черных брюках, белоснежной рубашке и выглядел нарядным. Но что-то его выдавало, что-то говорило о том, что это не обычная его одежда, старательность проглядывала в отутюженных манжетах, наглаженных брюках, посверкивающих туфлях. Оставалось ощущение, что он долго одевался, вполне возможно, в вестибюле ресторана еще раз чистил туфли, не исключено, что своим же носовым платком.

— И что? — спросил Кандауров.

— Я вошел, он предложил сесть... А через три года вышел.

— Это он может. Но мужик ничего. Ладно, пусть... Какие слухи, Серега?

— Никаких.

— Совсем никаких?

— Совсем, Костя. Я навел кое-какие справки... Наши ничего не знают.

— Думаешь, гости?

— Получается, что так.

Кандауров долго смотрел в пустое пространство ресторана.

— Нет, Серега, — произнес, наконец, он. — Гости так не работают. Одно из двух, как мне кажется... Или полная дурь собачья, неожиданность, случайность, недоразумение... Или большие деньги. Апыхтин наш клиент... И с ним не должно такого происходить. Теперь он меня пошлет. И правильно сделает. Я не могу ему на глаза показаться.

— А надо, — осмелился на совет Сергей.

— Конечно, покажусь... Но буду выглядеть, как обосранная курица.

— Это удар, Костя.

— Да, — кивнул Кандауров. — Мы получили хороший удар. И теперь не можем делать вид, что ничего не произошло. Но почему бабу с дитем? Вот чего я не могу понять! Если какие-то банковские дела, то нужно убирать мужика... И потом, если бы у него были неприятности на этом фронте, я бы знал. Ты связывался с нашим человеком?

— В банке паника... Но по делам там все в порядке. Контора крепкая.

— Или шелупонь подзаборная, или большие деньги.

— Там дверь бронированная, из гранатомета не возьмешь. Разве что противотанковой миной.

— Значит, она знала этих людей? — оживился Кандауров и вопросительно посмотрел на Сергея.

— Или дура, — ответил тот.

— И так бывает, — согласился Кандауров, подпер щеку кулаком и опять надолго замолчал. Парень, который принес ему весть об убийстве, не торопил его, видимо, привыкший к такой форме общения.

— Что будем делать, Костя?

— Выводы, — усмехнулся Кандауров. — Как говорят ученые люди, будем делать нелицеприятные выводы. Я так понимаю... Это мы получили удар. Убрали бабу с дитем, чтобы Апыхтин усомнился в нас и перестал платить, а платил бы этим новым ребятам. Если убрать его, то кто платить будет? Они нанесли удар, чтобы сломать мужика... Хотя, как мне кажется, не должен Апыхтин сломаться, не должен... Он ничего мужик, правильный... Правильные мужики не ломаются. Ломаются дешевки дутые.

— Это ты точно знаешь? — усмехнулся Сергей.

— Есть некоторые признаки, по которым можно сразу определить — правильный мужик или дутый.

— Поделись.

— Знаешь... Можно так предложить выпить, что ты по гроб жизни не забудешь, кулаки будут сжиматься каждый раз, когда вспомнится поднесенный стакан, от обиды желваки из черепа начнут выпирать... Значит, так... Боевая готовность. Кто-то из нас уже на прицеле. Они не остановятся. Они не могут остановиться, потому что уже нанесли удар... Как они бабу-то убили?

— Ножом по горлу.

— А пацана?

— Заточкой в висок.

— Бедный мужик, — вздохнул Кандауров. — Не знаю, что и сказать...

— Скажи, что они получают то же самое.

— Это, конечно, утешение, но только для нас с тобой, а не для Володи Апыхтина.

— Сам же говоришь, что правильный мужик... Правильного мужика это наверняка утешит.

— Может быть, может быть... Хорошо бы Юферева опередить. А то ведь вспугнет, а толком ничего не сделает. И перед Апыхтиным нам надо очки набирать.

— Опередим, — негромко отозвался Сергей. — Он к нам не вхож, а мы к нему вхожи. Я сегодня уже буду знать обо всех его поисках и находках.

— Знаешь, Серега... Тут еще такое дело... Последнее время мне кажется, что он к нам тоже вхож.

— Неужели сука завелась? Кто?!

— Говорю же — ощущение. Невнятное, зыбкое, как слабый ветерок вот в этом зале, холодящий такой сквознячок... Надо бы нам это дело раскрутить.

— Раскрутим.

— Это ведь несложно, а?

— Раскрутим, — повторил Сергей.

— Ты позвони мне вечером — вдруг новости какие будут, вдруг я что-нибудь узнаю.

— Пойдешь к Апыхтину?

— Нет, сегодня не пойду. Ему сейчас не до меня, не до сочувствий. Он в шоке. Квартира в кровнице, баба в морге, пацан... И пацана нет... Сука буду, я их найду! — с неожиданной злостью прошипел Кандауров, поставив тощие свои кулаки на скатерть. Первый раз в его словах прорвалось что-то свирепое и безжалостное. — Ведь не уйдут же, некуда им уйти! Это мой город, мой! И я никому его не отдам. Никогда. Ни за что. Ох-х-х, — прохрипел Кандауров, схватившись за сердце. Он сжался, нависнув над столом, но через минуту-вторую распрямился, вздохнул.

— Отпустило?

— Кажется, пронесло. Уходи. Мне еще позвонить надо. Свяжись с ребятами.

Ушел Сергей, растворился в полумраке зала официант, солнце сдвинулось в сторону, и узкая светлая щель погасла среди складок плотных штор. Поставив локти на стол и провиснув на них, как темная летучая мышь, надолго замер Кандауров в полной неподвижности. Глаза его были полусонными, и весь он казался каким-то обреченным. Щупловатый, с землистым лицом и в просторной, великоватой одежде, выглядел потерянно и жалко. Но это было ложное впечатление. Кандауров не собирался сдаваться.

Из всего случившегося он понял одно — будут разборки, стрелки, выяснение отношений... Стрельба тоже будет. И очень скоро.

Все в городе знали, и капитан Юферев знал, что Апыхтин под его крышей. И одного этого знания было достаточно, чтобы в его, кандауровской, империи царили мир, согласие и уважительность.

— Хорошо, — наконец проговорил он вслух. — Пусть будет так. Нет никаких возражений. Уж если поступило такое предложение, мы его обсудим и ответим должным образом. Должным образом, — повторил он и поднялся, резко отодвинув стул. Официанта подзывать не стал, хотя тот мгновенно возник в просвете между колоннами. Расплачиваться за обед не требовалось — ресторан не просто находился под кандауровской крышей, он ему принадлежал.

Юферев пребывал в полной растерянности. Такого с ним еще не бывало — он не находил никакого объяснения случившемуся. Как и Кандауров в своем ресторане, Юферев сидел в маленьком тусклом кабинете почти в такой же позе — поставив локти на стол и провиснув так, что плечи касались ушей. Перед ним лежал чистый лист бумаги, на листе шариковая ручка с искусанным концом, а под правой рукой телефон. Но куда звонить, кому, о чем спросить, Юферев даже не представлял.

Эксперты в квартире Апыхтина не нашли ни единого чужого отпечатка пальцев. Это говорило о многом — работали жестко, трезво и, самое главное, — продуманно. Значит, были не случайные забулдыги, позарившиеся на банкирскую квартиру. Убийство совершили ребята опытные. А по тому, как они это проделали, можно предположить — не впервой.

Напрашивался еще один вывод: в квартире был учинен полный разгром — выдвинуты ящики, разбросаны вещи, сброшены на пол книги, сдернута со стола скатерть... Юферев сразу понял — создавалась видимость ограбления. На полке лежал неплохой диктофон, его не взяли. Остался в ящике фотоаппарат, обычная мыльница, но хорошая мыльница, японская. Правда, исчезли побрякушки из деревянной шкатулки, но это не сбilo Юферева с толку. Чтобы ограбить квартиру, вовсе не требовалось сдирать скатерть со стола или сбрасывать книги

на пол. Значит, вывод однозначный — создавалась видимость. А цель — убийство.

— Это мы установили, — пробормотал Юферев и придвинул к себе телефон. Он еще не знал, кому звонить, о чем спрашивать, но что-то сдвинулось в его сознании.

Дверь...

Дверь апыхтинской квартиры представляла собой стальную плиту, затянутую пластиком под кожу. На пластике — ни единого повреждения, царапины, заусеницы. Вывод один — дверь открыта изнутри. Хозяйка открыла, жена Апыхтина.

Зачем она это сделала? Значит, они были ей знакомы? Или же... Или же... Или же...

Сумели обмануть, ввести в заблуждение, представиться не теми, кем были на самом деле. Сантехники? Газовики? Соседи? Домоуправление? Почта?

— Нет. — Юферев тяжело покачал головой из стороны в сторону. Все это на уровне анекдотов. Если она не вызывала сантехников, то ей не было надобности открывать дверь. А она открыла.

Женщина эта слишком мала ростом, слишком слаба физически, чтобы оказать какое-то сопротивление грабителям, хоть в чем-то им помешать...

Папан тоже совсем дитё... Можно было просто запереть их в туалете, в ванной, в любой комнате и спокойно ограбить квартиру.

А что делают убийцы? Сдергивают скатерть со стола, сбрасывают книги на пол и при этом оставляют диктофон и фотоаппарат. Значит, все-таки не ограбление, значит, все-таки убийство... Чтобы вот так, одним движением почти отсечь голову... Нужно иметь твердую руку и очень хороший нож. Нож...

Его нельзя было оставлять при себе. От него необходимо тут же избавиться. Это непростой нож, это орудие убийства. Они не могли не знать, что у банкира хватит денег подключить к следствию любые силы. Значит, им нужно избавиться от ножа.

Юферев поднялся из-за стола, прошел по кабинету, выглянул в коридор и снова захлопнул дверь. Сел к столу. Придвинул к себе телефон и, пошарив глазами по длинному списку номеров, нашел то, что ему требовалось. Набрал номер.

— Домоуправление? Капитан Юферев, уголовный розыск.

— У нас обед...

— Кто у вас занимается мусорными ящиками?

— Валентина Степановна...

— Давайте Валентину Степановну!

— Слушаю вас, — раздался в трубке недовольный голос женщины, которую оторвали от стола, от разговора, от бесконечного бабьего трепя.

— Уголовный розыск, капитан Юферев.

— Очень приятно. — Голос неуловимо изменился, теперь в нем явно зазвучали прощающие нотки, почувствовалась готовность разговаривать, исполнять свои служебные обязанности.

— Мне сказали, что вы — самая главная над всеми мусорными ящиками. Это правда?

— Примерно.

— Когда обычно вывозится мусор?

— В пять утра, в половине шестого.

— Исключений не бывает?

— Ну, какие исключения... Если машина ломается, вообще не вывозим, если водитель с хорошего бодуна запоздает, то может и в восемь подъехать.

— Но в течение дня не вывозите?

— Никогда.

— Спасибо. — Юферев положил трубку. И тут же набрал снова. — Валера... Зайди.

Через минуту в кабинет вошел Брыкин — плотный, румяный оперативник, в глазах у него была решимость все исполнить немедленно и до конца.

— Садись, — сказал Юферев. И опять замолчал, глядя в стол, покрытый гибким прозрачным листом.

— Что-нибудь нашли?

— Ничего. Полная пустота.

— Так не бывает.

— Конечно, — кивнул Юферев. — Слушай меня внимательно... Собирай своих ребят. Ищем нож.

— Не понял?

— Повторяю, — чуть раздраженно сказал Юферев. — Ищем нож. Слишком уж грамотно все проделано. Отпечатков нет. Дверь открыла сама хозяйка. Ограбления нет.

— Как нет?

— Это было не ограбление. Видимость. Если все сделано так чисто и неуязвимо, значит, сделано предсказуемо. И я предсказываю — они должны выбросить нож. Отморозок сумел одним движением почти отрезать человеку голову, значит, это должен быть необыкновенный нож. А папану почти насквозь проткнули голову какой-то железкой. Это улики. От них надо избавляться. Опытный, прожженный подонок от них обязательно избавится.

— Вообще-то, да, вообще-то, очень даже может быть, — согласился Брыкин, один из самых цепких оперативников, с которыми приходилось работать Юфереву.

— Я так думаю... Мусорные ящики.

— Они могли в кусты бросить, в землю воткнуть, в песочнице зарыть, в проходящий грузовик бросить.

— Нет. Они должны были так избавиться от ножа, чтобы его не нашли. Завтра в пять вывозится мусор. Если мусор вывезут, нож исчезнет навсегда.

— Ну, что ж, — с сомнением проговорил Брыкин. — Мысль тут, конечно, есть... Но как ты себе это представляешь?

— Берете дворников, сами подключаетесь... Нужно перевернуть и разгрести все ящики в двух, трех, четырех ближайших дворах.

— Подожди, Саша, что значит разгрести?

— Перевернуть вверх дном, высыпать мусор на асфальт и разгрести. Нож может быть завернут в тряпку, в газету... Мне кажется, он достаточно большой. По размеру не менее солдатского штыка. У него должна быть длинная режущая поверхность, понимаешь? Голова-то отрезана! И еще, — он постучал по столу ладонью, как бы призывая оперативника сосредоточиться. — Пройтись по этажам подъезда, где было совершено убийство, по всем этажам. И собрать бумажки, окурки, пивные пробки, все, что вы там найдете. На всех этажах.

— Про этажи ты уже говорил.

— Повторяю в сотый раз — необходимо пройти по всем этажам и собрать весь мусор. Иди, каждая минута дорога.

Юферев некоторое время смотрел в дверь, за которой исчез Брыкин. Неожиданно прозвучавший телефонный звонок заставил его вздрогнуть.

— Капитан Юферев слушает.

— Привет, капитан. Рад слышать твой голос.

— Кто говорит?

— Фамилия моя Кандауров, а зовут Костей.

— Ну, здравствуй, Костя. — Юферев неожиданно поймал себя на том, что ему приятен этот звонок, что ему хочется поговорить с крутым авторитетом. Может быть, он и ждал его звонка?

— Что нового, капитан?

— Работаем, — коротко отозвался Юферев.

— Знаешь, я чувствую, что мы с тобой по одному делу работаем.

— Возможно.

— Не будь так сдержан, капитан. Мы оба делаем святое дело, следим за порядком в городе. И я не знаю, у кого успехов больше. А тут видишь, как нехорошо получилось. Это наш общий прокол.

— Значит, не твоя работа?

— Саша! Как ты мог подумать?! Ты же умный человек, покидай карты туда-сюда, потасуй колоду, и сразу все станет ясно — мне нанесен удар. Мне! Это же мой банк, ты прекрасно об этом знаешь. И я принял вызов!

— Я тоже.

— Есть успехи?

— Нет, Костя, успехов, — с неожиданной болью произнес Юферев. — Нет отпечатков, нет следов, нет вещественных доказательств... Ничего нет.

— Если будут... Поделишься?

— Сложный вопрос, Костя.

— Тогда, капитан, послушай, что я тебе скажу... Если найдешь этих ребят, отдай их мне.

— Зачем?

— У тебя ведь по-разному может получиться, — продолжал Кандауров, как бы не услышав вопроса Юферева. — Следствие, суд... Улики начнут исчезать, свидетели изменят показания, потом найдется состоятельный человек, и суд выпустит их под залог... Они, конечно, тут же слиняю... И тебе будет очень обидно. До слез. Отдай, капитан. Понимаешь... Должен быть порядок в городе. Если они от тебя умыкнутся и обнаружатся где-нибудь на Канарских островах... Тогда каждый решит, что и ему можно вот так поступать, что и он может женщинам головы отрезать, а пацанам в виски втыкать разные острые предметы. Я сделаю так, что никому не захочется таких заработков. Только высшая мера, капитан.

— Значит, это все-таки не ты, — как бы про себя пробормотал Юферев.

— Обижаешь, капитан.

— Больше не буду.

— Мы договорились?

— О чем? — Юферев сделал вид, что не понял предложения. Ему требовалось время, чтобы прикинуть последствия, чтобы не пришлось потом отходить от своего же обещания — этого он не любил, знал, что и Кандауров воспримет подобное, как оскорбление.

— Повторить? — без раздражения спросил Кандауров, видимо, поняв причину заминки Юферева.

— Повтори.

— Хорошо... Наше общее с тобой дело — найти этих отмороzków. Я обещаю — все, что буду знать... Поделюсь. И хочу, чтобы ты пообещал то же самое. Еще прошу... Если найдешь, сдай их мне. Тебе с ними не совладать. У тебя будут пропадать документы из сейфа, тебя отстранят от дела, будет чехарда со следователями, отводы судей, потом пройдет много времени, и многие даже забудут, за что их собирались судить. А когда вспомнят, отпустят под залог в десять миллионов или в сто миллионов... Это уже не имеет значения. И в тот же вечер они вылетят на Канарские острова... Кстати, как тебе понравились Канарские острова?

— Как-то не довелось побывать.

— Рекомендую.

— Обязательно посетую, — усмехнулся Юферев.

— Так вот, выйдешь на след... Не жадничай, поделись. И я тебе обещаю — отрезанные головы в нашем с тобой городе резко пойдут на убыль. Я не говорю, что они исчезнут вовсе, но их будет все меньше. А эти отморозки будут весело смеяться, когда вспомнят о тебе на Канарских островах. Или на Багамских.

Или еще на каких-нибудь, не менее привлекательных. Этих островов, капитан, как я недавно узнал, видимо-невидимо.

— Но ведь все эти острова... Большие деньги. Откуда у них могут быть большие деньги, если ограбления не было? — Юферев сознательно выдал информацию — ограбления не было, только видимость.

— Даже так. — Кандауров мгновенно услышал самое главное. — Значит, все правильно, и все мои подозрения обоснованы. А что касается денег... С ними ведь расплатятся, капитан, с ними щедро расплатятся. Могу тебе сказать, сколько стоит такая работа.

— Скажи.

— Тысяч пятьдесят.

— Долларов? — переспросил Юферев.

Кандауров и на это раз его понял.

— Да, капитан, да. Пятьдесят тысяч долларов. Возможны, конечно, колебания, но это уже так... Или их облапошили, или они продешевили, или заказчик расщедрился. Так мы договорились?

— Ты не понял, что наша совместная работа уже началась?

— Понял, капитан. Но если ты хочешь, чтобы все было названо своими словами, я тоже этого хочу.

— Хорошо, Костя. Мы договорились. Я постараюсь найти этих ребят, буду рад, если и ты мне поможешь. Но ты — вольная птица, а я узник закона. Поэтому и сейчас, и в будущем ты это учитывай. Но мы договорились.

— Хорошо, капитан. Я буду позванивать иногда. Что-нибудь узнаю — доложу.

— Убийство странное, Костя... Ты это... Береги себя.

— Знаю, Саша. У меня боевая готовность. Спасибо.

— Пока, — и Юферев положил трубку.

Глава 2

Капитан Юферев с молчаливой настороженностью смотрел на Брыкина. Тот был сосредоточен, вошел с большим целлофановым мешком, помялся у двери — ничего, дескать, если я с мешком да в кабинет? Капитан в ответ лишь кивнул. Брыкин поставил мешок в угол и, присев к столу, вопросительно посмотрел на Юферева.

— Ну и что? — спросил тот.

— А ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем, Саша. Больше двадцати ящиков мусора перелопатили за пять часов. Столько наслушались от жильцов, столько всего насмотрелись в самих ящиках, столько тайных сторон жизни наших граждан открылось...

— Остановись, — хмуро сказал Юферев. — Нашли?

— Нет, Саша, не нашли.

— И штыря тоже нет?

— Нет. Но крови видели... Я за всю жизнь столько не видел. Бинты, тряпки, трусы, рубашки... Все в кровище! Такая криминальная вонь идет из этих ящиков... Дышать нечем.

— Значит, нож он не выбросил, — растерянно проговорил Юферев. — Решил себе оставить.

— Оно и понятно! — оживился Брыкин. — Инструмент, видимо, хороший, надежный, испытанный инструмент... Зачем же выбрасывать? В жизни все пригодится.

— Значит, не выбросил, — повторил Юферев.

— Или не нашли, — утешил капитана Брыкин. — Ведь весь мусор города осмотреть невозможно. Отошли они, к примеру, метров на триста, на километр, отъехали на машине и бросили с моста в речку... В канализационный люк, в водосточную решетку... Потомки найдут, подивятся мастерству оружейников в конце двадцатого века, а?

— Да-да, конечно, — рассеянно отвечал Юферев. — Найдут, подивятся. Ну, ладно, — он с силой потер ладонями лицо, покрытое длинными, глубокими морщинами. — Ладно... Оботремся, переморгаем.

— Мне не столько обтираться надо после этих мусорных ящиков, сколько отмываться! — рассмеялся Брыкин, и его круглые щечки сделались еще румянее.

— Что там у тебя в мешке? — спросил Юферев. — Похвастайся.

— Опять же мусор, — весело ответил Брыкин. — Как ты и велел — собрали все, что можно было ухватить пальцами человеческой руки. На всех этажах. Во всех закоулках. Под всеми батареями. Домоуправление должно нам хорошую премию отвалить за проделанную работу.

— Отвалят, — вздохнул Юферев. — Догонят и еще раз отвалят. — Он вышел из-за стола, постоял над мешком, не зная с какой стороны к нему подступиться. Потом, не торопясь, без всякого интереса заглянул внутрь, беспомощно посмотрел на оперативника.

— Мусор, — сказал тот, разведя руки в стороны. Дескать, чем богаты, тем и рады.

— Вижу, что не золото, — вздохнул Юферев и, перевернув мешок вверх дном, высыпал все его содержимое на пол посреди кабинета. Покатились к стенам пивные пробки, завоняло старыми окурками, разноцветно и шуршаще осыпались бумажки, какие-то комки, смятые пачки сигарет, сверкнули разноцветной пластмассой пустые зажигалки, бесшумно улеглись на пол бритвенные лезвия, несколько шприцов, брошенных захмелевшими наркоманами, сверкнули осколки разбитой бутылки... — Поработали, — пробормотал озадаченно Юферев. — Вижу, что время зря не теряли.

— Говорю же, мы оставили после себя самый чистый подъезд в городе!

Юферев продолжал стоять над кучей мусора, соображая, что с ней делать? Тут же выбросить или попытаться разобрать все это бесконечное множество отходов современной жизни.

— Подумать только, — пробормотал он подавленно. — В таком месиве мусора может таиться истина!

— Саша! — потрясенно произнес Брыкин. — Как глубоко и проникновенно ты мыслишь!

— Как могу, так и мыслю. — Юферев присел на корточках. — Располагайся рядом, — сказал он Брыкину. — И начнем.

— Чего начнем-то?

— Перебирать. Бумажку за бумажкой, окурок за окурком.

— Я думаю, Саша, что наши возможные открытия обретут смысл, если точно будем знать, где лежал тот или иной окурок, пробка, бумажка, шприц.

— Преступники могли обронить нечто стоящее на любом этаже.

— Тоже верно, — уныло согласился Брыкин, присаживаясь рядом. — Чего ищем-то?

— Понятия не имею. Вдруг что-то засветится, какая-нибудь вещица пискнет тонким голосом прямо в твоих пальцах, может, пробка подмигнет пьяным глазом... Возле моего стола стоит корзина для бумаг... Тащи ее сюда. Будем постепенно ее наполнять, выносить во двор, снова наполнять и снова вносить... Возражения есть?

— Есть, но они не существенны. — Брыкин принес проволочную корзину, сам присел рядом и взял из кучи первую попавшуюся папиросную пачку. Заглянул внутрь, понюхал, прикрыв глаза, пожал плечами и бросил пачку в корзину.

Вскоре в нее без задержки перекочевали остальные пачки из-под сигарет, пивные пробки, обертки от жвачек, шоколадных батончиков, винтовые пробки из-под разнообразных, но неизменно поддельных водок, в полной мере отражавших образ жизни, быт и устремления жильцов дома в конце второго тысячелетия.

Юферев и Брыкин сосредоточенно разворачивали каждую бумажку, заглядывали в каждую смятую пачку из-под сигарет, осматривали пробки, спичечные коробки, использованные зажигалки и все это молча бросали в корзину. Когда она наполнилась, Брыкин, не говоря ни слова, поднялся, взял ее и вынес во двор. Вытряхнув все в мусорный ящик, вернулся обратно. Юферев внимательно рассматривал голубоватую бумажку размером в половину писчего листа.

— Счастливая находка? — спросил Брыкин.

— Не знаю, насколько счастливая, но сдается мне, что это все-таки находка. — Юферев взглянул на присевшего рядом Брыкина и протянул ему листок.

— Что это?

— Телеграфный бланк. Почему-то смят в комок, почему-то пахнет духами, почему-то со следами губной помады.

Брыкин взял телеграфный бланк, осмотрел со всех сторон, понюхал, поведив им мимо носа в разных направлениях.

— Не помнишь, где ты его нашел? — спросил Юферев.

— В подъезде. — Брыкин пожал плечами.

— Выше квартиры Апыхтина? Или ниже?

— Это имеет значение?

— Конечно. — Юферев отошел к столу, разложив бланк на гладкой поверхности, распрямил, сел в жестковатое кресло, которое отличалось от табуретки разве что спинкой да двумя подлокотниками, о которые прежний хозяин имел обыкновенные открывать пивные бутылки. — Ты продолжай, — сказал он Брыкину. — А я пока маленько того...

— Что того?

— Подумаю.

— Хорошее дело, — одобрил Брыкин и снова склонился над мусором.

Пустой телеграфный бланк, лежащий на столе перед Юферевым, был не столь простой находкой, как это могло показаться человеку случайному, неопытному или попросту равнодушному. Юферев и обрадовался ему, и насторожился, и почувствовал легкий прохладный ветерок, исходящий от мятого клочка бумаги. Он уже сталкивался с чем-то подобным. Озноб, неуловимой волной пробежавший по всему телу, подтверждал — удача. Что-то приоткрылось в событиях, что-то засветилось в той крошечной темноте, которая окружала следователя последние часы. Перед ним вдруг возникла картина преступления, причем, так явственно, с такими подробностями, что он закрыл глаза.

— Послушай, Валера... Послушай... Как мог этот бланк оказаться в подъезде?

— Да как угодно, — не задумываясь, ответил Брыкин. — Тысячу способов могу назвать.

— Начинай, — тихо сказал Юферев.

— Что начинать?

— Перечислять эту тысячу способов. Итак, слушаю тебя... Способ первый.

— Ну, — Брыкин замялся. — Кто-то кому-то давал телеграмму, случайно или неслучайно на почте сунул бланк в карман, а обнаружив его уже в подъезде, скомкал и выбросил.

— Обычно комкают бланки и выбрасывают их, когда написано что-то ошибочное, когда человек написал неправильный адрес, неудачный текст... А здесь нет ничего. Бланк чистый, если не считать губной помады.

— Хорошо! — охотно согласился Брыкин. — Девушка была на почте, отправила телеграмму, а один бланк сунула в сумочку — вдруг пригодится для интимных надобностей.

— Но ведь не могла же она его скомканным сунуть в сумочку!

— В сумочку она положила бланк, переломив пополам, — твердо проговорил Брыкин. — А в подъезде вытерла им губы и, скомкав, бросила в угол. Годится?

— Нет. — Юферев покачал головой. — Прежде всего, здесь нет ровного излома. Никто никогда этот бланк не складывал ни пополам, ни вчетверо... Дальше... Этим бланком никто губы не вытирал.

— Но ты сам сказал, что там следы помады.

— Да, следы есть, Валера, — в голосе Юферева появилась некоторая торжественность. — Этого бланка кто-то лишь коснулся губами, нежно и трепетно. Или можно сказать иначе — бессознательно, волнуясь, трепеща. Здесь видны даже отпечатки губ с двух сторон... Женщина как бы взяла уголок бланка губами...

— А! — махнул рукой Брыкин. — Знаю. Видел. Сам видел. Есть у них такой прием — обхватывают губами платочек, газету, в данном случае это мог быть телеграфный бланк... Чтобы снять с губ излишки помады, или же сделать эту помаду равномерной, слой подравнять, понимаешь?

— Нет, и это объяснение не подходит. Больно нежные касания. Никто этой бумагой слой помады не подравнивал.

— Что же делали с этим бланком? — оставив, наконец, корзину, Брыкин приблизился к столу.

— Я бы сказал, но ты не поверишь.

— Поверю! — клятвенно заверил Брыкин и даже руку приложил к тому месту, где по его представлениям должно находиться сердце.

— Его показывали.

— Кто показывал? Кому?

— Понимаешь, я прямо вот вижу, как это происходило! — воскликнул Юферев и опять почувствовал пробежавший по телу холодок. — Значит, так. Их было трое — двое мужчин и одна женщина. Да, трое.

— Ты имеешь в виду убийц?

— Вошли в подъезд порознь, чтобы не привлекать внимания. Поэтому, если завтра будешь спрашивать жильцов, не входили ли трое... Сразу говорю — не входили.

— А я буду об этом спрашивать? — удивился Брыкин.

— Да, завтра с утра. Так вот, продолжаю... Женщина подошла к двери и позвонила. Когда увидела, что в глазок на нее кто-то смотрит, показала бланк, дескать, телеграмма пришла. Апыхтинская жена, естественно, поверила, никакой опасности в женщине не почувствовала, и открыла бронированную дверь. В ту же секунду в квартиру ворвались мужчины. Женщина после этого просто сбежала вниз по лестнице. По дороге скомкала и выбросила телеграфный бланк. Коснулась его губами, скорее всего, когда подходила к двери, когда звонила и ожидала, пока ей откроют.

— Надо же. — Брыкин потянулся к голубоватой бумажке, но Юферев решительно отвел его руку в сторону.

— Ты уже достаточно насмотрелся. Здесь следы помады, эксперты увидят отпечатки губ. А это не менее надежно, чем отпечатки пальцев.

— Все это, конечно, интересно, — протянул Брыкин. — Но больно уж сомнительно.

— Если объяснишь, как в подъезд попал этот бланк, заметь, новый бланк, но скомканный, в губной помаде, но без единой буквы, строчки... Если объяснишь это, я охотно откажусь от своей версии.

— Нет, зачем же от нее отказываться... Она мне нравится, — усмехнулся Брыкин. — Где же мы нашли этот голубенький комочек, вот бы припомнить!

— Не надо. Это не имеет значения. Конечно же, она не бросила его сразу у двери. Когда мужики ворвались в квартиру, женщина не стала вызывать лифт, ей надо было побыстрее уйти с этажа. И она ушла. А бланк бросила по дороге.

— Неужели именно его ты и надеялся найти? — спросил Брыкин с восхищением.

— Нет, конечно... Но что-нибудь в этом роде... Это могла быть едва початая сигарета, какая-нибудь мелочь из квартиры Апыхтина, что-нибудь в крови... Ты видел, сколько там было крови? Не может быть, чтобы у них на руках, на одежде не осталось ни капли. Когда мы их найдем, то обязательно обнаружатся вещи со следами крови.

— Не обнаружатся, — сказал Брыкин.

— Почему?

— Сам же говоришь — грамотные ребята. Я бы на их месте все сжег, вплоть до носков, трусов, майки.

— Тоже верно, — согласился Юферев.

— Значит, ищем женщину?

— Да, ищем женщину, которая пользуется такой вот красной помадой. Цвет довольно редкий. Губастенькая девушка. Яркая. Отчаянная.

— Саша! — воскликнул потрясенный Брыкин. — А это откуда взял?

— Посмотри на отпечатки... Эти губки тоненькими не назовешь. Могу кое-что и о волосах сказать... Скорее всего, светлые у нее волосы, крашенные.

— Это тоже видно по губной помаде? — Брыкин уже совладал с растерянностью и вернулся к обычному своему насмешливому тону.

— У смуглых женщин редко бывают пухлые губы, — проговорил Юферев. — Во всяком случае, в моей жизни такие не встречались. У худосочных девиц это тоже большая редкость, как мне кажется. И потом, знаешь... Ее приятели, эти отморозки... Достаточно крутые ребята, верно?

— Куда уж круче!

— У них свои вкусы... Они выбирают женщин, которые привлекают внимание окружающих, хотят, чтобы все видели, какая обалденная телка у него, какая оторва, какая сексуальная стерва... Какие у нее ноги! Какое на ней шмотье! Как она хохочет, показывая всем желающим все тридцать три своих зуба!

— Тридцать два, — поправил Брыкин.

— Да? — удивился Юферев. — А мне почему-то казалось, что у человека тридцать три зуба... Надо же...

— И где же он находится, этот тридцать третий? — расхохотался Брыкин. — Ладно, Саша, ладно... Все это очень интересно, но при одном условии — что эта баба действительно существует, что она в самом деле коснулась губами телеграфного бланка, когда звонила в апыхтинскую квартиру.

— Вот этим ты завтра с утра и займешься, — сказал Юферев. — А я отправлюсь в банк. Знакомиться с тамошними порядками. С тамошними людьми.

— Постой-постой! — забеспокоился Брыкин. — Что значит, займешься? Как я найду красавицу, которую ты так явственно увидел на этом бланке?

— Рассказать? — удивился Юферев. — Тебе? Мастеру сыска? Человеку с собачьим нюхом? Валера, я не могу поверить, чтобы такая женщина вошла в дом, и никто этого не заметил, никто не обратил на нее внимания, никто не скользнул блудливым взглядом по ее губам. Подъезды запираются, установлены сложные замки, которые открываются с помощью каких-то кодов, набора специальных цифр. Если же отморозки узнали код заранее, то все равно ее должны были увидеть — идет девяносто девятый год, Валера! Не может такого быть, чтобы во двор вошла незнакомая, смею надеяться, яркая женщина, прошла вдоль всего дома, вошла в подъезд, поднялась на какой-то там этаж, позвонила в дверь известного банкира... И чтобы всего этого не увидела ни одна живая душа?! Думаешь, такое возможно?

— Этот мусор, — Брыкин кивнул на середину комнаты, — можно выбрасывать?

— Досмотрим уже до конца. — Юферев вышел из-за стола. — Но кажется мне, что главное мы уже нашли.

Алла Петровна встретила Апыхтина как обычно — стоя у своего стола. Тот с удивлением отметил ее осунувшееся лицо, круги под глазами, встревоженный взгляд, мимо которого он не мог пройти.

— Что-нибудь случилось? — спросил Апыхтин, вполне искренне спросил, не допуская даже мысли о том, что кого-то могут всерьез расстроить его личные беды, не привык он к этому, да и кто привык?

— Как сказать, Владимир Николаевич...

— У вас такое лицо, будто что-то случилось... Простите.

— Следователь звонил...

— И что? — обернулся Апыхтин уже от двери.

— Сказал, что скоро приедет.

— Это хорошо, — кивнул Апыхтин. — Следователь — это всегда хорошо. Особенно в банке, — добавил он самому себе, уже в кабинете, и тут же снова выглянул в приемную. — Никого ко мне пускать не надо. Пусть сами разбираются. Справятся.

— Хорошо, Владимир Николаевич.

Апыхтин пересек кабинет из угла в угол, постоял у стола, потрогал холодную ручку сейфа, подошел к окну. Его "мерседес" стоял на месте, и водитель, прохаживаясь, курил свою утреннюю сигаретку. Пройдя к своему столу, Апыхтин плотно уселся в высокое кожаное кресло, придвинул к себе телефон, положил руку на трубку и... И почти с ужасом обнаружил, что звонить ему некому. Дела, которые еще вчера казались важными, срочными, необходимыми, вдруг потеряли свою значимость. Повертев трубку перед глазами, он бессильно уронил ее на аппарат.

— Разрешите, Владимир Николаевич? — В дверь заглянула секретарша, готовая тут же снова исчезнуть.

— Входи.

Алла Петровна подошла к столу и скорбно положила на самый край голубоватые бумажки. Апыхтин взял их, всмотрелся, вчитался, и вдруг до него дошло, что это авиационные билеты на Кипр. Билетов было три. Каждый из них он внимательно просмотрел, убедился, что выписаны они правильно, на него, на Катю и на Вовку. Вылет состоится на следующей неделе из аэропорта Шереметьево, рейсом Москва — Пафос.

— Аэропорт назначения — город Пафос, — сказал он и, подняв голову, посмотрел на секретаршу. — Хорошее название — Пафос. Надо же...

Апыхтин некоторое время рассматривал билеты, вчитываясь в даты, имена, фамилии, всматриваясь в цифры, означающие время отлета, прилета, проговаривая все вполголоса. Не выдержав этого зрелища, Алла Петровна закрыла лицо руками и выбежала.

В кабинет тут же влетел Осецкий.

— О! Володя! Привет! Ты как?

— Билеты вот Аллочка принесла... Пора, говорит, на Пафос лететь.

— Пафос это хорошо... Там следователь, Володя... Как быть?

— Никак. — Апыхтин пожал плечами.

— Интересуется нашими криминальными связями, — произнес Осецкий свистящим шепотом. Как и положено современному банкиру, был он в светлом клетчатом пиджаке, черных брюках, блестящих тифельках на тонкой кожаной подошве и

ярком галстук с красноватыми разводами. — Он назвал Кандаурова.

— А ты?

— Сказал, что впервые слышу. Правильно?

— Знает он про Костю. — Апыхтин махнул рукой, словно речь шла о вещах, не стоящих внимания. — Все он знает.

— Значит, я дал ложные показания? — Осецкий поблелел от дурных предчувствий.

— Значит, дал. — Апыхтин пожал плечами.

— Сейчас с Цыкиным беседует.

— И что Цыкин?

— Все отрицает!

— Напрасно. — Апыхтин вздохнул, открыл тумбочку стола, вынул бутылку коньяка. — Глотнешь?

— Володя! Нельзя! Пусть уберется следователь!

— Мы и его угостим...

— Да ты что?!

— Игорь, — поморщился Апыхтин, — ты это... Переведи дыхание. Сделай несколько глубоких вдохов, выдохов. И успокойся. Говорил я с ним о Кандаурове. Думаю, что и он разговаривал с Костей... Все эти тайны... Ты выпьешь, или мне одному маяться? На кого работаешь, Игорь? Ты со мной или со следователем? На чьей ты стороне?

— Если вопрос ставится таким образом... — Осецкий повертел головой, будто красный галстук сдавил шею, будто ему тяжело было дышать. — Если вопрос ставится таким образом...

— Он всегда ставится только так и никак иначе. — Апыхтин вынул из тумбочки две конфеты в обертке и вопросительно посмотрел на Осецкого. — С утра не выпил, день пропал, верно?

Ответить Осецкий не успел — в кабинет вошел Цыкин. Увидев коньяк в стаканах, усмехнулся.

— Не помешал?

— В самый раз. — Апыхтин вынул из тумбочки третий стакан, наполнил его точно так же, как два предыдущих, и положил рядом с ним третью конфетку. — Поехали, ребята. А что там Юферев?

— Следователь? — переспросил Цыкин. — Басаргина допрашивает.

— Успешно?

— Придет — расскажет. Не знаю, хорошо ли, плохо ли, но я не стал скрывать ни звонков, ни угроз...

— Каких угроз? О каких угрозах ты говоришь, Миша?

— Ну как же. — Цыкин смешался, повернулся к Осецкому, как бы ища у него поддержки, но тот тоже с недоумением уставился на Цыкина. — Были какие-то невнятные звонки, угрозы...

— Подожди, Миша. Ты говоришь, невнятные угрозы... Хорошо. Но оказывается, они были достаточно внятные, чтобы доложить о них следователю, а не мне, не Игорю... Как это понимать?

— А чего вас зря будоражить? — воскликнул Цыкин. — Какой-то шизик звонит, непонятно чего хочет, непонятно о чем предупреждает, намекает...

— Стоп! — повысил голос Апыхтин, давая понять, что пока еще остается во главе банка. — Ты плывешь, Миша. И сейчас мы совместными усилиями вытащим тебя на твердую почву.

— Это самое... Не надо меня никуда вытаскивать! — взвился Цыкин, но тут же, спохватившись, замолчал. — Я извиняюсь, конечно.

— Это твое дело, извиняешься ты или нет, — вставил Осецкий. — А наше дело — извинять тебя или нет.

— Стоп! — повторил Апыхтин. — Продолжим. Ты говоришь, что были угрозы. И тут же добавляешь, что не совсем угрозы, вроде как предупреждения. Угрожает враг, а предупреждает друг. Определись, Миша. Тебе грозили? Или пытались предостеречь от какой-то невнятной, как ты выражаешься, опасности?

— Володя, — доверительно произнес Цыкин. — Были звонки, два или три... Никто не грозил меня взорвать, убить, повесить... Никто не предупреждал о взрывчатке, заложенной в нашем банке. Все было гораздо проще, бездарнее и опять же невнятнее. Поначалу я решил, что кто-то ошибся номером. Через несколько дней опять звонок. Этот тип уже называет меня по имени, по фамилии... Хорошо, спрашивает, живете? Ну-ну, говорит, наслаждайтесь пока, недолго осталось... Что-то в таком роде. Тут рассказывать нечего. А когда такое случилось, когда следователь в банке, допросы и мельчайшие подробности... Я вспомнил об этих звонках.

— Когда они были? — спросил Апыхтин.

— Недели две назад.

— Утром? Вечером?

— Не помню. По-моему где-то в середине дня, может быть, даже сразу после обеда. Так примерно.

— Мужчина? Женщина?

— Конечно, мужчина.

— Почему конечно?

— Послушай, — нервно рассмеялся Цыкин. — Ты куда более въедливый, нежели этот следователь!

— Почему, конечно? — невозмутимо повторил Апыхтин.

— Не знаю, вырвалось... Нам вообще, как ты знаешь, больше мужчины звонят. Женщины в нашем деле — это так... Кассиры, курьеры, бухгалтеры... Разве нет?

Сквозь затемненные очки Апыхтин молча смотрел на Цыкина. Тот постоял немного и направился к двери.

— Скажи Аллочке, чтоб зашла... Пусть заберет билеты. — Апыхтин сдвинул на край стола три тоненькие голубоватые книжицы.

Глава 3

Юферев решил сам поговорить с жильцами апыхтинского подъезда, Брыкину поручил выяснить — нет ли среди них человека, который работал бы на почте, телеграфе или в каких-нибудь похожих конторах. Прекрасно знал Юферев привычку наших граждан тащить с работы все, что может пригодиться в хозяйстве, и даже то, что в хозяйстве никогда не пригодится. И потому человек, работающий на почте, просто вынужден был тащить домой телеграфные бланки, чтобы использовать их в хозяйстве — от кухни до туалета. И если окажется, что есть все-таки почтовый работник в подъезде, юферевская версия может лопнуть от ветерка, от легкого дуновения сквозняка из квартиры этого работника.

Войдя во двор, Юферев не торопясь прошел вдоль всего дома, прошел незамеченный, поскольку человека с его внешностью никто не видел просто в упор — не то слесарь бредет по вызову к какой-нибудь старухе, не то инвалид телеграммы разносит, не то дворник прикидывает объем предстоящей работы. Подойдя к апыхтинскому подъезду, Юферев присел на скамейку, поставил локти на колени, подпер щеки ладонями и замер, присматриваясь, принохиваясь, осваиваясь.

Минут через пятнадцать на скамейку, стоящую напротив, присели две старушки, видимо, отправив домочадцев на службу, накормив их сосисками и напоив чаем, освободились и вышли подышать свежим воздухом. Юферева сразу увидели — после страшного убийства в подъезде жильцы смотрели по сторонам подозрительно и опасно.

Юферев молча перешел через дорожку и опустился на скамью рядом с бабулями. Порылся в кармане, вынул красненькое затертое удостоверение и протянул ближайшей соседке — рыхлой старухе с настроженными маленькими глазками.

— Капитан Юферев, — сказал он. — Александр Леонидович. Хотел вот поговорить со знающими людьми... В квартиру стучать неловко все-таки... Думаю, может кто выйдет подышать, может кто скажет чего дельного.

— Очень приятно. — Рыхлая старуха, покосившись на удостоверение, поджала губы, напряженно глядя перед собой.

— Я помню, вы и вчера заглядывали в наш подъезд. — Вторая женщина, сухая и мосластая, оказалась разговорчивее.

— Был, — кивнул Юферев и озабоченно потер ладонями лицо. — Но знаете, вчера было не до разговоров... Квартира в кроватке, хозяин в обмороке...

— Жалко Николаича, — закивала разговорчивая, — мужик-то хороший, и жена его, Катя... Тоже хорошая женщина. Не спесивая, нет.

— Большие деньги, большие беды, — изрекла толстуха, но не осуждающе, сочувствующе произнесла.

— Большие деньги, малые деньги, — Юферев развел руками, — но когда сына убивают... Тут уж не до денег, тут бы самому умом не тронуться.

— Это уж точно, — начала потихоньку оттаивать толстуха. — Тут уж никуда не денешься.

— А что убийцы-то? — решила поинтересоваться ее подруга. — Не нашлись?

— Как они найдутся? — удивился Юферев. — Искать надо.

— Значит, не поймали?

— Ищем.

— Ищущий да обрящет, — изрекла толстуха, показав, что не столь она и проста.

— Без людей не обрящешь, — поддержал ее Юферев. — Вот хотел спросить... Накануне убийства ничего здесь во дворе не происходило такого, чтоб из ряда вон, ничего не случилось непривычного?

— А что могло случиться?

— Да мало ли... Пришел человек, который раньше никогда не приходил, чужак какой-нибудь, поругались те, кто раньше не ругался, лифт заело, кошка с крыши свалилась, ребенок потерялся... Что угодно... Знаете, как бывает... Убить человека не так просто, а убить двоих, да чтоб вообще никто не заметил... Не бывает такого. Тут все зависит от людей... Или они интересуются, что вокруг происходит, или в упор ничего не видят и видеть не хотят. — Юферев сделал отчаянную попытку раззадорить женщин, зацепить их самолюбие, задеть за живое. И, кажется, удалось.

— Это ведь как посмотреть. — Толстуха разговаривала с ним, все так же глядя в пространство перед собой маленькими настроженными глазками. — У вас подозрения какие возникли?

— Так и быть, поделюсь. Скажу вам такое, чего никому не говорил... Получается, что убийц было двое... Ясно, что мужчины, ясно, что не из вашего дома, не из вашего двора... И вот думаю про себя — это как же получается? Приходят два чужих человека среди бела дня, и никто их не видел, никто взгляда им вслед не бросил? Не может такого быть.

— Да у нас двор-то проходной! Тут столько за день народа проходит... Видимо-невидимо.

— А женщина? — спросил Юферев равнодушно, чтобы ничто не насторожило женщин, чтобы их память сама подсказала — была, была какая-то девица, этакая из ряда вон.

— Женщина, — протянула толстуха. — Женщина, — повторила она, пытаясь нащупать в памяти что-то ускользающее. — А что, с ними и женщина была?

— Может, с ними зашла, до них или после... Некоторые свидетели говорят, что была вчера в этом подъезде гостя... Вроде, заметная из себя...

— Была! — вдруг вскрикнула тощая. — Точно была. Я видела. Быстро так, деловито, озабоченно прошла... По сторонам не смотрит, никого не видит... Большой, видите ли, человек.

— Большой человек? — удивился Юферев так простодушно, так невинно, что не ответить ему было просто невозможно.

— Господи-и-и! — протянула толстуха с таким пренебрежением, что каждый сразу бы оценил ее недовольство вчерашней гостьей. — Большой человек! За версту видно, какой она человек!

— И какой же?

— Шелупонь, — отрезала толстуха, из чего Юферев понял, что и она видела гостью, ее мнение о ней тоже невысокое, можно даже сказать, презрительное.

— Старая?

— Она? — толстуха повернулась к нему массивным своим телом и некоторое время смотрела на следователя подозрительно-изучающе. — А кого вы называете старой? Я, к примеру, старая?

— Вы? — Юферев взглянул ей в лицо и с удивлением увидел, что глаза у толстухи молодые, озорные и насмешливые, что старухой-то ее назвать и в самом деле нельзя.

— Да! Я, по-вашему, старая?

— Мне кажется, мы ровесники, — смутился Юферев или сделал вид, что смутился.

— С вами?! — воскликнула толстуха сипловатым голосом. — Ошибаетесь... Я, наверное, все-таки маленько постарше.

— Разве что на пару лет, — великодушно заметил Юферев.

— Так вот, вчерашняя девица... Тридцати ей нету, помоложе она будет, учитывая шустрость... Но к тридцати дело идет, никуда ей, голубушке, не деться от тридцати годков-то!

— В этом дворе раньше вы ее не видели?

— Нет, не видела.

— Короткая стрижка? — как бы вспомнив, спросил Юферев.

— Да нет, патлатая! Волосы по плечам, по морде!

— Рыжая?

— Вряд ли, — с сомнением просипела женщина. — Светлая, да, но рыжая? Нет, не рыжая.

— Крашенная?

— Крашенная? Не могу сказать... Говорю же — волосы по морде... Сейчас вот дайте мне фотку — не узнаю, лица не видела. А если вот так пройдет по дорожке, тут уж не ошибусь.

— Пойдите, пойдите, — зачастила тощая женщина. — Ведь что получается... Это что же получается... — она посмотрела на Юферева заблестевшими глазами. — Я вам сейчас такое скажу, такое скажу, что вы криком кричать будете!

— Тогда не надо, — сказал Юферев. — Если криком кричать... То это... Мне страшно.

— Перебьетесь! — женщина махнула загорелой рукой. — Лешка, наш половой бандит, к ней приставал вчера!

— Верно, — солидно кивнула толстуха. — Это и я видела.

— Лешка Якушкин из семнадцатой квартиры. Он ко всем бабам пристаёт и к ней тоже приставал. Вот он распишет ее, что твой живописец!

— Якушкин из семнадцатой? — повторил Юферев, чтобы не забыть.

— Точно, он! Болтун, пьяница и лодырь! Слава Богу, не наркоман.

— Наверстает! — заверила тощая. — Это никуда от него не уйдет.

— Пусть уж лучше пьет.

— Хулиганит? — спросил Юферев.

— Он тихий пьяница и тихий приставаала. Как я понимаю, ничего ему от баб и не нужно, только бы потрепаться, поулыбаться, за локоток подержаться... Знаете, один напьется — к топору тянется, другой напьется — гармошку ему подавай... Так вот наш Якушкин — ему гармошку, свистульку, барабанчик пионерский...

— Учится? Работает?

— И отучился уже, и отработался.

— Один живет?

— А на что ему жить-то, будь он один? — резонно спросила старуха. — С папой живет, с мамой.

— Сколько ж ему лет, Якушкину-то?

— Тридцать пять, тридцать семь... Где-то в этом квадрате.

— Чем занимается?

— Шатается. Но парень неплохой, вы поговорите с ним, он вам эту красавицу так распишет, что вы ее из тысячи узнаете.

— Она была с сумкой? — спросил Юферев, вспомнив, что если девица действительно показывала Апыхтиной телеграфный бланк, то ведь где-то должна была его держать.

— С сумкой? — переспросили женщины в один голос. — Не видела.

Юферев хотел было еще что-то спросить, но воздержался. По каким-то признакам он понял, что разговор исчерпан и дальнейшие его вопросы будут только раздражать женщин.

— Спасибо, — сказал он, поднимаясь. — Авось, еще встретимся, авось, еще удастся поговорить.

— Что Николаич-то, держится? — спросила тощая женщина совсем другим тоном — участливым и жалостливым. — А то я столкнулась с ним у лифта — совсем плохой мужик, совсем плохой.

— Уже лучше. — Юферев, махнув рукой, направился к первому подъезду, где, по его прикидкам, должна быть семнадцатая квартира.

— Не застанете, — раздался сзади какой-то сдвоенный голос, видимо, обе женщины вразнобой произнесли примерно одно и то же. — Опоздали маленько.

— Где же он спозаранку?

— Там, где все приличные люди, — рассмеялись женщины сдвоенным смехом. — Похмеляется.

— Где?

— В конце дома направо и опять направо... Десять минут вдоль улицы, а там забегаловка... "Пицца" называется... Вот этой "Пищей" он и питается.

— Как мне его узнать? — спросил Юферев.

— Узнаете, — рассмеялись женщины. — Без труда узнаете. Его нельзя не узнать. Все его узнают. Только папа с мамой не узнают, когда вечером возвращается.

Войдя в тесноватое, темноватое помещение забегаловки, Юферев сразу увидел человека, который был ему нужен. Одна нога заведена за другую, зажата в пальцах сигарета дымится. Чувствовалось, что Якушкин видит себя со стороны, замечая и отведенную в сторону руку с сигаретой, и поднимающийся к потолку дымок, и всю позу свою, почти аристократическую, тоже видит и ценит. На столике перед ним стояла початая бутылка пива.

— Красиво живем? — спросил Юферев, подходя.

— Стараемся.

— Удастся?

— Как видишь. Хочешь присоединиться?

— У меня такое чувство, что ты — Леша Якушкин.

— Чувства тебя не обманули. Чувства вообще никого не обманывают. Обманывает разум, расчет, надежда на выгоду и корысть. А чистые помыслы неуязвимы для злобы людской и зависти. Согласен?

— Вполне.

— Ничего я выразился, а? Красиво, сам вижу.

— Мне тоже нравится.

— Мужики, вам ничего не нужно? — раздался из окошечка веселый женский голос. — Может, чего подбросить?

— Нет, спасибо, — сказал Юферев. — Чуть попозже, если не возражаете.

Якушкин налил в бумажный стакан пива, осторожно налил, чтобы не опрокинуть слишком уж легкий стакан пивной струей. Пригубил, вопросительно посмотрел на Юферева.

— Слушаю внимательно.

— Моя фамилия Юферев. Александр Леонидович Юферев. Капитан милиции.

— Дальше можешь не продолжать. — Якушкин глубоко затянулся и выпустил дым к потолку. — С ментами не общаюсь. Ни под каким предлогом.

- А они с тобой? — улыбнулся Юферев.
- А что им остается? — Якушкин небрежно пожал плечами.
- Что так? Чем же они провинились?
- Грязной работой занимаются.
- Тут ты прав, нельзя не согласиться. Докладываю... Вчера в доме, где ты проживаешь, было совершено убийство. Зарезаны жена банкира Апыхтина и его сын. Этим делом я сейчас и занимаюсь.
- А я здесь при чем? — удивился Якушкин. Но разговор, видимо, его все-таки заинтересовал. Впрочем, вполне возможно, что он просто наслаждался и выжидал момент, когда можно будет отшить следователя красиво и опять же изысканно.
- Есть несколько вопросов. — Юферев всмотрелся в лицо Якушкина. Достаточно испитое, мелкие морщинки через год-второй наверняка углубятся и станут необратимыми. В манере поведения, в разговоре уже чувствовалось — спивается мужик.
- Есть вопросы, — усмехнулся Якушкин торжествующе, — но нет ответов, капитан. Нет ответов.
- Видишь ли, Леша...
- Отвали, капитан. Не желаю.
- Дело в том, что убийство...
- Я внятно выражаюсь? Не желаю! — И Якушкин снова пустил дым к низкому потолку забегаловки.
- Наверное, менты крепко тебе досадили? — заметил Юферев.
- Не один раз. И я дал себе зарок — никогда. Ты понял меня, капитан? Никогда. Совершено убийство? Расхлебывай. Твои проблемы.
- Когда убийцы следующий раз ворвутся в твою квартиру...
- Не ворвутся. В моей квартире, слава Богу, нечего взять. И потом, они знают, к кому врываться. У меня с ними нормальные отношения.
- Да? — удивился Юферев. — И если бы сейчас к тебе подошли эти убийцы, ты бы с ними охотно поговорил?
- А почему нет? — Якушкин смотрел на Юферева с таким превосходством, что тот оторопел.
- Хорошо. Прошу извинить.
- Смотри, не кашляй, — засмеялся Якушкин.
- Вчера утром возле своего дома ты познакомился с женщиной... Во всяком случае, приставал к ней... Этакая яркая блондинка... Она села в машину или направилась к остановке автобуса? — спросил он, уже не надеясь на ответ.
- Валюша! — крикнул Якушкин, оборачиваясь к раздаточному окошку. — Еще пивка, будь добра!
- Как ее зовут?
- И орешки тоже... Один пакетик! Нет-нет, арахиса не надо, только фисташки! Они менее жирные и более соленые! — Якушкин посмотрел на Юферева с веселой неуязвимостью.

- Как ее зовут?
— Кого?
— Женщину, с которой ты вчера познакомился возле своего дома.
— Не знаю...
— Адрес?
— Не знаю.
— Села на автобус или в машину?
— Красная “девятка”.
— Красная “девятка”? — удивился Юферев. — Красных “девяток” не бывает.
— Красная “девятка”! — пускал пивные пузыри Якушкин.
— Как ее звали?
— Наташа. Наташкой назвалась!
— Фамилия?
— Не сказала... Я и не спрашивал... Не говорят фамилию, когда знакомятся! Ты что, капитан, никогда не знакомился с женщинами?
— Приметы?
— Что?!
— Хромая? Кривая? Рябая?
— На щечке родинка... А в глазах...
— Что в глазах?
— Любовь, капитан, — улыбнулся Якушкин. — На щечке родинка, а в глазах любовь... И отвали!
— Любовь или блуд?
— Это у вас, у ментов, блуд... А у людей любовь.
— В какую машину села?
— “Девятка”, капитан, красная “девятка”... Тебе такой никогда не иметь!
— Где сговорились встретиться?
— Нигде... Не захотела она со мной встречаться. Сказала, в центре.
— Узнаешь, если встретишь?
— Даже на ощупь, капитан... Говорю же — на щечке родинка.
— На левой, правой?
— Когда я смотрел на нее... Родинка была справа...
— А потом она что, переместилась влево? — не понял Юферев.
— Ты тупой, капитан... если я видел родинку справа, значит, она на левой щеке.
— Родинка нарисованная?
— Вроде, настоящая.
— И волосы настоящие?
— И волосы... В порядке телка.
— Сколько лет?
— Где-то между двадцатью и тридцатью.

— Точное попадание, — проворчал Юферев. — Завтра придешь ко мне в кабинет... Здесь недалеко... На Парковой. Знаешь?

— Знаю.

— Будем составлять протокол и оформлять твои воспоминания по всем правилам юридической науки. Понял?

— Понял.

— Не придешь, доставим силой.

— Если найдете... — проворчал Якушкин.

— Найдем. Всероссийский розыск объявим, а найдем. Никуда тебе, мой миленький, не деться! Никуда!

Выйдя из душноватой забегаловки, Юферев направился к ближайшей скамейке, одиноко и покинуто стоявшей у автобусной остановки. Он расположился на ней так, чтобы видеть и забегаловку, и подъезжающие автобусы, и прохожих.

Некоторое время на его глазах ничего интересного не происходило. Подошел автобус, несколько человек вышли и тут же разошлись в разные стороны. Потом из забегаловки вышел мужичок, молча стоявший в углу со своим пивом, и свернул во двор дома. Через некоторое время оттуда выехал красный “жигуленок”.

Хлопнула железная дверь “Пищи”, и оттуда вышла женщина, как-то обеспокоенно, нервно вышла. Оглянулась по сторонам, словно искала кого-то, снова вбежала в свое заведение.

Юферев почувствовал беспокойство. Что-то было не так, чего-то он не увидел, а если увидел, то не понял, а если понял, то не главное, не суть. Лишь обеспокоенная продавщица, которая выскочила из забегаловки и тут же снова вбежала внутрь, заставила его взглянуть на происшедшее другими глазами. Он снова увидел выезжающий со двора красный “жигуленок” и осознал, это была “девятка”, красная “девятка”, и уехал на ней мужичонка, серый такой, невзрачный, который, отвернувшись ото всех, стоял в углу забегаловки.

Почему он ни на кого не смотрел? Почему не обернулся, когда Юферев выбивал из Якушкина показания?

Такого не бывает, чтобы в забегаловке завелись в ссоре два мужика, и это не вызвало бы у окружающих никакого интереса.

Но тот даже не обернулся. И лица своего не показал.

Юферев бросился к забегаловке.

Едва он вошел в полутемное, душное помещение под разогретой на солнце железной крышей, как сразу увидел распластанного на полу Якушкина. Подойдя ближе, склонившись над парнем, он с ужасом узнал громадную рану на горле. Да, горло, которое он совсем недавно рассматривал с брезгливостью, если не с ненавистью, было просто располосовано. Рана была настолько глубокой, что голова казалась почти отделенной от туловища. Кровь продолжала сочиться, но уже без напора. Лицо

Якушкина было мертвенно-серым — остановившийся взгляд, обесцвеченные губы и поза, в которой не может лежать живой человек.

С тех пор, как Юферев вышел из забегаловки, вряд ли прошло более пяти минут.

— Что случилось? — спросил он у продавщицы — вжавшись в угол, она билась в каком-то ознобе.

— Не знаю... Ужас какой-то... Я ничего не понимаю...

— Кто это сделал?

— В углу стоял этот тип... Когда вы вышли, он подошел к Леше, что-то сказал ему...

— Угрожал?

— Нет, они, вроде, начали хорошо так говорить, Леша улыбался, этот хмырь тоже улыбался... А потом...

— Что потом?

— Леша налил себе пива, выпил, закурил... Запрокинул голову... Была у него такая привычка — пускать дым к потолку...

— Ну, ну?!

— В тот момент, когда Леша запрокинул голову, этот тип и полосонул. И тут же в дверь. Леша упал, начал биться, хрипеть... Это все в какие-то секунды...

— А того типа вы знаете? Он часто бывает здесь?

— Первый раз вижу.

— А нож? Видели нож?

— Не видела... Он как бы из рукава его вынул... Не лез в карман, не доставал из-за пояса... Как-то сразу у него в руке нож оказался.

— И куда он его дел?

— Не знаю, с собой, наверное, унес.

Юферев подошел к распростертому на полу Якушкину, задержался взглядом на ране, на руке с зажатым в кулаке бумажным стаканчиком, потом подошел к столику, за которым стоял мужичонко. И недопитая бутылка пива, и стаканчик остались на месте. Вряд ли он выпил хоть несколько глотков — бутылка была почти полная.

— Похоже, дорогой, ты все-таки сделал ошибочку, — пробормотал Юферев. — Похоже, дорогой, ты все-таки не слишком везучий, — он обернулся к продавщице. — Он один здесь был?

— Один. Никто к нему не подходил, да и стоял он все время, отвернувшись к стене.

— Это его пиво?

— Да он почти ничего и не выпил... Наверное, поджидал, когда вы уйдете.

— Сколько он выпил, сколько оставил, я вижу... Спрашиваю о другом. Это его пиво?

— Да, он здесь же купил, у меня.

— Сам взял бутылку, отнес ее к столику. Так?

— Примерно. Все как обычно. А! — продавщица понимающе кивнула. — Вы, наверное, про отпечатки? Нет, нет, к нему никто не подходил. Так что на бутылке только мои отпечатки и его.

— У вас есть пакеты?

— Конечно. — Продавщица нырнула за железные стены контейнера и протянула Юфереву несколько целлофановых пакетов.

— Разберемся, дорогой, — бормотал Юферев, опуская бутылку в пакет. — Разберемся, миленький ты мой... Не так уж много в городе красных “девяток”. Я вообще не знал, что есть, оказывается, и красные “девятки”.

Он хотел было отойти от столика, но взгляд его задержался на стаканчике. Конечно, вряд ли на нем остались отпечатки пальцев, вряд ли этот стаканчик, из которого, похоже, даже не пили, может оказаться полезным. Но возобладало чувство дурацкой, бездумной добросовестности. Если стакан брал в руки преступник, надо этот стакан прихватить с собой, а там уж пусть эксперты рассматривают его в свои микроскопы, обрабатывают хитрыми кислотами и посыпают хитрыми порошками.

Осторожно взяв стаканчик, Юферев опустил его в пакет. Но тут же подумал, что пиво в бутылке может расплескаться и смыть отпечатки. Пошарив глазами по столу, Юферев увидел то, что искал, — металлическую пробку. Он надел пробку на бутылочное горлышко, с силой вдавил, дождавшись легкого глухого щелчка, а уже сверху, на пробку, надел стаканчик.

— Чем он расплатился? — спросил Юферев, подойдя к дыре в железном контейнере — эта дыра служила и витриной, и раздаточным окном.

— О! — воскликнула женщина. — Расплатился он круто... Сотенной.

И она тут же протянула Юфереву совершенно новую, без единого надлома, сторублевую купюру. Повертев ее в пальцах, опять же стараясь не мусолить, не стереть с купюры следы, которые, возможно, остались на ней, Юферев положил ее между страничками своего блокнота. Порывшись в карманах, он протянул продавщице две мятые пятидесятирублевки.

— Не возражаете?

— Была бы польза, — ответила женщина, стараясь не смотреть на громадную красную лужу, в которой лежал остывающий Якушкин.

Глава 4

Сразу после похорон Апыхтин вылетел на Кипр. Один. Два билета, на Катю и на Вовку, пришлось сдать, правда, за полцены, но Апыхтина это несколько не затронуло.

Странно как-то получилось — его обычный банковский костюм вполне подошел для похорон. Единственное, что пришлось

заменить, — галстук. Вместо яркого, красного он надел серый, в традиционную полоску. И туфли остались прежние — черные.

Людей на кладбище было немного. Апыхтин отшил все попытки выразить общегородское соболезнование. Из неожиданных был только Кандауров со своими ребятами. К Апыхтину он не подошел, понимая свою несовместимость с банковскими людьми, молча постоял в стороне и только издали кивнул, когда они неожиданно встретились взглядами. Апыхтин в ответ махнул рукой. Кандаурову этого было достаточно — значит, между ними все осталось в порядке, и вскоре они обязательно встретятся. Кандауров сел со своими ребятами в черный “джип” и уехал с кладбища.

Никаких памятников устанавливать не стали, вроде как на свежую могилу не положено, но успел съездить Апыхтин в мастерскую на окраине города и выбрал два куска красного гранита. Оба представляли собой остроконечные, бесформенные, неотесанные глыбы камня, один побольше, другой поменьше. Он распорядился установить их так, чтобы маленький камень был наклонен к большому, а большой, совсем немного, как бы склонился к маленькому.

Странное состояние охватило Апыхтина — он был посторонним во всех этих событиях. Ничто слишком уж не волновало, происходящее как бы его и не касалось. На слова сочувствия кивал благодарно, иногда улыбался, словно не совсем понимая, по какому поводу собрались мужчины и женщины, тут же забывал и об этих людях, и о том, что они говорили. На кладбище он не проронил ни слезинки, когда опускали гробы, смотрел на них отрешенно, будто думал о чем-то другом, более важном. Лицо его было бледным, спокойным, усталым, и не более того.

С кладбища людей на двух автобусах отвезли в банк, где в небольшом зале накрыли стол. Часа два просидели почти молча, после чего Апыхтин поднялся, попрощался со всеми, вышел из здания, сел в “мерседес” и отбыл в Москву.

— Поехали, Гена... Ну их всех... Без меня погорюют, если так уж хочется.

Водитель диковато глянул в зеркало, столкнулся взглядом с Апыхтиным, тот подмигнул ему заговорщицки, дескать, уж мы-то с тобой понимаем все, как надо.

— Поехали, — озадаченно пробормотал водитель и тронул машину с места.

Все вещи Апыхтина уместились в дорожную сумку, он еще с утра забросил ее в багажник. Поэтому, когда увидел на заднем сиденье еще одну сумку, хорошую, кожаную, с наплечным ремнем и медной пряжкой, удивленно посмотрел на водителя.

— Что это, Гена?

— Цыкин в дорогу тормозок собрал... Там, говорит, пригодится.

— Ишь ты... Спасибо, Цыкин... Что же он собрал-то?

— Что-то позвякивающее, — усмехнулся водитель. — Как мне показалось.

Раскрыв молнию, Апыхтин с трудом удержался, чтобы не присвистнуть, — сумка оказалась доверху наполненной бутылками с прекрасной водкой "Юрий Долгорукий".

— Мы с ним об этом не договаривались.

— Сюрприз. У него, говорит, и так мало радостей осталось в жизни последнее время.

— Так и сказал?

— В точности. Я по темноте своей и невежеству немного удивился... Некстати показались мне его слова.

— Испереживался, — нашел объяснение Апыхтин. — С похоронами совсем замотался, так что не всегда понимает, что говорит.

— Не знаю, не знаю, — протянул водитель.

— А что тебе показалось?

— Чудная эта забота... Велел не говорить вам о гостинце, пока за город не выедем.

— Ишь ты. — Апыхтин покачал головой, и тут же связался с Цыкиным по сотовому телефону. — Привет, Миша, — сказал он. — Получил гостинец. Много доволен. Если надеешься, что я кое-что привезу обратно, то должен огорчить — ошибаешься.

— Значит, приглянулся гостинец! — обрадовался Цыкин. — Ну и на доброе здоровье.

— Вряд ли я вернусь в банк, но в мир... в котором столько всего случилось со мной... Не сомневайтесь. Так и передай Басаргину и Осецкому. Я обязательно вернусь. До скорой встречи, Миша. — И Апыхтин отключил связь, не дожидаясь ответа.

В Шереметьево приехали за три часа до отлета, и Апыхтин сразу отпустил водителя домой. Все контрольные, пограничные и прочие службы он прошел с каким-то высокомерием, без единого слова, позволяя делать с собой все, что приходило в голову молодым ребятам, стоящим на страже интересов государства. Эта его невозмутимость гасила всякую подозрительность, его пропускали без протрупувания и осмотра.

Апыхтин смотрел вверх голов в какое-то ему одному видимое пространство, механически вынимал из карманов паспорт, билет, деньги, банковские справки, разрешающие провоз этих самых денег, снова все это рассовывал по карманам и шел дальше — весь в черном, с большой окладистой бородой, с густой темной шевелюрой и в затемненных очках, шел, даже не видя людей, которые попадались навстречу. Он прошел через зал ожидания, протиснулся в какой-то узкий проход и неожиданно оказался перед входом в самолет.

Стюардесса провела его к креслу и пожелала счастливого полета.

— Спасибо, — обронил Апыхтин, опускаясь на сиденье и не отрывая взгляда от пространства, которое простиралось перед ним не то в прошлое, не то в будущее.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. А когда открыл, оказалось, что самолет уже преодолел половину пути. Перед ним стояла стюардесса с тележкой, от которой распространялся запах пищи.

— Перекусите? — спросила девушка.

— С удовольствием, — ответил Апыхтин и, взяв из ее рук поднос, поставил на полочку перед собой. Рука его как бы сама собой потянулась к кожаной сумке. — Присоединитесь? — спросил он у соседа, устанавливая на поднос бутылку “Долгорукого”.

Сосед замешкался, видимо, выпить хорошей водки да с хорошей закуской было и в самом деле соблазнительно, но что-то ему мешало согласиться.

— Наверное, не стоит.

— Я бы на вашем месте согласился. — Апыхтин вскинул бровь.

— Нет, все-таки воздержусь.

— Как будет угодно. Но должен вам сказать, воздержание не всегда похвально, далеко не всегда.

— Вы думаете? — спросил сосед.

— Давайте ваш стаканчик, — сказал Апыхтин, и сосед, полноватый лысый человек в мятом сером костюме, но в свежей белой рубашке без галстука, молча поставил свой стаканчик на поднос Апыхтина. Тот, не поколебавшись, наполнил его до самого верха.

— Ох, простите, — сосед увидел темный костюм Апыхтина, его мрачный галстук, осознал причину свободного поведения попутчика. — Что-то случилось?

— Да, — сказал Апыхтин. — Царство небесное, земля пухом, а мы, Бог даст, будем живы! — Он приветственно поднял свой стакан и выпил его до дна.

Соседу ничего не оставалось, как последовать примеру Апыхтина. Его лысина мгновенно покрылась испариной, он протер ее душистой гигиенической салфеткой, вопросительно посмотрел на Апыхтина — как, дескать, уже можно закусывать?

— Ваше здоровье! — Слова Апыхтина прозвучали для соседа неожиданно — оба стаканчика были опять полны. Но сосед тоже оказался знающим человеком и быстро усваивал уроки. С полнейшим спокойствием взяв свой стакан, он поднял его в приветственном жесте — точно так же, как это совсем недавно сделал Апыхтин.

— За вас!

— За вас!

Выпили одновременно. Апыхтин протянул руку, пожал плотную ладошку соседа.

— Апыхтин, Владимир.
— Нехай. Фамилия у меня такая — Нехай. Я не виноват, это папа с мамой устроили. А зовут уже более пристойно — Павел Терентьевич.

— Очень приятно.

— И мне очень приятно.

— Еще по глоточку?

— Можно, — кивнул сосед.

— Внимание! — прозвучал голос стюардессы в динамиках. — Просим пристегнуть ремни. Наш самолет пошел на посадку. Через полчаса приземлимся в аэропорту города Пафос. Повторяю...

Приникнув к пластмассовому окошку, Апыхтин увидел на горизонте возвышающийся над морем остров темно-синего сумрачного цвета. Над островом нависли тяжелые низкие тучи, и из них время от времени высверкивали ветвистые молнии. Это бывало чрезвычайно редко — над Кипром грохотала гроза. Молнии отражались в темной морской воде, казалось, уходили вглубь и там продолжали ветвиться и полыхать. Берег был усыпан огнями, огни городов и поселков светились в горах, огоньками были усеяны корабли у берега.

Апыхтин почувствовал, как ослабевают напряжение, ему нестерпимо захотелось оказаться среди этих огней, на этом острове, который обещает если не праздник, то облегчение, хоть какое-то облегчение, на которое он перестал надеяться.

Сосед спал, но в момент приземления проснулся, с удивлением огляделся по сторонам и, сообразив, где находится, улыбнулся.

— Похоже, сели? — спросил он.

— Похоже, — кивнул Апыхтин. Вынув из кармана визитку, он протянул соседу. — Возьмите, чего не бывает в жизни... Авось, увидимся.

— Банкир? — мельком взглянув на золоченую картонку, Нехай сунул ее в карман. Вынув свою визитку, вручил ее Апыхтину.

— Что бы с вами не случилось, какая бы проблема не возникла, а у банкиров, я знаю, время от времени возникают самые невероятные проблемы...

— Это верно, — согласился Апыхтин.

— Так вот — я, Нехай, специалист по устранению проблем.

— Каких?

— Любых. Я уверен — мы с вами встретимся.

— Да? — удивился Апыхтин.

— Не сомневайтесь, это произойдет скоро.

— На Кипре?

— В Москве. Думаю, что смогу помочь вам. Я не самый бесполезный человек на свете.

— Как и все мы. — Апыхтин вчитался в визитку Нехая. — «Специалист по безвыходным положениям. Решение всех

проблем — быстро, надежно, деликатно”, — прочитал он. — А что значит слово “деликатно”?

— Это значит — в полной тайне от близких родственников, частных лиц, государственных учреждений.

— И это... возможно? — удивился Апыхтин.

— Скоро в этом сами убедитесь.

— Вы предвидите будущее?

— Да, но очень недалеко... Что-то около месяца, не более. До скорой встречи.

Туристическое агентство, с которым связался Апыхтин, оказалось на удивление обязательным — его представитель стоял в зале прилета, подняв над головой картонку с названием фирмы.

— Это Пафос? — недоверчиво спросил Апыхтин.

— Пафос, Пафос! — радостно закивал грек, сверкая черными маслинами глаз. — Лучший город земли!

— Значит, я попал куда надо, — проворчал Апыхтин, влезая в подъехавший автобус.

Была уже ночь, дождь прошел, будто его и не было, неестественно громадная луна висела над морем, отражаясь и дробясь. Лунная осколочная дорожка уходила за горизонт, словно приглашая в путешествие сладкое и безвозвратное.

Через двадцать минут автобус был уже в городе, мокрым, свежем, залитом огнями, распластавшемся под бездонным небом. Апыхтин с любопытством смотрел в окно, но видел только залитые светом витрины. В Пафосе продавали светильники, обувь, вино и мясо. Это он хорошо увидел — вино и мясо. Автобус развез пассажиров по гостиницам, и Апыхтин отметил, что его отель едва ли не самый лучший.

— У вас заказан номер на три места, — почти без акцента произнес человек за стойкой.

— К сожалению, я приехал один.

— А ваша семья...

— Обстоятельства не позволили им приехать, — ответил Апыхтин чистую правду.

— Они приедут позже?

— Нет, они не приедут никогда.

— Вы хотите сказать...

— Да, они умерли.

— Извините. — Грек скользнул взглядом по темному пиджаку Апыхтина и, склонившись над бумагами, повторил: — Извините.

— Все в порядке, старик, все в порядке, — проговорил Апыхтин, беря ключи.

Войдя в номер и толкнув за собою дверь, Апыхтин выронил из рук сумки, скovyрнул с ног туфли, сбросил пиджак, галстук, расстегнул брючной ремень и рухнул на кровать.

На этом силы его кончились.

Он лежал на спине, разбросав руки в стороны и в лицо ему смотрела круглая морщинистая луна. Казалось, она висела сразу под окном, но не раздражала, ему было даже приятно засыпать в ее холодном желтоватом свете. На секунду, не больше, он вдруг увидел лица Кати и Вовки, там, далеко, под землей, в полнейшей темноте. Они лежали с закрытыми глазами, лицом вверх, как их и положили, но Апыхтин был уверен — они видели его, более того, в этот момент смотрели на него.

— Ничего, ребята, ничего, — пробормотал он, засыпая. — Разберемся.

Глава 5

Бродя по своему кабинету от окна к столу, от сейфа к двери, кружа по часовой стрелке, против часовой, вышагивая по длинному сумрачному коридору своей родной конторы, а потом к дому, а утром от дома к конторе, Юферев без конца перебирал мельчайшие подробности преступления. Десятки раз мысленно возвращался в квартиру Апыхтина к окровавленным трупам, переступал через лужи крови, пил на кухне водку с Апыхтиным, смотрел, как погружают тела на носилки, выносят их, заталкивают в грузовой лифт.

И часто, слишком часто, чтобы это могло оказаться случайностью, возникало в его сознании слово “Эрмитаж”. Откуда оно бралось, что означало, Юферев не мог понять, но слово уже начинало его раздражать.

Однажды, не вытерпев, он взял в столе ключи, оставленные Апыхтиным, и отправился в его квартиру. Быстро прошел в подъезд, стараясь не столкнуться с соседями, которые его уже знали, поднялся на седьмой этаж, вошел в квартиру и сразу закрыл за собой дверь.

Постоял некоторое время в полумраке, включил свет. Прошел на кухню, всмотрелся во все предметы, которые там оставались, потом то же самое проделал в комнате, в спальне, наконец оказался в комнате Вовки.

И вдруг радостно вздрогнул — на полке книжного шкафа лежала толстая книга — “Эрмитаж”.

И он вспомнил.

Он должен был сразу вспомнить, но слишком велико было потрясение, когда первый раз вошел в эту квартиру. Даже ему, привыкшему к подобным зрелищам, пришлось взять себя в руки, чтобы не броситься тут же вон, на свежий воздух, к нормальным живым людям. Только этим можно объяснить, что он механически поднял и положил на полку этот толстый том, лежавший на полу рядом с окровавленной Вовкиной головой.

Больше к нему никто не прикасался. Это он понял сразу — с тех пор к книге никто не прикасался. Никто, кроме самого Вовки, убийцы и Юферева.

С величайшими предосторожностями Юферев снял суперобложку, ухватив за самый кончик, опустил ее в целлофановый пакет и отнес эксперту, предупредив того об ответственности, о важности, о чрезвычайной значимости этой красивой обложки.

Эксперт, молодой очкастый парень с длинными волосами, довольно небрежно взял из трепетных пальцев Юферева обложку и вечером того же дня положил перед следователем несколько прекрасно выполненных отпечатков.

Все получилось в точности так, как и предполагал Юферев, — отпечатки принадлежали троим. Одни из них были явно детские, это были Вовкины отпечатки, вторые принадлежали ему самому, а третьи отпечатки, получившиеся так же хорошо и внятно, как и остальные, принадлежали неизвестному гражданину.

Естественно, Юферев немедленно сделал запрос, и умная компьютерная машина, державшая в памяти миллионы отпечатков, быстро и бесстрастно ответила, что такие ей не известны. Юферев несколько этому не огорчился — если бы выяснилось, что эти отпечатки принадлежат человеку с уже известными именем, отчеством, фамилией, профессией и местом жительства, то это была бы чистая фантастика, невероятное везение, в которое никто бы не поверил.

Но отпечатки пальцев убийцы уже лежали в тощей папке уголовного дела, и это радовало ненасытную следовательскую душу Юферева. Кроме того, у него было описание девицы, посетившей дом, где произошло убийство в то самое утро. А то, что это описание правильно, что оно соответствует действительности, что в самом деле существует девица с длинными светлыми волосами и с родинкой на щеке, подтверждает смерть непутевого Якушкина. Убийца не мог оставить его в живых, убедившись, что тот запомнил девицу и наутро готов подписать протокол с ее словесным портретом.

Центр... Она назначила Якушкину свидание в центре. Что она имела в виду? Что для нее является центром? Центр города? Нет, слишком неопределенно, слишком расплывчато. Это десятки улиц, площадей, переулков, автобусных, троллейбусных, трамвайных остановок, это магазины, рестораны, кафе... Нет, она имела в виду что-то определенное, место это должно быть достаточно известным, если она решила, что Якушкин догадается, где сможет ее найти.

Помаевшись и повздыхав, Юферев обреченно сел за стол и набрал номер телефона Кандаурова.

— Да! — отрывисто прозвучало в трубке.

— Костя?

— Ну, Костя, и что дальше?

— Юферев.

— О! Саша! Рад слышать твой голос! Как я рад, что ты живой!

- А почему бы мне не быть живым?
- Трупы оставляешь за спиной, капитан! Трупы бездыханные!
- Не понял...
- Якушкина завалили? Завалили. Почти на твоих глазах. И, как я понимаю, не без твоего участия.
- Это в каком же смысле?
- В самом прямом, капитан, в самом прямом! — Кандауров был весел, зол, насмешлив. — Ты видишь, что происходит, стоит тебе поговорить с человеком, как его уже нет.
- Если ты все об этом знаешь...
- Знаю, Саша, все знаю. Тебя не насторожил характер раны? Тебе ни о чем не говорит способ убийства?
- Говорит, — уныло ответил Юферев, сознавая, что не поспевает за Кандауровым.
- Пока ты этого недоумка раскручивал, за твоей спиной в забегаловке стоял убийца. Согласен?
- Да, наверное, это был он. Не каждый может вот так по горлу полосонуть... Он ведь ему чуть голову не отсек.
- Как он выглядел, Саша?
- Не обратил внимания... Какой-то маленький, серенький хмырюга, к нам стоял спиной, но, похоже, прислушивался. Да, вспомнил, на голове светлая кепочка, полотняная.
- С большим козырьком?
- Нет, Костя... Наша кепочка, российская... С большими козырьками — это все забугорное... Светлая кепочка, — повторил Юферев.
- Так... Чует мое зековское сердце... Что-то тебе нужно, а?
- Сердце не обманешь.
- Понял! Сразу говорю — только бартер, только обмен. Что-нибудь ты скажешь, что-нибудь я скажу... Туфту не гони. Только по делу. Согласен?
- Значит так, Костя... Этот убийца... Во всяком случае, один из них... Не сидел. И второй не сидел.
- Круто, — Кандауров помолчал. — Это точно?
- У меня есть их отпечатки.
- Обоих? — восхитился Кандауров.
- Обоих... Если их было двое. Значит так, Костя. Представь себе, что красивая женщина из твоего круга...
- В моем кругу только красивые!
- Я знаю, насколько ты прав, а насколько заблуждаешься, — усмехнулся Юферев. — Не будем об этом. Так вот, красивая женщина из твоего круга назначает тебе свидание.
- Обычно свидания назначаю я, — проговорил Кандауров. — Им нельзя позволять делать это.
- Я сказал — представь... Она предложила встретиться в центре, в самом-самом центре.
- Так, — тихо проговорил Кандауров. — В чем вопрос?

— Куда ты пойдешь на встречу с ней?

— Ты хочешь знать, что такое самый-самый центр?

— Да.

Кандауров помолчал. Юферев не торопил, он слышал, как его собеседник дышит в трубку.

— Ты ищешь женщину? — спросил наконец Кандауров.

— Да.

— Она назначила тебе свидание?

— Можно и так сказать.

— Но ты хочешь ее там найти? Ты сел на хвост, капитан? — сделал для себя вывод Кандауров.

— Нет, Костя, не сел. Пока просто иду по следу, благодаря собачьему чутью.

— У тебя неплохой нюх, Саша. Если эти хмыри не сидели, как ты утверждаешь, значит это и в самом деле отморозки. После зековской школы так себя не ведут.

— По-разному бывает. Так что ты мне скажешь насчет центра?

— Значит так, Саша... Услуга за услугу. Я мог бы тебе сказать, что это ресторан "Центральный", но не буду врать. "Центром" с некоторых пор называют ресторан "Пуп Земли". Но об этом знают немногие. Место это не для вашего брата, Саша.

— В каком смысле?

— В смысле цен. Но я там не последний человек... Можем сходить. Уж поскольку мы с тобой с некоторых пор работаем вместе. Ты как, готов?

— Намеряешь, что я там буду нехстати?

— Саша! Никаких намеков! Говорю открытым текстом! Не отвергай моего великодушного предложения!

— Я его принимаю.

— Заметано. Встречаемся в девять вечера. Сиди дома, заеду за тобой.

— Ты знаешь, где я живу?

— Саша! Нельзя же так недооценивать соратника! — укоризненно протянул Кандауров. И положил трубку.

В ресторане "Пуп Земли" устойчиво чувствовался дух неуловимой криминальности. Человек опытный, кое-что повидавший в жизни, сразу ощущал наличие второго дна. Не все здесь было ясно и очевидно, не все было просто и открыто. Настораживали перешептывания, переглядки, жесты, которые посылали время от времени официанты — не то успокаивая своих клиентов, не то предупреждая о какой-то неожиданно возникшей опасности. Многое подразумевалось с полуслова, заказы делались кратко, словно речь шла о чем-то всем хорошо известном. А Кандауров был весел, даже шаловлив, здесь все его знали, многих знал он, ему кричали что-то, он отвечал таким же криком, не пытаясь говорить потише.

Юферев шел за ним с явной подчиненностью, так ведет себя провинциал в столичном ресторане, куда привел его дальний родственник. Он все принимал, как должное, ничему не удивлялся, но все замечал, не мог не замечать, поскольку место было странноватое, а он оказался здесь впервые.

— Где сядем? — обернулся к нему Кандауров.

— Как скажешь, начальник.

— Костей меня зовут, Костей. — Кандауров улыбнулся широко, радостно, но глаза его были серьезны, и Юферев понял — замечание вор сделал всерьез.

— Виноват, — мгновенно отреагировал он. — Вон, вроде, столик свободный...

— Здесь будет тот столик свободный, который нам понравится, Саша. Давай в уголке приземлимся... Мы все видим, нас сложнее рассмотреть... Опять же, никто не подкрадется.

Едва успели они расположиться за столиком в самом углу, в легком дымном полумраке, как перед ними возник официант в черном костюме, белоснежной рубашке и алой бабочке. Он молча положил на стол меню в папке и отошел на шаг, показывая отличную выучку, усвоенную наверняка где-то в дальних поездках.

— Привет, Коля, — сказал Кандауров. — Что новенького?

— Пока ничего.

— Никто нигде даже не пискнул?

— Костя, ты бы знал через минуту.

— Ладно. Понял. Чем порадуешь нас с другом?

— Семга хороша, мясо с черносливом...

— И водка тоже, — оборвал Кандауров перечисление.

— Послушай, — шепотом ужаснулся Юферев, когда официант отошел, — тут цены какие-то запредельные.

— Я предупредил. — Кандауров взял меню, сложил папку и бросил на соседний столик. — Ты мой гость. Поэтому цены тебя не касаются. И не кусаются. И потом, ты сообщил мне сегодня нечто чрезвычайно важное, я твой должник... Заметано? — Кандауров накрыл своей ладонью руку Юферева.

— Пусть так, — согласился капитан, решив, что торговаться здесь и трясти какими-то хилыми деньгами в самом деле недостойно. — Кстати, женщин, я смотрю, здесь немного...

— Сколько тебе нужно?

— Одну, Костя, только одну... Но именно ту, которую нужно.

— Нет проблем, капитан... Как ее зовут?

— Не знаю.

— Как она выглядит?

— Не знаю, — слукавил Юферев. Не хотелось ему выкладывать Кандаурову все, что он знал.

— Так, — протянул Кандауров, исподлобья глядя на Юферева. — Но она здесь бывает?

— Вроде, бывает.

— Тяжелая у тебя работенка, я смотрю.

— Завидовать нечему.

— Как ты собираешься ее узнать?

— Понятия не имею. Вроде, яркая женщина, привлекает внимание, даже красивая, хотя это необязательно. На щеке должна быть родинка.

— Ты не согласишься, Саша, но здесь все яркие, все привлекают внимание, и почти всех можно назвать красивыми. Сейчас их немного, но с каждой минутой будет все больше. Походи, потолкайся, к бару подойди, я дал команду, тебе нальют все, что только пожелаешь...

— Костя, я и в самом деле никогда ее не видел. Ни живьем, ни на снимке. И даже то, что она здесь бывает, только предположение. Слушай, а что за дама сидит справа от нас вполборота...

— В красном платье? — уточнил Кандауров.

— Да, в красном платье и с длинными светлыми волосами.

— Наверное, с кем-то из гостей пришла... Сейчас узнаю! — Кандауров рванулся было из-за столика, но Юферев опять остановил его.

— Костя, — укоризненно проговорил следователь. — Если мой опер будет вести себя так порывисто... Я уволю его в тот же день.

— Да, порывистость — это плохо, — согласился Кандауров. Чтобы показать, как проникся словами Юферева, он даже отвернулся от столика, за которым сидела женщина со светлыми распущенными волосами, почти полностью скрывавшими ее лицо. — Это она?

— Не знаю.

— Чем же она тебя привлекла?

— Ничем. — Юферев передернул плечами.

Кандауров некоторое время молчал, глядя в пространство зала, и никто в эти минуты не мог бы определить — куда он смотрит, за кем наблюдает, о ком делает выводы, суровые и беспощадные. Пальцы его на белой скатерти мелко вздрагивали, выбивая частую нервную дробь. Наконец, приняв для себя какое-то решение, он махнул рукой дирижеру оркестра, подождал, пока заиграет музыка, и, не колеблясь, стремительной, летящей походкой худого, но сильного человека, направился к столику, за которым в компании мужчин сидела молодая женщина в красном платье и со светлыми волосами.

— Разрешите? — Кандауров церемонно склонился перед незнакомкой.

— Давай, Наташка, спляши с хозяином, чего уж там! — ухмыльнулся один из парней.

Женщина откинула от лица волосы, и Кандауров увидел, да, своими глазами увидел на ее щеке родинку. Небольшая круглая родинка, заметно выделялась на розовой щеке.

— Музыка уже заканчивается, — сказала она, улыбнувшись.

— Продлим музыку. — Кандауров с удивлением почувствовал, что волнуется, что сердце его колотится так, как давно уже не колотилось.

— А она не слишком быстрая? — спросила женщина, поднимаясь.

— Закажем другую.

— Здесь не слишком тесно? — Наташа, кажется, включилась в игру, которую ей предложил Кандауров.

— Уберем десяток столиков!

— А посетители?

— Выкинем в окно!

— Они не разобьются?

— Я и об этом должен думать? — дурашливо возмутился Кандауров уже в танце.

— Вообще-то, да, тут я малость перегнула! — рассмеялась Наташа. — А почему тот мужик назвал тебя хозяином?

Кандауров молча склонил голову. Он оценил и вопрос, и обращение на “ты”, и немедленную готовность к общению более близкому, нежели позволяет случайный танец. И все, что ему открылось, подходило к той женщине, о которой так невнятно только что рассказывал Юферев.

— А потому, милая девушка, что я действительно хозяин этого заведения.

— Ты думаешь, что слова “милая девушка” ко мне подходят?

— Если хочешь, могу сказать другие... Они к тебе подходят гораздо больше.

— Скажи.

— Ты классная баба.

— Знаешь, мне так больше нравится. Милая девушка... Это — что-то сопливое, стыдливое, похотливое...

— Да? — удивился Кандауров. — И это все совмещается?

— Ты просто не представляешь, насколько похотливы все эти милые девушки! — рассмеялась Наташа, и Кандауров неожиданно поймал себя на новом ощущении — она ему нравится.

— В чем же это проявляется?

— Похотливость? Ха! В неприличных мечтах, в суетливых телодвижениях под одеялом, в слишком долгом душе, в обидчивости, в совершенно дурацкой неприступности... Милые девушки каждому встречному и поперечному показывают, как они чисты и непорочны, как пошлы, глупы, недостойны окружающие их мужчины, для какой прекрасной, чистой, возвышенной жизни они созданы!

Последние слова Наташа произнесла громче, чем требовалось, резче, и уже без той шаловливой улыбки, с которой начала их танцевальный разговор.

— А ты никогда не была такой вот милой девушкой? — спросил Кандауров, неуклонно приближаясь к столику, за которым, напряженно уставившись на них, сидел Юферев.

— Была!

— И что?

— Из того, что я сказала, ты ничего не понял?

— Понять-то понял, — смешался Кандауров, — но вот думаю — не ошибся ли, не заблуждаюсь ли...

— Остановись. Все ты понял правильно. Отреклась я от них. Как бабочка от мерзкой, скользкой, отвратной гусеницы! — Наташа уже взяла себя в руки.

— Садись. — Кандауров отодвинул стул, стоявший рядом с Юферевым. — Знакомься... Это мой друг, Саша его зовут. Саша, знакомься, это Наташа, совершенно обалденная баба!

— Александр Юферев, — капитан привстал.

— Вот, Наташа, как надо знакомиться... Сразу и имя, и фамилия. Ты по фамилии кто будешь? — Не зря, ох не зря Кандауров отстрадал в своей жизни сотни допросов, очных ставок, опознаний. Юферев не мог не отдать ему должное — правильно себя вел Кандауров, грамотно.

— Максимова, — улыбнулась Наташа, не почувствовав в вопросе подвоха. — Наташа Максимова, — повторила она. — Телефон дать? Адресок?

— Не помешало бы, не помешало бы, — произнес Кандауров. — Что будешь пить?

— Конечно, шампанское!

— Какое?

— Холодное. И если можно — настоящее. Остальное — неважно.

— Неплохо сказано. — Кандауров озадаченно склонил голову. — Беру на вооружение. А на закусь?

— Хотелось бы рыбки...

— Тоже холодной? — спросил официант, неслышно возникший у стола и уже что-то черкающий карандашиком в маленьком блокнотике с отрывными листочками.

— Да, — кивнула Наташа. — Холодной. Но копчения — горячего.

— О! — воскликнул официант, удивившись точности заказа. — И все?

— Если говорить обо мне, — Наташа помолчала, в раздумье взяла губами уголок салфетки, как бы снимая излишки помады, — нет-нет, больше ничего.

— У нас тоже все есть, — сказал Кандауров. — Саша, ты как? Выпьем за знакомство? У тебя когда-нибудь была такая красивая женщина?

— Будет, — проворчал Юферев.

Официант принес шампанское через три минуты, еще через две — осетрину горячего копчения. Порция явно была рассчитана

не только на одну Наташу, этой осетрины им хватило бы всем троим до конца вечера, но не получилось. К столику подошел парень из Наташиной компании и остановился в нескольких шагах.

— Она подойдет через пять минут, — сказал Кандауров. — Годится?

Парень склонил голову, удалился, так и не произнеся ни единого слова.

— Твои ребята? — спросил Кандауров, снова приступая к ментовским своим обязанностям.

— Эти? — Наташа удивленно посмотрела на него. — Конечно, нет. Случайная публика.

— Совсем случайная?

— Сегодня познакомились.

— Но у тебя наверняка есть постоянная свита?

— Конечно! Как и у каждого приличного...

— Понятно, — Кандауров не стал дожидаться, пока Наташа найдет нужное слово. — Не обижают?

— Смотря что иметь в виду.

— Если обижают... Намекни.

— Разберешься?

— Немедленно. А как насчет обещанного номерочка?

Взяв ручку, Наташа быстро набросала несколько цифр. На секунду рука ее задержалась в нерешительности — стоит ли писать адрес.

— Нет, на первый случай этого вполне достаточно, — сказала она. — Давайте на посошок... Мне пора. Надо же соблюдать хоть какое-то приличие. До скорой встречи!

На следующий день около одиннадцати утра в кабинете Юферева раздался телефонный звонок.

— Привет, Саша, — услышал следователь голос Кандаурова. — Скажи, на Ульяновской улице твои ребята работают?

— Нет, а что?

— Значит, ничего не знаешь... — Голос у Кандаурова был непривычно печален, даже с какой-то обреченностью. — Полчаса назад я позвонил по телефону, который дала Наташа.

— И что?

— Значит, ты все-таки ничего не знаешь... Она убита.

— Наташа?

— Она убита. Представляешь... А я почти втрескался. Так долго не влюблялся, так долго... Лет десять, наверное, а может, и больше.

— Подожди... Как убита?

— Ножом по горлу. От уха до уха.

— Так, — сказал Юферев, тяжело опадая в кресле. — Ты уже был там, в квартире?

— Менты не пустили. Но тебя пустят. Не надо было мне вчера к ней подходить.

— Мы бы все равно на нее вышли. Ты заметил, какая у нее помада?

— Красная.

— У нее привычка — брать губами уголок салфетки.

— К чему это ты?

— Она была в доме Апыхтина в день убийства.

— Это доказано?

— Да. Экспертиза подтвердила. Помада совпала. Я вчера прихватил со стола ее салфетку.

— Хорошо...

— Я выезжаю, Костя, — и Юферев положил трубку.

Глава 6

Апыхтин сошел с самолета в аэропорту Шереметьево в том же состоянии легкости и какого-то душевного подъема. Пересек зал, равнодушно скользнув взглядом по мордатым мужикам, которые трясли ключами и предлагали такси. Что-то произошло с ним и происходило постоянно, он совершал странные для банкира действия, сам при этом несколько не удивляясь, не готовясь к ним, не затевая этих действий.

Он был трезв, давно трезв, пить не хотелось. Даже на Кипре, в последние дни, единственно, что он мог выпить, так это стакан холодного сухого вина, да и то не для хмеля, а из желания утолить жажду.

Выйдя на площадь аэропорта, он некоторое время стоял, подняв голову, снова, как на Кипре, ловя лицом жар дневного солнца. А потом, не сознавая странности своего поступка, прошел к автобусу и сел где-то в середине салона у окна, хотя минуту назад даже не думал об этом.

— С югов? — спросил толстый, верткий мужичок, устроившийся рядом с ним.

— А что, похоже?

— Такой загар только в рекламе можно увидеть. Италия?

— Нет... Испания, — ответил Апыхтин, не задумавшись ни на секунду.

— Оно и видно, — продолжал сосед. Автобус уже несся по прямой неширокой трассе к Ленинградскому шоссе, к Москве. — Но ведь жарница, а?

— Маленько есть.

— А я в Болгарии был, — сообщил мужичок, до сих пор еще возбужденный перелетом, таможней, воспоминаниями о жарком солнце, горячем песке и хорошей выпивке.

— Ну и как там? Вино, брызга, женщины?

— Всего понемногу, — солидно кивнул мужичок.

Апыхтин решил поселиться в гостинице "Россия". Она и в центре, и достаточно бестолковая, и в меру дешевая, да и зате-

ряться среди тысяч ее постояльцев было нетрудно. Последнее обстоятельство почему-то оказалось для него наиболее важным. Почему — он не знал. Просто подумал — легко затеряться. И сразу пришло спокойствие — поступает правильно.

Из автобуса Апыхтин вышел на аэровокзале, спустился в метро, проехал до станции Театральная, поднялся, медленно пересек залитую солнцем Красную площадь и оказался перед гостиницей "Россия".

В номере, едва выпустив из рук сумки, отдернул штору и надолго замер перед окном, за которым посверкивал Кремль. Вдоль разогретых на солнце башен струился знойный воздух, купола были подернуты серой дымкой, маленькие фигурки людей внизу казались придавленными летней жарой.

— Ничего видик, — пробормотал Апыхтин и, набросив на себя белую майку, купленную в Пафосе, спустился на первый этаж и вошел в парикмахерскую. Она оказалась пустой. Старый лысый мастер оторвался от газеты и, чуть шевельнув темной, морщинистой рукой, указал на кресло.

— Слушаю вас, молодой человек, — произнес он с интонацией, в которой можно было услышать и лакейское почтение, и вполне хулиганский вызов.

— А что, еще схожу за молодого? — удивился Апыхтин.

— Вы будете сходить за молодого еще лет пятьдесят.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Так что все-таки скажете, молодой человек?

— Бриться будем, отец.

— Бриться — это прекрасно. Но должен сказать, что и с бородой вы были не последним человеком.

— Я надеюсь не оказаться последним и без бороды.

— То, что вы приезжий, видно на расстоянии... С Урала?

— С Украины, — соврал Апыхтин и опять не смог бы объяснить, зачем он это сделал.

Инструмент у старика оказался неплохим, да и сам он, похоже, был настоящим мастером — через двадцать минут Апыхтин увидел в зеркале почти незнакомого ему человека. Правда, щеки были неестественно бледны по сравнению с загорелым лбом и почти черной шеей, но это не смутило Апыхтина.

— Вопросы есть? — спросил парикмахер, сдергивая простыню и показывая свою работу.

— Вы красите волосы? — спросил Апыхтин.

— Случается.

— Надо бы нам и этим заняться.

— Не понял? — Старик вскинул тяжелые кустистые брови.

— Высветлить бы немного. — Апыхтин провел рукой по коротким волосам.

— В какой желаете цвет?

— Ну... Пшеничный... Не возражал бы против легкой рыжинки... Так примерно.

— А знаете, что время от времени вам придется повторять эту процедуру?

— Но ведь вы снабдите меня флакончиком, чтобы не возникло разнобоя в колорите?

— Сделаем. Так что... Приступаем?

— Вперед, отец! Без страха и сомнений.

— Крутой ты мужик, — проворчал парикмахер, снова набрасывая на Апыхтина большую простыню.

Когда Апыхтин вышел из парикмахерской, единственное, что было в его облике от председателя правления банка, это рост. И больше ничего. Только рост, родные его почти сто девяносто сантиметров. Но от них он избавляться не хотел. Да и необходимости не было. Он знал, куда идет, знал, что в небольшом переулке рядом с Тверской, недалеко от Елисеевского магазина, если пройти в сторону Столешникова переулка, есть неплохая оптическая клиника, где быстро и хорошо устанавливают контактные линзы.

И он поставил себе контактные линзы, заменив ими очки. Все-таки очки, какова бы ни была оправа, связывали его с прежней, банковской жизнью. Линзы он попросил зеленоватого цвета, который вполне подходил к его новым светлым волосам.

— Неделю будете привыкать, — предупредила его строгая, пожилая женщина, которая, несмотря на характер своей работы, все-таки предпочитала пользоваться очками самыми обыкновенными, даже можно сказать дешевенькими, с надломленной дужкой и склеенной переносицей.

— Привыкну, — заверил ее Апыхтин. — В последнее время мне ко многому приходится привыкать.

— Как и всем нам, — вздохнула женщина.

На том и расстались. Напоследок, правда, женщина вручила Апыхтину небольшой листок с плохо отпечатанным текстом.

— Что это?

— Инструкция. Как себя вести в тех или иных случаях. Снимать ли линзы на ночь, опускать ли их в воду, в какую воду... Ну, и так далее.

— Спасибо. — Сложив листок пополам, Апыхтин опустил его в карман.

— В случае чего... Заходите.

— Спасибо! До скорой встречи!

И он направился к Центральному телеграфу.

Теперь единственное, кроме роста, что осталось у него своего, нетронутого, это голос, и он решил, что пора им воспользоваться. Апыхтин долго оттягивал свой звонок Юфереву, хотя много раз мог позвонить и с Кипра, но все не решался, словно ждал какого-то сигнала, знака, разрешения. Вполне возможно, ждал, пока затянутся внутренние его раны, затянутся настоль-

ко, что он сможет взять на себя груз разговора. И вот только сейчас, преобразившийся до неузнаваемости, ставший почти другим человеком, почти равнодушным к тем болям, которые все еще терзали его, он решился, наконец, на звонок.

Юферев поднял трубку сразу. Слышимость была настолько хорошей, что возникло ощущение, будто следователь совсем рядом, чуть ли не за спиной.

— Александр Леонидович? Добрый день!

— Здравствуйте, — сдержанно ответил следователь.

— Апыхтин беспокоит.

— О! — обрадовался Юферев. — Владимир Николаевич! Уже приехали?

— Нет, я еще на Кипре, — привычно начал замечать следы Апыхтин. — Решил задержаться на недельку.

— Это прекрасно! — одобрил Юферев. — Как там у вас погода?

— Погода? — удивился Апыхтин и невольно рассмеялся. — На Кипре не спрашивают о погоде. Она здесь не меняется уже несколько тысячелетий.

— Ах, да... Я и забыл.

— Что новенького, Александр Леонидович? Есть какие-нибудь подвижки, находки?

— Подвижки? — переспросил Юферев и на некоторое время замолчал, прикидывая, что бы сказать Апыхтину о последних событиях в городе. — Есть новости, но, боюсь, пока только печальные.

— Неужели в моем положении может случиться что-то еще более огорчительное?

— Еще два трупа... Мужчина и женщина.

— Кто же их? За что?

— Кто и за что, сказать не могу, не знаю... А вот способ... Способ совершения преступления остается тот же. — Юферев умолк, не зная, как продолжить рассказ о двух кошмарных убийствах, случившихся за последние несколько дней.

— Тот же? — заинтересовался Апыхтин. — Ножом от уха до уха?

— Примерно.

— Вы нашли убийц? Вышли на их след?

— Нет, — коротко ответил Юферев.

— Такие ловкие и неуловимые? — спросил Апыхтин и с удивлением прислушался к себе, обнаружив вдруг, что нет у него никакого недовольства сообщением Юферева. Более того, возникло холодящее, тревожное чувство удовлетворения. Это хорошо, что все так плохо, значит, ему придется все проделать самому.

Вот! В этот миг и прозвучали в нем те самые слова, состоялось то самое решение, которое он скрывал от самого себя до последнего момента. Он все проделает сам! Это будет правильно,

справедливо, и этим, только этим он сможет искупить свою вину перед Катей и Вовкой. Люди, убившие Катю и Вовку, жить не должны. И пока они живут, ничем другим он заниматься не сможет. И не будет заниматься ничем другим.

Все его превращения вдруг обрели смысл, ясное и четкое понимание. Может быть, он еще отпустит бороду, волосы лягут волной на его плечи, может быть, он снова войдет в свой кабинет в тяжелых затемненных очках. Но произойдет это не раньше, чем...

Апыхтин даже себе не стал проговаривать затеянное. Ему почему-то стало ясно, что даже мысленно он не имеет права быть откровенным, не должен отпускать в пространство свои замыслы, потому что их наверняка уловят те, кого они касаются.

— Неуловимые? — переспросил Юферев. — Не думаю. Есть некоторые подробности, которые внушают надежду...

— И вы поделитесь со мной этими подробностями?

— Приезжайте, Владимир Николаевич, поговорим. Кстати, вам привет от Кандаурова.

— А почему кстати?

— Он тоже принимает некоторое участие... Сказал, что обещал вам найти этих отморожков... Это правда?

— У него есть успехи?

— Не думаю.

— Это хорошо, — вырвалось у Апыхтина, и он досадливо поморщился — не уследил за собой, позволил сорваться ненужно-мудрому слову.

— В каком смысле? — удивился Юферев.

— В том, что убийц все-таки должна брать милиция, а не воры в законе.

— Полностью с вами согласен!

— А мои банкиры? Сказали что-нибудь дельное?

— Нет, — коротко ответил Юферев, и этот его ответ Апыхтин понял куда шире и подробнее — не получилось у следователя разговора с его заместителями.

— Скрытничают?

— Да.

— И нет никакого способа их разговорить?

— Разве что вы подключитесь, Владимир Николаевич.

— Охотно.

— Я вот подумал... — начал было Юферев и замолчал.

— Ну-ну!

— Не поставить ли жучки в их телефоны?

— Поставьте.

— Вы не возражаете?

— Нет.

— Заметано, — обрадовался Юферев. — Значит, я к ним и обращаться не буду.

— Не надо.

— Значит, по этому поводу у вас нет ни колебаний, ни сомнений, и мои действия...

— Действуйте.

— И ваши заместители об этом могут и не знать?

— Так будет даже лучше.

— Понял!

— Им больше не грозят по телефону?

— Мы договорились, что если угрозы будут, они сообщат.

— Пока не сообщали?

— Да, тишина.

— Эти люди... Которых убили... Они кто?

— Свидетели.

— Значит, исполнители живы?

— Можно и так сказать, — неуверенно проговорил Юферев.

— Вы что-то хотели добавить?

— Видите ли, Владимир Николаевич... Среди погибших... Женщина. Есть основания полагать, что она могла быть и участницей.

— Женщина?

— Да... Но, естественно, она не была исполнительницей.

— Тогда ладно, — облегченно вздохнул Апыхтин. Для него почему-то было важно — принимала ли участие женщина в самом убийстве. Через секунду понял — с женщиной ему трудно было бы расправиться так, как хотелось. — До скорой встречи!

— Приезжайте, Владимир Николаевич!

Юферев несколько минут посидел за столом, подперев голову руками, и медленно, еще не решив окончательно, что поступает правильно, набрал телефонный номер.

— Девушка... Мне только что звонили с Кипра... Вы не можете сказать — из какого города?

— Минутку. — Она помолчала некоторое время, Юферев терпеливо ждал, вода пальцем по лакированной поверхности стола, вздыхал, прокручивая в уме разговор с Апыхтиным. — Вы слушаете?

— Да-да! — встрепенулся Юферев.

— Звонок был из Москвы.

— Откуда?!

— Из Москвы. Номер телефона, к сожалению, не установлен. Есть еще вопросы?

— Нет, спасибо. — Юферев озадаченно положил трубку. — Ни фиги не понимаю, — проговорил он вслух и через некоторое время повторил: — Ни фиги не понимаю.

Попрощавшись с Юферевым, Апыхтин сделал еще один звонок, уже совсем таинственный — не называя ни своего имени, ни имени собеседника, позвонил человеку, с которым не об-

щался никогда, за исключением единственного случая — на высоте десять тысяч метров.

Специалист по безвыходным положениям, так примерно было написано на мятой картонке, которую вручил Апыхтину случайный попутчик, с которым судьба свела его в полете на Кипр. Они летели вместе в залитый солнцем город Пафос, Апыхтин угостил попутчика водкой, а тот по доброте душевной подарил ему визитную карточку с собственным именем — Павел Терентьевич Нехай.

Собственно, эта карточка и послужила первым толчком, после которого и начали происходить с Апыхтиным перемены и превращения — медленные, но безостановочные и необратимые.

— Здравствуйте, — сказал он, узнав почти забытый сипловатый голос попутчика.

— Здравствуйте, — ответил тот доброжелательно, со скрытой улыбкой и явной заинтересованностью.

— Рейс Москва — Пафос, попутчик с бородой и водкой... Вам это о чем-нибудь говорит?

— О многом!

— Даже так? — удивился Апыхтин.

— Это говорит о том, что вы, наконец, взглянули на мою визитку.

— И очень пристально.

— Хотите встретиться?

— Нет. Не хочу.

— И правильно, — одобрил Нехай.

— Я могу говорить по телефону?

— Конечно, можете! Если грамотно.

— Понял. Мне потребовалась ваша помощь.

— Ко мне по другим поводам и не звонят.

— Это хорошо. Поступим так... В вашей визитке указан адрес... — Апыхтин хотел было произнести в трубку, какой именно адрес указан, но собеседник перебил его.

— Я помню, что там написано.

— Хорошо. — Апыхтин не мог не признать, что Нехай ведет себя достаточно осторожно. Конечно, адрес на визитке вовсе не тот, по которому Нехай живет. — Поступим так... Сегодня вечером я опущу свою просьбу в почтовый ящик по адресу, указанному на визитке. Позже мы созвонимся, и вы скажете, сможете ли помочь. Годится?

— Вполне. Ключик от ящика вы найдете под ковриком семнадцатой квартиры. И, наконец, самое главное... Мы не поговорили о...

— Деньги? — Апыхтин сразу понял, о чем идет речь.

— Да.

— Моя визитка сохранилась?

— Да.

— Тогда у вас не должно быть сомнений. Вы называете сумму, я плачу.

— Наличными?

— Да.

— Зелеными?

— Да.

— Прекрасно! Жду вашего звонка.

Апыхтин положил трубку, поднялся из подземного перехода, снова вошел в здание Центрального телеграфа. Пройдя в зал, купил конверт, несколько листов бумаги и отошел к столу, за которым оформляли почтовые отправления.

— Девушка, — обратился он к какому-то очкастому существу, которое исписывало третий телеграфный бланк и все никак не могло найти нужных слов. Апыхтин решил, что именно такой человек ему и нужен. — Помогите, пожалуйста!

— А что случилось?

— Упал, подвернул руку, очнулся — гипс, — он улыбнулся. — Не могу написать ни слова... Помогите, пожалуйста! Не откажетесь?

— Что вы! — воскликнула девушка, кажется, даже польщенная его просьбой.

Апыхтин придвинул ей листок бумаги, положил рядом шариковую ручку и тут же, не сходя с места, продиктовал все, что требовалось. Так, дескать, и так, нужен паспорт, настоящий паспорт на имя Антонова Владимира Петровича, такого-то года, месяца, числа рождения.

— Куда это? — подозрительно спросила девушка, прищурившись, глядя на Апыхтина сквозь толстые стекла своих очков.

— В милицию, куда же еще, — ответил Апыхтин, не задумавшись ни на долю секунды.

— Паспорт потеряли?

— Украли, — сокрушенно ответил он.

— И что вы хотите? — спросила девушка все с тем же недоверием в голосе.

— Чтобы мне дали новый. Спасибо! — Апыхтин взял листок бумаги из ее красноватых пальчиков с обкусанными ногтями и, подмигнув весело, направился к выходу.

Сунув листок в конверт, он поехал искать адрес, фальшивый адрес, указанный на золотистой визитке, полученной им от человека на высоте десять тысяч метров, человека, засланного ему в помощь из будущего. Апыхтин был совершенно уверен в том, что все у него получится, что Нехай сделает все, что требуется, и будет, будет у него паспорт на имя Антонова Владимира Петровича. Имя он менять не стал — что-то подсказало, что так будет лучше, что впереди ждет много случаев, когда придется легко и свободно откликаться на собственное имя, которое будут произносить мужчины и женщины, друзья и враги. И

он ни разу не собьется, ни разу никто не заподозрит, что он не Антонов, что он не рыжий с выцветшими бровями и зеленоватыми глазами.

Пройдя мимо Елисеевского магазина, он спустился в длинный подземный переход под площадью Пушкина, прошел в зал, откуда начинался спуск в метро, и оказался у маленькой будочки, где за две-три минуты делали снимки для документов.

В будочке он сел на затертый вертящийся стул, поднял голову, распрямил плечи и посмотрел в объектив с тем неподвижным и туповатым выражением, которое и требуется для документов, удостоверяющих личность. А получив полоску бумаги с несколькими цветными снимками, Апыхтин некоторое время смотрел на себя изумленно и недоверчиво. Неужели это он, председатель правления банка "Феникс", толстый, бородастый Апыхтин с тяжелыми затемненными очками, скрывающими беспомощные близорукие глаза? Неужели это он?

Со снимка на него смотрел детина со светло-рыжими короткими волосами, с пристальным и недоверчивым взглядом. Чем-то он походил на десантника, какими их снимают в кино, может быть, на омоновца, какими их снимают в уголовной хронике, он походил даже на бандита, но уж никак не на толстопузого Апыхтина, каким его знали в городе, помнили сокурсники, не на председателя банка, медлительного и величавого. Теперь единственное, что связывало его с прошлым, — это голос. Кто знает, если бы очень уж понадобилось, то он смог бы, наверное, изменить и голос, но голос ему будет нужен, чтобы поддерживать связь с прежней жизнью, от которой Апыхтин уходил так решительно и бесповоротно.

Глава 7

Все силы Юферев бросил на раскрутку связей Максимовой — друзья, подруги, родственники, коллеги, знакомые, соседи. Он попытался даже составить списки всех, кто мог сказать о ней хоть одно-единственное слово. И через несколько дней понял, что задача эта не так проста, как показалось в самом начале.

Неожиданно отпал такой мощный источник информации, как соседи. Максимуму они не знали и говорить о ней отказывались. Выяснилось, что квартиру она купила совсем недавно, около полугода назад, поэтому каких-то давних связей и быть не могло. Подруг, друзей тоже не оказалось — Максимова приехала в город из других мест и была здесь, похоже, совершенно одна.

— Да не может же такого быть! — вскричал однажды Юферев в своем кабинете, когда оперативник Брыкин в очередной раз доложил, что нет никакой возможности найти людей, которые хоть что-нибудь сказали бы о Максимовой. — Не может этого быть!

— Не может быть, да может статься, — умудренно ответил Брыкин, чем привел Юферева в совершенное бешенство.

Посидев еще некоторое время в кабинете, Юферев полез в ящик стола, вынул ключи от квартиры Максимовой, все с той же угрюмой сосредоточенностью спустился во двор, сел в машину и молча махнул рукой. Поехали, дескать.

Водитель понимающе кивнул и тронул машину с места. Он тоже знал такое состояние Юферева. Следовательно не называл адреса, лишь показывал рукой, куда надо поворачивать, пока водитель сам не догадался, куда они едут.

— Останови, — наконец попросил Юферев, когда они подъехали к сумрачному дому, сложенному из бетонных блоков.

В квартире Максимовой все было так, как и должно быть в доме убитой — пусто, холодно, не убрано, жутковато. Включив свет, Юферев принялся неторопливо осматривать все, что уже осматривал много раз. Но сегодня все внимание уделил ящику в буфете, где были свалены всевозможные бумажки. Он их уже видел — квартирные счета, квитанции, уведомления о неуплате, чеки из магазинов и прочие следы прошедшей жизни. Документов он не нашел ни в прошлый раз, ни при повторном осмотре. Скорее всего, их выгреб убийца, взял все, что могло хоть что-то сказать о Максимовой. Теперь он принялся за оставшиеся бумажки.

Эту бумажку он держал в руках уже несколько раз в прежние свои посещения злосчастной квартиры, помнил ее размер, форму, цвет, линию обреза, помнил сумму, которая там указана, — восемьсот семьдесят рублей. Юферев подошел поближе к слабоватой лампе, висевшей посредине потолка без абажура и всмотрелся, вчитался в печать. Не все буквы отпечатались, какая-то строка вообще была смазана, удалось ему прочитать лишь часть слова — “автолю...”

И он понял — это была квитанция за оплату курсов автолюбителей.

— Ну вот, — проговорил облегченно, — это уже кое-что, это уже неплохо.

Наутро Юферев сидел в полуподвале школы и разговаривал с начальником курсов автолюбителей, полковником Машуковым. Сухой, высокий, немногословный полковник был уже много лет в отставке и много лет трезв.

— Садитесь, — он показал на стул.

— Спасибо.

— Слушаю, капитан. — Машуков бегло взглянул на удостоверение следователя.

Юферев вынул из блокнота квитанцию, расправил ее и молча положил на стол перед полковником. Тот взял ее, внимательно вчитался, всмотрелся в печать, подписи и, наконец, поднял глаза.

- Ваша бумажка? — спросил Юферев.
- Наша.
- Меня интересует человек, который получил эту квитанцию после уплаты за учебу на ваших курсах.
- Вы имеете в виду Наташу Максимову?
- Да.
- Я смотрю телевизор, капитан... Это она убита?
- Она.
- Я ее помню... Не очень хорошо, но помню. Яркая девушка.
- Не такая уж она и девушка... — проговорил Юферев. — К тридцати шло.
- Неважно. Она вела себя, как девушка. И это ей удавалось. Если вам нужны мои воспоминания о ней...
- Мне нужен список группы, в которой она училась.
- Это можно. — Полковник обладал удивительной способностью сразу схватывать суть дела, не произносить лишних слов, не задавать пустых вопросов. Взглянув еще раз на квитанцию, полковник уточнил дату и, подойдя к открытому фанерному шкафу, взял с полки тоненькую папочку и положил перед Юферевым. — Здесь список группы, заявления, адреса, телефоны.
- Потрясающе! — вырвалось у Юферева.
- Что именно вас потрясло, капитан?
- Вот эта ваша папочка. Все просто, разумно, дельно.
- А, — усмехнулся Машуков, показав прокуренные зубы. — Штабной опыт. В военкомате служил.
- А если я возьму ее на время?
- С возвратом, — твердо сказал Машуков.
- Конечно.
- Пишите расписку.
- Разумно, — усмехнулся Юферев. — Максимова с кем-нибудь из группы подружилась во время занятий?
- Не исключено. Учеба продолжается несколько месяцев. Лекции, практическая езда, сдача экзаменов... Все это сближает. Некоторые остаются друзьями надолго.
- Меня интересует, с кем именно она сблизилась.
- В группе было несколько женщин... Три-четыре, что-то около этого. Они получили права совсем недавно, я их помню. Женщины держались вместе. Так всегда бывает. Мужчины Максимова не интересовали. Она была из другого племени. Наши мужички попроще, или совсем пацанье. Начните с женщин, быстрее кого-нибудь нащупаете.
- Спасибо, — Юферев поднялся.
- На преступников не вышли?
- Если бы вышли, я бы к вам не пришел.
- Тоже верно, — согласился полковник.
- Когда выйдем, в тот же вечер узнаете.
- Желаю удачи. — Полковник протянул сухую, сильную ладонь.

Нашел все-таки Юферев подружку Максимовой, нашел. Машуковская папочка оказалась дельной не только внешне, но и по сути. Все телефоны были без ошибок, все адреса правильными и действующими. Уже третий звонок, который он сделал в тот же вечер, оказался последним.

Трубку подняла Надя Серкова.

— Здравствуйте, — как можно доброжелательнее произнес Юферев, произнес громко, почти торжественно.

— Приветик, — сдержанно ответила женщина.

— Гражданка Серкова?

— Она самая. — В ответе Юферев явственно почувствовал снисходительную улыбку. Он понял, что там, на том конце провода, уже догадались, кто он есть и что ему угодно. Но он и не собирался этого скрывать.

— Моя фамилия Юферев. Александром зовут. Александр Леонидович, если вам так больше нравится.

— Честно говоря, мне безразлично, как звали вашего папашу, чем он занимался и как себя чувствует в настоящее время.

— Хорошо чувствует. Но возвращаюсь к себе... Дело в том, что служу я...

— Догадываюсь, где вы служите, гражданин Юферев. — В голосе опять была улыбка, но не радостная, нет, скорее озабоченная, скорее досадливая.

— Повидаться бы, — вздохнул Юферев.

— Прямо сейчас?

— А почему бы и нет? Погода хорошая, настроение у вас, как я чувствую, тоже не самое худшее. В любом случае поговорить лучше где-нибудь на воздухе, за столиком. Как вы думаете?

— Тоже верно, — вздохнула женщина. — Тоже верно, — повторила она, и Юферев понял — соглашается.

— Недалеко от вашего дома есть кафе-мороженое... Там столики, фонарики... Мальчики и девочки лакомятся сладким...

— Вы знаете, где я живу? — удивилась Серкова.

— По первым цифрам вашего телефона нетрудно догадаться, какой это район, — слукавил Юферев, слукавил, потому что уже знал адрес Серковой.

— Хорошо, — решительно сказала женщина. — Только сразу предупреждаю — пользы от нашего разговора не будет.

— Согласен, — быстро ответил Юферев. — Вы меня легко узнаете... Сам я неказистый, но на мне будет хороший серый костюм и красноватый галстук. Говорят, этот костюм меня красит.

— У вас хорошее настроение?

— Да! Так легко удалось найти вас... Думаю, что и в дальнейшем мне немного с вами повезет...

— Я приду. Но только для того, чтобы не толкаться в ваших помещениях. Буду через час, Александр Леонидович. Вас это устроит?

— Вполне.

Серкова больше ничего не добавила, просто положила трубку, не произнеся прощальных слов. Решила, что разговор исчерпан и говорить больше не о чем.

— Пусть так, — пробормотал Юферев.

Он подъехал к кафе за одну минуту до назначенного срока и, выйдя из машины, направился к свободному столику. Не прошло и минуты, как к его столику подошла молодая женщина в джинсах и мужской рубашке.

— Не помешаю? — спросила она.

— Это вы и есть?

— Да, это я.

— Садитесь, жду вас с нетерпением.

— Ваша гвардия? — она показала большим пальцем за спину, где расположились водитель с оперативником Брыкиным — они успели взять пива и теперь делали вид, что кроме этого пива их ничто в мире не интересует.

— Моя, — кивнул Юферев.

— Правильно. Одобряю. Если бы все так поступали... — женщина замолчала.

— То что было бы?

— Жилось бы спокойнее. — Серкова положила на стол пачку сигарет, вынула зажигалку, прикурила, придвинула сигареты к Юфереву. — Угощайтесь.

— Не курю.

— А, понятно... Значит, пьете?

— Пью. Часто и в больших количествах.

— Это хорошо, значит, здоровье позволяет.

— Образ жизни требует.

— Будем считать, что разминка закончилась?

— Согласен. — Юферев сразу, без подготовки, усвоил манеру разговора Серковой, лаконичную и вызывающую.

— Тогда, пожалуйста... — Серкова протянула руку, как бы поиграла указательным и большим пальцами.

— Не понял? — Юферев в упор посмотрел на Серкову.

— Ксиву.

— А, виноват. — Вынув удостоверение, он раскрыл его и показал Серковой.

— В руки не даете?

— Могу. — Он положил удостоверение на стол, рядом с пачкой сигарет.

Серкова взяла удостоверение, повертела его перед глазами, вчиталась в надписи, печати, убедилась, что удостоверение уже дважды продлевалось.

— Все правильно, — сказала она. — Достаточно затертое, значит, не фальшивое. Вы и в самом деле Юферев?

— А что, есть сомнения?

— Вы недавно по телевидению рассказывали об этих убийствах... На улице я бы вас не узнала, а вот сейчас что-то, вроде, совпадает. Даже не знаю что...

— Я сейчас наряднее и взволнованнее, — серьезно сказал Юферев.

— С чего бы?

— С красавицей сижу.

— Это вы верно подметили, — рассмеялась Серкова, но покраснела, смутилась. — Ладно, ближе к телу, как говорят класики. Значит, так, Александр Леонидович...

— На Сашу не тяну?

— На Сашу... Если сделать над собой небольшое усилие...

— Сделайте его, пожалуйста.

— Как будет угодно, гражданин начальник. — Она улыбнулась. — Значит, так... Город замер в ожидании пятого трупа. Пятой отрезанной головы. А вы — тот человек, который хочет, чтобы все кончилось четырьмя головами. Правильно?

— Приблизительно.

— Но вы не исключаете, что может быть и пятая?

— Не исключаю.

— А допускаете, что это будет моя голова? — Серкова уже не улыбалась.

— Этого я не допущу.

— Но то же самое вы, наверное, говорили и после первых двух голов?

— Не говорил.

— Вы просто их не ждали?

— Можно и так сказать.

— Послушайте, Саша... Я сейчас скажу то, что могу сказать. Но больше — ни слова.

— Что ж, — проямлил Юферев, осознав вдруг, что главный собеседник за этим столом Серкова, а не он. — Что ж, буду благодарен и за это, Надя.

Серкова затаилась, выпустив дым в сторону, но заодно посмотрела на соседний столик — водитель и Брыкин продолжали наслаждаться не столько пивом, сколько видом полной бутылки, к которой так и не притронулись.

— Разрешите им хоть по глоточку! Что ж они, так и будут сидеть? Это же, в конце концов, просто подозрительно! — Она усмехнулась сквозь табачный дым.

— Ребята, — обернулся Юферев, — можете пригубить пивка... Дама не возражает. Говорите, Надя.

— Мы познакомились с Максимовой на курсах вождения. Она бывала у меня, я у нее. Как-то познакомила со своими приятелями. Мне они не понравились.

— Чем?

— Бандюги. А им не понравилось то, что они мне не понравились.

— Как они об этом догадались?

— Наташка сказала. Ребята проявили какую-то там озабоченность, она им и врезала... Дескать, не надо, мальчики, не для вас расцвела эта роза.

— Обиделись? — предположил Юферев.

— Немного. Но у них хватало дел и без меня. И потом... Они ведут достаточно скромный образ жизни. Замкнутый, я бы сказала. Избегают освещенных мест, ярких помещений, шумных компаний... Когда все это случилось с Наташкой, один из них нашел меня, на улице как бы случайно столкнулись... И сказал... У тебя, говорит, шейка потоньше, чем у Наташи, поэтому надо бы ее поберечь, а то мало ли что может случиться... С некоторыми случается, подумай, дескать. Конечно, я послушалась этого человека, подумала.

— И к какому же выводу пришли?

— А вывод таков, что наша с вами беседа, Саша, заканчивается. — Она в упор посмотрела на Юферева. — Не буду я вам помогать. Боюсь. Жить хочется.

— Понимаю, — кивнул Юферев.

— Вот и хорошо. Прошу не звонить мне, не вызывать повестками, не заставлять участвовать во всевозможных следственных мероприятиях, как выражаются герои фильмов на криминальные темы. Все эти опознания, очные ставки, выезды на место преступления... Очень прошу — не привлекайте меня для всех этих дел. Можете пообещать?

— Пообещать могу, — сказал Юферев, — а вот выполнить обещание... Вряд ли я смогу его выполнить.

— Тогда я уеду.

— А если нам так договориться... Мы с вами посидим еще минут десять-пятнадцать, вы ответите на несколько моих вопросов... И я вас больше не трогаю, не вызываю, не привлекаю, как вы только что выразились.

— Мне не придется ничего подписывать?

— Не придется.

— Мое имя нигде ни разу не будет упомянуто?

— И это принимается.

— Ваш вопрос?

— Где они обитают?

— Не знаю.

— Я спрашиваю не адрес, не квартиру... Может быть, вы знаете район города, ресторан, пивную, забегаловку... Где вы с ними встретились?

— У Наташи дома. Они, насколько могу судить, предпочитают окраины.

— Я ни за что не поверю, что они не ходят в рестораны! Эта публика ресторан считает едва ли не самым главным в жизни!

О ресторанах они мечтают в зонах, в рестораны ведут красоток, устраивают разборки. Рестораны — это смысл их жизни!

— Знаю, — негромко произнесла Серкова. — Все это я знаю. Скажите, Саша, вы когда-нибудь бывали в ресторане “Пламя”?

— Я даже не знаю, где это! — искренне удивился Юферев.

— Напрасно, — улыбнулась Серкова.

— Может быть, когда-нибудь заглянем в ресторан “Пламя”? — спросил Юферев.

— Ни в коем случае! Они знают вас в лицо!

— Почему вы так думаете?

— За вашим расследованием, Саша, следит весь город. Каждый ваш промах в тот же вечер обсуждает миллион жителей! Когда почти у вас на глазах в той самой забегаловке зарезали единственного свидетеля... Над городом пронесся стон досады и беспомощности. Как убийца узнал, что свидетель в забегаловке? Он просто шел за вами. Надеюсь, хоть сегодня вы пришли сюда без хвоста?

— Надеюсь, — пробормотал Юферев, подавленный словами Серковой о том, что о каждом его шаге, оказывается, знают чуть ли не все жители города.

— Вы приехали на машине, это внушает некоторую надежду. Оцените мое мужество и самоотверженность. — Она встала, приставив стул поближе к столу.

— Оценил, — кивнул Юферев. — Скажите, а где вы работаете?

— Вы не знаете?

— Я только сегодня узнал о вашем существовании.

— А... Тогда ладно, тогда простительно. Центральный университет, старший товаровед.

— И по каким товарам специализируетесь?

— Женское белье.

— О! — уважительно произнес следователь, и это было все, что он смог выдать из себя.

Глава 8

В Москве делать уже было нечего, и Апыхтин вернулся в свой родной город. С вокзала он вышел с легкой опаской, но, как оказалось, совершенно напрасной. Несмотря на то, что в городе Апыхтина знали многие, в это утро никто не обратил на него внимания, никто не узнал, никто не проводил долгим унававающим взглядом.

На частнике Апыхтин добрался до ближайшей гостиницы, сознательно выбрал неважную гостиницу, поселился в отдельном номере и в тот же день присмотрел себе недалеко от центра двухкомнатную квартиру. На следующее утро оформил документы и прописался в ней, сразу став полноправным гражданином города. Он внимательно несколько раз прочитал все, что

удалось ему разобрать на новеньком штампике в паспорте, и убедившись, что все правильно, сунул его во внутренний карман пиджака.

Чтобы все это произошло быстрее, пришлось отдать триста долларов, но Апыхтин не жалел о них. И еще пятьсот долларов сверху он отдал на следующий день при покупке и оформлении "Жигулей", почти тысячу с него взяли за автомобильные права и еще семьсот за телефон. Его поставили в тот же день, и, подняв трубку, он убедился, что все в порядке, гудок гудит, номера набираются.

Полный день у него ушел на покупку мебели. Апыхтин купил польский раскладной диван, журнальный столик, два кресла, кухонный набор, шесть стульев и платяной шкаф, сработанный местным комбинатом из прессованной стружки. Оставшиеся несколько часов потратил на покупку посуды, полотенец, постельного белья и прочих мелочей. Из старой своей квартиры не взял ничего — как бы не проколоться на каком-нибудь пустяке, как бы не уличили его при обыске, а что обыск будет, он допускал. Так вот, чтобы не обвинили его в ограблении банкира Апыхтина, чтобы не посадили, чего не бывает, за убийство жены и сына, не взял он в своей квартире даже самой малой мелочи.

И была еще одна причина, по которой Апыхтин отказался даже от мочалки, — на всем были знаки крови, убийства, предсмертных криков, агонии, на всем оставалась невидимым дрожащим слоем боль прежней жизни.

Развесив шкафчики, расставив мебель, распахивая по полкам тряпье, Апыхтин еще раз обошел свое новое жилище и, в общем-то, остался им доволен. Холодильник был пуст, но уже работал, готовый принять и напитки, которые Апыхтин знал, ему понадобятся, и закуску, которая тоже не помешает.

— Хорошо все-таки быть банкиром, даже в прошлом, — пробормотал он. Рука как бы сама собой потянулась к телефону, но он тут же остановил себя. — Нельзя, старик. Ни в коем случае. Никогда и ни под каким предлогом ты не позвонишь из этой квартиры по делу.

В эту ночь Апыхтину не спалось, он долго ворочался, штор на окне не было, и прямо ему в лицо бил сильный лунный свет, а сама луна корчила рожи, притворяясь то одним знакомым ему человеком, то другим. Наконец Апыхтин не выдержал, встал, включил телевизор. И попал как раз на ночной выпуск последних известий.

Показывали убийство, случившееся этим же вечером. Машины, фары, ночь, мелькающие тени людей, залитые кровью ступеньки, площадка дома, взбудораженные и, кажется, даже радостно оживленные старухи, что-то лопатавшие, совершенно счастливые от внимания, которое уделяли им корреспонденты.

Одна из них видела мелькнувшую тень, другая слышала крик, третья почувствовала что-то тревожное, даже опасное и об этом тоже говорила подробно, увлеченно, с горящими глазками и пылающими щечками. Потом пронесли человека в окровавленной простыне.

Слышались невнятные крики, шум мотора, скрежет задвигаемых в машину носилок с трупом. Наконец пробился голос диктора, и Апыхтин понял, что случилось. В подъезде собственного дома убили владельца автозаправочной станции. Показали его портрет — улыбающийся молодой парень на фоне моря. Кто знает, может быть, сняли его как раз на Кипре, может быть, даже в бухте Афродиты...

Апыхтин знал этого человека. Года полтора назад он брал кредит в банке, Апыхтин долго этот кредит не давал, наконец дрогнул. Все деньги парень вернул месяца два назад. Успел все-таки, не подвел банк, — подумал Апыхтин с печальным равнодушием, но тут же снова насторожился, услышав последние слова диктора.

— Без сомнения, это заказное убийство, из тех, которые в нашем городе последнее время стали обычными, — говорил диктор. — По всей России идет передел топливно-энергетической собственности, затронул этот передел и нас...

И вдруг Апыхтин увидел на экране Юферева — он выглядел усталым, озабоченным, растерянным — видимо, не часто приходилось капитану выступать перед телекамерами, к тому же, судя по всему, ему нечем было похвастаться.

— Что вы можете сказать по поводу убийства? — Молодой, нахальный корреспондент сунул Юфереву микрофон чуть ли не в самый рот.

— Что сказать... Следствие покажет. Пока рано делать выводы, хотя версии строить можно.

— И какие же это версии?

— Учитывая характер коммерческой деятельности пострадавшего...

— Он владелец автозаправочной станции, верно?

— Да, есть такие сведения... Наверняка сказать не могу, но предположения напрашиваются... Это вполне может быть заказное убийство.

— Типичное заказное, или в нем есть какие-то особенности, отличия, подробности, которые ранее не встречались?

— Все встречалось и ранее. — Юферев устало махнул рукой. — Разве что...

— Ну-ну! — поторопил корреспондент, ухватившись за невольную оговорку Юферева.

— Все-таки убийство это, на мой взгляд, отличается от подобных... Дело в том, что... Обычно в таких случаях используется пистолет с глушителем...

— А здесь был нож?

— Да, в данном случае убийца применил холодное оружие.

— Насколько мне известно, это не первый случай за последнее время, когда вы сталкиваетесь с убийством, исполненным, если можно так выразиться, с помощью ножа?

— Можно выразиться и так, — чуть заметно усмехнулся Юферев причудливости вопроса. Впрочем, он не столько усмехнулся, сколько скривился с легкой досадой.

— Ведь еще не раскрыто убийство семьи банкира Апыхтина, верно?

— Да, преступники пока не задержаны.

— Но у вас есть хоть какие-нибудь наработки?

— Есть.

— И вы можете ими поделиться?

— Нет.

— Почему?

— В интересах следствия.

— Но эти ваши наработки дают хоть какую-нибудь надежду на раскрытие преступления?

— Надежда умирает последней, — уже откровенно улыбнулся Юферев, почувствовав, что корреспондент явно нарушил их мимолетное перемирие и постарался поддеть его перед ночными зрителями.

— Скажите, есть надежда, что этот труп последний?

— Такой надежды нет.

— Но характер убийства здесь тот же? Недавно точно так же был зарезан парень, потом молодая женщина... Теперь это вот убийство... Как вы думаете, есть у этих жертв что-то общее, они чем-то объединены?

— Разве что личностью убийцы. Никакой другой связи я не вижу.

— Когда ждать от вас победного рапорта? — Корреспондент улыбался в объектив, наслаждаясь неуязвимостью.

— Рапорт? — удивился Юферев. — Победный? Обычно в таких случаях до рапортов дело не доходит. Тем более победных. Все происходит гораздо будничнее, молодой человек. И печальнее.

— Вы хотите сказать...

— Ничего больше я сказать не хочу.

— Ну и молодец! — вырвалось у Апыхтина, который прослушал это мимолетное интервью в свете фар от сгрудившихся милицейских машин, скорой помощи, спецназа и прочих затронутых убийством служб.

Оставалось еще одно небольшое дело, которое необходимо было выполнить Апыхтину. Выключив телевизор и посидев перед пустым экраном, он собрался и вышел на улицу. Город был почти пуст — после подобных ночных передач мало находилось желающих подышать свежим воздухом, погулять под луной, посидеть с нежным или нужным человеком в тени деревьев.

Впрочем, нежный и нужный часто оказывается одним и тем же лицом.

За последние несколько дней Апыхтин уже пообвыкся со своим новым обликом, убедился, что он достаточно изменился и вряд ли кто узнает в длинном, поджаром, рыжем детине с короткой стрижкой председателя банка.

Он шел к своему прежнему дому. То ли вид у него был достаточно внушительный, то ли просто повезло, то ли высшие силы готовили его для дел более важных, а потому берегли и охраняли, но он поднялся на свой этаж, так никого и не встретив.

Войдя в квартиру, Апыхтин постоял в темноте, не решаясь включить свет — вдруг увидит нечто такое, чего видеть ему нельзя, чего он попросту не выдержит. Но все-таки щелкнул выключателем. Прихожая озарилась слабым желтоватым светом. Апыхтин опять помедлил, прежде чем войти в комнату. Ничего здесь не изменилось после его отъезда на Кипр. Хотя нет, изменилось — появился ковер, видимо, Алла Петровна забрала его из чистки и положила там, где он обычно лежал.

Не стал Апыхтин осматривать всю квартиру, лишь бегло осмотрел комнаты и тут же прошел в ванную. Он хорошо помнил эту плитку, которая ничем не отличалась от всех прочих, разве что слегка, совсем незаметно, на какие-то доли миллиметра выступала над остальными. Но поскольку она была в самом низу, да еще в глубине, под ванной, на нее наверняка никто не обратил внимания во время обысков, осмотров и досмотров, которых было предостаточно в этой квартире за последний месяц.

Апыхтин несколько раз ударил по плитке кулаком, но она оставалась на месте. Тогда он поступил решительно и бездумно, как и поступал во всем последнее время — ударил ее носком туфля. За плиткой была пустота, поэтому она раскололась легко и даже, как ему показалось, охотно. Сунув руку в провал, Апыхтин вынул сверток, тяжелый, обнадеживающий сверток в чистой белой тряпке, бывшей наволочке, которую он как-то похитил у Кати.

Внутри лежал хорошо смазанный пистолет Макарова. Чистый пистолет — нигде не украденный, не числящийся ни в одном розыске, пистолет, чьи контрольные пульки не лежали ни в одной картотеке. Когда есть немного лишних денег, можно достать не только надежный паспорт, можно купить не только квартиру и машину, но и такую вот игрушку с двумя запасными обоймами.

Апыхтин долго колебался, прежде чем купить пистолет, но сейчас вдруг понял — высшие силы уже тогда, три года назад знали, что придет день и придет час, когда ему понадобится пистолет, высшие силы тогда уже знали, что произойдет через три года, и дали ему немного пожить, дали немного счастья. А потом сказали — пора. Время его вышло и пробил час, когда пистолет понадобился.

Расположившись на кухне за столом, он тщательно, не торопясь, удалил всю смазку, протер пистолет, вложенную в него обойму, две запасные обоймы, сделал несколько холостых щелчков, убедившись в том, что пистолет к работе готов. После этого вогнал обойму в рукоятку, вдвинул первый патрон в ствол и опустил предохранитель.

Все. Теперь пистолет действительно был готов к работе.

Уже погасив свет, выйдя на площадку и заперев за собой дверь, Апыхтин вдруг остановился, что-то его забеспокоило. Он снова вошел в квартиру и вынул из пластмассовой корзины, стоявшей в ванной, белую промасленную тряпку.

Это была бы неприятная ошибка.

Тряпку со следами машинного масла он бросил в мусорный ящик, пройдя два или три двора. Пистолет решил держать при себе за поясом, но сзади — свободный легкий пиджак с подкатанными рукавами полностью скрывал все выступы на спине и позволял ему вести себя с вызывающей беззаботностью.

Пройдя по безлюдному, залитому лунным светом городу, он вдруг понял, что хочет позвонить Кандаурову.

— Пора, Костя, пора, — пробормотал он, подходя к длинному ряду телефонов, установленных недалеко от центра рядом с автобусными, троллейбусными остановками.

Телефон у авторитета был с определителем номера, в трубке долго пищали разноголосые перезвоны, и, наконец, словно после мучительных колебаний Кандауров поднял трубку.

— Алло, — сказал он настороженно. — Кто нужен?

— Кандауров нужен.

— Кто говорит?

— Ладно, Костя, ладно... Апыхтин говорит.

— Володя! — радостно заорал Кандауров. — Приехал?!

— Нет еще, еду.

— Откуда звонишь?

— Остров есть такой в Средиземном море... Кипр называется.

— Ты еще там?

— Осталось не то два, не то три дня... Как вы там поживаете?

— По-разному, Володя, по-разному.

— Другими словами, плохо?

— Сказать, что сплошь одна радость безмерная... Нет, так сказать нельзя. Помнишь, в наш банк одно время зачастил мужик за кредитом... Автоколонку собирался строить, помнишь?

— Построил?

— Сегодня вечером завалили мужика.

— За что?

— За что могут завалить? — вздохнул Кандауров. — Денег хотели.

— А он не давал?

- Не давать он не мог... Или мало давал, или не тому.
- Он же под твоей крышей был? — Апыхтин нанес удар сознательный, болезненный.
- Был.
- И я был.
- Ты и сейчас под моей крышей.
- Да? — удивился Апыхтин. — Надо же...
- Володя, — тихо проговорил Кандауров. — Не надо так со мной... Мне сейчас плохо, но я разберусь. Прошло совсем немного времени, Володя, совсем немного. Это тебе в дальних путешествиях кажется, что все произошло очень давно.
- Мне так не кажется.
- Прости, я плохо сказал.
- Какие успехи, Костя?
- Я вышел на бабу, которая знала этих отморожков. Они ее зарезали в ту же ночь. Точно так же. Юферев вышел на мужика, который мог кое-кого опознать... Результат тот же.
- Вас опережают?
- Юферев вычислил машину, на которой они были в тот день... Оказался пустой номер — ее за день до этого угнали. Есть еще одна баба, Юферев ее знает, но мне выдавать не хочет. Ну, ничего, выдаст.
- Вас опережают, Костя? — повторил Апыхтин.
- Да! — заорал Кандауров. — Да, сучьи они потрохи! Но это не будет всегда, Володя! Это не продлится слишком долго! Дай немного времени!
- Бери, — сказал Апыхтин с равнодушием в голосе. Он знал, что это спокойное, усталое, снисходительное равнодушие заденет Кандаурова сильнее всего, тот поймет, что в него просто не верят, его не берут в расчет.
- Бей, Володя, бей... Я все стерплю... Но из этих отморожков я буду вытаскивать жизнь по одной жиле! Понимаешь, по жилке!
- Можно и так, — согласился Апыхтин. — Пока, Костя! Приеду — позвоню. Удачи тебе! — и повесил трубку.

Когда на следующее утро Юферев приблизился к своей конторе, из серого "мерседеса" ему навстречу вышел Кандауров — в светлом пиджаке, светлых брюках с манжетами и в кожаных плетеных туфлях. Во всем его облике была легкость, порывистость, готовность немедленно куда-то мчаться, преодолевать препятствия и одерживать победы.

— Привет, капитан! — Он по касательной приблизился к Юфереву и на ходу пожал ему руку.

— Привет, Костя. — Юферев настороженно покосился на Кандаурова. — Что хорошего в жизни?

— Звонил Апыхтин.

— И что?

- Послал.
- Правильно сделал. Откуда звонил?
- С Кипра.
- Понятно. — Юферев озадаченно склонил голову набок. — Хорошая была слышимость?
- Как с соседней улицы.
- Понятно. Когда грозитя приехать?
- Говорит, побуду еще несколько дней на солнышке.
- То есть, он и сам, вроде бы, не знает точной даты приезда?
- Вроде того. — Кандауров недоумевающе посмотрел на Юферева — чего это мент задает дурацкие вопросы. — А что, это важно, приедет он сегодня вечером или завтра утром?
- Обычно, когда люди едут за рубеж, у них уже есть обратный билет на определенный рейс.
- Может быть, это не касается банкиров?
- Как я понимаю, есть разговор? — Юферев открыл свою дверь, пропустил вперед Кандаурова и следом вошел сам.
- Есть. — Кандауров сел в кресло у окна, закинул ногу на ногу, подождал, пока и Юферев усядется за свой стол.
- Говоришь, Апыхтин послал тебя подальше?
- Не то чтобы послал... Дал понять, что я не тот человек, за которого принимал меня раньше. Разочаровался. Прозрел. Что-то примерно в этом смысле пропищал в трубку. — Кандауров поднялся, подошел к окну, распахнул раму, отбросил штору в сторону. — Какие новости, капитан? Поделись тайнами!
- Нет, Костя. — Юферев помолчал, потом подошел к окну и задернул штору. — Не поделюсь.
- Почему?
- Не умеешь ты с тайнами обращаться. Тайна — опасное оружие, когда оно в крепких руках, но стоит этому оружию попасть в руки дурные и бестолковые, оно тут же превращается в труху. Или же оборачивается против того, кто им владеет. Недавно мы с тобой имели возможность убедиться в этом.
- И какую же ты мне тайну выдал?
- На щечке родинка. — Юферев в упор посмотрел на Кандаурова. — Как только я сказал тебе про эту родинку, наутро был труп с отделенной головой. И у этого трупа на щечке, как ты помнишь, была симпатичная родинка.
- Виноват. — Кандауров развел руки в стороны. — Виноват, Саша. Но жизнь продолжается... Слышал я вчера твои показания по телевизору.
- Это были не показания. Показания — что-то совершенно другое.
- У тебя же есть еще одна баба... Давай вместе раскрутим, а?
- Ни за что, Костя. Раскрутка — не по твоей части.
- Я буду ее беречь, как... Как не знаю что. Без тебя слова не произнесу!

— Нет, Костя. Но кое-чем могу поделиться, — неожиданно произнес Юферев, вспомнив, — есть у него нечто такое, что можно без большого риска показать Кандаурову. Он вынул из папки небольшой целлофановый конверт со сторублевкой, которую изъял у продавщицы в железной забегаловке. — Смотри. — Он положил конверт на стол.

Кандауров осторожно приблизился к столу и склонился над конвертом. Некоторое время рассматривал его, не решаясь прикоснуться, потом поднял глаза на Юферева.

— Что это? — спросил он.

— Сотня.

— Вижу, что сотня, а какой в ней смысл?

— Она побывала в руках убийцы.

— Точно?! — восхитился Кандауров.

— Да.

— Как же ты сумел, Саша?

— Работаем, — не мог не улыбнуться Юферев, видя, с каким восторгом уставился на него Кандауров.

— Значит, на ней есть его отпечатки?

— Отпечатков у меня полная папка. Я же тебе говорил.

— Да, было дело, — согласился Кандауров — до него начало доходить, что сотня в прозрачном конверте никак не поможет ему выйти на убийцу. — Ну и что эта сотня? — спросил он уже разочарованно. — Куда ее можно засунуть?

— Эта сотня побывала в руках убийцы, — терпеливо повторил Юферев. — Тот вынул ее из пачки таких же и отдал продавщице — расплатился за пиво. Продавщица видела у него целую пачку. Да он и не скрывал, наоборот, выставлял напоказ.

— Ну? — настороженно кивнул Кандауров.

— Он расплачивается сотнями, которые еще не были в употреблении. Пачка совершенно новых сотен. Номера идут подряд. И индексы на всех купюрах одинаковы.

— Такие деньги можно получить только в банке, — заметил Кандауров.

— Правильно. Скажу больше — эти деньги выданы в банке Апыхтина.

— Кому?

— Они не знают. Выдали, и все. Во всяком случае, меня так заверили.

— Как же нам выйти на этого отморозка?

— Способ один — схватить его за руку, когда он будет расплачиваться деньгами этой серии. — Юферев постучал пальцем по целлофановому конверту.

— Не понял?

— Повторяю для тупых... Схватить отморозка или узнать его можно только в момент расплаты.

— Но это невозможно!

— Почему? — Юферев передернул плечами. — Вполне.

— Не тяни, капитан! Ты же видишь, что я весь горю от страсти и нетерпения!

— Вся душа моя пылает, вся душа моя горит, — усмехнулся Юферев. Он, похоже, сам наслаждался разговором, поскольку только сейчас, когда Кандауров был в кабинете, пришла ему в голову мысль, простая и ясная. — Значит, так... Если женщину, на которую мы с тобой вышли в ресторане "Пуп Земли", утром нашли мертвой, то это говорит о том, что... О чем это говорит?

— О том, что этим отморозкам осталось совсем немного! — прошипел Кандауров.

— Правильно, но это не все. Это говорит еще и о том, что наше с ней общение кто-то засек, кто-то увидел и сделал свои поганые выводы.

— Та-а-ак, — протянул Кандауров, уставившись в одну точку на стене. — Так, капитан...

— Да, Костя, да... Они были в тот вечер в ресторане "Пуп Земли".

— Понял! Я все понял! — Глаза Кандаурова сузились, лицо напряглось и побелело, он вскочил и рванулся к двери. — Я пошел.

— Стой! — закричал Юферев. — Сядь! И слушай! Я не все еще сказал. А ты не все понял.

— Прости, Саша. — Кандауров вымученно улыбнулся и сел на стул.

— Значит, так... Эти отморозки бывают в твоём ресторане. И, вполне возможно, расплачиваются такими вот деньгами. — Юферев придвинул конверт к себе. — Запиши номера и серии. Проведи работу со своими официантами, кассирами, барменами. Если, конечно, это твои люди, если они не работают на отморозков.

— Что?! — заорал Кандауров. — А ну, повтори! Ты сомневаешься в моих ребятах?!

— Предупреди об осторожности, чтобы не выдали себя, если увидят у кого-то в руках новые сотни с такими номерами, — громко, произнес Юферев.

— Они жрали мой харч! — ужаснулся Кандауров новому своему открытию.

— Ты, Костя, конечно, крутой мужик, — улыбнулся Юферев, — но знаешь... Не предпринимай ничего без меня. Договорились?

— Как только почувствую, — Кандауров покорно склонил голову, — что события выходят из-под моего контроля...

— Ты этого уже не почувствуешь.

— Почему?

— Потому что к тому времени ты уже ничего не будешь чувствовать.

— Ты, Саша, только что сказал, что я крутой мужик, но не знаешь, насколько крутой.

— Значит, не обещаешь?

— Как только я почувствую...
— Желаю удачи. — Юферев поднялся и протянул руку.
— Спасибо, Саша! — Кандауров протянул свою холодную сухую ладонь. — Я отработаю.

— Не возражаю.

Выйдя из кабинета следователя, Кандауров легко и невесомо пересек залитую солнцем площадь, открыв дверцу, скользнул в затемненную прохладу “мерседеса”, на кожаное сиденье, которое приняло его тело охотно и даже с любовной заботой.

— “Пуп Земли”! — весело сказал Кандауров и показал острой своей ладонью в лобовое стекло.

— Хорошие новости? — спросил водитель, он же телохранитель, он же доверенное лицо. И тоже не ведающий страха.

— В этой конторе не бывает хороших новостей! — рассмеялся Кандауров.

— Тоже верно, — согласно кивнул водитель.

— Но на этот раз, Юра, плохие новости не для нас!

— Неужто нащупал мент отморожков?

— Знаешь, нащупал, ментяра поганая! — последние слова Кандауров произнес с восторгом перед цепкостью юферевской мысли.

— Он может... Бульдोजья хватка.

— Но и мы должны себя показать!

— Покажем. — Водитель кивнул тяжелой головой с такой убежденностью, будто Кандауров подробно рассказал ему, что и как надо делать, чтобы взять отморожков немедленно.

Из “мерседеса” Кандауров выскочил еще до полной остановки.

В эти утренние часы зал был пуст, прохладен, затемнен, и Кандауров в светлом костюме пронесся между столиками каким-то светлым, радостным пятном. Директор ресторана Трефилов оказался на месте и, едва войдя в кабинет, Кандауров тут же плотно закрыл за собой дверь и повернул ключ.

Трефилов был толст, лыс, румян. Он молча наблюдал за действиями Кандаурова из-под полуприкрытых век, и ни одна румяная складка на его лице не дрогнула.

Кандауров резко придвинул к столу подвернувшийся стул, сел на него и положил кулаки на стол.

— Так! — сказал отрывисто. — Сидишь тут, балдеешь и ничего не знаешь! Да?!

— Здравствуй, Костя. — Трефилов протянул плотную тяжелую ладонь, и Кандаурову ничего не оставалось, как пожать ее, он даже чуть приподнялся со стула. Хотя и сам назначил Трефилова на это место, но в том было столько невозмутимого достоинства, что со стороны могло показаться, что ресторан принадлежит ему, Трефилову, а уж никак не Кандаурову.

- Привет, Толик!
- Хорошо выглядишь... Молод, бодр, красив... Мне бы вот так... Но Бог не дал.
- Ему виднее, — сказал Кандауров, предлагая закончить пустой треп и перейти к делу.
- Есть новости?
- Да.
- Хорошие?
- Да.
- Говори.
- Эти отморозки посещают наш ресторан.
- Даже так! — Глаза Трефилова первый раз открылись полностью, и светлые жиденькие бровишки чуть приподнялись, хотя лоб остался таким же гладким. — Это точно?
- Не исключено, что расплачиваются они сотенными купюрами. Совершенно новыми. Только что из банка. Вот номер одной из них, вот серия. — Кандауров положил на стол перед Трефиловым бумажку, которую прихватил в кабинете Юферева.
- Моя задача?
- Собери всю нашу ресторанный шелупонь... Проведи разъяснительную работу. Они должны отлавливать такие деньги и засекать людей, которые ими расплачиваются.
- Разумно, — кивнул Трефилов, и солнечный зайчик на его голове скользнул ото лба к затылку. Но когда Трефилов снова поднял голову, зайчик вернулся на лоб. — Как же тебе, Костя, удалось это узнать? — Трефилов указал взглядом на бумажку.
- Удалось. — Кандауров не стал вдаваться в подробности.
- Я так понимаю... Этими деньгами с ними кто-то расплачивается за услуги, — медленно проговорил Трефилов.
- Может быть, — ответил Кандауров — замечание Трефилова его не заинтересовало. — Дело в том, что...
- Подожди, Костя, подожди. По причине своей отмороженности они не понимают того, что деньги эти тянутся не только к ним, но и к заказчику.
- Не понял?
- Далеко не каждый в состоянии расплатиться деньгами, на которых номера шли бы один за другим, все бумажки были бы одной серии, да еще в банковской упаковке. Ты, например, не сможешь. И я не смогу.
- А кто сможет?
- Апыхтин смог бы. — Полусонные глаза Трефилова, не мигая, смотрели на Кандаурова — осознал ли тот все сказанное?
- Апыхтин? Не думаешь же ты, что он оплатил убийство собственной семьи?
- Нет, Костя, я так не думаю.
- Значит...

— Да, Костя, да, — твердо произнес Трефилов. Он все так же сидел неподвижно за своим столом в расстегнутой на груди белой рубашке с подкатанными рукавами, в рубашке настолько свежей, что, кажется, всего пять минут назад вынул ее из фабричного пакета. Кандауров знал — его директор, покупая рубашки, не распаковывая, относит в стирку и только после этого, после нечеловечески тщательного проглаживания, надевает на себя.

— Будем работать. — Кандауров поднялся и, подойдя к двери, повернул ключ. — Ты свою задачу понял?

— Вполне.

— Исполнение немедленное.

— Через полчаса сеть будет заброшена.

— Это... — Кандауров помолчал. — Предупреди ребят об осторожности. Потому — отморозки. Самим ничего не предпринимать. Выходить на меня. Сразу выходить на меня.

— Само собой... Костя, скажи, ты все услышал, что я сказал сейчас?

— Да, Толик. Я все услышал, осознал, призадумался.

— Тогда ладно. — Трефилов вскинул одну бровь, видимо, сомневаясь в том, что Кандауров действительно понял, все как надо.

— Все в порядке, Толик, все в порядке, — заверил Кандауров, покидая кабинет.

На третий вечер в ресторане “Пуп Земли” появились совершенно новые сотни. Их номера отличались лишь последними двумя цифрами. И хотя внешне ничего не изменилось в шумном, задымленном зале, опытный человек мог бы, наверно, ощутить неожиданно возникшую напряженность, некоторую нервозность. У официантов исчезла вальяжная расслабленность, они сделались строже, суше, настороженнее, будто ожидали, что вот-вот прогремит автоматная очередь, и кто знает, кто знает, кому достанется больше, кому меньше.

Но бармен, молодой прилизанный парень с какими-то опереточными усиками, какие могут быть только у профессионального сводника или карточного шулера, повел себя не слишком правильно. Новые сотни попали именно к нему, и он, вместо того, чтобы бросить их в ящик, сделать свое барменское дело и уж потом рассмотреть деньги повнимательнее, принялся тут же, как загнипнотизированный, всматриваться в цифры номера.

— Что-то не так? — спросил посетитель, который расплатился сотнями за какой-то там причудливый коктейль.

— Да, нет, ничего, — смутился бармен. — Все в порядке.

— Только сегодня напечатал, — улыбнулся мужик, показав щелочку между зубами. — Еще не просохли.

— Оно и видно, — поддержал шутку бармен и тут же совершил еще одну ошибку — ушел в подсобку, чтобы позвонить

директору. Он уже набрал номер, успел сказать несколько слов, что-то вроде “есть”, “состоялось”, “кlyнуло”, как разговор пришлось прервать — в приоткрытую дверь подсобки прямо из зала заглядывал мужик со щелочкой между верхними зубами.

— Слушай, а трубочки ты не дал... На трубочках экономить?

— Я перезвоню, — сказал бармен и положил трубку. — А на чем же еще, — обернулся он, — конечно, на трубочках... Но зато я работаю без недолива.

— А с этим мы еще разберемся. — На этот раз ни в словах, ни в глазах мужика не было и следов улыбки.

— Проверь хоть сейчас! — через силу усмехнулся бармен.

— Проверим. — Мужик отошел к своему столу, поставил стаканы с коктейлем и тут же вернулся к двери, в которую только что заглядывал, — она уже была заперта. Это было самое лучшее, что сделал бармен за последние несколько минут. Отойдя, мужик увидел бармена уже за стойкой. Несколько человек что-то заказывали, мелькали бутылки с водкой, с соками, глухо звенели кубики льда. Мужик вернулся к своему столику, за которым сидели два его товарища, некоторое время молчал.

— Что-то он к моим деньгам приглядывался, — проговорил он наконец.

— Сейчас везде приглядываются, подделок боятся, — ответил чем-то неуловимо похожий на него собутыльник, хотя внешне они отличались — он был худ, с длинными бестолковыми баками и залысинами, какие образуются обычно от ранней, невоздержанной ни в чем жизни. Отпив сразу полстакана коктейля, он рассмеялся, и оба его товарища тут же опустили головы, чтобы не видеть хохочущего рта — среди зубов попадались и свои, но какие-то почерневшие, надколотые, сверкнул во рту и желтый металл, и белый, были и просто провалы куда-то в глубь организма.

— Не так он их рассматривал, — продолжал мужик, который принес коктейли. — Деньги так не рассматривают. Он, вроде бы, узнавал их... И задергался. Я вижу, когда люди начинают дергаться. Чего ему дергаться? Я же не заказал кровь шакала или яйца крокодила... Я заказал коктейль с водкой и вермутом... Чего ему дергаться?

— Да он и не дергался, — заметил третий — с короткой прической и накачанной шеей. Что-то выдавало в нем не то борца, не то боксера. Наверное, он когда-то занимался все-таки борьбой — одно ухо у него было заплывшим, у борцов это бывает — ломаются хрящи во время захватов.

— И тут же бросился по телефону звонить... Что делает человек, который не успел договорить, а ему помешали?

— А что он делает? — спросил гнилозубый.

— Кладет трубку рядом с аппаратом, устраняет помеху и возвращается, чтобы договорить. А этот задергался... Как-то перепуганно бросил трубку на рычаги, я, говорит, перезвоню.

— Ладно, хватит, — сказал борец. — Неважно, показалось это тебе, или на самом деле было... Линять надо.

— Правильно, — кивнул щербатый. — Линяем, — и он залпом выпил свой коктейль. — А ты, Алик, останешься, — сказал он борцу. — Ты с кем-то поздоровался вон в том углу? Подсядь к ребятам, потрепись.

— И что?

— Побудь здесь немного, — ответил щербатый. — Побудь. Посмотри по сторонам.

Когда Кандауров и несколько охранников вошли в зал с разных сторон, столик, указанный барменом, был пуст. Стулья стояли в стороне, как бывает, когда посетители уходят неожиданно, спешно. В бутылках осталась водка, шашлыки были съедены едва ли не наполовину, и только стаканы от коктейлей были пусты — их выпили быстро, залпом, чуть ли не на ходу. В пепельнице лежали окурки, из оставленной пачки торчало несколько штук. Не просто уходили — убегали. Значит, почувствовали опасность.

Кандауров стоял над столом, раскачиваясь с носков на каблуки. Несколько его ребят остановились в стороне, ожидая указаний.

Подошел официант.

— Убрать? — спросил он Кандаурова.

— Да, конечно... Хотя, нет, постой! — Неожиданно пришла шальная мысль — сделать подарок Юфереву, расплатиться, наконец, с ментом, вернуть ему хоть часть долга. И к своим долгам и к чужим Кандауров относился с болезненной остротой. Отдать долг, получить долг — это было не просто признаком порядочности, за этим стоял закон суровый и безжалостный. Невинные слова “За тобой должок, приятели!” могли звучать смертельным приговором, благодушным укором, просто напоминанием. И никто не мог сказать наверняка, в каком смысле они произнесены. В следующую секунду их смысл мог поменяться на противоположный, в зависимости от совершенно неуловимых вещей — неудачного или удачного слова, жеста, взгляда.

— Так что со столом-то, Костя? — напомнил официант, выводя Кандаурова из шалой его задумчивости.

— Не прикасаясь ни к единому предмету, не расхватывая недопитой водки и недоеденных шашлыков, — Кандауров оглянулся по сторонам и поманил пальцем еще одного официанта, — берете стол и выносите из зала. Задача ясна?

— Кроме одного...

— Ну?

— Что из зала — ясно, но куда?

— Куда? — Кандауров задумался ровно на одну секунду. — В кабинет директора. Господина Трефилова. Вашего непосредственного начальника.

Когда два официанта, подхватив стол с двух сторон, пронесли его по проходу через зал и скрылись в подсобных помещениях, это маленькое происшествие осталось совершенно не замеченным посетителями. Мало ли какие проблемы могут возникнуть у obsługi! Может, ножка у стола надломилась, может, скатерть решили заменить вместе со столом, может, кто-то, не выдержав обильного возлияния, повел себя не совсем аккуратно... А, скорее всего, где-то в глубинах ресторана "Пуп Земли" началась пьянка для избранных, вот и понадобился стол.

Ресторан продолжал гудеть, по стенам носились в какой-то сатанинской пляске разноцветные блики, очаровательные девушки, визжа и приплясывая, задирали на себе все, что оставалось незадранным, показывая желающим изысканные свои принадлежности. На возвышении начинался стриптиз, где другие, не менее очаровательные девушки, уже ничего на себе не задирали, поскольку заирать было совершенно нечего. Они лишь телодвижениями, руками и взглядами указывали на себе то место, которое, по их мнению, было самым волнующим для публики, наиболее ценным и желанным. Публика оцепенела от внешних эффектов и внутренних позывов, постепенно привыкая к высшим достижениям западной цивилизации.

Кандауров подошел к бару, поставил локоть на стойку, подперев голову ладошками, и некоторое время смотрел на бармена почти без всякого выражения. Точно таким же взглядом он мог рассматривать упавший с дерева лист, пустую рюмку, орызок хлебной корки — сожаление, разочарование, бесконечная печаль.

— Ты хоть сам-то понимаешь, какое ты дерьмо? — спросил он, наконец, дождавшись, когда от стойки отлипнут две хмельные девицы в юбочках, которые не только не прикрывали ягодичные складки, а даже подчеркивали их.

— Костя, — произнес бармен и дальше продолжать не стал, прижав обе руки к груди.

— Ты получил от них деньги? Получил. Убедился, что это те самые деньги, которые мы ждем третий вечер? Убедился. Какого хрена ты принялся прямо у них на глазах рассматривать их, мусолить и что-то там нащупывать? Ты кретин, да? Давай сюда эти сотни!

— Костя... — бармен осторожно положил на стойку несколько новеньких купюр.

— Зачем ты бросился к телефону, когда они не успели отойти на два шага?

— Боялся, что уйдут!

— Врешь! По их столу не видел, что им еще два часа сидеть? Не видел, что стриптизерки наши только-только начали всякие

свои места показывать? Ты помнишь такое, чтобы три поддавших мужика ушли до того, как девки им свое вонючее богатство покажут? Обосрался ты, Жора, вот что я понял. Ты просто обосрался. Усомнился я в тебе, крепко усомнился. Дрогнуть перед такой шелупонью! Ты же дома, Жора! Мы же круче, Жора! Мы круче!

— Что же мне... уходить?

— Работай, — уже удаляясь от бара, Кандауров сделал такой вялый, безразличный жест рукой, что стало ясно — можно и уходить. — Трусоват ты, Жора, — пробормотал Кандауров уже самому себе, направляясь в кабинет Трефилова. — И глуп. А это уже страшнее, Жора.

— Как это понимать, Костя? — Трефилов величаво повел обнаженной по локоть рукой в сторону неубранного стола, который занимал едва ли не все свободное пространство кабинета.

— Отморозки гудели, — пояснил Кандауров.

— Ушли?

— Жора в штаны наложил... Они что-то почувствовали и слиняли. Хотя и отморозки, а жилки трясутся. В шоке они сейчас, за себя не отвечают. Ворона пролетит, а у них уже сердцебиение в жопе, очко играет.

— Успели заплатить?

— Знаешь, даже не спросил. — Кандауров подошел к столу и внимательно осмотрел все, что на нем осталось. И увидел — из-под тарелки торчат несколько сотенных купюр. Осторожно сдвинув тарелку в сторону, всмотрелся в деньги.

— Из той же пачки? — спросил Трефилов.

— Из соседней.

— Значит, у них не одна такая пачка?

— Выходит, так, — согласился Кандауров.

— Если бы они ограбили банк, то не стали бы так легко швыряться деньгами. Не совсем же они тупые. Эти деньги им кто-то вручил. Они уверены, что это чистые деньги.

— Тем хуже для них. — Кандауров подошел к столу, придвинул к себе телефон и набрал номер Юферева. Трубку долго не поднимали, видимо, следовательно не ждал звонка в столь поздний час и раздумывал — стоит ли ему отвлекаться от своих вечерних развлечений. Но ментовское нутро взяло верх, и он решил все-таки поднять трубку.

— Да, — сказал он отрывисто.

— Капитан Юферев? — спросил Кандауров со всей почтительностью, на которую только был способен.

— Да.

— Костя звонит, дружок твой закадычный... Узнаешь?

— Да, — третий раз повторил Юферев, давая понять, что он не один и трепаться подробно, о чем бы то ни было, не может.

— Понял. Значит, так... Передо мной стоит небольшой такой ресторанный столик...

— Сейчас не могу!

— А я и не зову, — с легкой обидой ответил Кандауров. — Я по делу, капитан, по делу. Поэтому ты там у себя не дергайся, слушай внимательно. Повторяю для бестолковых... Передо мной стоит ресторанный столик, за которым десять минут назад кутили наши с тобой отморозки. К моему стыду, они ушли. Но отпечатки, капитан... На их столе столько следов. Копать тебе — не перекопать. И деньги, кстати, лежат, расплатились все-таки.

— Сотенные? — задал первый и единственный вопрос Юферева.

— Те самые, капитан, те самые.

— И где это все происходит?

— “Пуп Земли”.

— Еду. — Из трубки слышались частые, короткие гудки.

— Будет через пятнадцать минут, — сказал Кандауров, укладывая трубку на место.

— Мне остаться? — спросил Трефилов — встреча со следователем даже в качестве постороннего его не радовала, видимо, были причины.

— Конечно, ты же здесь, в этом кабинете, — уточнил Кандауров, — полный хозяин.

— Если настаиваешь...

— Не настаиваю.

— Тогда пойду на девочек посмотрю. В случае чего — я в зале.

Кандауров ошибся — следователь приехал через десять минут. И не один — с ним были эксперт и фотограф. Работа явно оживилась, в глазах Юферева появился огонек надежды. Два или три официанта, бармен, швейцар хорошо запомнили отмороженных гостей, и с утра можно было заняться составлением фотороботов, тем более, что никто из кандауровских подчиненных не отказался помочь правосудию.

Пока эксперт искал отпечатки на бутылках, тарелках, фотограф снимал натюрморты с разных точек и под разными углами, пока Юферев выспрашивал у бармена малейшие подробности его встречи с отморозками, сам Кандауров молча сидел за директорским столом и, скучающе подперев впалые щеки сухонькими кулачками, наблюдал за происходящим. Не видел он во всем этом никакого смысла, и юферевская деятельность казалась ему всего лишь поводом уйти от начального разноса. Дескать, не стоим на месте, дескать, работаем, ищем, рвем когти и втягиваем, втягиваем трепетными своими ноздрями отвратные преступные запахи.

— Все снял? — спросил он у фотографа.

— Да, вроде...

— А вон та вилка, по-моему, осталась неохваченной! — указал Кандауров на стол все так же скучающе и даже с некоторой досадой от бестолковости ментовских сотрудников.

— Да, нет, охвачена.

— Ну, раз охвачена — иди в зал. Там мои ребята и рюмку поднесут, и закусить дадут, и сам найдешь, чего поснимать! Девочки свои мохначки показывают! И как показывают! Дуй, парень, в зал, не пожалеешь.

— Сходи, уж если хозяин предлагает, посети, — усмехнулся Юферев. — Завтра будет что ребятам рассказать.

— Если будет что — расскажу, — самоуверенно сказал фотограф, не зная еще, не ведая и не предчувствуя, чем ему придется заниматься завтра и о чем он будет рассказывать знакомым мальчикам и девочкам.

А рассказывать он будет о том, как на следующее утро, при ясном свете дня, с разных точек и под разными углами снимал расстрелянный из трех автоматов серый “мерседес” Кандаурова, как устанавливал на резкость по острым бликам осыпавшихся стекол, как его начальник Юферев, едва открыв дверь изрешеченного “мерседеса”, тут же отшатнулся, потому что ему под ноги свалился окровавленный труп самого Кандаурова.

Да, это случилось на следующее утро, когда к залитым солнцем и только что вымытым гранитным ступенькам “Пупа Земли” неслышно подъехал серый, в мелкую, неувимую глазом искру, “мерседес” воровского авторитета. Едва он остановился, из каких-то ниш и подворотен, из какого-то задрипанного “жигуленка” возникли три человека и, не говоря ни слова, не теряя ни секунды, открыли огонь по стеклам “мерседеса”. В машине были трое — сам Кандауров, худой, легкий и порывистый, директор его ресторана Трефилов, замедленный, толстый, румяный, и водитель, человек, который шел с Кандауровым по жизни так долго и ни разу не подвел его, и даже умирая, успел все-таки включить первую скорость, успел нажать на газ, “мерседес” даже дернулся вперед, но мотор тут же заглох, и ничего уже сделать водитель не мог, потому что его настигла смерть, сделавшая лицо еще более серым, обнажившая неважные от суровых условий жизни зубы.

Выпустив по полному рожку из своих коротких черных автоматов, убийцы в какие-то секунды попрыгали в поджидавший их “жигуленок” отвратительно голубого цвета. Машина тут же сорвалась с места и скрылась за поворотом.

Оцепеневшие от ужаса прохожие проводили ее взглядами, но страх парализовал все их умственные и зрительные способности — ничего они не запомнили, ни убийц, ни номера машин, даже направления, куда свернул “жигуленок”, указывали разные. Единственное, о чем говорили уверенно, — “жигуленок” был непереносимо гадкого голубого цвета.

Когда примчался со своими ребятами Юферев и открыл дверцу “мерседеса”, ему под ноги действительно свалился Кандауров. Он был еще жив, но смерть уже подбиралась к нему, и

происходило это ошарашивающе быстро, прямо на глазах. Но у него еще хватило сил узнать Юферева.

— А, — прохрипел он, давась кровью. — Саша... Я опоздал, я не успел... Мне конец...

— Держись, Костя, держись!

— Убей их, Саша... Убей... Обещаешь?

— Обещаю.

— Клянись...

— Сука буду, я их убью!

— Я верю тебе, Саша... Ты наш человек... Не надо суда, не надо следствия... Убей, и все. Иначе уйдут.

— Убью.

— Все... пока... До скорой, Саша. — Голова Кандаурова неожиданно потеряла опору, это была смерть.

Глава 9

Апыхтин поймал себя на странном ощущении — теперь, когда у него в кармане лежал паспорт с другой, не его фамилией, когда жил он в другой квартире и занимался совсем другим делом, та судорога, которая не отпускала его несколько недель, как бы ослабла, и уже не было прежней душевной боли и чувств горя.

Да, отпустило. Но жизнь не стала лучше, пришло какое-то равнодушие. И, сидя вечером перед телевизором, глядя на изрешеченный пулями “мерседес” Кандаурова, на его самого, он не взволновался, не встревожился. Все та же опустошенность, разве что с легкой примесью удовлетворения, — он получил еще одно подтверждение принятого решения.

— Теперь, Костя, уже ты будешь под моей крышей, — проворчал Апыхтин. — Что ж ты так, Костя, неосторожно... Ведь знал, с кем имеешь дело, знал, на кого охоту затеял... Где-то ты, Костя, расслабился, где-то недоработал.

А на экране в это время показывали, как выпал из машины Кандауров, как несколько человек пытались вытащить с заднего сиденья грузного директора ресторана — молодой и здоровый, он после смерти вдруг стал настолько тяжелым, что три человека еле смогли сдвинуть его с места. Мертвый водитель вывалился сам, едва открыли дверцу с его стороны.

Мелькнул на экране озабоченный Юферев — он отдавал какие-то указания человеку с фотоаппаратом, видимо, показывая, какие именно кадры его интересуют. Толпа прохожих смотрела на кровавое зрелище с молчаливой угрюмостью, многие, может быть, только теперь поняли, в какое время живут, как рискуют, выходя утром из дома.

Дождавшись окончания уголовной хроники, Апыхтин выключил телевизор, оделся и вышел на улицу. Было еще не слишком поздно, на улицах можно было встретить прохожих. Над городом тяжело и бестолково висела луна, грохот редких

трамваев был слышен за несколько кварталов. Ошалевшие от безделья подростки что-то надсадно выкрикивали, хрипло смеялись, тягуче присматривались к одиноким прохожим — нет ли в них чего такого, что требует немедленного вмешательства.

Апыхтин не стал испытывать судьбу и, издали заметив злобную стаю подростков, предусмотрительно свернул во двор, вышел через другую арку и оказался как раз там, куда и направлялся, — у телефонной будки.

Пришло время подробно поговорить с Юферевым. Не откажет он ему в этом вечернем разговоре, не сможет отказать и в некоторых сведениях, которые, конечно же, представляют собой следственную тайну.

— Саша? — спросил Апыхтин.

В последний момент он решил, что такое обращение подойдет лучше всего — он сразу переводил разговор на тон доверительный, дружеский, располагающий к откровенности.

— Да, слушаю вас, — несколько напряженно ответил Юферев, видимо, все еще под впечатлением событий сегодняшнего утра.

— Апыхтин беспокоит.

— О! Владимир Николаевич! Приехали?

— Да нет пока, в Москве немного задержался. Со дня на день буду... Какие новости на нашем фронте?

— Какие новости? — переспросил Юферев. — Фронтовые, естественно. Сегодня утром убит Кандауров.

— Да-а-а? — протянул Апыхтин, но, видимо, его удивление было не столь сильным, как ожидал Юферев. — Как это произошло? — Апыхтин и сам понял, что удивился не слишком убедительно.

— При ясном свете дня, у ресторана “Пуп Земли”, в собственном “мерседесе” вместе с водителем и директором ресторана... Расстреляны из автоматов.

— Естественно, убийцы ушли безнаказанными?

— Они действительно скрылись, но это противоестественно, Владимир Николаевич.

— Простите... На южном солнце я потерял стройность мышления и теперь говорю иногда совершенно некстати. Еще раз простите.

— Да ладно, чего уж там, — отмахнулся Юферев от апыхтинских извинений. — Они ведь и в самом деле скрылись.

— Это те самые отморозки?

— Вполне возможно... Судя по предыдущим событиям, они давно подбирались к Кандаурову.

— И что за этим стоит?

— Передел собственности, — усмехнулся Юферев. — Отстреливают владельцев автозаправочных станций, ресторанов, химчисток, магазинов. Созрело новое поколение отморозков, а

поскольку все было расхвачано раньше, им это показалось несправедливым.

— А что с моим делом? Глухо? — Апыхтин продуманно и сознательно произнес слово “глухо”, надеясь подзадорить Юферева, вынудить его броситься доказывать, что все не так уж и глухо. И не ошибся, Юферев клюнул на эту наживку.

— Почему же глухо! — возразил он. — Совсем даже не глухо. У нас есть прекрасные отпечатки пальцев этих людей, есть словесные портреты, мы составили фотороботы и уже показали их по телевидению.

— Удачные фотороботы?

— Насколько они удачны, можно судить, когда задержим их, не раньше.

— К тому идет?

— Да, — чуть резковато ответил Юферев, но не дал волю своему раздражению, сдержался, вспомнив, что говорит с пострадавшим. — К тому идет, Владимир Николаевич.

— Есть люди, которые их видели?

— Есть такие люди. Бармен из ресторана, официанты...

— Кандауровские?

— Да. Из ресторана “Пуп Земли”. Нам удалось выйти даже на их хорошую знакомую... Но они опередили нас... Она погибла. Однако осталась еще одна женщина, которая знает их в лицо.

— Тоже официантка?

— Нет, товаровед центрального универмага. — Юферев прекрасно сознавал, что говорит лишнее, что не надо бы по телефону выкладывать сведения, которые дались ему с таким трудом, но что делать, что делать, он разговаривал с человеком, который до сих пор не решается даже появиться в своем городе, настолько кошмарны его воспоминания. И ему хотелось утешить Апыхтина, внушить ему хоть какую-то надежду на то, что отморозки все-таки будут пойманы.

— Кажется, я ее знаю, — сказал Апыхтин. — Света Малинина, — брякнул он наугад.

— Нет, ее фамилия Серкова. Надежда Серкова. — И опять Юферев произнес нечто запретное.

— Она вам помогает?

— Послала нас ко всем чертям! — И здесь Юферев вполне владел собой. Его действительно раздражал столь настойчивый интерес Апыхтина к подробностям следствия.

— Почему?

— Говорит, жить хочется.

— Она права, — заметил Апыхтин. — Здесь трудно что-либо возразить. Ведь некоторым вашим свидетелям уже отрезали головы.

— Да, тут вы, Владимир Николаевич, заметили совершенно справедливо. Некоторым нашим свидетелям отрезали головы.

Не совсем, конечно, не до конца, но все-таки отрезали и добились желаемого — свидетелей этих больше нет среди живых.

— Может быть, я опять сказал что-то не то. — Апыхтин почувствовал, что Юферев вот-вот сорвется. — Не имейте на меня зуб, ладно?

— Не буду.

— Я объясню, почему интересуюсь этими мелочами...

— Не такие это уж и мелочи.

— Вот видите, опять промахнулся. Теряю форму, теряю форму... Но ничего, я восстановлюсь.

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

— Дело в том, что по возвращении мне, очевидно, придется строить отношения с новой крышей, которая пожелает наложить лапу на "Феникс". И, вполне возможно, это будут те самые отморозки... Те ли самые или нет — это для меня важно, согласитесь.

— Я об этом не думал. — Юферев должен был признать, что Апыхтин прав. Если к нему придут отморозки, убившие его жену, сына, и предложат помощь... — Тут уже я должен просить у вас прощения.

— Саша, вы говорили, что составлен фоторобот... У них есть какие-то отличительные признаки, особенности, приметы?

— Вам-то это зачем? — не выдержал столь бесцеремонного любопытства Юферев.

— Говорю же — вдруг ко мне заявятся!

— Ах да! У женщины, которая погибла... Была на щечке родинка.

— А в глазах любовь? — сорвались у Апыхтина слова давней песенки.

— Любви там тоже хватало, если можно употребить это слово. А что касается человека, которого мы ищем... У него про свет между верхними зубами... Этакая щербинка.

— Рост?

— Среднего роста, не слишком высокий и совершенно неприметный. Десять раз на день встретишь и не обратишь внимания.

— Счастливая внешность.

— Не знаю, не знаю, насколько она счастливая. Что у них еще есть, так это уже по вашей части, по банковской...

— Интересно! — Апыхтин голосом попытался подбодрить Юферева к новым подробностям.

— В магазинах, ресторанах, забегаловках расплачиваются совершенно новыми сотнями, не бывшими еще в употреблении. Представляете, о чем я говорю?

— Вполне. — Апыхтин почему-то заволновался, словно наконец-то Юферев сказал ему главное. — Вообще-то, я подозревал нечто похожее, но мысль не сложилась...

— А теперь? Сложилась?

— Вполне, — повторил Апыхтин. — У вас есть такие сотни в деле?

— И не одна. Что-то около десятка... Есть даже пробитые пулями. Они были в нагрудном кармане у Кандаурова, когда его расстреляли сегодня утром.

— Значит, он тоже вышел на этих отморожков?

— Получается, что вышел.

— С вашей помощью?

— Конечно.

— И все эти сотни одной серии? — задал вопрос Апыхтин вроде бы совершенно невинный, но оба поняли — вопрос важный, а для Апыхтина вообще едва ли не самый главный.

— Да, — сказал Юферев. — Одной серии.

— А номер?

— Владимир Николаевич, сжальтесь... Номер состоит из десятка цифр!

— Но хотя бы первую! — взмолился Апыхтин.

— Все номера начинаются с цифр семь— девять... Дальше не помню.

— Достаточно.

— Вам эти цифры что-то говорят?

— У меня такое ощущение, что вышли они из банка "Феникс". Мы получали такие деньги.

— Могу успокоить — они наверняка из вашего банка. А получены два месяца назад.

— За месяц до убийства Кати и Вовки, — вырвалось у Апыхтина.

— Да, примерно, — согласился Юферев. — Когда вас ждать? — спросил он, предлагая закончить разговор.

— Как только приеду, буду у вас в тот же день. А накануне позвоню.

— Ну, что ж, — проговорил Юферев с явным облегчением, — тогда до скорой встречи.

— Всего доброго! Желаю удачи!

Апыхтин еще некоторое время постоял в железной, нагретой за день телефонной будке, а выйдя из нее, медленно направился к своему дому, в новую свою квартиру — высокий, худой, с короткими рыжими волосами и хорошо уже наметившимися залысинами.

А Юферев, положив трубку, тут же поднял ее снова и позвонил по хорошо знакомому ему номеру. Трубку долго не поднимали — то ли заснули где-то на том конце провода, то ли слишком уж были чем-то заняты. Но, наконец, подняли.

— Юферев звонит, — сказал следователь.

— Слушаю вас.

— Только что ко мне был междугородний звонок... Вы можете сказать, откуда звонили?

— Подождите минутку. Не кладите трубку.

— Жду.

Юферев опустил в низкое кресло, вытянул перед собой ноги и, откинувшись на спинку, приготовился ждать. Однако голос в трубке послышался гораздо быстрее, чем он ожидал.

— Алло, Александр Леонидович!

— Да, слушаю.

— Вам звонили из автомата, с улицы Пржевальского.

— Из Москвы?

— Нет, звонок был местный.

— Это точно?

— Вне всякого сомнения.

— Спасибо. — Юферев медленно положил трубку и еще некоторое время держал на ней руку, собираясь еще куда-то позвонить, но передумал. Подойдя к окну, он долго рассматривал круглую луну, которая болталась в небе прямо перед его окном, потом задернул шторы и вернулся к креслу. — Как же понимать вас, Владимир Николаевич? От кого прячетесь? Что затеиваете? Ну что ж, в любом случае вам есть, от чего оттолкнуться.

Для всех любопытных Апыхтин занимался частным извозом. Новенькая “шестерка”, которую он купил на третий день пребывания в городе, позволяла ему перемещаться вполне легально. А если учесть, что он вовсе и не стремился к заработкам, то Апыхтин мог все свое время, силы и деньги бросить на главное, что интересовало его больше всего.

Отморозки его интересовали, чего уж темнить. Только они, и больше никто.

Надежду Серкову, старшего товароведа центрального универсама, Апыхтин нашел быстро, наутро после ночного разговора со следователем Юферевым. Он подошел к кассе и некоторое время рассматривал молоденькую девчущку с невероятно длинными ногтями, настолько длинными, что они мешали ей работать, но девчущка мужественно терпела муки и выбивала чеки.

— Ищу Надежду Серкову, — сказал он, показывая маленькую коробочку, перетянутую ленточкой.

— Подарок? — не то удивилась, не то восхитилась девушка. — Что же вы ей хотите подарить?

— Лично я ничего. Я водитель. Мне поручено передать... Вроде у нее сегодня какая-то дата.

— Праздник? — опять удивилась девчущка. — Шестой этаж, там найдете, на дверях написано.

Коробочку Апыхтин бросил в первую попавшуюся урну и в служебный коридор универсама вошел налегке. Заглянул в одну дверь, во вторую, третью. Надя Серкова оказалась за пятой. Он успел увидеть светлые короткие волосы, голубую рубашку

и, почувствовав, что вот сейчас она поднимет голову, быстро закрыл дверь.

— Простите, пожалуйста, — остановил он уборщицу со шваброй, — когда у вас обед?

— С двух.

— И все обедают прямо здесь, в универмаге?

— В столовке через дорогу! — ответила уборщица.

Минут за десять до двух часов Апыхтин вошел в столовую и сел за свободный столик вполоборота, чтобы невозможно было его рассмотреть и запомнить.

Женщины из универмага появились минут через пять после того, как часы на его руке пискнули, напоминая о том, что пошел третий час. Надю Серкову Апыхтин узнал сразу. Словно почувствовав его пристальный взгляд, Серкова обеспокоенно оборачивалась, осматривала зал, но Апыхтин каждый раз успевал наклоняться к тарелке.

Закончив с обедом, он вышел, сел в свою машину и решил подождать, пока выйдут говорливые женщины, которых так волновали мексиканские сериалы, что они не забывали о них даже сейчас, между салатом и супом, отбивной и соком.

Плотной толпой женщины вышли из столовой и направились к универмагу. Серкова отошла в сторонку и продолжала удаляться от основной группы. Апыхтин из машины хорошо видел, как она подошла к красному “жигуленку”, открыла дверцу, но не села — что-то положила в бардачок, что-то взяла и, захлопнув дверцу, повернув ключик, быстрым шагом догнала своих более медлительных подруг.

— Ну, вот мы и познакомились, — пробормотал Апыхтин, трогая машину с места. — Осталось только представиться... Представлюсь, за этим дело не станет.

Остановившись рядом с “жигуленком” Серковой, он заглушил мотор, вылез из машины, открыл багажник, покопался там, на случай, если кто-то, внимательный и подозрительный, наблюдал за ним из какого-нибудь окна, с улицы, из соседней машины, с крыши универмага. Апыхтин заранее запасся шилом, которое должно было без усилий войти в колесо соседней машины, войти достаточно глубоко, чтобы проколоть не только шину, но добраться до камеры.

Убедившись, что в соседних машинах никого нет, он незаметно воткнул шило в колесо, и забрался снова в свою машину.

Дальше события происходили так, будто Апыхтин уже обо всем знал заранее, проделывал это не один раз, и всегда у него получалось наилучшим образом. Машина Серковой стояла со спущенным задним колесом, и его обод на несколько сантиметров погрузился в горячий асфальт. Сам Апыхтин расположился в своей машине на переднем сиденье, распахнув дверцу и выставив ноги наружу. В руках у него была газета — он с увлечением знакомился с уголовной хроникой города.

Серкова подошла, когда часы показывали несколько минут девятого — сразу после закрытия универсама. Легким движением скользнула на сиденье и уже хотела было завести мотор, как Апыхтин, протянув длинную свою ногу, не позволил ей захлопнуть дверцу.

Серкова подняла глаза, улыбнулась.

— Вообще-то, мне нравятся мужчины с длинными ногами, но не настолько, молодой человек.

— Мне тоже нравятся женщины с длинными ногами... И я всегда стараюсь сделать для них что-нибудь доброе.

— Не возражаю.

Она не торопилась, улыбалась спокойно, выжидая.

— Взгляните на свое заднее колесо, — сказал Апыхтин, сворачивая газету.

— Какой кошмар! Какой ужас! — воскликнула Серкова с неподдельной досадой.

— У вас есть запаска? — спросил Апыхтин.

— А что такое запаска?

— Запасное колесо в багажнике... Надутое, чистое, всегда готовое выручить хозяйку в трудную минуту.

— Боюсь, что нет... Кажется, я его уже использовала...

— Это плохо. Все-таки загляните в багажник.

— Да нет его там, уже больше месяца, как нет.

— Это плохо, — повторил Апыхтин. — У меня, например, есть.

— А у меня в кармане гвоздь, — бросила Серкова.

— У вас гвозди не в кармане, а в колесе. Ну, что, помочь?

Женщина некоторое время смотрела на Апыхтина с явной недоверчивостью, что-то смущало ее, что-то настораживало.

— Вы и в самом деле способны на добрые дела? — это уже была просьба о помощи.

В какие-то десять минут Апыхтин скоро, даже красиво заменил колесо.

— Круто! — сказала Серкова, глядя на свою машину, стоящую, как ни в чем не бывало, с новым колесом. — Как будем рассчитывать?

— Рассчитаемся. — Апыхтин протер тряпкой руки.

— Нет-нет! — решительно заявила женщина. — Никакой неопределенности! Так как же?

— Натурой.

— Что вы имеете в виду? — Лицо Серковой напряглось, и она, кажется, готова была вlepить Апыхтину пощечину, но не была уверена, что дотянется до его физиономии.

— Вернете колесо... Вот и все.

— Ах, так, — она облегченно перевела дух.

— Вот мой адрес, вот телефон. — Апыхтин набросал на клочке газеты несколько цифр. — Это недалеко. На любой

станции техобслуживания вам заменят колесо, а это забросите мне.

— Да? — она некоторое время рассматривала его каракули на газете, потом подняла голову. — А вы не опасный человек?

— Конечно, опасный. Но вас это не касается.

— Если человек опасный, это касается всех.

— У вас мои координаты... Адрес, телефон... Теперь я должен опасаться.

— Вообще-то да, в этом что-то есть.

— Как вас зовут? — спросил Апыхтин, решив, что уже имеет право на такой вопрос.

— Надежда... Надя.

— Володя. — Апыхтин протянул руку.

— Ну, что ж, пусть так. Будь здоров, Володя! — Серкова махнула рукой и, распахнув дверцу, села за руль, но тут же снова выглянула из машины. — Я, кажется, назвала вас на "ты". Нехорошо, да?

— Стерплю. — Апыхтин развел руками, куда, дескать, деваться. — Но тогда и тебе придется потерпеть.

— Заметано! — Она захлопнула дверцу, и машина тут же тронулась с места.

Надя позвонила вечером.

— Вас слушают, — произнес Апыхтин солидно, как в былые времена, даже с какой-то куражливостью.

— Это вы?

— Да, это я. А это вы?

— Разумеется.

— Неплохое начало, — заметил Апыхтин. — Так разговаривают опытные бандюги или не менее опытные разведчики.

— Как разговаривают? — не поняла Серкова.

— Не называя имен, дат, адресов, место встречи, которое, естественно, изменить нельзя... Ну, и так далее.

— Здравствуйте, Володя, это звонит Надя. Вы меня еще помните?

— Я помню даже то, что мы уже были на "ты". Или мне изменяет память?

— Не изменяет. К сожалению, колесо я не привезу.

— А что привезете?

— Деньги.

— Много?

— Как скажете. Колесо, плюс работа, я готова учесть и ее срочность, и качество.

— Ну, что ж, везите... Я вас жду, адрес знаете.

— Приеду минут через пятнадцать.

— Договорились. Можете не звонить, дверь будет открыта.

— Даже так? — почему-то удивилась Серкова. — Знаете, я все-таки позвоню. Мне так привычнее.

— Звоните, — легко согласился Апыхтин. — Пишите, приезжайте.

— Мне все позволено?

— Да.

— Крутовато получается, — проговорила она с сомнением.

— Это Надя, все слова... Приезжайте, — и Апыхтин поспешил положить трубку, чувствуя, что выдыхается, не может находить слова двусмысленные, полные намеков и скрытых предложений.

Он сознавал, что вышел на тропу войны, и любой его шаг должен быть осторожным, помнил слова Юферева о том, что Серкова знает убийц, и понимал, что если они не попытаются убрать ее, то и без внимания не оставят. Поэтому, когда, стоя у окна, увидел въезжающую во двор машину Серковой, не бросился в прихожую встречать гостью, а остался у окна. И увидел — невдалеке, у обочины, замерла еще одна машина. И еще до того, как Серкова поднялась на этаж и позвонила, успел прямо на обоях записать карандашом номер остановившейся машины. Это была "шестерка", белая "шестерка" с двойными фарами. Внутри, на переднем сиденье, просматривались две темные фигуры. Через минуту-вторую они, видимо, поняли, что остановились неудачно, и, чуть проехав вперед, притормозили.

— Вот так-то лучше, — пробормотал Апыхтин и направился в прихожую встречать гостью.

— Заходи, Надя. — Заперев дверь, Апыхтин первым прошел в комнату. — Садись, — он указал на кресло у журнального столика. — Виски? Джин? Водка? Мартини? — Он улыбался, давая понять, что хотя предложение и прозвучало, не стоит к нему относиться слишком серьезно.

— Я за рулем.

— Ах, да! Виноват.

— Сколько я вам... Прости... Сколько я тебе должна?

— Ты в самом деле хочешь вернуть деньги?

— Конечно... Ведь договорились.

— Не надо, Надя.

— Как? Не надо, и все?

— Да, все.

— И как это понимать?

— Есть у меня деньги, не бедствую пока. Прижмет — помо- жешь.

— Другими словами... Другими словами, — проговорила она озадаченно, — наше знакомство будет продолжаться до тех пор, пока тебя жизнь не прижмет?

— Почему? Оно может продолжаться и дольше.

— Крутовато.

— Видишь ли, Надя... Мне кажется, что как только ты отдашь деньги, наше знакомство тут же и прекратится.

— Сейчас нас связывают только эти деньги?

— Если ты их отдашь, у меня не будет даже повода позвонить тебе!

— Звони без повода!

— Это уже кое-что, — кивнул Апыхтин.

Серкова с легкой усмешечкой оглядывалась по сторонам, рассматривая скороспелое убранство апыхтинской квартиры, и, наконец, словно утомившись этим зрелищем, повернулась к нему.

— Поехали, Володя, куда-нибудь, а? Посидим, мороженое поедим, на людей посмотрим, себя покажем... Поехали?

— Готов. — Апыхтин поднялся.

— Но плачу я, — быстро проговорила Серкова.

— Почему?

— Надо же мне как-то восстановить свое финансовое самолюбие!

— Разве что так...

Апыхтин прошел во вторую комнату, тщательно прикрыл за собой дверь, неслышно повернул щеколду, замер на секунду, прислушиваясь, не вздумает ли Серкова заглянуть к нему. Нет, женщина терпеливо ждала его в прихожей. Тогда он вынул из гардероба пистолет, сунул его под ремень, сверху накинул пиджак и вышел к ней, улыбаясь.

Они шли к машине, не торопясь, что-то говорили, слова проносились пустые, необязательные. Апыхтин остро ощущал — за его спиной что-то происходит. Он решил оглянуться, но Серкова схватила его за руку.

— Не оборачивайся! Прошу тебя, не оборачивайся, — повторила она напряженным голосом, когда он уже открывал дверцу машины. Но, прежде чем сесть, Апыхтин все-таки послушался и посмотрел назад. Примерно в двадцати метрах от них стоял невзрачный, сероватый мужик и улыбался, глядя на Серкову. Похоже, он знал ее. Улыбка его была какой-то простецкой, добродушной, слегка снисходительной.

— Старик! — закричал Апыхтин обрадованно. — Вот мы и встретились! — Он наклонился, взял в машине с полочки у заднего стекла какую-то целлофановую папку и быстрым шагом направился к незнакомцу. — Я вчера тебя подвозил?

— А в чем дело? — Мужик уже не улыбался, он был явно насторожен, сбит с толку.

— Твоя? — и Апыхтин так решительно сунул мужику в руки тоненькую папочку, что тому ничего не оставалось, как взять ее. Он повертел папку перед глазами и вернул Апыхтину.

— Впервые вижу.

— Надо же, — удивился Апыхтин. — Выходит, обознался. Вчера одного мужика подвез, а он в машине папку забыл... Если бы кошелек, ладно, я бы сообразил, как с ним поступить. А тут одни бумажки.

— Впервые вижу, — повторил мужик, и Апыхтин просто не мог не заметить бледность, вдруг покрывшую все его лицо.

— Виноват. — Апыхтин взял папку и вернулся к своей машине. Папку он опять бросил на заднюю полку и открыл дверцу перед Серковой.

— Надо же, обознался! А мужик так похож на моего разию... Думал, что он, а этот говорит, впервые, мол, вижу. — Апыхтин продолжал что-то объяснять и видел краем глаза, как смертельно бледная Серкова неотрывно смотрела прямо перед собой, в лобовое стекло, будто боялась взглянуть назад. — На моей поедем, ладно? — предложил он.

Серкова лишь кивнула.

— Отлично! А потом твою машину я подгоню к тебе. — В зеркало Апыхтин видел, как мужик, потоптавшись, частой торопливой походкой зашагал в противоположную сторону и тут же свернул за угол. — Куда едем?

— Куда хочешь.

— Мороженое? Соки? Воды? Сухое вино? Пиво? — весело спросил Апыхтин.

— Володя, — медленно проговорила Серкова, — я же сказала — езжай, куда хочешь. У меня голова закружилась... Прости, я помолчу несколько минут.

— Ты и в самом деле маленько побледнела, — озадаченно протянул Апыхтин. — Но тебя это не испортило, ты осталась такой же обалденной красавицей.

— Спасибо. — Она еще нашла в себе силы улыбнуться и в знак благодарности легонько похлопала его ладошкой по коленке. — Поехали, куда угодно, только поехали, ради Бога!

— Виноват. — Апыхтин, решив, наконец, что мотор прогрелся, мягко тронул машину с места. Выехав со двора и свернув на проезжую часть, он увидел в зеркале то, что и ожидал увидеть, — белая "шестерка", пропустив перед собой машину, устремилась вслед за ним.

— Твой приятель? — спросил Апыхтин, когда они отъехали несколько кварталов, и Серкова немного пришла в себя.

— Кто?

— Тот мужик, к которому я подходил... Вчера подвез одного, а потом в машине папку нашел... Подумал, что это он... Очень похож.

— Бывает, — обронила Серкова таким тоном, словно именно этого ответа и ожидал от нее Апыхтин. Тот не стал настаивать, решив, что отсутствие ответа тоже ответ. — И тебе совершенно не интересно, почему я так истерично настаивала, чтобы ты не оборачивался? — спросила она, все также глядя на дорогу.

— Нет, почему же. — Апыхтин видел в зеркало, что белая "шестерка" не отстает. Теперь она уже шла внаглую, в полной уверенности, что он понятия не имеет, кто там в машине, за затемненным стеклом. — Просто я подумал, что ты сама скажешь... Когда найдешь нужным.

— Правильно, — кивнула Серкова.

— Вон за тем поворотом есть хорошее местечко. Сквер с большими толстыми кленами... Там столики, продают пиво, мороженое, соки...

— Годится.

— Договорились, — и Апыхтин свернул к скверу, освещенному круглыми шарами фонарей.

А поздним вечером, доставив Серкову на ее машине домой, он, уже на своей машине, проехался по городу, убедился, что никто его не преследует, остановился у телефонной будки и позвонил по домашнему телефону Юферева.

— Привет, Саша. Апыхтин тревожит.

— Честно говоря, Апыхтин тревожит меня уже давно. — Юферев мгновенно включился в разговор.

— Это радует! Что новенького?

— Откуда звоните, Владимир Николаевич?

— О! Ни за что не поверите, если скажу!

— Поверю!

— Готов спорить!

— И я готов! — Юферев не давал ни секунды передышки, но и Апыхтин уже готов был разговаривать с ним.

— Хорошо, — сказал он, — сразу перехожу к делу. В вашем почтовом ящике лежит пакет. Возьмите его прямо сейчас. В пакете целлофановая папка. Обращайтесь с ней как можно осторожнее. На ее поверхности отпечатки пальцев. У вас есть специалисты, они разберутся, сопоставят эти отпечатки с другими...

— Какими другими? — успел вставить Юферев.

— С теми, которые уже в деле.

— В каком деле?

Апыхтин помолчал, недолго помолчал, всего несколько секунд, чтобы Юферев понял неуместность своего вопроса.

— Когда мне позвонить, Саша?

— Хорошо, — согласился Юферев с тем, что Апыхтин ушел от вопроса. — Что вы хотите узнать?

— Меня интересует принадлежность отпечатков, которые в данный момент находятся в вашем почтовом ящике. Не тяните с этим, Саша. Я не уверен, что нас никто не слышит. Вернее, я почему-то уверен, что нас слышат.

— Пусть это вас не беспокоит.

— Значит, по вашей команде... Это хорошо. Когда позвонить?

— После обеда.

— По служебному телефону?

— Да, конечно.

— До скорой встречи в эфире, Саша!

— Подождите, Владимир Николаевич, — успел остановить Апыхтина Юферев. — Хочу предупредить вас об осторожности.

— Спасибо.

— Мне кажется, вы ступили на очень опасный участок нашей жизни.

— У меня такое же ощущение.

— Не переоценивайте себя. Вы в опасности.

— Позвоню вам завтра после обеда. Всего доброго!

— Спокойной ночи, — ответил Юферев.

Видимо, Апыхтин опасался, что его могут засечь, и постарался побыстрее закончить разговор. Так и есть — едва он отъехал от телефонной будки и свернул в переулок, как за его спиной пронеслась машина с мигалками.

— Молодец, капитан, — пробормотал он. — Хорошо работаешь. Если бы еще знать, на кого ты работаешь.

На кого работает капитан Юферев, Апыхтин узнал на следующий день, когда, дождавшись послеобеденного времени, позвонил тому в кабинет. Трубку долго никто не поднимал, потом раздался запыхавшийся голос Юферева.

— Да!

— Апыхтин на проводе.

— Владимир Николаевич... Значит, так... Не знаю, как вам это удалось, не знаю, что вы задумали, но могу сообщить... Человек, который держал в руках папку, полтора месяца назад побывал в вашей квартире.

— Я так и думал. У него щелочка между зубами. Вы нашли его отпечатки в моей квартире?

— Да, на обложке книги “Эрмитаж”.

— Помню, Вовке подарил на день рождения.

— Сдайте мне этого типа, Владимир Николаевич, прошу вас, сдайте! Вы рискуете!

— Нет. Это мое дело. И еще... Все не так просто, как вам кажется.

— А как мне кажется? Почему вы решили, что я считаю это дело простым? Владимир Николаевич! Сдайте мне его!

— Я подумаю, — сказал Апыхтин для того лишь, чтобы прекратить тягостный разговор. У него были свои планы, он уже выстроил дальнейшие свои действия, и места для Юферева в его заботах попросту не находилось. Следователь помог — большое спасибо. А теперь отвали, дорогой, отвали и не путайся под ногами.

Глава 10

Погоуляв с полчаса по залитым полуденным солнцем улицам, Апыхтин посидел в тени кленов, где они вчера с Серковой наслаждались мороженым и молчанием. Встреча со странным типом во дворе апыхтинского дома, если и не потрясла обоих, то, во всяком случае, запомнилась. Приняв, наконец, решение, Апыхтин прошел к телефону-автомату и набрал номер начальника охраны банка “Феникс”.

Тот оказался на месте, что уже было добрым знаком.

— Федя? Привет, Апыхтин моя фамилия.

— Слава тебе Господи! — заорал бывший майор милиции. — А то мы тут замаялись! — У Апыхтина с Федором Пакиным были своеобразные отношения — все решалось при закрытых дверях. — Разговор есть, Владимир Николаевич!

— Поговорим... Чуть позже.

— Не пустой разговор! Ваши замы...

— Поговорим. — Апыхтин был нетерпелив и сосредоточен. — Слушай меня внимательно и не говори потом, что не слышал.

— Готов!

— Все между нами, как обычно. Усек?

— Владимир Николаевич!

— Все сделай только сам, никому не поручая самой малой малости. Усек?

— Давно и навсегда!

— Запиши. — Апыхтин продиктовал номер белой “шестерки”, которая вчера вечером дежурила у его дома и на которой ехал за ним человек со щербинкой между зубами. — Записал?

— Все в точности.

— Теперь спрячь написанное.

— Спрятал.

— А под листочком, на котором записал номер, лежал еще один листочек?

— Стопка, Владимир Николаевич!

— И на этой стопке остался вдавленный номер, который знающий человек прочтет без труда.

— Вряд ли, — с сомнением проговорил Пакин. — Но если вы об этом говорите, устраню. Я все понял, Владимир Николаевич! Задание ответственное.

— Такого у нас с тобой еще не было.

— Понял.

— Мне нужно все знать о хозяине этой машины. Кто он, где живет, как его зовут, чем занимается... В общем, все.

— Понял.

— Сколько тебе нужно времени?

— Ну... — Пакин поколебался, но Апыхтин знал, что у того остались связи в милиции, в автоинспекции, и работа эта для него не столь уж и сложна. — К концу рабочего дня...

— Позвоню в конце рабочего дня. Не уходи. Жди моего звонка.

— Понял.

— Пока, — и Апыхтин повесил трубку.

Бродя по городу в ожидании, когда Пакин выполнит его поручение, Апыхтин еще и еще раз проговаривал законы, определенные им для себя месяц назад, законы, которые сейчас, накануне самого важного, может быть, поступка в жизни, казались надежным ограждением от любых случайностей.

Да, никто, совершенно никто не должен знать самой малости, самой незначительной подробности о том, что он задумал. Правда, Юферев уже о чем-то догадывается, он понял, что Апыхтин вышел на убийцу, это он понял.

И еще... Если его телефон прослушивается, а он наверняка должен прослушиваться, то вполне возможно, Юферев допускает, что он, Апыхтин, в городе. Теперь же, получив папочку с отпечатками убийцы, он уже не предполагает, он знает об этом твердо и окончательно.

Отсюда вытекает второй закон мести — надеяться только на себя и все делать самому.

И третий закон — не торопясь, но до конца. И только в этом случае ты, Апыхтин, выживешь, уцелеешь, спасешься. Только в этом случае.

Он вошел в телефонную будку и, бросив жетон в щель, набрал номер начальника охраны Пакина.

Трубку подняли тут же, видимо, звонка ждали.

— Алло!

— Слушаю тебя, Федя!

— Владимир Николаевич, докладываю! Есть чем записать?

— Минутку. — Апыхтин только сейчас сообразил, что сведения, которые он заказал Пакину, нужно все-таки записать. Он вынул из кармана ручку, клочок какой-то скомканной квитанции. — Готов.

— Хозяина машины зовут Юрий Степанович, да, Вахромеев Юрий Степанович. Записали?

— Давай дальше.

— Живет по адресу... Озерная, семнадцать.

— А квартира?

— Частный дом. Знаете, где это?

— Понятия не имею.

— Конечная остановка седьмого трамвая. Он там разворачивается и идет в обратную сторону, к центру.

— Семья?

— Разведен.

— Чем занимается?

— Бизнесмен. У него два или три киоска в районе вокзала. Торгует водкой, жвачкой, еще каким-то дерьмом.

— Давно в городе?

— Около года. Дом купил, но еще не расплатился.

— И не расплатится, — неосторожно обронил Апыхтин.

— Да, репутация у него еще та, — согласился Пакин. — Чреватый мужик. Но с деньгами порядок. Есть деньги у мужика.

— Знаю. А друзья есть?

— Такая же шелупонь, как и он сам. Соседи его побаиваются, хотя причин вроде бы нет.

— Ты говорил с соседями?

- А что, не надо было?
- Мы же договорились — только сам, только один. Ну ладно, это уже не имеет значения.
- Оплошал, да?
- Немного есть, но это не смертельно.
- Хотелось, как лучше...
- Ладно, Федя, проехали. Ты что-то хотел сказать о моих замахах? Говори.
- Разлад у них.
- В чем именно?
- Какая-то нервозность, взвинченность... Недовольны друг другом.
- По делу недовольны, или характерами не сошлись?
- И то, и другое. Такое ощущение, что их дергает ваше отсутствие. Даже не само отсутствие... Им непонятна ваша задержка.
- Срываюся, слова непочтительные произносят?
- Бывает и это.
- Кто же из них самый нервный?
- Цыкин. Совсем поплыл мужик... Секретарше мозги проел, меня достает — где да где Апыхтин... Вы не поверите — лицом почернел. Мы его почти и не видим... Или весь день из кабинета не выходит, или вообще в банке не появляется.
- А Басаргин?
- Работает. Сопевания проводит, клиентуру принимает, разгоны по отделам дает... Я, конечно, извиняюсь, не мое это дело, опять же и нашептывать не хочу, но очень уж ему понравилось в вашем кабинете... Не знаю, согласится ли в свой вернуться.
- Разберемся, — усмехнулся Апыхтин. — Что Осецкий?
- Веселится.
- Не понял?
- Говорю же — веселится. Вроде, все идет, как ему хочется, и нет причин для печали. Носится по этажам, хохочет, всех женщин перецеловал... Тех, конечно, которые того стоят. Аллочку, вашу секретаршу, совсем с ума свел, каждый день с прической появляется, в новых бусах, кольцах, платьях!
- Ну, — успокаивающе произнес Апыхтин, — он ей всегда нравился, и она, похоже, тревожила его сердце... Пусть.
- Так-то оно так, — с сомнением проговорил Пакин. — Да вот что-то и не так.
- Давай уж, выкладывай.
- Я, Владимир Николаевич, охранник, старый милицкий служака, а потому взгляд на мир у меня своеобразный. И в уголовном розыске работал, и агентурная работа на мне была, и наблюдением занимался гласным и негласным...
- Давай, Федя, давай! — поторопил Апыхтин.
- Многовато он в приемной толчется, вот что я скажу. Всю жизнь банка контролирует.

— Но он и должен это делать.

— Больно контроль-то получается какой-то назойливый, если не сказать, целеустремленный. Звонки, почта, посетители... Только Басаргин из банка, он на правах друга тут же в кабинет — позвонить, дескать, надо. А почему не позвонить из своего кабинета? По бумагам шастает — вот мое мнение. Интересуется человек.

— Ладно, Федя, усек.

— Когда вас ждать-то?

— Недолго осталось. Спасибо за сведения. Позвоню завтра — послезавтра.

Апыхтин повесил трубку, торопясь покинуть раскаленную будку, стоящую на самом солнцепеке. “Ну, что, Вахромеев Юрий Степанович... Вот и познакомились, — подумал он, направляясь к своему “жигуленку”, который предусмотрительно загнал в тень от кленов, стоявших вдоль сквера. — Предстоит личная встреча... Надеюсь, понравимся друг другу, надеюсь, друг друга не огорчим... Во всяком случае, я сделаю все, что в моих силах...”

Улица Озерная оказалась неожиданно близко, она начиналась у самого трамвайного круга и шла вниз, к небольшой речушке, у которой и заканчивалась. Втиснувшись в ряд стоявших машин, Апыхтин некоторое время присматривался, осваивался, привыкая к новому месту. Рядом, за высоким забором из арматурных стержней, гудел небольшой базар — инструментальные ряды, овощные, молочные, тут же торговали сапогами и тряпками, селедкой и гвоздями, тапочками, кожаными куртками и хрустальными вазами.

Поколебавшись, Апыхтин достал из инструментального ящика изоляционную ленту и чуть изменил номер своей машины — наклеив маленькие кусочки ленты, сделал из двух троек восьмерки, а из ноля девятку. Получилось вполне прилично, а когда он, собрав горсть пыли на дороге, бросил на номер, его поддельность уже невозможно было установить, если не ощупать и не присмотреться.

Семнадцатый дом на Озерной отличался от всех прочих — со стороны улицы его прикрывал высокий забор, сваренный из стальных листов. Такими же были и ворота — высотой не менее двух метров, тоже из листов, с врезанной дверцей, которая открывалась изнутри, со стороны двора, каким-то хитрым крючком — через небольшую дырочку.

Апыхтин озадаченно прошел вдоль всего участка, прошел до конца всю улицу, вернулся обратно.

— Отморозки — они и есть отморозки, — пробормотал он, второй раз проходя мимо дома, мимо бронированных листов. Дело в том, что следующий участок, девятнадцатый, был отгорожен от улицы подгнившим, черным от времени штакетни-

ком, который в некоторых местах можно было просто перешагнуть. Не составляло труда и протиснуться в полуоткрытую калитку или сдвинуть в сторону деревянные лаги, слегка прихваченные к столбику алюминиевой проволокой. Забора между семнадцатым и девятнадцатым участками не было вообще. То ли Вахромеев прикупил его и еще не успел продлить забор вдоль улицы, то ли руки у него не дошли, чтобы столь же неприступной броней отгородиться и от соседа. Как бы там ни было, если с улицы попасть в семнадцатый дом было совершенно невозможно, то со стороны ближайшего участка — проще простого.

И что еще порадовало Апыхтина — в девятнадцатом доме он не увидел никаких признаков жизни. Калитка была не просто заперта, а прикручена проволокой к покосившемуся столбу, окна, выходящие на улицу, были заколочены полусгнившими досками, тропинка от калитки к дому была настолько заросшей, что одного взгляда на нее достаточно, чтобы понять — по ней не ходили с весны.

Не задерживаясь больше на Озерной, Апыхтин вернулся к машине.

Осмотрев ее, он не заметил никаких перемен. Фальшивый номер тоже был не тронут. Отъехав несколько кварталов, Апыхтин остановился и скovyрнул с цифр кусочки изоляционной ленты. Теперь он снова был неуязвим, снова мог предстать перед самым суровым гаишником — документы его полностью соответствовали номерам.

До вечера было еще далеко, и у Апыхтина оказалось достаточно времени, чтобы подготовиться к встрече с Вахромеевым, человеком, который имел большой нож, щелочку между двумя передними зубами и к которому у Апыхтина накопилось несколько простеньких вопросов.

В первом же магазине, где продавали соки, он купил трехлитровую банку и капроновую крышку, которая плотно, почти герметически закрывала широкое горло. На ближайшей заправочной станции Апыхтин наполнил банку самым дорогим, девяносто пятым бензином, опять же рассудив, что бывают в жизни случаи, когда скупиться не следует.

— Уж коли нет девяносто восьмого, тогда только девяносто пятый, высшего качества, — вполголоса говорил себе Апыхтин, отъезжая от заправочной станции. — Да, нужен бензин, который всыхивает с полуслова, горит без копоти, сразу дает высокую температуру, в которой сгорает все, чему положено сгореть.

Были у Апыхтина в этот день еще покупки, мелкие, недорогие и вполне безобидные. Помимо свечей и спичек, в этот вечер Апыхтин купил рулон широкого скотча, небольшой, но достаточно дорогой шведский разводной ключ — вдруг пригодится, чего не бывает, ребята, в нашей жизни, полной непредсказуе-

мых опасностей и смертельного риска. Уже подходя с покупками к машине, он увидел у заднего колеса комок медной проволоки метра три длиной. И сразу понял, что именно этой проволоки ему и не хватало.

Остановившись в тихом месте вдали от машин и прохожих, Апыхтин достал из-за пояса пистолет Макарова и, вынув из рукоятки обойму, пощелкал вхолостую, чтобы убедиться, что все в нем работает — предохранительный механизм, боек, пружина, подающая патроны в ствол. После этого снова вставил обойму в рукоять пистолета, дослал первый патрон в ствол, опустил кнопку предохранителя и, убедившись, что она сработала, что случайного выстрела не произойдет, снова сунул пистолет за пояс сзади, на спине.

Все свои покупки он сложил в кожаную сумку, подаренную недавно замами с уймой бутылок водки. Задержав молнию, Апыхтин поставил сумку сзади на пол, у сиденья, чтобы случайный человек, заглянув в машину, не увидел бы ее, не соблазнился. Кто знает, может быть, в его воспаленном мозгу возникнут пачки долларов, которые лежат в этой сумке, кто знает.

И эту дикую возможность предусмотрел Апыхтин, и об этом подумал.

Как бы Юферев не относился к Кандаурову, но когда тот погиб в собственной машине от пуль неизвестных убийц, следователь с болезненной остротой почувствовал если не одиночество, то какую-то опустошенность. Все-таки их было двое, и они помогали друг другу в поисках банды.

Что оставил ему Кандауров после смерти?

Кое-что оставил — бармена и официанта, которые хорошо рассмотрели убийц в тот роковой вечер. Осталась Серкова, которая тоже видела убийц, но наотрез отказалась даже встречаться с Юферевым. Остались деньги, новенькие купюры, номера которых шли один за другим, деньги из одной пачки, из одного банка.

Этот банк назывался “Феникс”.

Именно это обстоятельство все больше занимало Юферева. Не могло быть случайным то, что убийцы расплачивались деньгами, побывавшими в “Фениксе”. Даже если это обстоятельство в конце концов окажется случайным, все равно необходимо выяснить все подробности.

Что-то здесь было, какая-то ускользающая закономерность проступала в разрозненных фактах. Опять же, этот странноватый Апыхтин, который звонит неизвестно откуда, прячется и явно что-то затевает.

Что он задумал?

Опыт подсказывал Юфереву — называют события. Что именно, он не мог даже предположить. Дело обрастало все новыми трупами, а банда оставалась все так же неуловима, он да-

же не знал, где искать, как заставить ее снова подняться из окопов.

И Юферев отправился в банк.

— Здравствуйте, — сказал он громко, утверждаясь самым приветствием.

— А, это вы... Очень приятно, Александр Леонидович. Вы договаривались с руководством?

— О чем?

— Может быть, надо было подготовить какие-то документы, а кроме того...

— Не договаривался.

— Решили просто так?

— Да, как снег на голову.

— Тогда я должна доложить...

— Да не надо обо мне докладывать. Не привык я, чтобы докладывали обо мне, — продолжая бормотать, он шагнул к двери, как бы невзначай, неловким движением отодвинув Аллу Петровну в сторону, раскрыл одну дверь, толкнул от себя вторую и оказался в апыхтинском кабинете. — Здравствуйте! — сказал он так же громко.

— А, это вы. Рад вас видеть. Проходите. — Не поднимаясь, Басаргин протянул руку, вяловато пожал ее, захлопнул какую-то папку и сунул ее в ящик.

— Помешал важной работе? — спросил Юферев уважительно.

— Не то чтобы помешали... Работа не волк, — усмехнулся Басаргин, давая понять, что да, действительно помешал, но он готов простить, стерпеть. — Есть новости?

— Будут.

— Понял. Готов ответить на ваши вопросы.

— А почему вы решили, что у меня есть вопросы?

— Не о погоде же вы пришли поговорить.

— Именно о погоде. О погоде на Кипре... Где Апыхтин?

— Понимаете, в чем дело... Мы тоже хотели бы это знать.

— Он звонит?

— Последний раз звонил из Москвы.

— И что?

— Обещал подъехать.

— Его отпуск, как я понимаю, затянулся?

— Немного есть, но это не страшно. Мы по телефону все согласовали.

— Отсутствие руководства не сказывается пагубно на делах?

— Нисколько. Даже наоборот.

— Другими словами, он только мешал?

— Ну... Так нельзя сказать. Апыхтин остается главой банка.

На столе Басаргина зазвонил телефон. Он поднял трубку, выслушал, бросил только одно словечко:

— Конечно, — и положил трубку.

Юферев понял, что сейчас кто-то войдет. Так и произошло — не прошло и трех минут, как в дверь осторожно протиснулись два зама — Осецкий и Цыкин.

— Входите, ребята. — Басаргин приветственно махнул рукой. — Рассаживайтесь. Вот Александр Леонидович интересуется, нужен ли нам Апыхтин, или мы и в дальнейшем сможем прекрасно без него обходиться.

— И то, и другое! — расхохотался Осецкий. — Он нам нужен, но и обойдемся в случае чего.

Цыкин промолчал.

— Что новенького на криминальном фронте? — спросил Осецкий.

— Без перемен.

— Другими словами, — начал Цыкин, — другими словами... Снова будут трупы?

— Обязательно.

— В том же исполнении?

— И с тем же заказчиком.

— Кто же заказчик?

— Заказчик обычно появляется на сцене перед самым занавесом. Когда его никто не ждет, никто не подозревает, когда он, в общем-то, уже никому не нужен.

— Есть мысли по этому поводу? — поинтересовался Басаргин. — Подозрения? Нарботки?

— Все есть, — кивнул Юферев и не стал продолжать. Что-то подсказало ему — нужно остановиться.

— Простите, — заговорил Цыкин. — Если есть заказчик, то нетрудно установить и исполнителя, я правильно понимаю?

— Мысль, конечно, смелая, — кивнул Юферев. — Но возникает вопрос — как? Вот вы говорили, что вам угрожали по телефону, чего-то требовали, к чему-то склоняли... Это все продолжается?

— Изредка, — смешался Цыкин, явно не готовый к такому вопросу.

— Да? — удивился Юферев. — Изредка — это как? Раз в день? Каждые полчаса? По средам?

— С тех пор, как уехал в отпуск Апыхтин... Раз или два... Примерно так.

— Мы же договаривались, что вы будете сообщать о звонках с угрозами, — заметил Юферев. — А если они продолжались... Почему не сказали об этом?

— Миша, я тебя не понимаю! — поддержал следователя Басаргин. — Объясни, будь добр, что происходит?

— Хорошо. — Цыкин сел в кресло. — Давайте назовем вещи своими именами... Мы уже имеем гору трупов. Вам что, сверху не хватает еще одного?

— Одну минутку. — Юферев почувствовал, что сейчас может прозвучать нечто такое, после чего Цыкин выскочит из кабинета. И потому решил вмешаться. — Давайте разберемся... Скажите, пожалуйста, чем вам угрожали?

— Это были неопределенные угрозы.

— Вас грозили убить? Украсть машину? Поджечь дом? Изнасиловать жену? Похитить ребенка? Или просто пальцем погрозили? Не шали, дескать, не нарушай правил уличного движения, пользуйся подземным переходом?

— Они сказали в том духе, что все мы под колпаком.

— Все? Под колпаком? И вы не поделитесь этим со своими друзьями? Не предупредили их об опасности?

— Я предостерегал. Еще в самом начале, полтора месяца назад. Ничего нового с тех пор в телефонных звонках не прозвучало. Чего зря людей дергать?

— Тоже верно, — согласился Юферев, но, взглянув на Басаргина и Осецкого, понял, что главный разговор между учредителями начнется после его ухода. — Ладно, замнем для ясности. Вот еще что... Я уже говорил в прошлую нашу встречу... Убийцы расплачиваются деньгами, полученными в вашем банке.

— Полгорода расплачивается деньгами, полученными в нашем банке! — весело заметил Осецкий.

— Я вам дал номера купюр, серии... Что-нибудь узнали? Кто получил эти деньги?

— Наверное, в нашей работе есть недостатки, — медленно проговорил Басаргин. — Далеко не все налажено и отлажено.

— Вы не знаете, кто получил эти деньги? — повторил Юферев.

— Не удалось установить. Но, с другой стороны, могу сказать, — Басаргин помялся. — Совершенно точно выяснить это невозможно. Например, кассирша оказала добрую услугу соседке и поменяла ей старые деньги на новые. Естественно, все наши работники, от водителей до учредителей, получают зарплату и прочие выплаты новыми купюрами. И дальнейший путь этих денег проследить не представляется возможным.

— Я не считаю себя большим знатоком в следственных делах, — сказал Осецкий, — но на мой невежественный взгляд... Я, конечно, извиняюсь... Вы находитесь на ложном пути.

— Интересно, а о каком, собственно, пути вы говорите? — усмехнулся Юферев.

— Да все эти серии, номера... Несерьезно. Ну, установите, что деньги выплачены мясомолочному комбинату. И что? Или же, к примеру, их получил завод железобетонных конструкций. И что? На следующий же день деньги распыляются среди тысяч людей.

Юферев выслушал, согласно кивая головой. Он понял, что его деликатно поставили на место и посоветовали задавать свои вопросы в другом месте. В банке, дескать, ему делать нечего.

— Вы сказали, что не считаете себя большим знатоком в следственных делах?

— Да, и готов снова это повторить.

— Вынужден с вами согласиться. — Юферев поднялся, поняв, что ему больше нечего сказать этим людям. — Не буду путаться под ногами, у вас важные дела, от вас зависит благосостояние страны... Мне тоже пора.

— До скорой встречи! — сказал Басаргин.

— До скорой, — проговорил Юферев, чуть изменив интонацию так, что все трое поняли — он и в самом деле собирается встретиться с ними довольно скоро.

— Когда вас ждать? — спросил Осецкий.

— В самое ближайшее время.

— Удачи вам, капитан, — сказал Басаргин. — Ждем вас с нетерпением.

Юферев вышел из банка с облегчением — тягостно ему там было, он все время ощущал не слишком скрываемое превосходство этих людей. Их переглядки, недомолвки, почтительные выражения — все это выдавало их истинное к нему отношение. Не стал Юферев говорить им всего, выкладывая свои доводы и сомнения. Он-то знал, что не получают граждане сотенные купюры пачками, а убийцы расплачивались сотенными одной серии, с номерами, которые различались лишь в двух последних цифрах. Значит, у них в карманах были пачки, по сто купюр в каждой. Нет таких зарплат. Ни у кого нет таких зарплат.

А если учесть, что купюры у преступников разных серий, следовательно, у них не одна пачка, вполне возможно, у каждого из них по несколько таких пачек. Никто в городе не заявил об ограблении кассы, банка, учреждения... Значит, эти деньги выплачены. Вот так-то, господа банкиры, вот так-то, — закончил свои размышления Юферев и свернул к скверу, чтобы в тени выпить кружку пива с орешками.

Подняв глаза, вдруг увидел — через несколько столиков от него тоже с бокалом пива и с пакетиком орешков сидит Серкова, которая так целеустремленно избегала всяких встреч с ним. В синих джинсах и белой рубашке мужского покроя, освещенная закатными лучами уже незнойного солнца, она выглядела... Неплохо она выглядела в эти минуты, совсем неплохо. Серкова не спешила — на ее бокале уже не было влаги, значит, сидит здесь достаточно долго, не торопится.

Явно кого-то ждет, — подумал Юферев и, взяв еще одно пиво, сел подальше от красавицы, отгородившись от нее нависающей веткой клена.

Глава 11

К площади, где седьмой трамвай разворачивался, чтобы отправиться в обратную сторону, Апыхтин подъехал уже в сумерках. Закатное солнце еще освещало верхушки радиомачт в

ближнем лесу, но здесь на площади было и прохладнее, и темнее.

Машину Апыхтин оставил в длинном ряду таких же потрепанных и немых “жигуленков”. Прихватив с собой кожаную сумку на длинном ремне, он захлопнул дверцы, подергал все четыре ручки и, убедившись, что все надежно заперто, двинулся в сторону Озерной улицы. Шел, стараясь оставаться незаметным, то под деревьями, то в тылу киосков...

К железным воротам Вахромеева он подошел, когда сумерки уже ступились, и он мог приблизиться к соседнему участку, не привлекая к себе внимания. Улица была пустынной, дом Вахромеева стоял затемненный, свет в окнах не горел, машины во дворе не было. И тогда Апыхтин, еще раз бросив настороженный взгляд вдоль улицы, не оглядываясь, отклонил секцию забора, протиснулся в щель и быстро прошел к дому. Присев на ступеньки крыльца, он раскрыл сумку, стоявшую у его ног, осмотрел содержимое — банку с бензином, ошейник, моток проволоки, клейкую ленту, разводной ключ.

Все было на месте.

Поднявшись, он подошел к двери, тронул навесной замок. Как и предполагал, замок не был закрыт на ключ, висел лишь для видимости. Вынув его из петель, Апыхтин осторожно толкнул дверь. Она открылась, не заскрипев. Подхватив сумку, Апыхтин вошел внутрь и прикрыл за собой дверь, оставив замок в одной петле, — дескать, в дом никто не входил.

Еще раз убедившись, что все окна в доме темные, ворота закрыты, а машины под навесом нет, Апыхтин соорудил себе нечто вроде лежака или сиденья. Это оказалось несложным делом — в соседней комнате стояло старое, продавленное кресло. Подтащив его к окну, Апыхтин в этом кресле и расположился, положив на сиденье полосатый матрац, который валялся тут же, в углу, — похоже, домом иногда кто-то пользовался, во всяком случае, здесь вполне можно было провести ночь. Незаметно он задремал, спал, наверное, минут десять — пятнадцать, не больше, а проснулся от грохота железных ворот. Во дворе горел свет, и он ясно увидел невысокого человека, открывшего ворота. Когда они полностью распахнулись, показались светящиеся фары машины. Мужик был один, он сел в машину, въехал во двор, под навес, и принялся закрывать ворота.

— Вот и свиделись, — проговорил Апыхтин, сидя в продавленном кресле. — Вот и довелось... Чего не бывает в жизни, чего только в ней не случается...

Покончив, наконец, с воротами, Вахромеев направился к двери, склонился над замком. На этот раз все у него получилось быстро, дверь распахнулась, и он, шагнув в дом, пропал из глаз.

Апыхтин сидел в глубине темной комнаты и чувствовал себя в полнейшей безопасности. Неожиданно перед его глазами

вспыхнули два окна. Лампочка в доме Вахромеева была без абажура, болталась на голом шнуре. На окнах висели сероватые шторы. Похоже, Вахромеев ими не пользовался, зная, что окна выходят в глухие заросли заброшенного участка.

Апыхтину хорошо было видно, как он потоптался посреди не комнаты, подняв крышку, заглянул в сковородку, подошел к холодильнику и вынул початую бутылку водки. Бутылку Вахромеев водрузил на стол, рядом поставил сковородку, видимо, с остатками завтрака.

— Нет, дорогой, — сказал Апыхтин. — Выпить тебе сегодня не дам. Разговор у нас должен быть трезвым. Никаких поблажек. Чтобы все ты понял, чтобы все до тебя дошло.

На столе у Вахромеева рядом с бутылкой стоял один стакан. Из этого Апыхтин заключил, что гостей тот не ждет и ужинать будет один.

Подхватив на плечо сумку, он вышел во двор, обогнул дом и ступил на участок Вахромеева. Подойдя к окну, убедился, что тот еще не присел к столу. Тогда Апыхтин завернул за угол и приблизился к крыльцу. Постоял некоторое время, прислушиваясь.

Неожиданно хлопнула дверь. Вахромеев вышел на крыльцо. Видимо, какой-то шорох его насторожил, или же он увидел мелькнувшую за окном тень.

Подняв с земли осколок кирпича, Апыхтин бросил его вперед, на освещенное пространство, но рассчитал так, чтобы места, куда упал камень, не было видно с крыльца. И добился своего — Вахромеев спустился со ступенек, оказавшись на освещенном пятчке. Увидеть что-либо в темноте он не мог, но зато его самого легко можно было рассмотреть. И Апыхтин увидел то, что и ожидал — в руке Вахромеев держал большой нож. Но это несколько не смутило Апыхтина — он шагнул из темноты, широко шагнул, сразу преодолев половину расстояния до Вахромеева. Тот стоял к нему спиной, но еле слышный шорох заставил его обернуться. Однако сделать Вахромеев ничего не успел — одновременно со вторым шагом Апыхтин с силой ударил его сверху кулаком по голове.

Этого оказалось достаточно, чтобы на какие-то секунды вывести того из равновесия, лишить возможности что-либо предпринять. Следующим движением Апыхтин с силой бросил Вахромеева спиной на крыльцо. Опрокинувшись, тот выронил свой нож. Когда через две-три секунды Вахромеев попытался встать, Апыхтин уже успел проскочить на крыльцо и, схватив за шиворот, втащил его в дом. Он завел руки Вахромеева за спину, рванув молнию на своей сумке, вынул оттуда моток проволоки и быстро скрутил запястья. После этого, сев сверху на тощеватый зад Вахромеева, он то же самое сделал и с его ногами.

Вахромеев сопел, пытался перевернуться, сучил ногами, но все было бесполезно. Апыхтин вернулся на крыльцо, подобрал

нож, выключил свет во дворе, сразу погрузив в темноту весь участок. Потом закрыл дверь, вдвинул в паз железную щеколду, вернулся в комнату и тщательно задернул занавески. Не обращая внимания на сопевшего у его ног Вахромеева, он внимательно рассмотрел нож. Это была прекрасно выполненная самоделка. Выкованное из какой-то особо прочной стали лезвие обработано напылением, отчего приобрело тусклый матовый блеск. Черная ручка тоже могла сойти за произведение искусства — тело кабана, которое заканчивалось оскаленной мордой с горящими красными глазами. Но форма ручки вовсе не повторяла кабаньи очертания, она была сделана под руку, чтобы никакой удар не выбил ее, чтобы она сама не выскользнула из пальцев.

— Хорошая работа. — Апыхтин опустил нож в свою сумку.

— Что тебе нужно? — спросил, наконец, Вахромеев.

— Разговор есть.

— Ну?

— Не торопись, разговор долгий... — Апыхтин приподнял Вахромеева, подволок его к батарее водяного отопления, достал из сумки собачий ошейник с шипами, обращенными вовнутрь, ошейник, предназначенный для особо злобных громадных псов, которых можно удержать только такой вот удавкой с намертво привинченными шипами, впивающимися в горло при малейшем натяжении.

Ошейник был велик Вахромееву, но Апыхтин на это и рассчитывал — обхватив за шею, он пристегнул его к железной трубе отопления. Разговаривать Вахромеев мог, но при малейшем движении шипы впивались в горло, вынуждая сидеть не только спокойно, но даже вытянувшись, чтобы отвести горло от точенных, полированных шипов.

— А это зачем? — прохрипел Вахромеев.

— На всякий случай. Мужик ты чреватый, вдруг удастся тебе что-нибудь этакое...

— Что ты задумал?

— Поговорить надо.

— Говори уже, наконец! Чего тянешь?

— Торопишься?

— Ошейник впивается! Смотри — задохнусь, и поговорить не успеем!

Апыхтин подошел к сидящему на полу Вахромееву, поправил ошейник, сделанный из толстой сыромятной кожи и простроченный для прочности суровыми, нервущимися нитками.

— Узнаешь меня? — спросил он.

— Нет.

— День или два назад во дворе одного дома я спросил — ты ли забыл в машине папку... Ты взял ее, повертел перед глазами, вернул обратно. Помнишь?

— Так это был ты... Понятно.

— На этой папке остались твои отпечатки.

— Не знаю, может быть.

— А еще твои отпечатки нашли в одной квартире на седьмом этаже, помнишь?

— Не помню.

— Это случилось месяца полтора назад... Хотя нет, уже почти два месяца с тех пор прошло. Ты вот этим ножом, — Апыхтин кивнул на свою сумку, — зарезал женщину и ребенка. Мальчишку десяти лет. Помнишь?

— Не было этого.

— Сам знаешь, что было. — Апыхтин придвинул стул поближе к Вахромееву, присел, расположился, как это делают, готовясь к долгому разговору.

— Я буду кричать! Сбегутся соседи! Понял? Отпусти меня!

Апыхтин молча вынул из своей сумки широкую клейкую ленту и положил на стол, на расстоянии вытянутой руки.

— Кричать не будешь. — Его голос был негромок, нетороплив, в нем чувствовалась даже какая-то усталость, усталость последних двух месяцев. — Если закричишь, я тут же заклею тебе рот вот этой штуковиной. Видишь, как я подготовился к разговору... Вопрос... Вас там было двое?

— Отвали! Не был я в том доме!

— В каком доме не был?

— Про который говоришь.

— Слушай, старик, меня внимательно...

— Развяжи меня!

— Так вот... Меня интересует одно — кто заказал? Ни ты, ни твой приятель мне не нужны. Гуляйте дальше. Мне нужен заказчик.

— Не знаю я ни приятеля, ни заказчика, ни квартиры, о которой ты говоришь!

Апыхтин придвинул к себе сумку, вынул из нее трехлитровую банку и осторожно поставил на пол.

— Это бензин. Не веришь? Очень неплохой бензин. Знаешь, старик, у меня слабость — все люблю предельно хорошего качества. Вот смотри, — подойдя к Вахромееву он плеснул ему на голову бензин так, что струи потекли по плечам, за шиворот, по груди.

— Что ты делаешь, сука?!

— Убедился? — Апыхтин вынул из сумки и положил на стол рядом с собой коробок спичек. — Повторяю... И ты, и твой приятель мне не нужны. Нужен заказчик. Если я от тебя ничего не добьюсь, возьмусь за приятеля. Но, сам понимаешь, тебя в таком случае оставлять в живых нельзя. — Он взял коробок, вынул спичку, чиркнул и некоторое время задумчиво смотрел на желтое пламя. Потом задул его и отбросил спичку в угол. Вахромеев, кажется, только сейчас в полной мере осознал опасность.

— Кончать будешь? — спросил он.

— Понимаешь, старичок, отпечатки пальцев — великая вещь. Ты вот не сидел еще, не судился, как я слышал, поэтому не доверяешь достижениям криминальной науки. Вспомни... В той квартире, где были зарезаны мать с ребенком, ты брал в руки толстую, красивую книгу... "Эрмитаж" называется. То ли картинка тебя заинтересовала, то ли этой книгой мальчонку оглушил... Но брал ее в руки, брал. И отпечатки свои шаловливые оставил. А папочку я не зря тебе в руки сунул. Экспертизу провели знающие люди. Установили — одни пальчики. Твои, между прочим. Поэтому кривляться нам с тобой здесь не надо.

— Ты мент?

— Нет.

— А кто?

— Зачем тебе это, старичок? Не тем интересуешься. Да и время, сам понимаешь, для любопытства не самое подходящее. Может, тянешь время и ждешь, пока кто-то придет? Не надо, старичок. Спичку я успею бросить. Согласен?

Вахромеев молчал. Маленькие его глазки под тяжелым низким лбом сверкали яростно и зло. Он думал, думал напряженно и, похоже, совершенно бестолково, метаясь от подозрений к страху, от надежды к неверию.

— И нож твой мне описали добрые люди... Ты ведь показывал его иногда для острастки?

— Кто описал?

— Мастера, которые сработали такую вещь.

— И на них вышел?

— Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана... Буду резать, буду бить... Помнишь детскую считалку?

— Я тебе не верю.

— Тогда разговора у нас не получится, я правильно понял, старичок?

— Кончай ты с этим своим старичком! Уже нет сил слушать!

— Кончать с тобой, старичок? — вежливо удивился Апыхтин. Он снова поднялся, скovyрнул крышку с банки и на этот раз плеснул бензина больше, на живот и на ноги.

— Что ты делаешь?

— Думай, старичок, думай. — Апыхтин подошел к газовой плите, включил одну горелку, вторую — газ шел хорошо, уверенно, с легким шипением. Ни говоря ни слова, он вынул из сумки разводной ключ, за минуту отвинтил соединительную гайку и отключил плиту от газовой трубы. Теперь достаточно было повернуть ручной краник, чтобы газ хлынул уже не из узких щелей горелок, а прямо из трубы — свободно и мощно.

— А это зачем? — спросил Вахромеев.

— Понимаешь, старичок... Я вот что задумал... Оставляю здесь горящую свечу. — Апыхтин вынул из сумки свечу и, ус-

тановив ее в стакане, поджег. — Потом заклею тебе рот вот этой лентой, чтобы ты не издавал слишком громких криков. Открою газ. Из этой трубы он хлынет с такой силой, что заполнит твою комнатку минут за пять, не больше. И после этого взорвется от свечки. Представляешь? Ты будешь в полном сознании. Бензин, естественно, на тебе вспыхнет, тем более, что всю эту банку я выплесну на тебя. Ты просто пропитаешься бензином. А сам я в это время буду далеко, буду пить холодное пиво и закусывать солеными орешками.

— Что ты хочешь?

— Повторю еще раз... Но сначала должен тебя предупредить — времени мало. У меня осталось не больше десяти минут. Если мы с тобой не закончим в десять минут, я все брошу и уйду. Но свечку, конечно, оставлю. И газ открою. Иначе мне, старичок, нельзя.

— Что ты хочешь? — повторил Вахромеев, кажется, совершенно сломленный. Он понял, что Апыхтин сделает все, о чем говорит.

— Заказчик. — Апыхтин снова сел на табуретку перед Вахромеевым. — Он был?

— Да.

— Кто?

— Мы его не знаем в лицо, только по голосу.

— Кто "мы"?

— Мы с приятелем.

— Значит, и приятель есть?

— Есть.

— Как его зовут? Имя, отчество, фамилия?

— Договорились только о заказчике.

— Мы с тобой ни о чем не договаривались. Я тебя посадил, как собаку на цепь, и ты сидишь. И подохнешь, как собака, если не будешь говорить. Даже собаке такой смерти не пожелаешь, старичок. — Апыхтин говорил все резче, злее, нетерпеливее. — Начал колотиться — колись.

— Гоша его зовут. Григорий.

— Фамилия?

— Он тоже Вахромеев. Мой двоюродный брат.

— Чем занимается?

— У него киоск на рынке.

— Что в киоске?

— Водка, пиво, вода, соки. Ну и курево.

— Кто заказчик?

— Мы не видели его. Он вышел на нас по телефону.

— Сразу на двоих?

— Ну, на меня вышел...

— Почему он решил, что ты можешь это сделать?

— Понятия не имею. Кто-то подсказал.

— Значит, есть люди, которые знают твою специальность?

— Получается, что так.

— Говори, говори... Как позвонил, что сказал, какие деньги предложил?

Вахромеев некоторое время молчал, глядя куда-то в угол, потом откинул голову назад, закрыл глаза. Апыхтин его не торопил, понимая, что тому нужно решиться, нужно как-то объяснить самому себе свою слабость. Если, конечно, это можно назвать слабостью.

— Точно отпустишь? — спросил, наконец, Вахромеев.

— Развязывать не буду, сам освободишься или поможет кто, но взрывать не стану. Давай, старичок, колись.

— Значит, так... Раздается звонок...

— По телефону?

— Да.

— Здесь есть телефон?

— Нет. Но есть номер, по которому меня можно иногда застать. Так вот, был звонок... Уточняет мужик, что я именно тот, кто нужен. И говорит... Так, дескать, и так, надо двоих убрать. Бабу и дите.

— Он так и сказал — бабу и дите?

— Да, так и сказал. Спрашиваю — кого именно? Он сказал что-то в том духе, что, мол, когда договоримся, тогда будут и подробности. Я ответил, что надо подумать. Подумай, говорит, только не слишком долго. Дал мне неделю.

— Почему именно неделю?

— Потом, говорит, поздно будет. Клиенты уедут туда, где я их не достану.

— Он рассчитался?

— Да, все в порядке.

— И первую половину вручил, и вторую?

— Говорю же, все в порядке.

— Как передал деньги?

— В урну сунул... Потом позвонил и сказал, в какую именно. Я бомжом прикинулся, замаскировался как мог, обошел десяток урн, вроде бутылки выбираю, подхожу к той... Ложат.

— А маскировался зачем?

— Вдруг он и от меня захотел бы избавиться. Деньги-то крутые.

— Тоже верно, — согласился Апыхтин. — И что заказчик... Так и не появился?

— Нет. Правильно сделал. Чистым ушел.

— Разберемся, — пробормотал Апыхтин. — Когда дело сделали, он опять позвонил?

— Да, но урна уже была другая, в другом конце города.

— И ты опять под бомжа?

— Нет, дите послал. Там девочки играли в классики. Я одну уговорил. Сходи, дескать, вытащи пакет и принеси сюда. А я

уж в машине, заведенный мотор, готовый каждую секунду со двора вылететь. Но все обошлось. Принесла.

— Отблагодарил?

— Десятку дал. Она уж рада была...

— Что можешь сказать о заказчике?

— Ничего.

— А голос? Какой у него голос?

— Нормальный голос, без акцента. Не кавказец, нет. Молодой, нервный какой-то, взвинченный. Все боялся, что обманем, деньги возьмем и слиняем. Вначале была мысль кинуть его. Но потом подумали-подумали. Двадцать пять тысяч долларов на дороге не валяются, а работа, вроде, несложная. Решили выполнить заказ.

— Этот заказчик... Может, словечки какие чудные употреблял, картавил, шепелявил, присвистывал, причмокивал?

— Вроде, ничего такого не было. Молодой голос, даже тонкий какой-то, видимо, от волнения. Не каждый же день люди убийства заказывают.

— Из-за денег торговались?

— Нет, он предложил, мы согласились. Чего торговаться — деньги хорошие. Да, вспомнил. Он все приговаривал — это самое, это самое. У него получалось сокращенно. Эт самое, эт самое. Не сразу слова подбирал. Волновался. Как я понял, первый раз он на такое пошел. Чем-то мешали ему эти баба с дитем, на дороге стояли. Я спросил, может, пацана оставить. Ни в коем случае, говорит.

— Так и сказал — ни в коем случае?

— Вроде того.

— Как же он все-таки вышел на вас?

— Даже не знаю. — Вахромеев подумал, помолчал. — Есть несколько человек, два, может, три, которые знают, что нам можно предложить такую работу. Наверное, он и с ними не говорил в открытую. Они болтанули что-нибудь приблизительное, он услышал, намотал на ус, навел справки. Очень осторожный тип, ну, просто до идиотизма. Моя фамилия встречается нечасто, позвонил в справочное бюро. Ну и так далее. Я спрашивал у своих ребят — кто-нибудь интересовался мною? Никто не интересовался. Какие-то у него есть выходы на братву, с кем-то из наших он общается.

— Долларами расплатился?

— И рублями, и долларами.

— Деньги новые?

— В казенной упаковке.

— Доллары тоже в упаковке?

— Да, все деньги были новые. Одна серия, номера подряд. Как из банка.

— Это я уже понял, — проговорил Апыхтин скорее для себя. — Теперь вот еще что... Как вам удалось пройти в квартиру?

— Женщина одна помогла... Сказала, что телеграмму принесла. И баба-дура открыла.

— Ты кого убивал?

— Не надо об этом. Тебя интересовал заказчик, я о нем рассказал, что знал.

— Кого убивал?

— Слушай, отвали. Об этом не говорят.

— Кого убивал?

— Ладно, пусть по-твоему. Пацана.

— Сопrotивлялся?

— Да, он сразу все понял. Баба позже сообразила, но до нее тоже дошло. Чуть позже.

— Что-то предлагала? Просила?

— Не успела. Я обхватил ее сзади за горло вот той штуковиной, которая у тебя в сумке, и отбросил подальше, чтобы не испачкаться.

— Не испачкался?

— Да ладно тебе.

— Ты же говорил, что пацана убил, а не бабу.

— Пацан дергался, сопротивлялся. Я его той самой книгой по голове. Он затих. Остальное братишка доделал.

— Чем?

— Не знаю.

— Чем?

— У него другой инструмент. Штырь какой-то. Ну так что, отпускаешь?

— Нет, — сказал Апыхтин.

— Ты же обещал!

— Я врал.

— Ни фиги себе!

— Значит, вот что я тебе скажу. Вы с братишкой убили мою жену и моего сына. Понял? Вы убили мою жену и моего сына. Такие дела, старичок. — Апыхтин вздохнул, оглянулся по сторонам. — Такие дела.

— Кончать будешь?

— Надо, старик.

— Ты же обещал.

— Говорю же — врал. А что посоветуешь? Как мне дальше жить?

— Откуплюсь. Бери все, что у меня есть. Хочешь?

— А что у тебя есть?

— Пятьдесят тысяч.

— Здесь, в доме?

— Да.

— Сгорят вместе с тобой.

— Слушай, договоримся! Бери все деньги и уходи. Наутро я исчезаю из города. Навсегда. Ты никогда меня не увидишь и ничего обо мне не услышишь.

— А браток?

— И о нем ничего не услышишь. Пятьдесят тысяч неплохие деньги, бери их, а?

— Подумать надо, старик, надо хорошо подумать. — Апыхтин подошел к окну. Увидев, что один шпингалет не закрыт, он с силой вогнал его в гнездо и повернул в сторону — опять же, чтобы избежать случайностей. Теперь маленькая щель между рамой и окном исчезла. Так же, не торопясь, он осмотрел второе окно и тоже закрыл на оба шпингалета. — Чтобы газ не уходил, — пояснил он Вахромееву. — Если газ будет уходить, то взрыва может и не произойти.

— Не веришь, что у меня есть деньги?

— Не верю.

— Отстегни, я сам принесу.

— Обманешь. — Сняв крышку с банки, Апыхтин зачем-то понюхал бензин. И отвечал он, и задавал вопросы с таким выражением, будто для него уже не имело ровно никакого значения — ответит ли пленник, не ответит, действительно здесь у него деньги или же спрятаны где-то в недоступном месте, сколько денег, отдаст ли, не отдаст...

И Вахромеев это понял.

Апыхтин взял банку, подошел к Вахромееву и принялся тоненькой струйкой поливать голову, чтобы волосы, спутанные и комковатые, хорошо пропитались бензином, чтобы вспыхнули сразу хорошим таким, сильным пламенем. За шиворот налил, чтобы одежда горела без тления, чтобы огонь прямо гудел на Вахромееве, пожирая небогатую одежонку, небольшое тельце.

— Понимаешь, старичок, — говорил Апыхтин отстраненно, будто и не его это были мысли, и желание сжечь Вахромеева принадлежало не ему вовсе, а подчинялся он законам давним, суровым и непоколебимым. — Понимаешь, старичок, я хочу выиграть немного времени, чтобы эксперты, разбирая твои головешки вонючие, не знали даже, мужик это был или баба. Ты с бабами круто поступал, вот менты и подумают, что, наверное, еще одну порешил с помощью огня. Проволока на твоих ногах останется, понимаешь? И на руках останется, а рост у тебя не мужской, бабий рост. Кому принадлежит дом, они быстро установят. Им и в голову не придет, что кости с кусками обгорелого мяса это ты и есть! Представляешь, сколько будет хохота, когда все обнаружится? — Апыхтин выплеснул остаток бензина на голову Вахромеева и отставил банку в угол.

— Слушай, — прохрипел Вахромеев. — Слушай...

— Минут за пять здесь газу наберется столько, что он наверняка взорвется. Как ты думаешь? — В движениях Апыхтина, в его голосе появилась какая-то замедленность, но Вахромеев знал это состояние. Это было вовсе не сомнение или колебание, вовсе нет, это было прощание с ним, с Вахромеевым.

— Слушай, — повторил он, — третья доска от входа поднимается. Там деньги. Забирай и уходи.

— А ты выживешь?

— Выживу. Хотя от этого бензина дышать уже нечем.

— И меня не тронешь?

— Не трону.

— Верю. — Апыхтин взял разводной ключ, подошел к двери и убедился, что третья доска от входа действительно приколочена недавно — и выступает на два— три миллиметра, и стоит как-то наискосок, и под плинтусом щель. Видимо, действительно, доску эту поднимали время от времени. Апыхтин подцепил ее ключом и вывернул — она была прихвачена двумя небольшими гвоздями. Под доской оказался тайничок — вырытая в земле ямка.

Сдвинув слой земли в сторону, Апыхтин увидел целлофановый пакет. Не торопясь, вынул его из ямки, отряхнул, чтобы осыпалась земля, заглянул внутрь. Там лежал сверток из плотной оберточной бумаги. Надорвав его, убедился — внутри доллары, плотными новыми пачками. И даже перетянуты фирменными бумажными полосками. Знал он эти полоски, узоры на них знал.

— Ну? Убедился? Настоящие деньги?

— Вроде, — равнодушно сказал Апыхтин и опустил сверток в сумку, бросив сверху разводной ключ из прекрасной шведской стали. Оглянулся — не забыл ли чего такого, что не может сгореть. Нет, ничего не забыл. На столе осталась клейкая лента, но она ему еще пригодится.

— Деньги взял — отпускаяй.

— Это что, закон такой?

— Да! Закон! Сучий ты потрох!

— Какое интересное у тебя ругательство. Надо запомнить, вдруг пригодится.

— Отвязывай, — просипел Вахромеев.

— Нет, старичок. Не буду я тебя отвязывать. — Апыхтин взял со стола скотч и подошел к Вахромееву.

— Я вспомнил, — прошептал тот, побледнев от ужаса предстоящего. — Я вспомнил. Наш заказчик. На фиг, говорит, мне это знать, на фиг мне это слышать, на фиг ты мне это говоришь... Словечко у него такое все время на языке — фиг... Почему?

— Надо же, какой странный заказчик, — пробормотал Апыхтин озадаченно. — Да его по одному этому словечку можно вычислить.

— А он не всегда его произносит. Его достать надо, до белого каления довести, до визга. Вот тогда из него и посыплются эти фиги!

— Надо же, — опять изумился Апыхтин. — А как, говоришь, твоего братишку зовут?

- Гоша он! Григорий!
- И тоже Вахромеев?
- Двоюродные мы! Отцы у нас — братья родные! Ты про деньги? И у него есть деньги! Он тоже полсотни отвалит! Ну?!
- Водкой, говоришь, торгует?
- У входа в центральный рынок! Киоск у него!
- Водка-то... фальшивая, небось?
- А тебе-то что? Зато дешевая. С такими деньгами ты теперь можешь пить все, что угодно.

Апыхтин поймал себя на том, что тянет время, ему нужно было через что-то переступить в себе, чтобы нанести завершающий удар.

И он переступил.

Закрыв глаза, усилием воли вызвал в себе картину залитой кровью квартиры, увидел рану на шее у Кати, черную дыру в виске у Вовки и, встряхнув головой, открыл глаза.

Уже не колеблясь, он взял клейкую ленту и, не обращая внимания на отчаянные крики Вахромеева, быстро заклеил тому рот, несколько раз обернул ленту вокруг головы, но уши оставил свободными, чтобы тот слышал его слова, слышал шипение газа, голоса соседей в темном саду, шум проезжающих машин.

В полной тишине на Апыхтина смотрели белые от ужаса глаза Вахромеева, а он все продолжал наматывать ленту вокруг его головы, каждый раз покрывая все новым и новым слоем его рот, из которого, похоже, уже никогда не вылетит ни звука.

Апыхтин еще раз осмотрел окна, чтобы убедиться — рамы подогнаны плотно. Осмотрел дверь, она тоже была в порядке. И повернул краник газовой трубы. Раздалось сильное, уверенное шипение.

— Прощай, старичок, — сказал он, обернувшись уже от двери. — Не поминай лихом. За все, старичок, надо платить, за все надо расплачиваться.

И вдруг Апыхтин увидел слезы на глазах Вахромеева. Он удивился, подошел ближе, провел рукой по щеке.

— Надо же, слезы... У тебя и слезы, оказывается, есть, ты, может быть, даже живой? Никогда бы не подумал. А все говорят — отмороженный. Надо же. А уж по слухам такой крутой, такой крутой, что дальше и некуда. Наверное, о брате переживаешь? Не надо, вы с ним скоро опять будете вместе. Я тебе это обещаю. Прощай, старичок.

Выйдя в коридор, Апыхтин закрыл дверь на два оборота ключа. На всякий случай. Он давно уже привык все делать наилучшим образом, как можно надежнее, долговечнее, добротнее. Как в банке, так и во всех остальных своих делах, весьма далеких от банковских.

Подхватив поудобнее свою сумку, он прошел на соседний участок, постоял, прислушался, но, не заметив ничего подозри-

тельного, быстро вышел на улицу тем же путем, что и пришел, отодвинув в сторону часть подгнившего забора. Оглянулся.

В доме Вахромеева было тихо, окна, задернутые плотными шторами, светились в ночной темноте мирно и даже с какой-то гостеприимностью, словно приглашая случайного прохожего заглянуть на чашку чая, на рюмку водки, на беседу, долгую и неторопливую.

До площади, где он оставил машину, Апыхтин добрался минут за пять. "Жигуленок" стоял там же, хотя плотный ряд машин заметно поредел. Освещение было слабое, тусклое, и вряд ли кто мог заметить маленькие нашлепки на номерах его машины.

В соседнем киоске Апыхтин купил хризантемы с горьковатым запахом и конфеты в золотистой коробке. Он знал, что покупка бестолковая, что в коробке, в основном, картон и фольга, конфет там совсем немного, штук пять — десять, но знал он и то, что женщины чаще ценят не сами конфеты, а факт подарка, внешний вид — это дает им ощущение причастности к этому пусть фальшивому, но все-таки великолепию. Сев в машину, Апыхтин включил мотор, подождал минутку, пока прогреется, и тронулся с места. Уже отъезжая от площади, услышал за спиной мощный грохот взрыва, прогремевшего где-то там, в поселке, среди частных домиков, и удовлетворенно кивнул головой.

— Прощай, старик!

Нашлепки с номеров Апыхтин скovyрнул почти в центре города, остановившись на минутку между фонарями. Не выключая мотора, вышел из машины и отодрал маленькие кусочки изоляционной ленты сначала на переднем номере, потом на заднем. Еще раз убедившись, что все проделал как надо, что теперь номера вполне соответствуют тем, которые указаны в документах, сел снова в машину.

В пивной под кленами было многолюдно. До полуночи оставалось еще несколько часов, и здесь, как обычно, стоял оживленный, разноголосый гул.

Серкова сидела одна за маленьким столиком почти в центре и невозмутимо прихлебывала пиво из высокого стеклянного бокала с причудливым гербом на боковой поверхности. Перед ней на столе лежал только что вскрытый пакетик с орешками.

— Привет, — сказал Апыхтин, присаживаясь рядом и укладывая на столик конфеты и цветы.

— О! — сказала женщина. — Кому это все?

— Тебе.

— Да-а-а? — протянула она. — Ты меня, оказывается, еще помнишь?

— Во всех подробностях.

— А откуда тебе известны подробности?

- Богатое, необузданное воображение.
— Или разнузданное?
— Можно и так сказать. Разнузданное воображение. Так мне нравится даже больше.
— От тебя несет бензином.
— Заправлялся только что, — ответил Апыхтин, не задумываясь. — А там лужа из бензина.
— Пива выпьешь?
— Да, сегодня на две-три кружки я заработал.
— Пей мое, сейчас еще принесу.
— Да я сам схожу! — поднялся было Апыхтин.
— Все равно я засиделась, — сказала Серкова и легко проскользнула между столиками к прилавку. Вернулась она через две-три минуты, поставила на стол два свежих бокала с пивом и спросила: — У тебя все в порядке?
— Да.
— Не хочешь поделиться своими победами?
— Нет.
— Я тебе нравлюсь сегодня?
— Гораздо больше, чем всегда.
— Ты, наверное, по мне соскучился?
— Гораздо больше, чем всегда. Ты выглядишь... просто обалденно. Прости за навязчивость.
— Это ты называешь навязчивостью?
— Сейчас я выпью пиво и начну навязываться по-настоящему.

— Тогда пей быстрее, — она, наконец, улыбнулась.

Юферев, сидя в десятке метров от них и отгороженный несколькими столиками, с интересом рассматривал парня, подсевшего к Серковой с цветами и конфетами. И хризантемы, и конфеты были неприлично дорогими, и это озадачивало следователя больше всего. Но когда Серкова с парнем поднялись и направились к машине, странное волнение охватило Юферева — ему показалось, что он встречался с ним не один раз, что тот хорошо ему знаком.

Но сколько не пытался следователь вспомнить, где, когда, при каких обстоятельствах он встречался с этим человеком, все было бесполезно — так и не догадался, кто это был. Единственное, что ему удалось, — записать номер машины, на которой уехала Серкова со своим кавалером. И еще заметил Юферев — это была не деловая встреча, уж как-то слишком интимно они шли к машине.

Опять же цветы, опять же конфеты...

Прежде чем вернуться домой, Апыхтин решил направиться к центральному рынку. Рядом проходила оживленная дорога, и киоски работали допоздна, тем более киоски, которые торговали водкой, пивом и прочими предметами первой необходимости.

— Подожди меня здесь, — сказал он Серковой, остановив машину у бордюра.

— Ты надолго?

— Пять минут. Подождешь?

— Давай, — сказала Серкова. — Пять минут я выдержу.

Апыхтин направился к сияющему ряду витрин, всматриваясь в лицензии, выставленные в витринах. Его интересовали киоски с водкой, а те, что торговали цветами, игрушками, дешевыми часами, бракованной электротехникой, порнокассетами, презервативами, книгами, воспевающими бандитскую жизнь новой России, он проходил, не останавливаясь.

Пройдя до конца ряда первый раз, Апыхтин не нашел того, что искал. Он уже хотел было оставить свою затею и вернуться сюда утром, но тут ему в голову пришла счастливая мысль — ведь все эти киоскеры знают друг друга, наверняка дружат или соперничают, перезанимают друг у друга товар, деньги, продавцов, девочек.

И он подошел к первому попавшемуся. В окошке Апыхтин увидел девчужку, совсем еще ребенка — и ее, выходит, подключили к ночной смене. Чем это кончится для девчужки, он хорошо себе представлял — ничем хорошим ночные смены кончиться не могут.

— Вахромеевский киоск где? — спросил он.

— Чей? — скривилась девчужка, решив, видимо, что ночной покупатель попросту пристает к ней.

— Гоша Вахромеев. Где его киоск?

— А, — она опять скривилась. — Через один направо.

— Спокойной ночи! — улыбнулся Апыхтин.

— Скажешь еще, спокойной... Ха!

В киоске направо действительно была водка. Здесь за прилавком тоже стояла девчужка.

— Ты, что же, одна здесь на всю ночь?

— А тебе-то что?

— Да так... Выпить захотелось.

— Бери, если захотелось.

— Не страшно одной-то?

Из глубины киоска, заставленного ящиками, коробками, бутылками, неожиданно возникла хмурая физиономия.

— Чего надо? — спросил мужик не то с нарочитой деловитостью, не то с плохо сдерживаемой угрозой.

— Водки.

— Какой?

— Старик, ты извини, конечно... Мне не так важно, какая водка, главное, чтоб бутылка была плоская, понимаешь? Чтоб в карман можно было сунуть.

— А, — мужик ослабил, и Апыхтин с дрогнувшим сердцем увидел знакомую щелочку между двумя верхними зубами. — Смирновскую возьмешь?

— Возьму, — охотно согласился Апыхтин, принимая из рук убийцы бутылочку и беря ее, как бы невзначай, за горлышко. — А нашей смирновской нет?

— Приходи завтра.

— Прямо с утра?

— Ну, ты даешь! — рассмеялся Вахромеев. — После обеда. Часа в три-четыре подвезу.

— Заметано! — расплатившись и держа бутылку за горлышко, Апыхтин направился к машине.

Следующей их остановкой стал пятиэтажный дом. Апыхтин вошел в первый подъезд, открыл без труда почтовый ящик Юферева, поставил туда плоскую бутылочку американской водки, изготовленной в Польше, снова закрыл дверцу и, убедившись, что никто не видел его за этим странным занятием, сбегал вниз, пересек двор и почти впрыгнул в машину. А проехав три квартала, остановился у телефонной будки и набрал номер Юферева.

— Саша? Привет! Апыхтин беспокоит.

— А, приехал, наконец! Завтра увидимся? Тут кое-какие события!

— У тебя в почтовом ящике бутылка водки. Будь с ней осторожен. Она вся в отпечатках. Бери только за горлышко, за металлическую пробку. Завтра ближе к обеду позвоню, и ты мне скажешь, чьи это отпечатки. Договорились?

— Конечно, но...

— Рад был слышать тебя, Саша! До скорой встречи! Будь здоров, дорогой! Побед тебе на всех фронтах!

Апыхтин торопливо восклицал все новые и новые прощальные слова с единственной целью — не дать произнести Юфереву ни слова. Это тоже входило в его планы. Апыхтин не мог показаться на глаза капитану, слишком уж он отличался от того банкира, которого знал Юферев. И он решил для себя, что никто не будет видеть его в таком виде, и знать, что это банкир Апыхтин. За малым исключением — один человек, возможно, увидит его возвращение к себе. Тот самый, который сейчас ждет его в машине.

В этот вечер Апыхтин больше не отлучался.

Глава 12

Проснулся Апыхтин, когда красавицы Серковой уже не было. Хризантемы стояли в трехлитровой банке, другой вазы в его холостяцкой квартире не нашлось. Посуда после вчерашнего ужина была перемыта и сложена стопкой на столике рядом с газовой плитой.

— И на том спасибо, — пробормотал Апыхтин.

Дела его в этот день были просты и невинны — в ближайшем овощном магазине купил на этот раз пятилитровую банку изпод соленых помидоров, отъехав несколько кварталов, на авто-

заправочной станции наполнил ее хорошим бензином и плотно закрыл большой капроновой крышкой. Заглянув в гастроном, купил коробок спичек.

Скотч ему не понадобился, и свечи оказались совершенно ни к чему. Ему вообще больше ничего не было нужно. Разве что немного терпения, но этого добра у Апыхтина хватало.

Спохватился он, лишь приехав к центральному рынку. Оказывается, ему нужна была еще одна вещь, простенькая, недорогая, которую он тут же на рынке и купил в лавке — висячий замок. Требование к замку тоже было простым — он должен легко закрываться. Такой замок нашелся — стальная петля была чуть ли не в мизинец толщиной и могла выдерживать любые нагрузки, даже если с ее помощью тащить железнодорожный вагон. Но передвигать вагоны Апыхтин не собирался, его затея была гораздо проще.

Вахромеевский киоск был уже открыт, и вчерашняя девчушка, заспанная и измятая, безрадостно подперев щеку, смотрела из окошка, как обезьянка из клетки. Судя по всему, хозяина в киоске не было, да и не могло быть. Апыхтин догадывался, где он, — на пожарище. Или же в юферевском кабинете дадут чистосердечные показания — брат врагов не имел, никто ему не угрожал, жизнь вел тихую и безупречную.

Вахромеев заверил его вчера — будет подвоз товара, поступит отечественная смирновская водка, конечно, такая же фальшивая, как и все в этом киоске, включая хозяина. Что бы ни случилось с братом, торговля дело святое, товар он заведет.

Прождав часа полтора, Апыхтин вышел из машины, запер ее и пошел прогуляться по базару. В отличие от прошлых времен, людей здесь было немного, зато овощей и фруктов... Столько он не видел даже на кипрских базарах — от самых диковинных экзотических плодов до картошки. Потом прошелся по мясным рядам, почти полчаса уделил инструментальным прилавкам и опять вернулся к киоску. Девчушка уже не торчала в окне, она прикорнула где-то в глубине, за картонными коробками. Заглянув сквозь витринные бутылки внутрь, Апыхтин сумел ее рассмотреть, но будить не стал.

— Ах да! — вспомнил Апыхтин, прошел в раскаленную на солнце телефонную будку, бросил в щель жетон и набрал номер.

— Слушаю, — сказал Юферев.

— Привет, Саша. Апыхтин беспокоит.

— Твою смирновку держал в руках убийца. — Юферев решил не терять времени на приветствия.

— Ты уже ее открыл?

— Конечно, нет.

— Почему? — и Апыхтин повесил трубку на ржавый горячий рычаг.

Вахромеев появился около трех, как и обещал. Подъехал к киоску с тыла на белом "жигуленке", быстро вышел и с силой постучал в железную дверь. Не дожидаясь, пока девчужка откроет, постучал снова, нетерпеливо и раздраженно.

Дверь открылась, показалась мятая мордочка. Вахромеев что-то сказал, вошел внутрь, захлопнул за собой дверь. Некоторое время не было никакого движения. Вахромеевская машина стояла не запертая, стекла были опущены. Значит, хозяин ушел ненадолго, вот-вот должен появиться снова. Так и произошло.

Вахромеев вышел один, постоял некоторое время в растерянности, вроде даже забыв, что должен делать дальше. В эти недолгие секунды Апыхтин впервые хорошо его рассмотрел. Как и брат, он был невысок ростом, с длинными сильными руками. Но сейчас они беспомощно висели вдоль туловища. Похоже, тлело перед его глазами пожарище, он наверняка уже там побывал и видел обгорелые кости, перетянутые медной проволокой.

Наконец Вахромеев словно стряхнул с себя оцепенение и, подойдя к машине, открыл багажник, выставил на асфальт три ящика с водкой и по одному занес в киоск, снова захлопнув за собой тяжелую дверь.

Апыхтин ждал. Но минуты шли, а из киоска никто не выходил — видимо, Вахромеев рассказывал о случившемся. Ожидание не тяготило Апыхтина. "Пусть посидят, — думал он. — Им есть, о чем поговорить. Пока они вечером балдели в киоске, брат уже пылал. Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря", — вдруг подвернулись слова, и Апыхтин с непонятным, странным наслаждением повторил их вслух. И понял, что готов действовать.

Он вышел из машины, обогнул киоски с тыльной стороны. Вахромеевский был грубее, бестолковее других, но зато надежнее, крепче, его невозможно было ни поджечь, ни взорвать. Дверь на приваренных петлях закрывалась и изнутри, и снаружи. В передней, витринной стороне, был вырезан квадрат, примерно метр на метр, и тоже закреплен на петлях. В поднятом состоянии крышку можно было подцепить крючком. Когда работа заканчивалась, крючок откидывали, крышка опускалась вниз и щелью надевалась на металлическую петлю. В эту петлю тоже вдевался висячий замок.

Апыхтин уже прошел мимо киоска, уже хотел было снова забраться в машину, но услышал за спиной грохот железной двери — девчужка выскочила из киоска и быстро пошла к трамвайной остановке. Дверь снова захлопнулась. Апыхтин услышал скрежет ржавой задвижки — Вахромеев закрылся изнутри. Уже когда девчужка была на остановке, до Апыхтина дошло — она была не просто заплаканной, а зареванной. Видимо, весть о гибели совладельца затронула и ее.

Не медля ни секунды, он быстро и озабоченно прошел к машине, подхватил с заднего сиденья тяжеловатую сумку на длинном ремне и приблизился к вахромеевскому киоску с тыла. Стараясь не звякнуть, не проскрежетать по двери, вставил в арматурные петли замок и повернул ключ. Прислушался. Все было спокойно. Видимо, Вахромеев, удрученный печальными событиями, ничего не слышал. Апыхтин обошел киоск и заглянул внутрь.

— Хозяин! — крикнул он.

— Ну? — показался из-за водочных ящиков Вахромеев. — Чего тебе?

— Меня помнишь?

— Ну... Вчера смирновскую покупал.

— Правильно, это я и есть. — Апыхтин наклонился, вынул из сумки пятилитровую банку с бензином, но оставил ее на земле.

— Ты же Вахромеев, правильно?

— Ну?

— Твой брат сгорел этой ночью?

— Откуда ты знаешь?

— Как же мне не знать, если я его и сжег. Ну, ты даешь, старик!

— Ты сжег моего брата?!

— Помнишь, два месяца назад вы с братом зарезали бабу и папана? Помнишь? Это были моя жена и сын.

— Ничего не знаю.

— Жена и сын. Дошло?

— Отвали!

— А брат признался. Деньгами пытался откупиться, пятьдесят тысяч долларов отвалил. Под доской у порога лежали. — Апыхтин поднял банку с земли и поставил на прилавок.

Вахромеев понял, наконец, что сейчас должно произойти, и бросился к двери.

— Напрасно, старичок... Все предусмотрено. И там, на небесах, уже решено. — Легким движением руки Апыхтин толкнул банку внутрь. Она упала на железный пол и раскололась, рассыпалась на мелкие стеклянные брызги. Бензин хлынул из нее душной волной и мгновенно растекался по всему киоску.

Вахромеев схватил какой-то молоток, принялся с грохотом колотить им в дверь. Апыхтин знал — бесполезно. Он достал из сумки коробок спичек, зажег одну и поднес к серным головкам остальных спичек. Тут же вспыхнуло пламя. И он бросил этот злобно шипящий огненный комок внутрь.

Бензин вспыхнул мгновенно и сразу охватил всю внутренность этого небольшого, в общем-то, киоска. Раздался нечеловеческий вопль, уже пылающий Вахромеев рванулся к окошку, чтобы выбраться наружу, но Апыхтин предусмотрел и это — он отбросил длинный крючок, поддерживающий желез-

ную крышку, и с силой захлопнул ее. А едва она упала на петлю, быстро просунул в нее толстую проволоку — и об этом подумал, предусмотрел, и об изогнутой пополам проволоке позаботился.

Огонь внутри гудел и рвался наружу изо всех щелей, крики в железном ящике становились все тише, сдавленное.

— Что там случилось? — Несколько прохожих подбежали к киоску, суматошно забегали вокруг.

— Замыкание, наверное. — Апыхтин пожал плечами и, подхватив свою сумку, отошел к машине. Он сел за руль, с соблюдением всех правил уличного движения выехал со стоянки на дорогу, влился в общий поток машин и, не увеличивая скорости, двинулся подальше от этого неприятного места, рядом с которым ему и находиться-то было противно.

Отъехав несколько кварталов, Апыхтин выбрал местечко потише, в тени деревьев и, прижавшись к бордюру, остановился. Здесь не шипел злобный огонь, не кричали отвратительными предсмертными криками, не воняло горелой человечиною, и никто не задавал глупых вопросов — что случилось, кто кричит, почему...

Апыхтин подошел к переднему номеру машины, скovyрнул черные нашлепки, вернув ему истинность и непорочность. Потом то же самое проделал с задним номером. Полотняную кепку, в которой пробыл весь день, бросил в ближайшую урну, темные очки в тонкой оправе, которые тоже не снимал с утра, опустил в канализационную решетку. Взяв с заднего сиденья синюю джинсовую куртку, он набросил ее на себя, сел в машину и двинулся в сторону сквера, к уже хорошо знакомой пивной.

— Принеси мне, мужик, пива, — попросил Апыхтин официанта. — Холодного. Бокал выбери побольше и налей поплнее.

— Отечественного?

— Знаешь, какое лучше.

— Ирландского?

— Да. И орешков.

— Тоже подороже?

— Я не знаю, что значит дороже. Говорю же — лучше.

— Понял. — И официант, сообразив, что сказал что-то не совсем уместное, испарился в знойном летнем воздухе.

Когда Апыхтин уже заканчивал свое пиво, к нему подседа Надя.

— Давно сидим? — спросила она.

— Да уже часа два, — привычно соврал Апыхтин, создавая себе алиби, которое, кто знает, может и понадобится в его жизни, полной риска и опасностей.

— Позвонил бы... Я могла раньше прийти.

— Лень, — улыбнулся Апыхтин.

— Ну, ты даешь! — рассмеялась Серкова.

-
- У тебя когда отпуск?
 - В сентябре.
 - А если с завтрашнего дня?
 - Меня попросту выгонят.
 - Пусть.
 - Не поняла?

— Я сказал, что если захотят тебя выгнать, пусть выгоняют. А мы с тобой в любом случае завтра уезжаем в отпуск.

— Я могу спросить — куда?

— В Грецию. Будем шататься по островам. В Греции столько островов, что все их посетить никогда не удастся. Но стремиться к этому можно. И на каждом острове есть маленькая гостиница, маленькая площадь на берегу моря. Каждый вечер на этой маленькой площади играет музыка, танцуют загорелые, веселые люди, пьют вино под названием Афродита, Венера, Афина... А утром маленький катер отправляется на другой остров. И оказывается, что именно на этом пятнадцатом или семнадцатом острове гораздо лучше, уютнее, чем на всех предыдущих.

— Потрясающе!

— А если нам не понравится катер, рыбаки перевезут под парусом на своей шаланде, или как там она у них называется.

— Надо же!

— Я не шучу. — Апыхтин смотрел на Серкову прямо и твердо. — Ты сейчас идешь в свою контору и подаешь заявление. Мы уезжаем утренним поездом в Москву.

— Я не успею собраться, — беспомощно проговорила Серкова.

— Все недостающее купим по дороге.

— Ты так богат?

— Да.

— Впервые слышу столь лаконичный ответ на столь бесцеремонный вопрос. Обычно отвечают уклончиво... Смотри что иметь в виду, смотря как понимать.

— Я достаточно богат, чтобы, не задумываясь, отвечать на подобные вопросы. Ты подашь заявление и уходишь, не ожидая ответа. У тебя есть полдня, чтобы собраться. Мы будем шататься по маленьким греческим островам, купаться на маленьких пляжах, питаться в маленьких ресторанах, останавливаться в маленьких гостиницах и наслаждаться обществом друг друга. У тебя есть заграничный паспорт?

— Да.

— Отлично. Виза в Грецию не нужна. Завтра утренним поездом мы отправляемся в Москву.

— Что-то случилось?

— Да.

— Тебе нужно срочно уехать?

— Да.

- Так бы и сказал.
- Вот и говорю.
- Мне грозит опасность?
- Нет.
- Но я же знаю, что мне грозит опасность! И ты это знаешь! — Серкова, кажется, впервые повысила голос.
- Ты спросила, я ответил. Обычно я отвечаю за свои слова.
- Да? Ну, ладно... Пусть так. Замнем. Бывают в жизни случаи, когда женщина просто должна молчать.
- Очень верное замечание.
- А, может, поехать на Кипр? Говорят, там совсем неплохо.
- Кипр отпадает.
- Почему?
- Закрытая для меня территория.
- Опять замолкаю.
- Мы едем?
- Да. — Серкова подняла голову, словно бросая вызов и Апыхтину, и собственной судьбе.
- Два пива, пожалуйста, — попросил Апыхтин у проходящего мимо официанта.
- И тот снова растворился, снова возник, поставив на стол два золотистых, пивных блика.
- Будем живы, — сказал Апыхтин.
- Во всяком случае, постараясь. — Серкова испытующе посмотрела на Апыхтина.

Дальнейшие события начали вдруг происходить с бешеной скоростью. Едва расставшись с Серковой в прохладной тени кленов, Апыхтин, не теряя ни минуты, помчался в агентство недвижимости "Квадрат", с помощью которого совсем недавно купил двухкомнатную квартиру.

— Моя фамилия Антонов, — сказал он. — Я купил у вас квартиру.

— Помним.

— Теперь я собираюсь ее продать. За это время цены выросли, но я согласен взять те же деньги.

— Нет проблем. Приходите завтра с утра, и мы все сделаем.

— Есть проблемы, — поправил Апыхтин. — Все нужно продать сегодня. Уступая квартиру за ту же цену, я дарю вам тысячу долларов. Вот я, вот мои документы, за стеной сидит ваш нотариус. Давайте поднатужимся, и за этот час вы заработаете тысячу.

Хозяин агентства, громадный, полноватый детина, некоторое время сидел молча, без выражения глядя перед собой, прокручивая в уме возможные варианты. Потом вздрогнул, часто заморгал глазами, и на веснушчатом его лице возникло такое выражение, будто он только что вернулся из каких-то далеких пространств.

— Заметано, — коротко сказал он и вышел.

Вернувшись через пять минут, молча положил перед Апыхтиным две пачки долларов.

— Здесь двадцать. Заметано?

— У меня еще есть машина. “Жигули”. Она новая и стоит пять тысяч долларов. Я отдаю за четыре, но сегодня и сейчас. Заметано?

— Точно новая?

— Ей месяц. Все документы при мне. Я готов подписать все, что вы мне подсунете. Но четыре тысячи — здесь и сейчас.

— Заметано.

— Несколько житейских подробностей, — сказал Апыхтин. — В этой квартире я еще переночую. Завтра утром выметусь.

— Годится, — кивнул хозяин.

— Там мебели на полторы тысячи долларов. Вы мне за нее дадите тысячу. Мебель новая, шведская, ей тоже месяц.

— Крутые перемены в жизни?

— Заметано? — спросил Апыхтин.

Хозяин молча поднялся и на этот раз отсутствовал десять минут. А, войдя, положил перед Апыхтиным уже совсем тоненькую пачку — десять стодолларовых купюр.

Не пересчитывая, Апыхтин все деньги бросил в сумку.

— Машина стоит во дворе, можете посмотреть.

— Видел.

— Завтра она будет стоять у моего дома, во дворе. Документы оставляю вам сейчас для успокоения, ключи будут в квартире. В кухне на гвоздике. Вопросы есть?

— Нас ждет нотариус.

Апыхтин прошел вслед за хозяином в соседний кабинет и через полчаса вышел с несколькими бумажками, которые подтверждали, что нет у него ни квартиры, ни машины, и ничто уже, ничто не связывает гражданина Антонова с этим городом. И даже выписываться не было никакой надобности — достаточно было поднести к паспорту зажженную спичку. Что Антонов, простите, Апыхтин, и сделал.

Да и был ли вообще когда-нибудь на белом свете гражданин Антонов?

Нет, не было такого. Похоже, и не будет.

Юфереву он позвонил уже из Москвы, из Шереметьево. Пока Серкова рассматривала диковинные витрины и лакомилась пирожными, он прошел в переговорный пункт и набрал номер следователя.

— Слушаю, — сказал Юферев суховаго.

— Апыхтин беспокоит.

— Очень приятно. — Следователь не был настроен разговаривать долго и подробно, видимо, происшедшие в городе собы-

тия полностью легли на его плечи. — Слушаю, Владимир Николаевич.

— Позвонил вот... Думаю, может, чего новенького на нашем фронте.

— У меня такое ощущение, Владимир Николаевич, что у нас с вами разные фронты. — Этот разговор у них сразу пошел на "вы".

— Ошибочное впечатление.

— Откуда звоните?

— Из Москвы.

— Возвращаться совсем раздумали?

— Нет, отчего же... Обязательно вернусь.

— Когда ждать?

— Примерно через месяц.

— Ну, что ж, вернетесь — заходите. Буду рад.

— Я слышал, у вас криминальные новости?

— Что вы имеете в виду?

— Граждане горят... Некоторые вместе с домами, другие — вместе с киосками.

— Это разные случаи. — Юферев вздохнул, из чего Апыхтин понял, что в своей догадке оказался прав — на следователя действительно эти события свалились всей своей тяжестью. — Разборки идут, передел собственности.

— Мне не кажется, что это совсем уж разные случаи, — сказал Апыхтин. — Мне кажется, что их можно как-то увязать вместе, соединить, и тогда, возможно, появится новый взгляд на вещи.

— Интересно, — усмехнулся Юферев. — Вы об этом в Москве услышали?

— Да. Здесь говорят, что у этих двух трупов есть нечто общее.

— Что же, интересно знать?

— Щелочка между зубами. Ведь она и на обгорелом черепе сохраняется, верно?

— Вы хотите сказать, вы хотите сказать, — зачастил Юферев, которого вдруг обдала волна холода, и озноб пробежал по всему телу. — Вы хотите сказать...

— До встречи, Саша. Я обязательно позвоню, как только окажусь в городе. — И Апыхтин повесил трубку.

В тот же день, ближе к вечеру он с Серковой уже был в Афинах. Они поселились в средненькой гостинице "Мираж", в центре города. И весь вечер до глубокой ночи ходили по ресторанчикам, кафешкам, забегаловкам, пили сухое вино и говорили об островах. А наутро отправились на эти самые острова и посетили их за месяц десятка полтора. Видели, как встает и садится солнце, в морской дымке видели проплывающие мимо острова.

Все это время Апыхтин не брился, за месяц у него выросла густая темная, уже вполне апыхтинская борода. Светлые воло-

сы на голове он выкрасил в темный цвет, новые не обесцвечивал, и они тоже отрасли темными, апыхтинскими. В первый же вечер в Афинах он купил себе прекрасные очки с чуть затемненными стеклами и тяжелой оправой.

Серкова смотрела на эти его превращения с немим изумлением, чувствуя, что ни о чем спрашивать не надо. Апыхтин постепенно возвращался к самому себе, и теперь любой человек, знавший банкира прежде, узнал бы его сразу и безошибочно. Прежний свой вес он не набрал, да и не стремился к этому, решив, что темного костюма для возвращения к старому своему облику будет вполне достаточно.

У Серковой, конечно, возникали вопросы, причем самые разные. Апыхтин это видел, и на все ее недоумения ответил однажды несколькими словами. Они плыли на тяжелой рыбацкой шхуне, солнце только что село, и наступили красноватые морские сумерки.

— Осенью поедем в Испанию, — сказал Апыхтин, будто продолжая давно начатый разговор.

— Меня наверняка выгонят с работы.

— Найдем работу.

— Возьмешь к себе? — спросила она, понимая, насколько многозначительно звучит ее вопрос.

— Возьму, — ответил Апыхтин.

— У тебя есть такая возможность?

— Да.

— Кто ты, Володя?

— Банкир.

— У тебя есть банк?

— Есть.

— Хороший?

— Не знаю. Оставлял я его в хорошем состоянии.

— Предстоят схватки?

— Авось.

— Ты победишь.

— Почему ты так решила? — удивился Апыхтин.

— Не знаю. — Она передернула загорелыми, темными в сумерках плечами. — Я не представляю сейчас человека, который бы справился с тобой.

— Я тоже, — признался Апыхтин.

Утром выяснилось, что ночевали они в гостинице на острове Гидра. Белый двор церкви, белая набережная, высокие, выложенные камнем берега, старинные пушки, и поныне, кажется, готовые дать отпор любым непрошеным гостям.

Апыхтин вышел из гостиницы, когда Серкова еще спала, разметавшись на громадной кровати, быстро нашел переговорный пункт и позвонил в свой банк. Он хотел поговорить с секретаршей.

— Алла Петровна! Здравствуйте!

- Боже! Владимир Николаевич!
- Да, это я. Как поживаете без меня?
- Беда у нас, Владимир Николаевич! Просто ужас какой-то. Что происходит, я не представляю! Все несчастья на наш банк.
- Что случилось?
- Покушение на Басаргина! Представляете, его машину расстреляли из автомата! Он ехал по своим делам, остановился на перекрестке, подъехала какая-то машина, и из автомата сразу по стеклам! Они тут же сорвались с места и умчались в неизвестном направлении! По телевизору каждый час передают приметы, но пока никого не задержали!
- Значит, этот отпадает, значит, не он...
- Не поняла.
- Это так, сам с собой веду беседу. Басаргин жив?
- Он в больнице, мы его уже проведали, принесли фрукты, овощи, курятину.
- В сознании?
- Пули попали в руку и в плечо! Он успел пригнуться, когда раздались выстрелы. Водитель убит, Владимир Николаевич. Пуля попала в голову. У нас такое несчастье, такое несчастье, я прямо не знаю, что делать!
- Кто исполняет обязанности Басаргина?
- Цыкин.
- А почему не Осецкий?
- Отказался! Жить, говорит, хочется! Ни в какую не согласился!
- Как Цыкин? Справляется?
- Справляется-то справляется, — кисло проговорила Алла Петровна, — но...
- Без блеска?
- Ох, без блеска, Владимир Николаевич. Приезжайте, ради Бога, побыстрее!
- Буду через несколько дней.
- Когда?
- Еще дня три-четыре дадите погулять?
- Конечно, Владимир Николаевич! Я всем скажу...
- Никому! — крикнул Апыхтин в трубку. — Вы меня поняли? Кроме вас, никто не знает и не будет знать, да?
- Конечно!
- Всего доброго, Алла Петровна.
- Апыхтин вышел на набережную, прошелся до гостиницы и снова вернулся к переговорному пункту. На этот раз он позволил начальнику охраны банка "Феникс".
- Федя? Апыхтин. Послушай. Еще одно деликатное поручение.
- Готов.
- У меня три заместителя. Ты их знаешь. Не поднимая большого шума...

— Я и маленького не подниму.
— Так еще лучше. Так вот, не поднимая никакого шума и не подключая к этому делу никого из банка, прощупай. Только осторожно!

— Готов!

— Есть ли у кого из заместителей какие-либо выходы на криминальных ребят. Соседи, дальние родственники, однокашники, любовницы.

— Понял!

— Буду на следующей неделе. Времени хватит?

— Вполне. Вы слышали про Басаргина?

— Слышал, но путано.

— Две очереди из двух автоматов. Он выехал из банка уже вечером. Темный перекресток, красный светофор, подъезжает “жигуленок”, и две очереди по стеклам. Водитель убит на месте, у Басаргина несколько ранений, но все не опасные для жизни. Выкарабкается мужик.

— Мотивы?

— Понятия не имею. По моему ведомству никаких зацепок.

— Цыкин что-то говорил об угрозах по телефону.

— Об этом говорил только Цыкин.

— Он сейчас замещает Басаргина?

— Да. Осецкий дрогнул.

— А Цыкин как? Не сдрейфил?

— Отчаянный мужик, Владимир Николаевич! Ему хоть бы хны! Но охрану усилил. Вдвое.

— Это правильно. Все, Федя! До скорой встречи!

— Ждем!

— Дождетесь, — с дурашливой угрозой прошипел в трубку Апыхтин.

Начальник охраны расхохотался, на том и расстались.

— Что нового в большом мире? — встретила его Серкова у порога гостиницы.

— Покушение на моего заместителя.

— Жив?

— Да.

— Мы срочно возвращаемся?

— У нас по плану еще два острова.

— Может быть, ты там нужен?

— Нет, я там не нужен.

Выйдя на набережную, они двинулись вдоль витрин. Апыхтин был весел, легок, казалось, он получил из банка не удручающие сведения, а самые что ни на есть приятные. Безделушки в витринах были диковинные, необычные. После долгих прикидок, колебаний и споров купили небольшое деревце, все листья которого были сделаны из разноцветных камней. Деревце сверкало в лучах утреннего солнца, камни искрились, от вещицы исходило такое радостное из-

лучение, что отказаться от покупки не было никакой возможности.

Глава 13

Помолодевший, похудевший, с короткой прической и небольшой бородкой, но Апыхтин, Апыхтин взбежал по ступенькам банка "Феникс" в темном профессиональном костюме и в тяжелых очках с затемненными стеклами. Его узнавали, к нему тянулись, его приветствовали.

— Здравствуйте, Алла Петровна! — И он поставил на стол секретарше литровую бутылку греческого коньяка с этикеткой, на которой красовались двенадцать золотых звезд.

— Владимир Николаевич! Я же не пью!

— Пора начинать!

— Как?! Прямо сейчас?

— Немедленно!

— Вы шутите...

— Конечно! Алла Петровна!

— Кого-нибудь пригласить к вам?

— Начальника охраны.

Пакин вошел, резко распахнув дверь, и, широко разведя руки в стороны, двинулся на Апыхтина. Тот в ответ поступил точно так же, и некоторое время они тискали друг друга, стараясь оторвать другого от пола.

— Прекрасно выглядите, Владимир Николаевич!

— Ты тоже не похудел, не отоцал! Садись. — Апыхтин показал на кресло у журнального столика.

Пакин грузно рухнул в кресло.

— Значит, так, Владимир Николаевич... Если иметь в виду ваше задание, то результаты озадачивают.

— Кого?

— Меня, например. Может, они и вам покажутся интересными.

— Говори быстрее, а то мне страшно!

— Все трое ваших заместителя имеют достаточно плотные контакты с криминальным миром.

— Так! — крикнул Апыхтин.

— Но, с другой стороны, ничего такого уж странного в этом нет, Владимир Николаевич. Все мы имеем контакты с криминальным миром, все подпитываемся от него или подпитываем его. Осмелюсь напомнить, вы и сами совсем недавно потеряли близкого друга Кандаурова, с которым, как мне помнится, сживали в этих вот креслах за рюмкой коньяка.

— Да, да, — согласился Апыхтин. — Тут я, похоже, промахнулся.

— Нужны подробности?

— Они уже не имеют значения.

В этот момент распахнулась дверь, и в кабинет ворвались два апыхтинских заместителя — Осецкий и Цыкин.

— Я вечерами снова с друзьями, некуда спешить мне больше! — пропел Осецкий прямо от порога и бросился обнимать Апыхтина.

— Ну, наконец-то, — произнес Цыкин и тоже обхватил Апыхтина поперек туловища. Обнимая его, Апыхтин с какой-то острой жалостью вдруг ощутил тощеватые лопатки. Видимо, досталось бедняге в последнее время.

— Что Басаргин?

— Оживает мужик! — радостно ответил Осецкий. — Краше прежнего становится!

— Он уже знает о твоём приезде, — добавил Цыкин. — Ждет.

— Посетим! — заверил Апыхтин. — Сегодня же! Сейчас же!

— Я пошел, да? — напомнил о себе Пакин.

— Да, Федор, ты свободен. Спасибо за службу! С меня причитается!

— Это хорошо, — лукаво кивнул Пакин.

Оба заместителя проводили его недоуменными взглядами и одновременно повернулись к Апыхтину.

— Уезжая, я дал ему небольшое задание, — пояснил Апыхтин.

— Какое? — вырвалось у Осецкого.

— Маленькое такое, деликатное задание, скорее просьба, нежели приказ... Попросил понаблюдать за людьми в банке... Кто как себя ведет, кто на кого работает, у кого какие связи, знакомства с криминальным миром... Ну и так далее.

— И мы были под колпаком? — обиженно спросил Цыкин.

— А вы-то здесь при чем? И потом — как он мог за вами наблюдать? Вы для него недоступны.

— И что же он такое высмотрел?

— У него интересные наблюдения. Не все просто, оказывается, в нашей конторе, не все так ясно и очевидно. Крутые сведения раздобыл наш Пакин. Кстати, и о покушении на Басаргина он знает куда больше, чем городские правоохранительные службы.

— Что же он такое знает? — спросил Цыкин.

— Говорит, что есть у него мысли о том, кто заказчик.

— Так пусть назовет! — воскликнул Осецкий.

— Назовет, — кивнул Апыхтин. — Вы ворвались в кабинет, и он вынужден был раскланяться. Наша беседа с ним только начиналась, но фамилии он успел назвать. — Чепуху нес Апыхтин, откровенную чепуху, и каждый внимательный слушатель сразу бы раскусил — пудрит мозги Апыхтин своим заместителям, вешает лапшу на уши, поскольку, не говоря ни

слова по делу, продолжает говорить о каких-то подозрениях, разоблачениях, свидетельствах. И добился своего — занервничали его заместители, заволновались.

— Это самое, это самое, — зачастил Цыкин. — Если он знает заказчика, то ведь надо принимать меры! Немедленно!

— Будем принимать, — ответил Апыхтин.

— Сейчас Цыкин у нас председатель банка, вот ему и поручить! — воскликнул Осецкий.

— Да на фиг мне твои поручения! — вдруг взвился Цыкин. — Есть для этого службы, пусть они и занимаются!

— Как ты сказал? — повернулся к нему Апыхтин. — На фиг? Что-то раньше я не слышал от тебя таких выражений. Больно круто ты выражаться стал. — Апыхтин с бесконечной добротой смотрел на Цыкина, и улыбка его становилась все шире, радостнее, будто, наконец, встретил он давнего знакомого, увидеть которого уже и не надеялся. В его глазах, в выражении лица появилась даже какая-то отеческая ласковость. Говори, дескать, говори, не останавливайся, готов слушать тебя часами.

— Эт самое, — запнулся Цыкин и обратился почему-то к Осецкому, хотя вопрос задал Апыхтин. — Посидишь в этом председательском кресле, не такими словами заговоришь.

— А кто тебя тащил в это кресло?

— А кто наделал в штаны, когда надо было это кресло занять?

— Я наделал в штаны, — расхохотался Осецкий. — Сначала удар по Володе. Прости меня, Володя, ради Бога, потом удар по Басаргину. И я понял — идет отстрел. Надо спасаться. В таких условиях вообще не стоило назначать председателя. Но возник гражданин Цыкин. Желаю, говорит, возглавить! Давно, говорит, мечтаю!

— На фиг мне слушать твой бред! — опять взвился Цыкин. — Басаргин в больнице, у тебя полные штаны дерьма, а кто-то должен подписывать бумаги! Володя, я прав? — повернулся он к Апыхтину.

— Прав тот, у кого больше прав. — Улыбка Апыхтина оставалась такой же любящей. — Напрасно ты, Игорь, катишь на него бочку.

— Да кто там на него катит! Просто радуюсь по случаю твоего возвращения!

— Отметить бы, — проговорил Апыхтин мечтательно, и понеслись, понеслись в его криминальной голове варианты, один другого соблазнительнее и коварнее.

— Посидим в ресторане? — предложил Осецкий.

— Да ну его, этот ресторан! — поморщился Апыхтин. — Насиделся я в ресторанах за последнее время. Видеть их не могу! На природу хочется.

— Давайте ко мне на дачу! — предложил Осецкий.

— Далеко она у тебя. Туда час, обратно час. Миша, до твоей сколько добираться? — повернулся Апыхтин к Цыкину. Понимал он и предчувствовал, что не соскользнуть тому с его многоопытного крючка, не соскользнуть. “Ох, Апыхтин, — подумал он, — каким же отморозком ты стал, каким отморозком! Все эти Вахромеевы по сравнению с тобой детишки малые. Что ж, значит, пришло время отморозков на всех уровнях”.

— Минут двадцать пять-тридцать, — ответил Цыкин.

— Приглашаешь?

— Хоть сегодня! — воодушевился тот.

— Сегодня, может быть, и рановато, а вот завтра... Неплохо бы! А Басаргина с нами отпустят?

— Отпустят! — заверил Осецкий. — Он уже в порядке. По палате ходит, по коридору.

— Охрана при нем?

— Неотлучно, — заверил Цыкин.

— Там же и речка у тебя есть? — спросил Апыхтин, стремясь застолбить, закрепить договоренность, чтобы Цыкину даже в голову не пришло переигрывать, менять что-то, переносить место встречи.

— Там, ребята, такая речка, такая речка... Воду можно пить прямо с берега.

— Этим мы и займемся, — невольно вырвалось у Апыхтина.

Будь его друзья повнимательнее, они наверняка обратили бы внимание, что уже не улыбается председатель правления банка, хотя складки на его лице еще хранят форму улыбки. Но это была уже не улыбка, это был оскал, спокойный и неотвратимо безжалостный. В эти самые секунды видел Апыхтин и берег реки, и двухэтажную дачу Цыкина, видел все, что произойдет там глубокой ночью, когда повеселятся друзья, выпьют достаточно и пойдут вдоль берега по узкой тропинке, когда можно случайно потерять друг друга из виду...

И надолго.

Мало ли что может случиться темной ночью на берегу быстрой и чистой реки, когда ни одного огонька вокруг, ни одной души.

А дача у Цыкина деревянная. В деревянной даче так хорошо дышится, так легко спится, так крепко, что даже и просыпаться некоторым вовсе необязательно. Зачем им просыпаться в такой даче, в такую ночь, когда остаются на земле верные и преданные друзья...

— Поехали к Басаргину, — весело сказал Апыхтин, сбрасывая с себя оцепенение. Он часто поморгал за темными очками, как бы стирая с глаз картины, которые еще только должны состояться, которых еще нет в природе. — Поехали, отморозки недорезанные!

-
- Это мы, что ли, отморозки? — спросил Осецкий.
— А кто же вы?
— Вообще-то да, — согласился Цыкин, раздумчиво склонив голову к плечу. — Возразить нечем.
— Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря! — яростно воскликнул Апыхтин уже в приемной.
— Спиши слова, Володя! — взмолился Осецкий.
— Нам много чего придется списывать в ближайшее время.
— Спишем, — легко согласился Цыкин, не зная еще, не догадываясь, с чем соглашается. ■
-

Уважаемые читатели!

Все последние годы редакция "Смены" стремилась удерживать подписную цену на возможно низком уровне. Но стремительное удорожание бумаги и всех полиграфических услуг вынуждают нас во втором полугодии все-таки пойти на повышение цены — при растущей инфляции это единственная возможность обеспечить полноценный выпуск всех запланированных номеров.

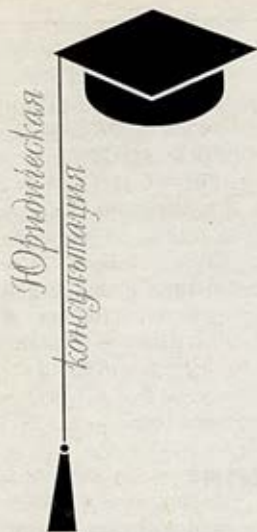
Обращаем ваше внимание, что подписка на "Смену" на второе полугодие 1999 года и для индивидуальных подписчиков, и для организаций будет производиться по одному индексу — **70820** (каталог "Роспечати"). Несколько индексов да еще в разных каталогах вызывали путаницу, задержку доставки и, естественно, справедливые жалобы. Надеемся, что таких нареканий станет меньше.

Напоминаем, что оформить подписку на "Смену" можно непосредственно в редакции с любого месяца.

Подписная цена одного номера с июля 1999 года — 23 руб. 50 коп., стоимость шести номеров — 141 руб.

Такая подписка дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию. Если же вы не сможете забирать журналы ежемесячно, ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика.

Телефоны для справок: 212-15-07, 250-49-98.

Буква закона не столь категорична

"У сына серьезные проблемы со здоровьем, поэтому вынуждена возить его на учебу в специальный интернат. К сожалению, подобных учебных заведений даже в Москве не много. Наш находится на другом конце города, и дорога туда занимает у нас почти два часа только в один конец. Хотела поменять квартиру на другую, поближе к интернату, но районные органы опеки и попечительства не дают разрешения. Дело в том, что новая квартира по площади несколько меньше нашей, приватизированной, и органы опеки считают, что такой обмен ущемит имущественное положение сына".

Ольга Куропаткина, Москва

Думаю, работники районного совета по опеке несколько переусердствовали. Конечно, закон

обязывает их заботиться о соблюдении прав несовершеннолетних и отстаивать их интересы, причем, интересы не только имущественные. Так, в описанном вами случае инспекторы должны были принять во внимание и интересы здоровья ребенка, которые, как мне кажется, еще более существенны, чем имущественные. Полагаю, вам следует обратиться в вышестоящий городской совет по опеке и попечительству, а если вопрос не решат и там, — то в суд. Кстати, отказ органов опеки дать вам разрешение на обмен квартиры можно трактовать как нарушение интересов здоровья ребенка.

Налог зависит от степени родства

"Отчим подарил нам с братом квартиру. Однако в налоговой инспекции с брата почему-то взяли значительно меньший налог на дарение, чем с меня. Разве это справедливо?"

Елена Никольская, Оренбург

Трудно судить о справедливости такого решения, не зная всех обстоятельств дела. Первое, что приходит в голову: отчим распределил свой дар между вами (и это зафиксировано в акте дарения) не пополам, а в неравных долях, определив вашу долю больше, чем для брата. А быть может, разница в сумме налога обусловлена тем, что брат является, в отличие от вас, родным (или усыновленным) ребенком вашего отчима. Ведь, согласно закону РФ "О налоге с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения", ставка налога на дарение зависит от степени родства: когда

родители дарят детям или наоборот, она ниже, чем в других случаях.

Эта льгота не для вас

"Раньше у меня как у родителя, имеющего на иждивении ребенка, из заработка вычитали минимальную зарплату, а уж потом рассчитывали подоходный налог. После развода подоходный налог стали брать с полной суммы заработка, без вычетов. Почему? Я ведь от сына не отказываюсь и алименты плачу исправно..."

Виктор Анисимов, Туанце

Вы, очевидно, имеете в виду льготу, предоставляемую законом РФ "О подоходном налоге с физических лиц" гражданам, имеющим детей или иждивенцев. Дело, однако, в том, что при расторжении брака эта льгота предоставляется тому из супругов, с кем проживают дети (Инструкция Госналогслужбы РФ № 35, зарегистрированная Минюстом РФ). Таким образом на другого супруга, независимо от того, платит ли он алименты или нет, вышеуказанная льгота не распространяется.

Пенсионер пенсионеру рознь

"Как бывший сотрудник исправительно-трудовой колонии я несколько лет после выхода на пенсию лечился в той же поликлинике МВД, к которой был прикреплен во время работы. Но в этом году мне почему-то предложили перейти на обслуживание в районную поликлинику. А там и очереди огромные, и всех необходимых специалистов нет. Да и, вообще, почему я должен ходить в но-

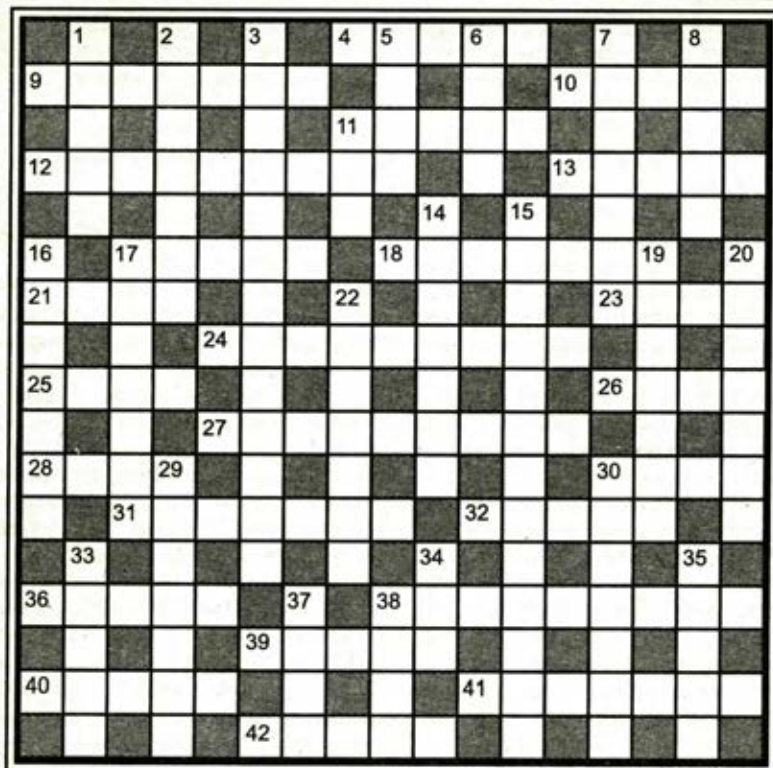
вую поликлинику, когда есть указ, по которому пенсионеры должны обслуживаться в тех ведомственных поликлиниках, к которым были прикреплены по работе".

Сергей Демченко,
Свердловская область

Как следует из вашего письма, вы около 10 лет проработали вольнонаемным инженером в ИТН и на пенсию ушли не со службы в органах МВД, а, как говорится, на общих основаниях. Согласно же новой редакции закона РФ "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы" и Положения о службе в органах внутренних дел РФ, к поликлиникам МВД теперь прикрепляются лишь те сотрудники уголовно-исполнительной системы, что имели специальные звания и были уволены со службы с правом на пенсию. На вольнонаемных это правило не распространяется, поэтому вы и утратили право на обслуживание в поликлинике МВД.

Правда, есть указ президента РФ от 30.04.96 г. "О дополнительных мерах по реализации федерального закона "О ветеранах". В нем, действительно, предусмотрено сохранение бесплатного медицинского обслуживания пенсионеров, прикрепленных к ведомственным медицинским учреждениям. Но речь идет лишь о тех, кому данная льгота положена по закону "О ветеранах" – вы же, насколько можно судить по вашему письму, не являетесь ни ветераном войны, ни ветераном труда. ■

Владимир МИХАЙЛОВ,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

ЭРУДИТ

По горизонтали. 4. Народный певец и сказитель у казахов. 9. Хуже тюрьмы. 10. Валюта, о которой М. Салтыков-Щедрин писал, что за "нее в Европе и сегодня ничего не дают, а скоро будут давать в морду". 11. Интересно, разнообразно, ярко и красочно; оно освобождает, а не накабалает. 12. Продукт, предшествующий зарождению рановой клетки. 13. Один из товаров в коробушке, которыми купец соблазнял Натю. 17. Колли, прославленная канадским сериалом на весь мир. 18. Камень, которым можно мостить площади, но не проезжие дороги, так как время его полирует. 21. Имя Затертого, прожженного мерзавца из романа И. Гончарова "Обломов". 23. Пролив между озерами, старицами в дельте Волги. 24. Каждый из тех, кто во время войны вывозил людей, продукты и технику в тыл. 25. Кризис, депрессия, оживление, подъем (совокупное название). 26. Детская "намера хранения". 27. Рвач высшей квалификации. 28. Газ, пускающий рекламную пыль в глаза. 30. Великий японский поэт, учивший, что стихотворение "нужно писать, опережая мысль". 31. Американский биохимик, получивший вместе с

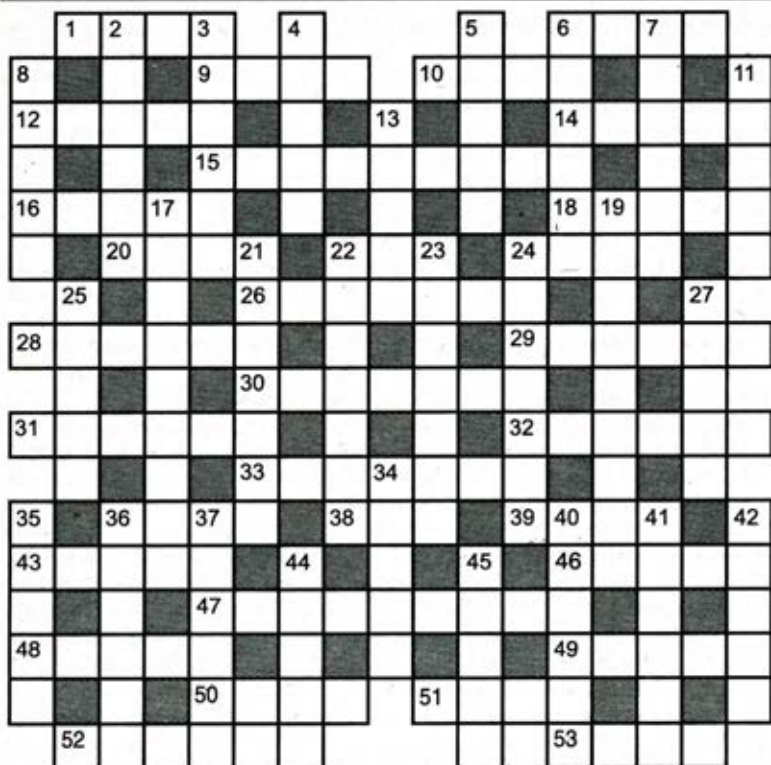
У. Стэнли Нобелевскую премию "за выделение в чистом виде вирусных белков". 32. Художник, в котором С. Малларме видел "необычайное умение" "найти и выразить загадочное в обыденном". 36. Цветок на белом поле бурбонского знамени (отсюда, кстати, и название белого движения в России). 38. Лучший из русских поэтов — современников В. Набокова, по его мнению. 39. Токсин, из-за которого вблизи грецкого ореха не растут другие деревья. 40. Временное погружение в хмельную стихию. 41. Немецкий гроссмейстер Ж. Мизес однажды сказал: "Ни у кого шахматы не были более искусством и творчеством, чем у ..." (русский шахматист). 42. Материальная ценность в индийской философии.

По вертикали. 1. Первая жена Ивана Бунина. 2. Птица, не умеющая ходить. 3. ..., голод, жандра, половое чувство, страх — объекты инстинктивного поведения, за которые отвечает гипоталамус. 5. Старинное название июня по календарю. 6. Погубитель Айседоры Дункан. 7. Способ рыбной ловли в чехословацком рассказе "Налим". 8. Дальневосточный народ, чьи знахари ценят у деревьев надземные части, а у трав — подземные. 11. Собака с Тибета, о которой Марко Поло писал, что она достигает величины осла и обладает мужеством леопарда. 14. Основное население индийского штата с административным центром Бомбей. 15. "... в дружбе — это обманувшееся корыстолюбие" (Энзюпери. "Цитадель"). 16. Самоцвет, камень ученых. 17. Жрец, призывавший троянцев низринуть с обрыва деревянного коня ахейцев и даже ударивший по нему копьем. 19. Рыцарь короля Артура, освободивший Ирландию от Моргоута (чудовища типа греческого Минотавра). 20. Цветок для венка в гербе Швеции. 22. Искривление позвоночника, от которого можно избавиться в детстве гимнастикой, подвижными играми, правильной мебелью. 29. Русский просветитель, отдавший на помощь голодающим все свое состояние. 30. Гусарский поручик, которому Д. Давыдов написал сатирическое послание "О ты, убивший жизнь в ученом кабинете". 33. Распределитель воды в Средней Азии, чьи поля обычно лежали в конце водораспределения. Плохим считали того, у кого они либо засыхали, либо заблачивались. 34. Работник с толстой шеей и крепкими нервами. 35. В. Рентген по профессии. 37. Экстаз по пьяной лавочке. 38. Живописец, самый известный из так называемых малых голландцев. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. 4. Желтушник. 9. Эстонец. 11. Кондратьев. 12. Ростовщик. 14. Ватага. 15. Сонет. 16. Малахит. 21. Испуг. 22. Андалусия. 25. Юрок. 28. Вест. 29. Хулиганье. 30. Лидер. 35. Толстой. 36. Энсор. 37. Ушанов. 40. Лоуренсий. 41. Микроцефал. 42. ...церковь... 43. Акварин.

По вертикали. 1. Остолоп. 2. Достоевский. 3. Черви (масть). 5. Едок. 6. Тодд. 7. Шпагат. 8. Ильхан. 10. ...овраг. 11. Китай. 13. Гарна. 14. Витамин. 17. Бутанов. 18. Гувернантка. 19. Тис. 20. Нюх. 21. Иол. 23. Сер. 24. Ять. 26. Рум. 27. Пьеса. 31. Сокол. 32. ...молитва... 33. Фурма. 34. Заснок. 35. Тотора. 38. Арсен. 39. Щена. 40. Ласи.

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. "...и Зулейха" — литературно-фольклорный памятник народов Востока. 6. Соперница Черта в поздней опере А. Дворжана. 9. Знаменитый скульптор-анималист, создавший рельефы памятника И. Крылову в Летнем саду. 10. "Территория любви" и пренжнее название Улан-Батора. 12. Случай, вышедший из рамок. 14. Царь самоцветов в древней Индии. 15. Предшественник капитализма. 16. Певец, исполнивший заглавную роль в фильме "Великий Карузо". 18. Женщина, чье сердце однажды легко понорил Киса Воробьянинов. 20. Польский языковед-славист. 22. Рена на юге Пакистана. 24. Крестьянин как работник в страдную пору. 26. Металл, который Ж. Бюффон считал смесью золота и железа. 28. Змея с самым развитым ядовитым аппаратом. 29. "Соленый" химический элемент. 30. Деятель английской Реформации, сгоревший на костре. 31. Заменимый австрийский поэт, работавший секретарем О. Родена. 32. Птица, плачущая в дупле. 33. Высокая

кормовая трава. 36. Мать Энрики в сказке Д. Родари "Транзисторная кукла". 38. "Веснушки" на бублике. 39. Ткань, названная по шотландской рене. 43. Неджентльменское выяснение отношений. 46. Обноски. 47. Красное вино, особенно портвейн, на языке любителей поддаться. 48. Бассейн для огурцов. 49. Аббат в романе Ж. Санд "Пиччинино". 50. Сказочный скакун Ивана-царевича. 51. Форма лекарства. 52. Самоцвет, каним еще десять лет назад в Орске мостили дороги. 53. Самое праздничное в России дерево.

По вертикали. 2. Художник-постимпрессионист, чья фамилия происходит от названия итальянского города, откуда во Францию прибыли его предки. 3. Соль в составе важных минеральных удобрений. 4. Птица, которой заслушивались при царском дворе России. 5. Средство от сутулости, употребляемое внутрь, как пошутил однажды юморист. 6. Опера Ж. Бизе. 7. Трава, чей очень полезный отвар вкусен как чай. 8. Место, где сидят от звонка до звонка. 11. Стихотворение А. Пушкина, отбрасывающее философию действительности. 13. И в конце дня, и в конце жизни. 17. Профессия Фигаро. 19. Преобладающее начало в цепи событий. 21. Безворсовый ковер-картина. 22. Половина игры в футболе или хоккее с мячом. 23. Немецкий канцлер, пророчески сказавший: "Европа еще наплачется с этим бухгалтером Марксом". 24. Художник, рисующий картины на бытовые темы. 25. Прическа; снимаемая на ночь. 27. Недуг от недостатка витаминов. 34. Способ передвижения "по Европам". 35. Важный уназ императора или короля. 36. Светлого мая привет. 37. Развлечение. 40. Ложь. 41. Каждый из сибирских народов, плативших ясак. 42. Самый почитающий Бандеру областной центр Украины. 44. Министр сансонского курфюрста Августа III, руководивший закупкой картин для Дрезденской галереи. А его собственная коллекция приобретена для Эрмитажа. 45. Немецкий композитор, в юности ставший учеником Вива, пораженный виртуозным мастерством его девятилетней дочери Клары.

Составил **Г. ПАХОМОВ,**
Воронеж

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. 5. Мичман. 7. Станок. 8. Бройлер. 9. Матрона. 12. Дно. 15. Тромбон. 17. Шамберьер. 18. Правнук. 19. Эмбрион... 22. Узбек. 23. Конституция. 24. Снег. 26. Хвоя. 27. Оберег. 28. "Фитиль". 29. Серп. 32. Югер. 35. Олдермастон. 37. Юрист. 38. "Валенки". 40. ...нипарис... 41. Англичане. 42. ...Булахов. 43. Гай. 46. Ансанал. 47. Охрана. 48. Почерк. 49. Охапка.

По вертикали. 1. Зимородок. 2. Шмель. 3. Завтрак. 4. Ворожба. 6. Норд. 7. Сумо. 8. ...Бомарше. 10. Абразив. 11. Примус. 13. Живчин. 14. Тетеря. 16. Просвещение. 17. Шуфутинский. 20. Новелла. 21. Чичинов. 25. "Топ". 26. Хью. 29. Сирень. 30. ...русалка... 31. Им-пала. 33. "Гренада". 34. Ректор. 36. Наручники. 39. Участок. 40. Книксен. 43. Глюк. 44. Ионо. 45. "Ермак".

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
VIII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

64. В. НОВАЛЕНКО
г. Большой Камень
Приморского края

2

65. Ф. КАПУСТИН
пос. Роза, Украина

2

66. Н. ЧЕРНЯВСКИЙ,
В. СУХНЕВ
Украина/Россия

б) Лf3+→Се6 # 2

67. Н. АНИМОВ
г. Щучинск, Казахстан

3

68. В. ЛЕКАХ
Обнинск Калужской обл.

3

69. В. ВОИНОВ
Кустанай, Казахстан

б) Кa7-a5 # 3

70. С. НОВАЛЕВ
Барнаул

4

71. А. ШАХНАЗАРЯН
Керчь, Украина

4

72. М. МАРАНДЮК,
В. МЕЛЬНИЧЕНКО
Украина

9

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, опубликованных в "Смене" № 11-12, 1998

133. З. Гнат. а) 1. Нe5, б) 1. Нb4
 134. В. Симонов. 1. Кd7
 135. В. Сонин. 1. Фb4
 136. М. Новачевич. а) 1. Фa3, б) 1. Фe1, в) 1. Фh4
 137. М. Чернушно. 1. Нb4 1. Кd4? Лb3!
 138. Г. Мосиашвили. 1. Кd2! 1. Лe3? Крf4!
 139. Л. Лебедев. 1. Лh1 Крг2 2. Крf4, 1...Крг4 2. Крf2
 140. В. Сушков. 1. g5 Cd7 2. g6, 1...Ce4 2. He5
 141. А. Голубев. 1. Кc3 dc 2. Нb3, 1...d3 2. Крг2
 142. Г. Мосиашвили. а) 1. Cf1 Крe4/Крд5 2. Сс4/Сd3; б) 1. Лb6 Крд5/Крс4 2. Сd3/Се4; в) 1. Сg2 Крс4/Крд3 2. Се4/Сd5; г) 1. Лf2 Крд3/Крe4 2. Сd5/Сс4
 143. Ю. Сушков. 1. Крс5 d6 2. Крд6, 1...f4 2. Фd3
 144. В. Желтоножко. 1. Са3 Крf8 2. Крс6, 1...f6 2. Фf6; 1. Фf1? Крf8!; 1. Фa7? h3!
 145. Г. Егоров. а) 1. Сс8 (2. Фe6) Крe4 2. Фe3; б) 1. Крс3 f4 2. Фg6; в) 1. Сс5 f4 2. Фg5
 146. В. Мельниченко. 1. Лh2 (2. Ла2) Сb6 2. Лbb6, 1... Cf2 2. Лf2
 147. Л. Пронин. 1. Сb5 Крe4 2. Фf1, 1...Крe6 2. Фf1
 148. В. Желтов. 1...Крс6 2. Нb6 Крс7 3. He4 Крс6 4. Лс5х, 1. Кс5 Крс6 2. Крb8 Крb6 3. Нb7 Кра6 4. Лd6х
 149. М. Налгин. 1. Нf4 Сd5 2. Нd3, 1... Ch3 2. Нh3
 150. А. Боровнов. (Черн. Кра2) 1. Лb3 d5 2. Лd3 Крb1 3. Лd1, 1...d6 2. He3 d5 3. Ла3
 151. В. Антипов. 1...Крд4 2. Крf5 Крд5 3. Лс7 Крд6 4. Се5; 1. Лg3 Крf4 2. Крд5 Крf5 3. h4 Крf4 4. Се5
 152. А. Варицкий. 1. Кг4 Крe4 2. Фe3 Крf5 3. Сd7 Крг6 4. Се6, 1...d2 2. Фd2 Крс5 3. Фe5 Крд6 4. Фb6, 2...Крe4 3. Фf2 d4 4. Фf6
 153. З. Гнат. 1. c7 Кра7 2. c8C Крb8 3. Кс3 Кра6 4. Крс7 Кра7 5. Нb5
 154. Е. Марков. Лd4, 1. Лd6? Лb6!
 155. С. Радченко. а) 1. Нf2, б) 1. d4
 156. А. Черненко. 1. Кd6
 157. Ю. Сушков. 1... Крс4 2. Крд2; 1. Крe2 Крс4 2. Крд2, 1...e3 2. He3
 158. В. Воинов. 1. Нf8 Лh6 2. Нh7, 1...Крh6 2. Лg6, 1...g5 2. Нf6
 159. Е. Ранов. 1. Лd8 Крд4 2. Сb5, 1...b4 2. Лb8, 1...g4 2. Лg8
 160. В. Руденко. 1. Нf5 Ch2 2. Сd4, 1...Cd4! 2. Сd6!, 1...Ca1 2. Сd6, 1...Cd6! 2. Сd4!, 1...Cf4! 2. He7, 1...Cf6! 2. He3
 161. Г. Козюра. 1. Нh2 Сg7 2. g6, 1...Cf6 2. gf, 1...Ce5 2. de, 1...Cd4 2. Крд4
 162. М. Чернушно. 1. c7 Лd8 2. cdЛ!, 1...Лb8 2. cbCl, 1...Лс7 2. Сс7
 163. Г. Шиннаренко. 1. f7 Крh7 2. f8Л Крг7 3. Фf7, 1...Лg8 2. fgC Крг7 3. Фf7, 1...Лg7 2. f8H
 164. Ф. Напустин, Л. Любашевский. 1. Фe4 Крf7 2. Фh7 Крe8 3. Крe6 Лf7 4. Фf7; 1. Крe6? O-O-O!
 165. Ю. Сушков. 1. Фf7 d4 2. Кг5 Крe5 3. Фe6 Крf4 4. He4 Крf3 5. Фf5 Крг2 6. Фf2, 1...e6 2. He1 Крe5 Фf8 Крe4 4. Кd3 d4 5. Крс2 Крд5 6. Фс5
 Победителями конкурса решения шахматных задач "Смена-98" по сумме результатов стали: **Ю. КАРТАШОВ** (Санкт-Петербург), **В. КОЖАКИН** (Магадан), **А. МОТОВИЧЕВ** (Архангельск), **Г. ПОПОВ** (Якутск), **В. СИМОНОВ** (Самара). Они награждаются дипломами журнала "Смена" и нижними призами.
Редакция поздравляет победителей и желает им новых успехов!

Как вы относитесь к успехам и неудачам?

Так хочется добиться успеха и избежать неудач, чтобы чувствовать себя увереннее. В каждом из нас борются стремление к успеху и страх неудачи. И от того, что окажется сильнее, зависит наша личная жизнь и карьера. А какое желание преобладает у вас: добиться успеха или избежать неудачи?

Из трех вариантов ответов выберите наиболее для вас подходящий.

1. Как сказывается на вашем настроении неудача:

- а) стану еще собраннее;
- б) не знаю;
- в) наступит апатия.

2. Для того, чтобы выполнить работу, вам необходимо получить:

а) четко сформулированные требования;

б) подробный алгоритм действий;

в) общую задачу.

3. Для вас самое важное — качественно выполнить свою работу, даже наперенор мнению товарищей по работе:

- а) да, несомненно;
- б) смотря какие разногласия;
- в) отношения с сотрудниками важнее.

4. Если в свободный вечер вам удастся сесть поиграть в карты с друзьями, вы предпочитаете:

- а) игру ради развлечения;
- б) игру, где нужно думать;
- в) мне все равно.

5. Если бы у вас была возможность регулярно заниматься спортом, вы бы предпочли:

а) спортивные игры один на один;

б) командные игры;

в) любые занятия.

6. Если вам предложили выгодное, но довольно рискованное дело, каков будет ваш ответ:

а) трудно сказать;

б) риск не для меня;

в) пожалуй, рискну.

7. Что вы чувствуете, когда попадаете в неопределенную ситуацию:

а) любопытно, чем все закончится;

б) каждый раз по-разному;

в) беспокойство и волнение.

8. Какую тактику вы выбираете, когда у вас много работы:

а) хватаетесь за все дела сразу;

б) по очереди делаю все дела;

в) как получится.

9. Чем вы предпочитаете заняться, если вдруг заболели и приходится целый день сидеть дома:

а) почитаю или поработаю;

б) расслаблюсь и ничего не буду делать;

в) не знаю.

10. Вы, разумеется, знаете, чего бы хотели добиться в жизни, но вместе с тем вы:

а) больше мечтаете;

б) что-то делаете:

в) и то, и другое.

КЛЮЧ К ТЕСТУ

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
а	7	1	7	1	7	4	7	1	7	1
б	4	7	4	7	1	1	4	7	1	7
в	1	4	1	4	4	7	1	4	4	4

Суммируйте баллы. Если у вас получилось:

10-29 баллов. Вы человек с высоким чувством долга. Очень дорожите мнением окружающих, ответственны. Однако вы скромны и не уверены в себе, и люди могут не заметить многих ваших достоинств. Вы не любите рисковать, боитесь потерпеть фиаско. Предпочитаете довольствоваться малым и не подвергать себя опасности.

Вы так стараетесь избежать неудач, что не предпринимаете

никаких попыток достичь своих целей. Подумайте, может стоит доверять себе больше, и относиться к неудачам философски? Тогда, возможно, удача повернется к вам лицом.

30-59 баллов. Вы из тех людей, кто стремится к успеху и не сидит сложа руки. Однако у вас хватает осторожности и рассудительности, чтобы не ввязаться в авантюру. Вы обладаете способностью предусмотреть возможные промахи, а если случаются ошибки, вы умеете извлечь из них урок на будущее.

60-70 баллов. Вас можно назвать человеком уверенным в себе. Вы достаточно упорны в достижении своих целей, способны принимать важные решения, не перекладывая ответственность на других, не боитесь рисковать, действуете энергично в критических ситуациях. Однако вам следует следить за тем, чтобы уверенность не переросла в самоуверенность, потому что тогда вы превратитесь в человека, который не переносит критики и чужих замечаний, переоценивает свои возможности, способен на необдуманные высказывания и поступки. ■

Подготовила

Елена ЕВДОКИМОВА.

Ее работы не характерны для станковой живописи. Не боясь эклектики, она смело соединяет портрет, натюрморт, пейзаж — ей тесно в рамках одного жанра. Каждое полотно — это придуманная история, а прототипами героев становятся друзья и знакомые с их сиюминутными настроениями и чувствами. Совершенно свободно она придумывает то, чего не бывает в жизни, а реальные впечатления лишь помогают добиться правдоподобия.

По профессии Стелла Дененмарк — художник кино. И это не случайно. Ведь кинематограф дает больше возможностей для самовыражения, так как "киношные" композиции более условны, чем станковая живопись.

Она родилась в Пензе. Родители с вниманием отнеслись к первым рисункам единственного чада. В доме стали появляться книги по искусству, журнал "Юный художник".

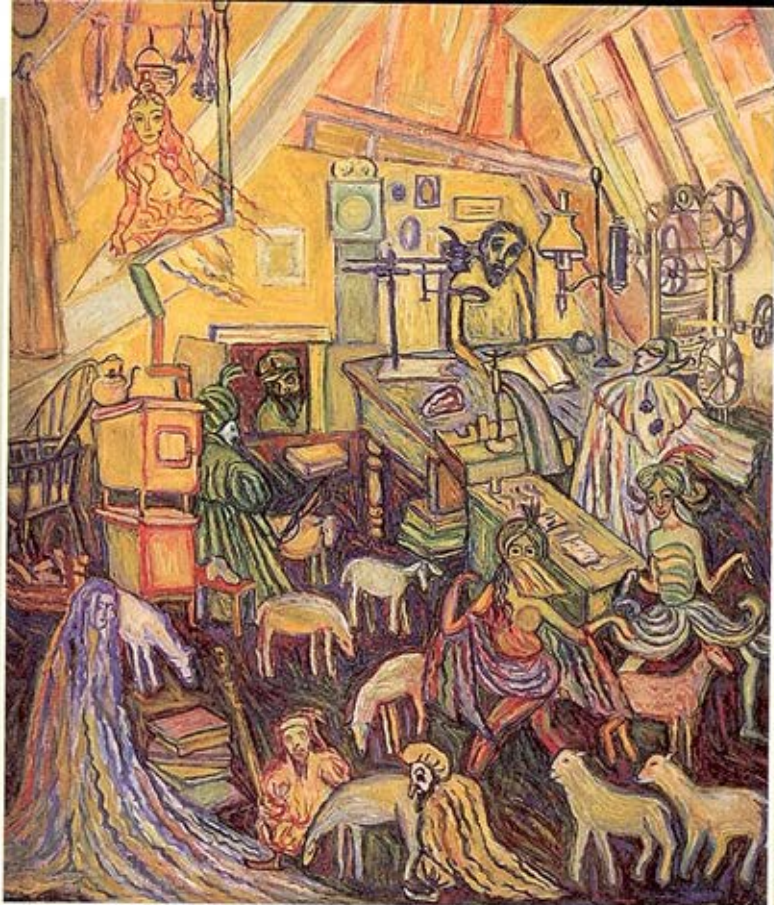
"Желая мне добра, родители приобрели альбом Матисса. Ведь у него такие простые рисунки, с них проще копировать. Для начала я стала перерисовывать женский портрет. Над несколькими линиями просидела целый день. И много позже, уже учась в художественном училище имени Савицкого, поняла, какой это адский труд — копировать шедевры таких великих рисовальщиков, как Матисс или Модильяни".

В художественное училище ее приняли со второй попытки, но зато сразу на два факультета: живописный и театральный.

"После училища я поступила во ВГИК. Но сейчас наш кинематограф испытывает определенные сложности, потому пытаюсь работать в театре. Переход от кино к театру раньше казался очень сложным, а сейчас понимаю, что, несмотря на некоторые различия, подобная смена даже полезна. Не нужно загонять себя в какие-то конкретные рамки. Когда я не работаю, честно говоря, начинаю болеть. Ведь только живопись пробуждает во мне сильные эмоции и чувства, вырывает из повседневности.

И для меня важно донести свое мироощущение, тревоги и радости до зрителя без вранья".

Юлия ГЕРРА

Гости в мастерской. 1991

Девочка с собачкой. 1997

Некоммерческая организация
"Негосударственный пенсионный фонд"

"ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ"

(Государственная лицензия № 11 от 27 октября 1995 года)

НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" — один из ведущих в России негосударственных пенсионных фондов.

Учредители Фонда:

ОАО "ЛУКОЙЛ";

ОАО "Нефтяной фонд промышленной реконструкции и развития";

Международное объединение профсоюзных организаций ОАО "Нефтяная компания "ЛУКОЙЛ"

С 1997 года Фонд начал выплату негосударственных пенсий. В настоящее время пенсию получают пенсионеры, проживающие в 11 регионах России.

НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" предлагает самые разнообразные пенсионные схемы для предприятий всех форм собственности и физических лиц.

Для защиты пенсионных накоплений от инфляции фондом производится индексация размера негосударственной пенсии на всем протяжении ее выплаты. С апреля 1999 года размер негосударственной пенсии Участников Фонда увеличен на 15%.

Наш адрес: 123022, Москва, ул. Красная Пресня,
дом 44, стр.2

Телефоны: (095) 929-95-21, (095) 929-95-22

Факс: (095) 929-95-20